МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

УЛЬЯНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ ИМЕНИ И. Н. УЛЬЯНОВА

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

СЕРИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

ТОМ XXII

ВЫПУСК 1

ПРИВОЛЖСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1966

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

УЛЬЯНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ ИМЕНИ И. Н. УЛЬЯНОВА

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

СЕРИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

ТОМ XXII

ВЫПУСК 1

ПРИВОЛЖСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1966

Том XXII «Ученых записок» УГПИ
состоит из двух выпусков.
В нем в основном публикуются
работы аспирантов.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

кандидат философских наук Т. Н. Торбяк (главный редактор), кандидат исторических наук М. А. Богданов, кандидат исторических наук Э. М. Серлин.

Т. Н. ТОРБЯК

СООТНОШЕНИЕ УБЕЖДЕНИЯ И ПРИНУЖДЕНИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД ОТ КАПИТАЛИЗМА К СОЦИАЛИЗМУ

Социалистическое государство является главным оружием трудящихся в борьбе за построение коммунистического общества. Разработка вопросов, связанных с методами государственного руководства советским обществом, выяснение характера соотношения методов принуждения и убеждения на разных этапах развития Советского государства имеет важное теоретическое и большое практическое значение. Значимость разработки этой темы определяется, во-первых, практическими задачами коммунистического строительства в нашей стране, требующими неуклонного совершенствования методов деятельности государственных органов; во-вторых, необходимостью выделить общие закономерности соотношения принуждения и убеждения в деятельности Советского государства и специфические особенности, вызванные конкретно-историческими условиями социалистического строительства в СССР; в-третьих, необходимостью разоблачать буржуазную клевету и нападки на социалистический строй, давать отповедь попыткам ревизионизма и догматизма извратить существо теории и практики социалистического государства.

Длительное время в нашей литературе вопросу о методах деятельности Советского государства не уделялось должного внимания. Это привело к тому, что и после победы социализма в практике отдельных звеньев местных государственных органов преувеличивалась роль административных методов руководства советским обществом, метод убеждения, как основной метод государственного

руководства, в период строительства социализма и коммунизма не был достаточно теоретически разработан.

С восстановлением ленинских норм партийной и советской жизни получили свое дальнейшее развитие методы государственного руководства советским обществом, основанные на убеждении, на силе положительного примера, на большой воспитательной и организаторской работе органов государства и общественных организаций.

С этого времени в литературе стали появляться работы, анализирующие соотношение методов принуждения и убеждения в жизни нашего общества[1]. Однако вопрос о методах деятельности Советского государства до сих пор больше рассматривался юристами, нежели философами. Например, на научной конференции в ВПШ при ЦК КПСС член-корреспондент АН СССР П. Ромашкин сделал доклад на тему «О роли убеждения и принуждения в Советском государстве», в котором основное внимание уделил диалектике принуждения и убеждения в социалистическом праве[2]. В аналогичном плане написана работа доктора юридических наук Б. С. Маньковского «Соотношение принуждения и убеждения в период строительства коммунизма и советская общественность»[3].

В данной статье делается попытка рассмотреть соотношение методов принуждения и убеждения в деятельности социалистического государства вообще и Советского государства в частности в переходный период от капитализма к социализму.

Методы деятельности социалистического государства

Вопрос о соотношении убеждения и принуждения в деятельности Советского государства в переходный пе-

---

[1] Ц. Ямпольская. О принуждении и убеждении в Советском административном праве. Сборник «Вопросы Советского административного и финансового права», 1952. Галанза П. Н. О принуждении и убеждении в Советском социалистическом праве. «Вестник Московского университета», 1954, № 11 и др.

[2] Советская общественность на страже социалистической законности. Изд. ВПШ и АОН при ЦК КПСС, М., 1960. См. также статью П. Ромашкина в журн. «Советское государство и право», 1960, № 2.

[3] См. сборник «Государство и коммунизм». Госполитиздат, М., 1962.

риод от капитализма к социализму есть вопрос о методах государственного руководства обществом в деле социалистического строительства.

При рассмотрении этой проблемы прежде всего встает вопрос о необходимости государственного воздействия на общество в эпоху диктатуры пролетариата. Эта необходимость имеет объективный характер и вытекает из задач социалистического строительства, из задач диктатуры пролетариата.

Марксизм-ленинизм исходит из положения, что в любом классовом обществе существует диктатура господствующего в экономике класса, которая проявляется и осуществляется в государственном руководстве всем обществом со стороны этого класса.

Необходимость в диктатуре определенного класса — диктатуре пролетариата имеет место также в период построения социалистического общества. «Сущность учения Маркса о государстве усвоена только тем, — говорит В. И. Ленин, — кто понял, что диктатура *одного* класса является необходимой не только для всякого классового общества вообще, не только для *пролетариата,* свергнувшего буржуазию, но и для целого *исторического* периода, отделяющего капитализм от «общества без классов» от коммунизма»[1].

Пролетариат свергает буржуазию и берет власть не для того, чтобы увековечить свое классовое господство, а чтобы уничтожить вообще всякие классы и условия их порождающие, чтобы построить бесклассовое коммунистическое общество. Сейчас уже трудно на Западе найти человека, которого можно было бы запугать баснями, что де коммунисты хотят физически уничтожить представителей всех других классов, кроме пролетариата. Теперь не только теория, но и практика социалистического строительства в нашей стране и странах народной демократии показала, что понятие «уничтожение классов» не выходит за рамки ликвидации частной собственности и установления общественной социалистической собственности на средства производства.

Однако задачи социалистического строительства задевают кровные интересы всех без исключения социальных

---

[1] В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 25, стр. 384—385.

групп бывшего буржуазного общества, которые в силу своей классовой природы по-разному к ним относятся. Одни из них — эксплуататорские классы оказывают ожесточенное сопротивление социалистическим преобразованиям; другие — мелкобуржуазные слои города и деревни в силу своей двойственной природы колеблются между пролетариатом и буржуазией; третьи — пролетарии города и деревни — за социализм, но они не организованы, разнородны по составу, отдельные слои пролетариата заражены буржуазной психологией.

Различным должно быть и отношение к ним со стороны социалистического государства. Сопротивление свергнутых эксплуататорских классов должно быть подавлено, а их самих нужно заставить трудиться наравне со всеми. Буржуазную интеллигенцию следует привлечь к социалистическому строительству и перевоспитать ее в процессе этого строительства в духе служения народу. Мелкую буржуазию, особенно крестьянство (исключая кулаков), необходимо вырвать из-под влияния крупной буржуазии, сплотить и увлечь на социалистический путь развития. Должен изменить свою природу и сам пролетариат, превратившийся в класс, возглавляющий общественное развитие. Кроме того, социалистическое строительство требует воспитания у всех членов общества новой дисциплины труда.

Все эти задачи пролетариат может осуществить лишь как государственно организованный класс, лишь при помощи социалистического государства — своего главного орудия как в борьбе с силами и традициями прошлого, так и в деле строительства нового общества. «Пролетариату необходима государственная власть... — учит В. И. Ленин, — и для подавления сопротивления эксплуататоров и для *руководства* громадной массой населения, крестьянством, мелкой буржуазией, полупролетариями в деле «налаживания» социалистического хозяйства»[1].

Таким образом, объективная необходимость государственных мер воздействия на общество в эпоху диктатуры пролетариата вытекает из задач социалистического строительства.

Следует различать меры государственного и меры об-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 25, стр. 376.

щественного воздействия. В классовом обществе отношения между людьми регулируются как мерами государственного, так и мерами общественного воздействия. Диалектика их взаимоотношения заключается в том, что по мере развития государства все большее число сторон жизни и деятельности общества регулируется мерами государственного воздействия. Отмирание государства в период строительства коммунизма характеризуется расширением сферы общественного воздействия в регулировании отношений между людьми. Отличительная особенность мер государственного воздействия состоит в том, что они могут применяться как в отношении отдельных лиц, так и в отношении целых классов. Меры общественного воздействия применяются лишь по отношению к отдельным лицам. Государство и общественность располагают различными средствами воздействия на людей. Так, например, в случае нарушения гражданином закона, установленного государством, он может быть подвергнут наказанию вплоть до тюремного заключения. Совершенно другими средствами принуждения и убеждения располагает общественность*.

В отличие от мер общественного воздействия при оценке мер государственного воздействия пользуются категориями: государственное подавление, государственное принуждение, государственное убеждение.

Правильно понять меры государственного воздействия по отношению к различным социальным слоям населения можно лишь, исходя из классовой природы государства.

Действительно, почему государство одни классы подавляет, а отношения с другими строит, главным образом, при помощи метода убеждения; какой метод государственного воздействия является основным, а какой второстепенным; какова диалектика государственного принуждения и убеждения по мере развития того или иного общественно-политического строя? На все эти вопросы можно дать правильный ответ, исходя из классовой сущности политики государства, исходя из различ-

---

* Вопрос о мерах общественного воздействия — особый вопрос, который требует отдельного рассмотрения.

ного по своему характеру отношения господствующего класса к враждебным и дружественным себе классам.

Следует разграничивать понятия «государственное подавление» и «государственное принуждение» в деятельности государства и особенно в деятельности социалистического государства. Это разные понятия.

Политика государственного подавления выражает, во-первых, **межклассовые** отношения, во-вторых, не просто межклассовые отношения, а отношения между **враждебными, антагонистическими** классами. Ф. Энгельс во введении к работе К. Маркса «Гражданская война во Франции» указывал, что «государство есть не что иное, как машина **для подавления одного класса другим»** (подчеркнуто мною. — **Т. Т.**)[1]. В. И. Ленин в работе «Государство и революция» писал: «Государство есть особая организация силы, есть организация насилия для подавления какого-либо класса. Какой же класс надо подавлять пролетариату? Конечно, **только эксплуататорский класс, т. е. буржуазию»** (подчеркнуто мною. — **Т. Т.**)[2].

Таким образом, основоположники научного коммунизма связывали понятие «государственное подавление» исключительно с регулированием межклассовых отношений, отношений между антагонистическими классами. В этом случае **государственное подавление можно определить как политику господствующего в обществе класса по отношению к враждебному классу.** Политика государственного подавления — основная и постоянная политика любого эксплуататорского государства, основной метод его деятельности.

Политика государственного подавления имела определенное место в нашей стране в переходный период от капитализма к социализму, пока у нас существовали эксплуататорские классы, сопротивление которых вынуждено было подавлять Советское государство. По мере ликвидации эксплуататорских классов сфера политики государственного подавления сокращалась.

С победой социализма подавление внутри нашей стра-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, 1949, т. 1, стр. 444.

[2] В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 25, стр. 375.

ны отпало, отмерло и больше не входит в понятие руководства советским обществом. Впервые в истории Советское государство утратило самый характерный признак государства — быть орудием подавления одного класса другим.

Понятие «Государственное принуждение» выражает отношение между государством и отдельными гражданами, является одной из мер государственного воздействия на отдельных лиц, нарушающих установленный в стране правопорядок. Меры государственного принуждения применяются к представителям разных классов, в том числе и к представителям господствующего в государстве класса. Государственное принуждение, конечно, носит классовый характер в классовом обществе, однако речь здесь идет не столько о регулировании межклассовых отношений, сколько о взаимоотношениях между государством (точнее, господствующим в государстве классом) и отдельными гражданами.

В этой связи нам кажется неправомерным, когда некоторые авторы, говоря о методах деятельности Советского государства после победы социализма в нашей стране, пользуются понятием «государственное подавление». Так, например, тов. Ц. Ямпольская пишет: «...в современной фазе, после того как в СССР ликвидированы эксплуататорские классы, принуждение из важнейшей формы подавления сопротивления эксплуататоров превратилось в форму воспитания отсталых и малосознательных граждан, зараженных буржуазными предрассудками, буржуазными взглядами»[1].

Не следует смешивать понятия «государственное подавление» и «государственное принуждение», тем более не стоит искать политику государственного подавления в деятельности нашего государства в период коммунистического строительства. Ее нет, она отмерла вместе с ликвидацией эксплуататорских классов в нашей стране.

Не стоит этого делать потому, что разные формы классовой борьбы пролетариата (различные типы противоречий) разрешаются социалистическим государством с помощью различных методов государственного воздействия. Одно дело, когда речь шла об антагонистических проти-

---

[1] Ямпольская Ц. и Шорина Е., Административно-правовые вопросы укрепления государственной дисциплины, Изд. АН СССР, М., 1955, стр. 118.

воречиях с эксплуататорскими классами в переходный период от капитализма к социализму. Здесь правомерно было пользоваться категорией «государственное подавление». И другое дело, когда речь идет о государственном регулировании отношений между дружественными классами: рабочим классом и крестьянством или, допустим, о борьбе с пережитками капитализма в сознании отдельной части советских людей. Для разрешения этих форм классовой борьбы Советское государство использует другие меры воздействия. Не насилие, а убеждение, воспитание трудящихся масс является главным, основным содержанием деятельности Советского государства.

Такая постановка вопроса о содержании методов государственного руководства советским обществом, о соотношении принуждения и убеждения в деятельности социалистического государства необходима, потому что идеологи буржуазии стремятся изобразить коммунистов как сторонников насилия во всех случаях жизни, а государство диктатуры пролетариата — как построенное и держащееся исключительно на подавлении народных масс.

Отсюда их заявления, что коллективизация сельского хозяйства в нашей стране была осуществлена насильственными мерами[1]. Другие — пытаются доказать, что в промышленности существует военная организация труда, как в армии[2]. Третьи, как это делают в своей программе современные австрийские социал-демократы, заявляют, что вообще «коммунистическая диктатура пролетариата основана лишь на насилии». Отсюда их разговоры о непрочности социалистического строя, о рабском положении народов в нашей стране и странах народной демократии и т. п. — вздор реакционной буржуазной пропаганды.

Да, марксисты-ленинцы признают необходимость революционного насилия над эксплуататорами при переходе от капитализма к социализму, и этим они отличаются от оппортунистов всех мастей и оттенков. «Мечтатели-интеллигенты, мелкобуржуазные социалисты — они думали, может быть, думают, мечтают о том, — говорил

---

[1] George S. Counts «The challange of Sovirt education», New jork, 1957.

[2] Klaus Mehnert «Der Sowjetmensch», Stuttgart, 1958.

В. И. Ленин на IV конференции профессиональных союзов, — что социализм удастся ввести путем убеждения. Убедится большинство народа, и, когда оно убедится, меньшинство послушается, большинство проголосует, и социализм будет введен. Нет, так счастливо земля не устроена; эксплуататоры, звери-помещики, капиталистический класс убеждению не поддаются»[1].

Из классового общества в бесклассовое перейти без насилия нельзя. Это насилие революционно, так как ведет к уничтожению эксплуатации человека человеком. Это насилие наиболее гуманно, поскольку осуществляется большинством народа над кучкой эксплуататоров, веками угнетавших трудящиеся массы. «Экономической основой этого революционного насилия, — учит В. И. Ленин, — залогом его жизненности и успеха является то, что пролетариат представляет и осуществляет более высокий тип общественной организации труда по сравнению с капитализмом»[2].

Чем вызывается необходимость революционного насилия пролетариата в переходный период от капитализма к социализму?

Во-первых, пролетариат должен вырвать власть из рук буржуазии и подавить ее сопротивление социалистическим преобразованием. Вся практика мирового пролетарского движения свидетельствует, что буржуазия, как бы ни созрели и ни перезрели объективные условия общественного развития, добровольно не уходит с исторической арены. «Только сладенькие мещане и филистеры, — говорил В. И. Ленин, — могут мечтать, обманывая этими мечтами и себя и рабочих, о свержении ига капитала без долгого и трудного *подавления сопротивления* эксплуататоров»[3].

Во-вторых, пролетариат должен вести борьбу против элементов разложения старого общества: бандитов, грабителей, авантюристов, жуликов, хулиганов, тунеядцев и других антиобщественных элементов, количество которых резко возрастает в периоды крупных общественных переворотов и которые являются прямыми пособниками свергнутых эксплуататорских классов в их борьбе против социализма.

---

1 В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 27, стр. 427.
2 В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 29, стр. 386.
3 В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 28, стр. 349.

Следует отметить, что борьба с элементами разложения старого общества ведется при любой великой революции и, как указывает В. И. Ленин, народ всегда интуитивно чувствует и проявляет спасительную твердость, расстреливая бандитов на месте преступления. Выполняя эту «очистительную» работу, пролетарская революция отличается от всех предшествующих тем, что проявляет максимум гуманности к таким элементам, особенно, если дело касается молодежи и подростков. Известно, что даже в трудных условиях гражданской войны и экономической разрухи Советское государство уделяло большое внимание их перевоспитанию. Все эти вопросы составляют насильственную сторону государства диктатуры пролетариата.

Насильственная деятельность государства диктатуры пролетариата отличается от насилия любого эксплуататорского государства как по своей цели и объему, так и по формам и методам его осуществления, т. е. отличается и качественно и количественно.

Возьмем, к примеру, количественную сторону. Известно, что история классового досоциалистического общества была историей господства кучки эксплуататоров над широкими народными массами. Ясно, что требовалось величайшее по своей жестокости насилие, чтобы эксплуататорское меньшинство держало в повиновении и эксплуатировало большинство населения. В. И. Ленин писал: «...для успеха такого дела, как систематическое подавление меньшинством эксплуататоров большинства эксплуатируемых, нужно крайнее свирепство, зверство подавления, нужны моря крови, через которые человечество и идет свой путь в состоянии рабства, крепостничества, наемничества»[1].

Насилие государства диктатуры пролетариата обращено против эксплуататорского меньшинства в интересах большинства трудящихся. Понятно, что объем насилия здесь совершенно другой, ибо «подавление меньшинства эксплуататоров большинством *вчерашних* наемных рабов дело настолько, сравнительно, легкое, простое и естественное, что оно будет стоить гораздо меньше крови, чем

---

[1] В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 25, стр. 435.

подавление восстаний рабов, крепостных, наемных рабочих, что оно обойдется человечеству гораздо дешевле»[1]

Такое количественное изменение субъекта и объекта насилия привело не только к сокращению объема насилия, но и обусловило качественное изменение его содержания, форм и методов осуществления.

Таким образом, насильственная сторона государства диктатуры пролетариата лишь внешне схожа с насильственной деятельностью любого государства, а на деле не имеет с ней ничего общего. В этом принципиальном отличии насилия, осуществляемого государством диктатуры пролетариата, проявляется одна из важнейших особенностей социалистического государства, позволившая В. И. Ленину характеризовать его как «полугосударство», как «переходное государство», как «не государство в собственном смысле».

Однако содержание государства диктатуры пролетариата не исчерпывается насилием. Более того, не насилие является определяющим в его деятельности. В. И. Ленин в письме к венгерским рабочим подчеркивал, что сущность диктатуры пролетариата не в насилии, а в созидательном строительстве социалистического общества[2].

Социализм — творчество самих народных масс, руководимых пролетариатом и его авангардом — марксистско-ленинской партией. Ленинизм учит: «...чем глубже преобразование, которое мы хотим произвести, тем больше надо поднять интерес к нему и сознательное отношение, убедить в этой необходимости новые и новые миллионы и десятки миллионов»[3]. Это тем более необходимо в таком коренном преобразовании всей жизни общества, каким является переход от капитализма к социализму. Поэтому не насилие, а убеждение, воспитание и организация трудящихся масс является решающим методом воздействия государства диктатуры пролетариата на общество в процессе социалистического строительства.

В своей деятельности в период строительства социализма Советское государство вынуждено также применять и меры принуждения к отдельным лицам. Чем вызывается эта необходимость?

Известно, что социалистическое строительство осуще-

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 435.
[2] В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 29, стр. 358.
[3] В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 31, стр. 467

ствляется людьми, выросшими при капиталистическом строе и воспитанными в среде частнособственнической психологии, мелкобуржуазной недисциплинированности и распущенности. Избавляются люди от пережитков капитализма «не сразу, не чудом, не по велению божией матери, не по велению лозунгов, резолюции, декрета, а лишь в долгой и трудной массовой борьбе с массовыми мелкобуржуазными влияниями»[1], — учит В. И. Ленин.

В этой обстановке на плечи государства ложится обязанность охранять социалистическую собственность на средства производства, охранять равенство труда и равенство дележа продуктов, ложится задача воспитания у членов общества новой социалистической дисциплины и установления между людьми отношений, основанных на высоких принципах коммунистической морали. Эта задача решается в борьбе с пережитками капитализма в сознании и поведении людей. И в этой борьбе недостаточно пользоваться только убеждением, здесь нужны также меры государственного принуждения.

Для борьбы с родимыми пятнами капитализма социалистическое государство создает специальные органы, осуществляющие принудительные функции. «Мы были бы смешными утопистами, — указывал В. И. Ленин, — если бы воображали себе, что подобная задача осуществима на другой день после падения власти буржуазии, т. е. в первой стадии перехода от капитализма к социализму, или — без принуждения. Без принуждения такая задача совершенно не выполнима. Нам нужно государство, нам нужно принуждение. Органом пролетарского государства, осуществляющего такое принуждение, должны быть советские суды. И на них ложится громадная задача воспитания населения к трудовой дисциплине»[2].

Отличительной особенностью принудительной деятельности социалистического государства является:

Во-первых, применение государством мер принуждения лишь после того, когда были предприняты все меры для убеждения людей. В основе этого лежит ленинское положение: «Прежде всего мы должны убедить, а потом принудить. Мы должны во что бы то ни стало сначала убедить, а потом принудить»[3].

[1] В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 31, стр. 94.
[2] В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 27, стр. 191.
[3] В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 32, стр. 189.

Во-вторых, применение государственных мер принуждения к меньшинству в интересах большинства трудящихся. Ленин учил партию, что принудительные меры могут осуществляться государством лишь в отношении отдельных лиц, что нельзя руководить массами с помощью метода принуждения.

В-третьих, принуждение играет второстепенную, подчиненную роль, а сама сфера принудительной деятельности государства по мере строительства социализма и коммунизма сокращается.

Таким образом, социалистическое государство в эпоху диктатуры пролетариата оказывает воздействие на общество с помощью, главным образом, мер убеждения, воспитания, организации трудящихся масс, а также применяет меры принуждения к лицам, нарушающим социалистический правопорядок. Метод убеждения является основным методом воздействия социалистического государства на трудящиеся массы. Принуждение играет подчиненную роль в его деятельности и применяется лишь к отдельным лицам.

Так как в переходный период от капитализма к социализму продолжают существовать классы старого капиталистического общества, в том числе и буржуазии, которая отчаянно сопротивляется социалистическим преобразованиям, то государство диктатуры пролетариата вынуждено осуществлять политику подавления сопротивления свергнутых эксплуататорских классов.

Деятельность Советского государства по подавлению сопротивления свергнутых эксплуататорских классов

В переходный период от капитализма к социализму Советское государство осуществляло политику подавления сопротивления свергнутых эксплуататорских классов.

Подавление социалистическим государством сопротивления свергнутых эксплуататорских классов является необходимым условием успешного строительства социализма. Оно включает в себя обязательность мер политического, экономического и идеологического порядка, что вытекает из задач социалистической революции: свергнуть политическое господство буржуазии, ликвидировать

ее экономическое могущество и идеологическое влияние на общество.

Однако, если подавление эксплуататорских классов является общей закономерностью социалистического строительства, то формы подавления различны в разных странах и зависят от конкретно-исторических условий.

Ясно, что такие особенности, как победа социалистической революции только в одной стране; обстановка гражданской войны и иностранной военной интервенции; наличие широких масс мелкобуржуазного крестьянства; голод и разруха, вызванные четырехлетней империалистической войной; отсталая экономика бывшей царской России; необходимость высоких темпов социалистических преобразований и др., не могли не наложить отпечаток своеобразия на формы подавления свергнутых эксплуататорских классов в нашей стране.

Возьмем политическое подавление буржуазии. Политическую власть буржуазии свергла Октябрьская революция. Известно, что российская буржуазия не имела самостоятельных демократических объединений, готовых сотрудничать с Советской властью, и в своем большинстве оказалась в лагере контрреволюции. Тем самым она сама себя устранила от участия в политической жизни страны. Поэтому лишение буржуазии избирательных прав было логическим завершением ее политической изоляции[1].

Однако марксизм-ленинизм никогда не считал обязательно необходимым лишение буржуазии избирательных прав. «Вопрос о лишении избирательных прав буржуазии, — говорил В. И. Ленин на VIII съезде партии, — мы никоим образом не рассматривали с абсолютной точки зрения, потому что теоретически представляется вполне допустимым, что диктатура пролетариата будет подавлять буржуазию на каждом шагу, но может не лишать буржуазию избирательных прав»[2]. В новых исторических условиях это предвидение В. И. Ленина было подтверждено практикой в странах народной демократии, где, как правило, представители свергнутых эксплуататорских классов не лишались политических прав.

---

[1] Конституция РСФСР 1918 г. и Конституция СССР 1924 г. лишали представителей эксплуататорских классов избирательных прав

[2] В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 29, стр. 162.

Советское государство с первых дней своего существования проводило также политику экономического подавления свергнутых эксплуататорских классов.

Характерно, что к разным эксплуататорским классам применялись различные формы экономического подавления. Так, например, Декрет о земле, принятый II Всероссийским съездом Советов, отменял помещичью собственность на землю немедленно и без всякого выкупа. В других формах протекло экономическое подавление городской и сельской буржуазии.

Характерной особенностью политики подавления свергнутых эксплуататорских классов социалистическим государством является то, что ее осуществляют сами трудящиеся под руководством партии и государственных органов.

Творчеством народных масс была рождена такая форма борьбы с капиталистами, как рабочий контроль. Рабочий контроль за деятельностью частных капиталистических предприятий был формой борьбы пролетариата с буржуазией, политическое господство которой свергнуто, но которая еще не лишилась своего экономического могущества.

Рабочий контроль вводился на частнокапиталистических предприятиях принудительно. Им охватывалась вся производственная деятельность. Представители рабочих следили за правильным использованием сырья и распределением готовой продукции, не позволяя предпринимателю закрыть предприятие, увольнять рабочих, следили за выполнением на заводе мероприятий и распоряжений Советской власти. Наиболее злостные капиталисты, отказывавшиеся выполнять требования рабочего контроля, брались под стражу, а их предприятия национализировались и переходили в руки государства.

Через форму рабочего контроля наше государство стремилось привлечь ту часть буржуазии, которая не выступала с оружием в руках против Советской власти, использовать ее организаторские навыки и производственный опыт в деле налаживания народного хозяйства. Через рабочий контроль Советская власть решала также задачу обучения рабочих навыкам руководства промышленностью, т. е. готовила свои пролетарские кадры, будущих командиров производства.

Формы экономического подавления свергнутой бур-

жуазии в условиях мирного строительства отличались от мер военного времени. В условиях гражданской войны и интервенции Советское государство применяло к буржуазии такие меры воздействия, как конфискация имущества, контрибуция, обязательная трудовая повинность и др. В условиях мирного строительства посредством экономических и финансовых мер, налоговой и кредитной политики, посредством преимущественного снабжения сырьем, контроля за расходованием продукции и т. д., наше государство обеспечивало ограничение и вытеснение капиталистических элементов из промышленности, торговли, сельского хозяйства, обеспечивало развитие экономики в социалистическом направлении. Социалистическая индустриализация промышленности и коллективизация сельского хозяйства позволили ликвидировать все капиталистические элементы как в городе, так и в деревне.

Особого рассмотрения требует вопрос о вооруженной форме подавления. Пролетариат не нуждается в вооруженном подавлении бывших эксплуататорских классов, ибо за ним «сила числа», ибо речь идет о подавлении большинством населения кучки эксплуататоров и насильников.

Другое дело, когда кучка эксплуататоров подавляет сопротивление широких народных масс. Здесь в содержание политики государственного подавления обязательно включается вооруженное подавление. Действительно, чем, как не силой оружия, можно было превратить свободного человека в раба? Вся история феодализма заполнена кровавыми расправами феодалов-помещиков над непокорными крестьянами. Любое буржуазное государство дает примеры зверского подавления трудящихся, где полиция и войска расстреливают толпы безоружных бастующих рабочих.

Как видим, вооруженное подавление **обязательно** входит в содержание политики государственного подавления любого эксплуататорского государства и играет решающую роль в этой политике.

Вооруженное подавление свергнутых эксплуататорских классов **не является обязательно необходимым** содержанием политики социалистического государства.

Практика социалистических революций в СССР и странах народной демократии подтвердила истинность

положений марксизма-ленинизма о том, что сила и формы подавления свергнутых эксплуататорских классов зависят не столько от пролетариата, сколько от поведения самой буржуазии, от степени ожесточенности ее сопротивления социалистическим преобразованиям.

Известно, что Советская власть в первые дни своего существования не применяла вооруженного подавления, освободила из-под стражи министров Керенского, отпустила под честное слово генерала Краснова и др., боровшихся против революции. Советское государство осуществляло функцию подавления свергнутой буржуазии при помощи мер политического, экономического и идеологического порядка, положив в основу ленинский план мирного социалистического переустройства России.

В том, что эти мирные планы были нарушены, повинна буржуазия, развязавшая гражданскую войну и организовавшая вооруженную интервенцию против молодой Советской республики. Буржуазия первая взялась за оружие, пытаясь вооруженной рукой задушить революцию в стране. Над Советской властью нависла угроза поражения. Необходимость подавить вооруженное сопротивление свергнутых эксплуататорских классов вынудила рабочих и крестьян взяться за оружие, заставила Советскую власть применить вооруженную форму подавления. Вот почему В. И. Ленин в ответ на вопли буржуазии о «кровавой» русской революции говорил: «Господа капиталисты, вы в этом виноваты. Если бы вы не оказали такого дикого, такого бессмысленного, наглого и отчаянного сопротивления, если бы вы не пошли на союз с буржуазией всего мира, — переворот принял бы более мирные формы»[1].

Величайшая заслуга В. И. Ленина заключается в том, что Советская власть не была застигнута врасплох вооруженной контрреволюцией. В. И. Ленин учил партию и народ не повторять ошибок Парижской Коммуны и помнить, что «Маркс с Энгельсом ставили в упрек Коммуне, считая одною из причин ее гибели то обстоятельство, что Коммуна *недостаточно* энергично пользовалась своей вооруженной силой для подавления сопротивления эксплуататоров»[2]. Для вооруженного подавления контр-

[1] В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 29, стр. 188
[2] В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 26, стр. 362.

революционной буржуазии Советская власть создала Красную Армию, ВЧК, ревтрибуналы, народные суды и другие государственные органы.

Осуществляя подавление сопротивления свергнутых эксплуататорских классов в условиях острой классовой борьбы в стране в обстановке постоянной угрозы вооруженного нападения со стороны империалистических стран, Советское государство проявляло максимум гуманности в отношении своих классовых врагов.

Возьмем, к примеру, вопрос о смертной казни. Октябрьская революция отменила смертную казнь как меру наказания своих политических противников (расстреливались лишь матерые бандиты-убийцы), так как подавление сопротивления свергнутых эксплуататорских классов совершенно не предполагает их физического уничтожения. Меры, которые осуществляла тогда Всероссийская Чрезвычайная Комиссия в отношении политических противников Советской власти, предусматривали конфискацию имущества, выселение, лишение хлебных карточек, опубликование в печати списков врагов народа и т. д.

Лишь в ответ на белый террор Советская власть вынуждена была ввести смертную казнь как меру подавления вооруженной контрреволюции[1].

«Обвинение в терроризме, — говорил В. И. Ленин, — поскольку оно справедливо, падает не на нас, а на буржуазию. Она навязала нам террор. И мы первые сделаем шаги, чтобы ограничить его минимальнейшим минимумом, как только мы покончим с основным источником терроризма, с нашествием мирового империализма, с военными заговорами и военным давлением мирового империализма на нашу страну»[2].

Уже в январе 1920 г. ВЧК вошла с предложением в Совет Народных Комиссаров о прекращении расстрелов Чрезвычайными Комиссиями и революционными трибуналами. Лишь начавшееся наступление панской Польши и Врангеля заставило вновь ввести смертную казнь для врагов народа. По окончании гражданской войны и ино-

---

[1] См. Постановление СНК РСФСР от 5 сентября 1918 г. «О красном терроре».

[2] В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 30, стр. 159.

странной интервенции Советское государство сразу же отменило чрезвычайные меры по борьбе с буржуазией.

Под руководством Коммунистической партии трудящиеся нашей страны разгромили объединенные вооруженные силы внутренней и внешней контрреволюции, отстояли завоевания Октября. С прекращением вооруженной борьбы эксплуататорских классов отпала и необходимость их военного подавления.

В дальнейшем подавление капиталистических элементов Советским государством проводилось, главным образом, при помощи мер политического и экономического порядка, а смертная казнь применялась лишь к особо опасным врагам народа.

Осуществляя политику подавления сопротивления свергнутых эксплуататорских классов, партия и государство проводили большую разъяснительную работу среди той части буржуазии, которая лояльно вела себя по отношению к Советской власти. Вовлекая лучших представителей буржуазной интеллигенции в социалистическое строительство, партия добивалась их перевоспитания в духе честного служения народу.

Применяя меры политического, экономического и идеологического порядка, одновременно решительно подавляя всякие попытки вооруженного сопротивления, Советское государство добивалось ограничения и постепенного вытеснения капиталистических элементов. С ликвидацией эксплуататорских классов в нашей стране отпала и политика государственного подавления их сопротивления.

Понятие подавления сопротивления свергнутых эксплуататорских классов социалистическим государством имеет также внешнюю, международную сторону, связанную с существованием капиталистической системы. Если подавление сопротивления свергнутой буржуазии внутри страны осуществляется социалистическим государством лишь в переходный период от капитализма к социализму, и с ее ликвидацией оно отмирает, то не отмирает внешняя сторона этой политики, направленная против происков международной буржуазии.

Возникнув вместе с рождением Советского государства, эта внешняя сторона политики подавления существует и в настоящее время. В ее содержание входит защита нашей Родины и всей социалистической системы от во-

енного нападения и борьба с вражеской агентурой: шпионами, лазутчиками и вредителями, засылаемыми к нам иностранными разведками. Однако в ее содержание совершенно не входит военное нападение на страны капиталистического мира. Это противоречит классовой природе социалистического государства.

Марксисты-ленинцы считают, что социализм экспортировать силой оружия в другие страны нельзя, так как замена капитализма социализмом это — естественноисторический процесс и является делом народа данной страны.

В. И. Ленин учил партию и народ, что не военными захватами чужих территорий, не насильственными мерами, а своими хозяйственными успехами в строительстве коммунистического общества страна социализма оказывает решающее воздействие в мирное время на международную жизнь.

«Силой своего примера, — говорится в Заявлении Совещания представителей коммунистических и рабочих партий, — мировая социалистическая система революционизирует умы трудящихся капиталистического мира, вдохновляет их на борьбу против капитализма, в огромной мере облегчает условия этой борьбы»[1].

В то же время Советское государство, страны народной демократии неуклонно повышают бдительность народов против происков империализма, всемерно укрепляют свою обороноспособность, могущество всей социалистической системы.

Метод убеждения — основной метод вовлечения трудящихся в социалистическое строительство

Рядом с подавлением сопротивления свергнутых эксплуататорских классов перед Советским государством на следующий день после победы пролетарской революции как практическая задача встал вопрос о методах государственного руководства трудящимися в процессе социалистического строительства.

В. И. Ленин разрабатывает учение о социалистическом государстве, дает научный анализ содержания и методов его деятельности. В. И. Ленин учит, что руковод-

[1] «Правда», 6 декабря 1960 г.

ство трудящимися в деле строительства социализма осуществляется государством методами, отличными от методов подавления сопротивления свергнутых эксплуататорских классов. Не насилие с его классовым подавлением, а убеждение, воспитание масс на своем собственном опыте в преимуществах социализма перед капитализмом является главным в этой деятельности социалистического государства.

Убеждение, воспитание трудящихся — основной метод социалистического государства, и это вытекает из его классовой природы. Союз дружественных между собой рабочих и крестьян, составляющий классовую основу нашего государства, позволил впервые в истории государственной организации преодолеть вечный антагонизм между государством и народными массами. Деятельность социалистического государства не только не противоречит трудящимся, но активно ими поддерживается, так как совпадает с их коренными интересами. Вот почему государство имеет возможность при помощи убеждения вовлечь все трудящиеся слои бывшего буржуазного общества в социалистическое строительство.

В своей деятельности социалистическое государство вынуждено применять также меры принуждения по отношению к лицам, нарушающим правопорядок в стране. Однако принуждение играет второстепенную роль в практике социалистического государства, применяется лишь к отдельным лицам, не может служить политикой по отношению к трудящимся массам.

В. И. Ленин показал, что вопрос о соотношении принуждения и убеждения в деятельности Советского государства есть вопрос «о методах *подхода* к массе, овладения массой, *связи* с массой»[1]. Государственное руководство социалистическим строительством должно базироваться на доверии масс, преувеличение роли принуждения ведет к подрыву такого доверия, к разрыву правильных отношений между массами и государством.

Нельзя руководить массами с помощью принуждения. Известно, что на такой путь хотели столкнуть партию и государство враги ленинизма — троцкисты, проповедовавшие «теорию» строительства социализма, суть которой сводилась к насилию над рабочим классом и особен-

[1] В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 32, стр. 5.

но крестьянством. На практике это означало бы нарушение связей партии и государства с массами, вело бы к расколу союза рабочего класса с крестьянством, вело бы к срыву социалистического строительства и реставрации капитализма в нашей стране.

Руководствуясь ленинским кооперативным планом, партия разработала политику государства в отношении к крестьянству. Противоречия рабочего класса с единоличным крестьянством есть противоречия особого рода, и их разрешение есть также борьба особого рода, которую В. И. Ленин называл как «систематическое государственное воздействие» городского пролетариата на крестьянство. Не насилие, а убеждение, перевоспитание крестьянства — метод разрешения этого противоречия.

В. И. Ленин неоднократно указывал, что переделать крестьянскую психологию можно (и должно) не насильственными мерами, не окриками и приказами, а кропотливой воспитательной работой, убеждая крестьян в преимуществах коллективного ведения хозяйства, путем положительного примера, увлекая их на социалистический путь развития. «Здесь действовать надо уже не насилием, а только убеждением». *Действовать здесь насилием, значит погубить все дело.* Здесь нужна работа длительного воспитания»[1].

Ленинский кооперативный план предусматривает громадную организаторско-воспитательную работу партии и государства, в результате которой основные массы крестьянства добровольно объединяются в коллективные социалистические хозяйства.

«В отношении объединения крестьян в коммуны, артели и т. п., — писал В. И. Ленин, — проводить строго политику партии, которая не допускает в этом отношении никакого принуждения, предоставляя это исключительно свободному решению самих крестьян и строго карая всякие попытки внести в это дело начало принуждения»[2].

Известно, что в период массовой коллективизации сельского хозяйства в ряде мест были допущены ошибки, извращавшие ленинскую идею кооперативного плана о недопустимости какого-либо насилия в этом вопросе. Принудительно создавались колхозы, допускалось пере-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 29, стр. 7, 187.
[2] В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 30, стр. 144.

скакивание к коммунам (в принудительном порядке обобществлялся мелкий скот и птица), одним словом, был нарушен принцип добровольности в колхозном строительстве.

Партия решительно поправила местные партийные и советские органы, допустившие перегибы в проведении политики коллективизации, распустила ряд колхозов, которые были созданы принудительно. Все это убедительно показывает, какой вред наносит социалистическому строительству преувеличение роли принуждения. Требование научного коммунизма — уметь убеждать массы в правильности политики партии государства — было особенно важным в проведении всей работы по коллективизации сельского хозяйства.

Строительство социализма протекает в борьбе с пережитками капитализма в сознании и поведении людей. Основным методом в решении этой задачи является убеждение, воспитательная работа партии и государства. Говоря о задачах воспитания непролетарских слоев бывшего буржуазного общества, В. И. Ленин писал, что «придется при диктатуре пролетариата перевоспитывать миллионы крестьян и мелких хозяйчиков, сотни тысяч служащих, чиновников, буржуазных интеллигентов, подчинять их всех пролетарскому государству и пролетарскому руководству, побеждать в них буржуазные привычки и традиции»[1].

Возьмем, к примеру, вопрос перевоспитания буржуазной интеллигенции. В. И. Ленин учил, что победивший в революции пролетариат может и должен привлечь на свою сторону буржуазную интеллигенцию, ибо нельзя построить социализм, если такое наследие капиталистической культуры, как интеллигенция, не будет использовано.

Буржуазные писаки за рубежом извели горы бумаги и море чернил, чтобы доказать насилие Советского государства в отношении буржуазной интеллигенции. Это не верно, так как нельзя принудить работать из-под палки целый социальный слой населения, каким является буржуазная интеллигенция. «Можно заставить их не участвовать активно в контрреволюции, — говорил В. И. Ленин на VIII съезде партии, — можно устрашить их, чтобы

[1] В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 31, стр. 95—96.

они боялись руку протянуть к белогвардейскому воззванию... Но заставить работать целый слой таким способом невозможно»[1].

Меры убеждения чем дальше, тем больше становились основным методом воздействия государства на старую интеллигенцию, ибо нельзя заставить силой продуктивно работать людей творческого труда. Советское государство окружило заботой и вниманием специалистов, создало им нормальные условия для творческой деятельности, в трудных условиях восстановительного периода и первых пятилеток сохранило им высокое вознаграждение за работу.

Главным условием перевоспитания буржуазной интеллигенции явились, конечно, успехи социалистического строительства, героический труд рабочих и крестьян. Когда старые специалисты увидели, что Советская власть утвердилась всерьез и надолго, когда они увидели, с каким размахом берутся трудящиеся за развитие промышленности и сельского хозяйства, науки и культуры, тогда они окончательно и бесповоротно встали на сторону народа.

Перевоспитывая старую интеллигенцию, государство одновременно проводило большую работу по созданию своих рабоче-крестьянских кадров специалистов. Подготовка кадров велась настолько широким размахом, что в исторически короткий срок наша страна, по общему признанию, вышла на первое место в мире в области развития народного образования и научно-технической мысли. Победа социализма означала, что в нашей стране сложилась советская интеллигенция, которая верой и правдой служит своему народу.

Строительство социализма требует не только перевоспитания непролетарских слоев населения. Должен изменить свою природу также рабочий класс. В. И. Ленин подчеркивал, что партия и Советское государство обязаны перевоспитать и самих пролетариев, ибо «рабочий класс китайской стеной не отделен от старого буржуазного общества», которое, разлагаясь, гниет и заражает пролетариат массой мелкобуржуазных предрассудков[2].

Решающим средством перевоспитания рабочего клас-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 29, стр. 158.
[2] В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 27, стр. 397.

са, освобождения его от пережитков буржуазной психологии являлась сама наша социалистическая действительность, обстановка массового трудового энтузиазма и политической активности советских людей. Вовлекая трудящиеся массы в практическое строительство социалистического общества, партия и Советское государство решали задачу создания коммунистической дисциплины труда.

Вопросы воспитания новой дисциплины В. И. Ленин выделял в особую форму классовой борьбы пролетариата в период социалистического строительства. Своеобразие этой формы борьбы состоит в том, что речь идет об отношении авангарда рабочего класса к отстающим, т. е. отношении к отдельным людям. Вот почему эта форма классовой борьбы для своего разрешения требует не политики подавления и массового принуждения, а убеждения и воспитания широких масс трудящихся авангардом рабочего класса, Коммунистической партией и Советским государством.

В работе по созданию новой общественной дисциплины труда партия и государство используют меры материального и морального поощрения, являющиеся решающим средством воспитания у людей сознательного отношения к труду. Известно, что каждый способ производства имеет свои методы и приемы привлечения людей к труду. В. И. Ленин указывал, что крепостническая организация труда держалась на дисциплине палки, на дисциплине голода держалась и держится организация труда в капиталистическом обществе. «Коммунистическая организация общественного труда, к которой первым шагом является социализм, держится и чем дальше, тем больше будет держаться на свободной и сознательной дисциплине самих трудящихся»[1].

Широкое развитие Советским государством принципа материальной заинтересованности, удачно сочетающего личные интересы и общественные, позволяет вовлечь в строительство социализма массы народа, делает труд всеобщим и обязательным, ведет к превращению труда в привычку. Наряду с мерами материального стимулирования, по мере развития советского общества все большую роль играют меры морального поощрения.

---

[1] В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 29, стр. 387.

Понятно, что в деле воспитания новой дисциплины труда Советское государство вынуждено применять и меры принуждения в отношении прогульщиков, лодырей, рвачей, тунеядцев и других антиобщественных элементов. Однако эти меры применяются государством лишь к отдельным лицам и после того, если на них не подействовали меры убеждения. Основным методом, решающим средством утверждения коммунистического отношения к труду в советском обществе является метод убеждения, воспитания трудящихся масс.

Культурно-воспитательная деятельность партии и государства позволяет более быстро изживать пережитки капитализма в сознании людей, прививать им высокие черты коммунистической нравственности. Вот почему непрерывно возрастает значение этой функции нашего государства, в которой особенно наглядно проявляется неуклонное возрастание роли убеждения — основного метода государственного регулирования жизнедеятельности советских людей.

Огромную воспитательную роль в деле борьбы с пережитками капитализма и утверждения коммунистических принципов в жизни и деятельности советских людей играли все без исключения органы нашего государства: политические, хозяйственные, военные, карательные и т. д. — весь механизм диктатуры пролетариата.

Велика воспитательная роль советского социалистического права, которое содержанием своих норм разъясняет трудящимся и пропагандирует нормы социалистического правопорядка. Принудительные меры, осуществляемые Советским государством в отношении отдельных лиц, нарушающих нормы нашей жизни, в свою очередь являются сильным средством воспитания не только правонарушителей, но и всех трудящихся, и в этом проявляется неразрывная связь убеждения и принуждения в деятельности нашего государства, их одинаковая целенаправленность.

Умело сочетая убеждение с мерами принуждения, большую воспитательную и организаторскую работу среди народа с репрессивными мерами против тех, кто не поддается воспитанию, Советское государство смогло вовлечь в социалистическое строительство все трудящиеся слои бывшего буржуазного общества, сумело вызвать,

организовать и возглавить творческую активность советских людей, обеспечило построение социализма в нашей стране.

Понятно, что соотношение методов принуждения и убеждения в деятельности Советского государства в период строительства социализма менялось в зависимости от особенностей внутренней и международной обстановки. Так, в годы гражданской войны и иностранной интервенции, когда советский народ вел напряженную борьбу с классовыми врагами, на первый план выдвигались военные методы государственного руководства. Наше государство вынуждено было временно идти на определенное ограничение демократии, усиливая административное регулирование жизни и деятельности советских людей.

В условиях мирного социалистического строительства получает развитие деятельность государства, направленная на дальнейшее развитие демократии, повышение инициативы и самодеятельности трудящихся, привлечение широких масс трудящихся к руководству хозяйственной и культурной жизнью страны. И такая политика партии и государства является естественным следствием развития нашего общества, повышения материального и культурного уровня советского народа, роста его социалистического сознания.

Вот почему общей тенденцией соотношения принуждения и убеждения по мере развития советского общества явилось сокращение сферы государственного принуждения и всемерное развитие метода убеждения и организации народных масс. Свое дальнейшее развитие эта тенденция в деятельности Советского государства получает в период строительства коммунизма.

В. А. КНЯЗЕВ

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ — РУКОВОДИТЕЛЬ СТРОИТЕЛЬСТВА ПЕРВЫХ КОЛЛЕКТИВНЫХ ХОЗЯЙСТВ В ДЕРЕВНЕ (НОЯБРЬ 1917 — ИЮНЬ 1918 гг.).

Советские историки, следуя ленинской методологии, давно отказались от распространенного в свое время глубоко ошибочного взгляда на характер Октябрьской революции, которая, якобы, «была в одно и то же время и пролетарской, и мелкобуржуазной»[1]. Эта точка зрения полностью расходилась с прямым указанием В. И. Ленина на тот факт, что «переживаемая нами революция есть революция социалистическая»[2]. Таковой она была и для города, и для деревни.

Однако социалистическая революция в деревне имела свои периоды и этапы, в рамках которых разрешались первоочередные ее задачи. В соответствии с ленинской оценкой процесса социалистической революции в деревне большинство исследователей считает, что первые аграрные преобразования прошли два этапа: первый охватывает время ноябрь 1917 — весна 1918 гг., второй — лето 1918—1920 гг.[3]

В нашей печати иногда можно встретить утверждение, что «на первом послеоктябрьском этапе в деревне осуществлялись л и ш ь (разрядка моя. — **В. К.**) демократические преобразования»[4]. Бесспорно, тогда полное завершение получили демократические задачи. Но из-

---

[1] С. А. П и о н т к о в с к и й. Октябрьская революция в России. Ее предпосылки и ход. М., Госиздат, 1923, стр. 73.

[2] В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 101.

[3] См. «История советского крестьянства и колхозного строительства». М., Изд. АН СССР, 1963.

[4] «История СССР», 1964, № 3, стр. 15.

вестно также, что в то время было положено начало и социалистической работе на селе. Без учета этой стороны дела нельзя, в частности, воссоздать во всей полноте картину аграрных преобразований, проведенных в начальный период Октябрьской революции. При ином подходе может сложиться впечатление, что Коммунистическая партия вообще в тот период не выдвигала практически социалистических задач для деревни.

Между тем В. И. Ленин на III Всероссийском съезде Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в январе 1918 г. подчеркивал, что теперь перед русским крестьянством поставлена **практическая** задача перехода к социализму. Ныне ставится вопрос, говорил он, как сама крестьянская масса «может поддержать социалистический пролетариат и начать переход к социализму? И крестьяне начали уже этот переход, и мы питаем к ним полное доверие»[1]. Ту же мысль В. И. Ленин развивал на VII съезде РКП(б). В докладе 8 марта 1918 г. он говорил о первых шагах того, как мелкое крестьянство «при всех своих предрассудках, при всех своих старых воззрениях поставило себе практическую задачу перехода к социализму... Напрасно приписывают нам то, — продолжал он,— что мы хотим насильно ввести социализм.. Мы будем справедливо делить землю, с точки зрения преимущественно мелкого хозяйства. При этом мы даем предпочтение коммунам и крупным рабочим артелям»[2].

Коммунистическая партия и Советское правительство не только провозгласили создание социалистических форм хозяйства в деревне, закрепленное в первых земельных законах, как перспективную задачу, но и всячески способствовали применению их на практике. Вопросы социалистического строительства в деревне были предметом особого обсуждения съездов и конференций местных партийных и советских органов, под их руководством и при их помощи проходило создание первых совхозов и колхозов.

Возникновение социалистических хозяйств в земледелии было важной чертой аграрных преобразований первого этапа революции. Проведенные в условиях диктатуры пролетариата, эти преобразования не могли не выйти

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 264.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 56.

и действительно вышли за рамки чисто демократических задач. Именно в этот период в деревне были созданы первые государственные хозяйства (совхозы), сельскохозяйственные коммуны и артели. Они явились первыми очагами социализма в деревне, и партия уже тогда рассматривала строительство советских и коллективных хозяйств, как ближайший путь крестьянства к социализму.

* * *

Строительство первых коллективных хозяйств в деревне неразрывно связано с теми социально-экономическими преобразованиями, которые проводила Советская власть в начальный период Октябрьской революции. Советские земельные законы, отменившие частную собственность на землю, в то же время определили конкретные шаги по социалистическому преобразованию сельского хозяйства. Как писала «Правда» в своей передовой статье, «Путь к социализму открыт рабочей и крестьянской революцией, шагами по этому пути и будут революционные декреты Совета Народных Комиссаров»[1].

Ленинский Декрет о земле в числе мер, направленных на создание крупных показательных хозяйств, предоставлял крестьянам свободный выбор форм землепользования, в ряду которых выделялась сельскохозяйственная артель[2] как наиболее возможная и понятная для крестьян форма организации земледелия на новой основе. В то же время указанием на свободный выбор форм пользования землей была выражена линия Коммунистической партии и Советского правительства, рассчитанная на постепенный и добровольный переход крестьян на путь крупного коллективного хозяйства.

Более четкое выражение получила идея колхозного строительства в «Основном законе о социализации земли», изданном в развитие Декрета о земле в феврале 1918 г. Этот закон, в разработке которого участвовал В. И. Ленин, давал преимущества коллективным формам хозяйства и предоставлял им первоочередное право пользования землей для занятия сельским хозяйством. При этом назывались конкретные формы производствен-

---

[1] «Правда», 31 октября 1917 г.

[2] См.: Декреты Советской власти, т. 1, М., 1957, стр. 19.

ных объединений в земледелии: сельскохозяйственные коммуны, артели и товарищества по совместной обработке земли[1].

Коллективные хозяйства, отмечал Ленин, были поставлены в земельном законе на первое место[2]. Поэтому прямой задачей земельных органов местной и центральной власти являлось «развитие коллективного хозяйства в земледелии, как более выгодного в смысле экономии труда и продуктов, за счет хозяйств единоличных, в целях перехода к социалистическому хозяйству»[3].

Итак, ленинская политика нашей партии в области сельского хозяйства была с самого начала нацелена на подготовку и постепенное проведение социалистической перестройки мелкотоварного крестьянского хозяйства. Советские земельные законы указали направление и последовательность в осуществлении аграрных преобразований. Определив основные начала социализма, они являлись призывом к действию для миллионов трудящихся масс крестьянства. «Живое творчество масс, — говорил В. И. Ленин, — вот основной фактор общественности»[4].

Путь к окончательному уничтожению какого-либо угнетения и построения социализма Коммунистическая партия видела не в сохранении мелкотоварного крестьянского хозяйства, составляющего питательную почву для роста капиталистических элементов, а в крупном общественном производстве. Партия настойчиво пропагандировала необходимость перехода к общественной обработке земли, в первую очередь крестьянской бедноты, лишенной всяких орудий и средств производства. Конечно, разъяснял В. И. Ленин, не сразу удастся перейти всюду к общественному землепользованию. Но чем дальше и чем больше на примерах, на собственном опыте крестьянство будет убеждаться в преимуществах коллективного труда, тем успешнее пойдет дело[5].

Вот почему организация первых коллективных хозяйств в деревне имела большое принципиальное значе-

---

[1] См.: Декреты Советской власти, т. 1, стр. 409—410.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 322.
[3] Там же, стр. 360.
[4] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 56—57.
[5] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 180.

ние. Они должны были явиться пробными шагами социалистического земледелия, которое своей постановкой ведения общественного хозяйства могло бы служить примером для окружающих крестьян и, следовательно, стать отправным началом дальнейшего движения. С этой стороны строительству первых сельскохозяйственных коммун и артелей принадлежит совершенно определенное место в истории борьбы партии за социалистическое преобразование сельского хозяйства.

Приспешники буржуазии, движимые ненавистью к Советской власти и революционным действиям рабочих и крестьян, старались всячески опорочить идею социалистической перестройки мелкого крестьянского хозяйства. Всеми мерами они стремились доказать невозможность социалистического преобразования российской деревни, заявляя, что «сколько бы декретов и законов ни сочинялось, они до ушей народа не дойдут»[1].

Но пророчества врагов революции оказались несостоятельными. Политика партии, выраженная в декретах Советской власти о земле, нашла горячую поддержку у передовой части трудящегося крестьянства. В первые же месяцы существования Советской власти в различных районах страны стали создаваться коллективные хозяйства — коммуны и артели[2].

Уже в 1917 г. в Астраханской, Новогородской, Мос-

---

[1] Л. Литошенко. Социализация земли. 1918, стр. 43.

[2] Истории создания первых коллективных хозяйств посвящен, полностью или частично, ряд исследований: И. А. Конюков. Очерки о первых этапах развития коллективного земледелия. 1917—1925 гг. М., Сельхозиздат, 1949; Н. П. Скрыпнев. Первые шаги социалистического переустройства сельского хозяйства в 1918—1920 гг. М., Госполитиздат, 1951; М. А. Карев. Победа колхозного строя в СССР. М., Госполитиздат, 1954; В. М Селунская. Борьба Коммунистической партии Советского Союза за социалистическое преобразование сельского хозяйства (октябрь 1917—1934). М., «Высшая школа», 1961; Ее же. Коммунистическая партия — организатор и руководитель строительства первых совхозов и колхозов (ноябрь 1917—1920 гг.). «Вестник Московского университета», № 4, историко-филологическая серия, 1957; Г. В. Шарапов. Разрешение аграрного вопроса в России после победы Октябрьской революции. М., Изд. ВПШ и АОН при ЦК КПСС, 1961; В. Р. Герасимюк. Начало социалистической революции в деревне. 1917—1918 гг. М., Госполитиздат, 1958; А. Г. Долгополов, С. И. Родионов, П. А. Бутылкин. Организация и деятельность коллективных хозяйств в первые годы Советской власти. — «История СССР», 1959, № 5.

ковской, Петроградской, Тверской и некоторых других губерниях появились первые колхозы. По данным Народного Комиссариата земледелия, в ноябре 1917 г. в Петроградской губернии насчитывалось 33 коллективных хозяйства, в Тамбовской — 10, под Москвой — 12 и т. д.[1]

Среди первых коллективов была сельскохозяйственная артель в селе Пришибино Царевского уезда Астраханской губернии, организованная в октябре 1917 г.[2]

В конце 1917 г. батраки бывшего имения Малшина в Щелковской волости Богородского уезда Московской губернии организовали Глинковскую артель, начавшую с весны 1918 г. коллективную обработку земли[3]. Тогда же в Пинежском уезде Архангельской губернии возникла Цимолянская сельскохозяйственная трудовая артель, которая немедленно приступила к расчистке земель из-под леса и к осушке болот[4].

Коллективное движение началось по инициативе самих крестьян при активной поддержке местных партийных и советских организаций. Они развернули широкую пропаганду по разъяснению большевистской аграрной программы, призывая беднейших крестьян создавать коллективные хозяйства. Так, в декабре 1917 г. съезд представителей волостей Солигаличского уезда Костромской губернии по предложению уездного Военно-революционного Комитета, руководимого присланным из Петрограда большевиком Вылузгиным, призвал трудящихся крестьян брать на учет помещичьи имения и «устраивать общины, артели и товарищества для совместной работы»[5]. 26 января 1918 г. I съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Кологривского уезда той же, Костромской, губернии предложил всем волостным и сельским Советам «вести пропаганду коммун»[6].

Эта работа принимает еще больший размах в связи с опубликованием в феврале 1918 г. Закона о социализации земли. Общее собрание коммунистов Орехово-Зуевского района постановило: «считать неотложной задачей

---

[1] Исторические записки, вып. 43, 1953, т. 1, стр. 249.
[2] См. М. А. Карев. Победа колхозного строя в СССР, стр. 195.
[3] Материалы по истории СССР. М., 1955, т. 1, стр. 189.
[4] См. В. Р. Герасимюк Начало социалистической революции в деревне, стр. 23.
[5] «История СССР». 1959, № 5, стр. 86.
[6] Там же.

дня немедленное создание кадров партийных работников и мобилизацию их в деревню для работы по организации и пропаганде коммунистических идей...»[1]. С целью подготовки агитаторов и пропагандистов для деревни в ряде губерний создавались специальные курсы. Например, в Казанской губернии такие курсы окончило более 200 человек. Все слушатели затем были отправлены в уезды и волости для работы по проведению в жизнь земельной реформы[2]. В г. Саратове на таких курсах обучалось 400 человек, присланных из Саратовской, Самарской и Астраханской губерний[3].

В это время во многих губерниях и уездах проходили партийные конференции, съезды Советов и земельных отделов, на которых большое внимание было уделено вопросам создания в деревнях форм общественного хозяйства. Материалы этих собраний убедительно свидетельствуют о том, что коммунисты выступали последовательными проводниками социалистических идей в деревне, поддерживали и направляли почин передовых представителей крестьянства в переустройстве хозяйственной жизни.

Состоявшийся в конце марта 1918 г. III Самарский губернский съезд РКП(б) наметил конкретные меры по организации сельскохозяйственных коммун из беднейших крестьян[4]. Уфимский губернский съезд РКП(б), проходивший весной 1918 г., решил всячески поддерживать и поощрять переход «от мелкого самостоятельного, непроизводительного хозяйства к высшим формам хозяйства — общественному»[5]. Подобные резолюции приняли Тверская губернская партийная конференция, вторая Тамбовская уездная конференция РКП(б). Последняя, в частности, предложила всем сельским партийным ячейкам принять «непосредственное участие в жизни и дея-

---

[1] Упрочение Советской власти в Москве и Московской губернии. Документы и материалы. Изд. Московский рабочий, 1958, стр. 276.

[2] «Красный архив», 1938, № 4—5, стр. 70.

[3] Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства (ЦГАОР и СС), ф. 478, оп. 1, д. 311, л. 298.

[4] Аграрная политика Советской власти (1917—1918 гг.). Документы и материалы. М., 1954, стр. 475.

[5] Там же, стр. 281—282.

тельности возникающих коллективов, входя в них в качестве их членов»[1].

Уездное совещание Ржевской организации РКП(б) Тверской губернии 7 апреля постановило приложить все усилия коммунистов, чтобы разъяснить крестьянам необходимость замены индивидуального разрозненного труда общим, организованным, коллективным с использованием усовершенствованных способов ведения сельского хозяйства и сельскохозяйственных машин. Только на этом пути, говорилось в резолюции, можно будет нашу земледельческую Россию поднять на должную ступень экономического развития, культуры и благосостояния[2].

Выполняя это решение, уездный комитет партии вскоре созвал уездную крестьянскую конференцию по земельному вопросу. В принятой резолюции конференция заявила, что для поднятия производительности сельскохозяйственного труда «надо отказаться от хозяйничания на маленьких клочках земли и объединиться в сельскохозяйственные коммуны и артели и, на основе кооперации, сообща обрабатывать землю и сообща пользоваться ее плодами. При такой постановке дела легче будет обзавестись новейшими сельскохозяйственными машинами и перейти к новейшим способам земледелия...»[3].

Такого рода конференции и съезды проходили почти повсеместно. Состоявшийся в феврале 1918 г. V Усманский уездный крестьянский съезд Тамбовской губернии в целях поддержания и поднятия земледельческой культуры решил «всеми силами содействовать и поднимать граждан к образованию сельскохозяйственных общин, кооперативов и коммун»[4]. II Старицкий уездный съезд волостных Советов крестьянских депутатов Тверской губернии, на котором присутствовало 511 делегатов, 4 апреля 1918 г. принял специальную инструкцию об образовании трудовых артелей в бывших помещичьих имениях. В первой её части определялись основные начала устройства артелей, во второй — как они должны работать. Статья 4 первой части инструкции гласила: «Подбор людей волостными и уездными отделами заканчи-

---

[1] См. Шарапов Г. В. Разрешение аграрного вопроса в России после победы Октябрьской революции, стр. 209.

[2] Аграрная политика Советской власти (1917—1918 гг.), стр. 477.

[3] Аграрная политика Советской власти, стр. 282—283.

[4] Там же, стр. 264.

вается к 1 мая сего года, после чего вновь поступающие члены артели могут быть приняты только с согласия уже создавшейся артели»[1].

20—22 мая состоялся Московский губернский съезд земельных отделов. По предложению коммунистов, был принят ряд решений о социалистическом строительстве в сельском хозяйстве. Указав на то, что земельные органы обязаны всеми средствами содействовать организации коллективных хозяйств, съезд поручил Губземотделу выработать и распространить среди крестьянской бедноты «Примерный устав трудовой сельскохозяйственной артели». Кроме того, в решениях съезда предусматривалось снабжение возникающих колхозов живым и мертвым инвентарем, семенами, денежными ссудами[2]. В том же месяце Орловский губернский земельный съезд вынес решение о первоочередном отводе земли коммунам[3].

Ярославский губернский земельный отдел в апреле 1918 г. издал и направил на места специальную брошюру под названием «Что такое трудовая коммуна и как ее организовать», с приложением устава сельскохозяйственной трудовой коммуны. В сопроводительной записке Губземотдел предлагал «популяризировать среди населения в широких размерах необходимость сорганизоваться в трудовые коммуны»[4].

Под влиянием большевистской пропаганды и партийного руководства, как и революционного энтузиазма самих крестьянских масс, коллективное движение месяц за месяцем стало быстро распространяться по стране. Начиная с января 1918 г., из разных концов страны уже стали систематически поступать сведения или о существовании коллективных хозяйств, или о намерении крестьян организовать коммуны и артели.

Так, безземельные крестьяне Воскресенской волости Галичского уезда Костромской губернии в составе 11 семей 17 января 1918 г. сорганизовали сельскохозяйственную коммуну на бывшей помещичьей земле в 260 десятин. Они имели свой устав, который был утвержден в на-

---

[1] Аграрная политика Советской власти, стр. 475—476.
[2] См. «Материалы по истории СССР», т. 1, стр. 190.
[3] См. «История СССР», 1959, № 5, стр. 81.
[4] Там же, стр. 94.

чале февраля уездным Советом[1]. В том же месяце возникла сельскохозяйственная артель в деревне Тишино Дмитровского уезда Московской губернии[2]. Тогда же в Диево-Городищенской волости Ярославской губернии возникла коммуна «1-я Ярославская». В ее уставе говорилось, что коммуна ставит своей целью — служить примером для населения в деле правильного развития и улучшения сельского хозяйства. Коммунары обязывались всеми силами защищать Советскую власть, проводить в жизнь все ее мероприятия, вести агитационную работу среди населения[3].

Как отмечалось в одном из сообщений, во Владимирской губернии крестьянские массы уже давно приступили к живой работе. Сбрасываются старые способы обработки земли, и крестьяне по-новому строят жизнь[4]. Первенцем коллективного движения в губернии явилась Тезинская коммуна в с. Преображенском Вязниковского уезда, основанная 1 января 1918 г. Вторым коллективом была Клюшниковская коммуна в Ковровском уезде, сыгравшая затем важную роль в развертывании колхозного движения не только в губернии, но и в республике. Она возникла 8 февраля 1918 г. по инициативе большевика Желтова, жителя той же деревни, и на первых порах объединила 75 бедняцких хозяйств[5].

Вслед за этими коммунами стали возникать коллективные хозяйства и в других местах губернии. В упомянутом выше сообщении говорилось, что в ходе коллективного движения ломаются прежние взаимоотношения между беднейшими крестьянами и их эксплуататорами-кулаками. Крестьяне соединяют вместе у кого что есть. Так, безлошадные села Скомово и деревни Калашниково Юрьев-Польского уезда из 30 семейств образовали коммуну. К этому подтолкнуло их желание обойтись без помощи богатеев. «Коммуна создает ее членам возможность не прибегать к старой мере пользоваться ло-

---

[1] «Красный архив», 1940, № 4, стр. 123.

[2] См. М. А. Карев. Победа колхозного строя в СССР. стр. 196.

[3] См. «История СССР», 1959, № 5, стр. 92—93.

[4] ЦГАОР и СС, ф. 478, оп. 1, д. 311, л. 279; «Красный архив», 1938, № 4—5, стр. 72.

[5] Газ. «Беднота», 14 апреля 1918 г.

шадкой кулака-соседа за обработку»[1]. Артель, организованная в Городищенской волости, при содействии уездного земельного отдела приобрела трактор, что позволило освободить 40 лошадей из числа находившихся в распоряжении артели[2].

Число коллективных хозяйств стало особенно увеличиваться с наступлением весенне-полевых работ. В это время успешно начала свою трудовую жизнь сельскохозяйственная коммуна близ станции Ютаза в Бугульминском уезде Самарской губернии. В нее вступило 20 семей из местных крестьян, которые внесли в общий фонд все свое достояние. Уездный Совет помог коммуне инвентарем и семенами, и ее члены развернули большую работу по организации коллективного хозяйства. Они хорошо провели посевную кампанию, засеяв несколько десятков десятин пшеницей, просом и гречихой. За работой коммуны с большим интересом следило окрестное население. Однако коммунарам не удалось воспользоваться плодами своего труда: в июле 1918 г. коммуна была разгромлена белогвардейцами[3].

Широкую известность не только в губернии, но и в стране получила Новорепинская коммуна Новоузенского уезда. Разруха сельского хозяйства, вызванная войной, недостаток рабочих рук и инвентаря — все это побудило крестьян объединиться для совместной работы. Вот что писала «Правда» об этой коммуне: «Все десятитысячное население волости выехало на полевые работы трудовыми артелями. Волостной Совет взял в свое ведение все отрасли хозяйства, а также и распределение труда. Спекулянты изгоняются. Безработных нет. «Мир хижинам, война дворцам», «Нетрудящийся, да не ест» — служат лозунгами артелей»[4].

Эта коммуна-гигант была основана волостным Советом. И надо сказать, что по инициативе низовых Советов коллективные хозяйства создавались во многих местах. Например, в Хославической волости Могилевской губернии исполком организовал из беднейшего населе-

---

[1] ЦГАОР и СС, ф. 478, оп. 1, д. 311, л 279, «Красный архив», 1938, № 4—5, стр. 72.

[2] ЦГАОР и СС, ф. 478, оп. 1, д. 311, л. 310.

[3] ЦГАОР и СС, ф. 478, оп. 1, д. 311, лл. 251, 303, «Красный архив», 1938, № 4—5, стр. 82.

[4] «Правда» 28 апреля 1918 г.

ния трудовую коммуну для обработки бывшего имения графини Салтыковой. Обработка полей и уход за племенным скотом происходили под непосредственным наблюдением агронома[1].

В те дни из Тверской губернии сообщалось, что насаждение коммун считается местными советскими работниками наилучшим способом проведения в жизнь Закона о социализации земли. Так, в имении «Вуконтово» Игнатьевской волости Зубцовского уезда образовалась коммуна из местных крестьян в числе 40 человек. Коммунары, говорилось в сообщении, в высшей степени спаяны в дружную семью. В хозяйстве с одинаковым успехом трудятся и мужчины, и женщины; причем последние даже не отстают в работе от мужчин[2].

В Велико-Архангельской волости Бобровского уезда Воронежской губернии для коллективной обработки земли было отведено бывшее имение графа Орлова-Давыдова. Весь мертвый и живой инвентарь предоставлялся артели[3].

По утверждению «Бюро печати» Наркомзема, Воронежская губерния вообще была богата коммунами. В том же Бобровском уезде для совместной запашки 40 000 десятин земли «объединились до 50 тыс. крестьян, так как весной надо было во что бы то ни стало запахать землю»[4]. В тех местах губернии, где до Октябрьской революции произошли погромы помещичьих имений, предпринимались меры к тому, чтобы собрать весь расхищенный сельскохозяйственный инвентарь и передать его коммунам и артелям, которые находились в стадии образования[5].

Для полноты картины, показывающей распространение коллективного движения по стране, приведем еще несколько характерных примеров.

Апрель. Тамбовская губерния Елатомский уезд. «В Гридинской волости в имении Покровском организуется из безлошадных крестьян Ермоловской волости тру-

[1] ЦГАОР и СС, ф. 478, оп. 1, д. 311, л. 300, «Красный архив», 1938, № 4—5, стр. 68.

[2] ЦГАОР и СС, ф. 478, оп. 73, д. 2, л. 86; «Красный архив», 1938, № 4—5, стр. 85.

[3] См. Аграрная политика Советской власти (1917—1918), стр. 477.

[4] ЦГАОР и СС, ф. 478, оп. 1, д. 311, л. 279.

[5] «Красный архив», 1938, № 4—5, стр. 67.

довая артель. В ее распоряжении будет 400 десятин земли. Волостной Совет снабжает их (коммунаров. — **В. К.**) живым и мертвым сельскохозяйственным инвентарем, причем артель обязуется работать под контролем Совета и сдавать все излишки хлеба в казну через местный Совет. Наемный труд не разрешается. Артель состоит из 30 человек»[1].

Май. В деревне Суходой Вятской губернии образована трудовая земледельческая артель. В нее «вошли 12 домохозяев с 42 работниками, 13 лошадьми, 22 коровами, 60 овцами. Артели выделен участок земли, на котором все работы производятся сообща. Нет ни раздельных полос, ни счетов и раздоров между сотоварищами. Весь результат урожая — хлеб, сено — будет делиться между хозяйствами, пропорционально едокам»[2].

В селе Тушне Симбирского уезда при содействии агитатора Симбирского комитета РКП(б) организована сельскохозяйственная коммуна в составе 20 семейств[3].

Тогда же была создана сельскохозяйственная артель в селе Ново-Троицком Ефремовского уезда Тульской губернии[4]. По другим источникам этот коллектив именуется коммуной «Братство и труд», которая была основана на надельных землях площадью 39 десятин. «В процессе формирования, — говорится в одном из документов, — к ней примкнуло еще несколько семей, так что количество земли дошло до 69 десятин на два десятка работоспособных. Все члены безлошадные и поэтому они обратились в ЦКЗ с просьбой о ссуде на приобретение сельскохозяйственных машин и орудий»[5].

Аналогичные заявления поступали в Народный Комиссариат земледелия со всех концов России. Так, Велико-Устюжский земельный отдел телеграфировал: «Образуются артели для обработки полей, оставшихся в силу различных условий в земельном фонде. Необходимы кредиты в размере 100 тыс.»[6].

---

[1] ЦГАОР и СС, ф. 478, оп. 1, д. 311, л. 334.

[2] «Красный архив», 1938, № 4—5, стр. 91.

[3] Борьба за установление и упрочение Советской власти в Симбирской губ. Сб. документов, Изд-во «Ульяновская правда», 1957, стр. 258.

[4] ЦГАОР и СС, ф. 478, оп. 1, д. 311, л. 302.

[5] ЦГАОР и СС, ф. 478, оп. 9, д. 32, л. 1; «Красный архив», 1940, № 4, стр. 132.

[6] ЦГАОР и СС, ф. 478, оп. 1, д. 311, л. 323.

Июнь. Псковская губерния Торопецкий уезд. «Образовавшаяся Бридинская сельскохозяйственная трудовая коммуна состоит из 50 землепашцев. Объединило членов коммуны сознание преимущества коллективного хозяйства перед единоличным... В распоряжении коммуны 160 десятин земли: пахотной 70 десятин и покосы 90 десятин. Земля в настоящее время засеяна. Хозяйство ведется при непосредственном участии агронома и скотовода, которые способствуют развитию сельскохозяйственной культуры в коммуне»[1].

В целях пропаганды коллективного труда Мосальский земельный отдел Калужской губернии разработал положение о трудовых артелях на землях бывших землевладельцев. В период весенне-полевых работ коллективная обработка земли в уезде велась в шести бывших экономиях с общим числом на них около 800 человек[2].

С наступлением весны 1918 г. заметно усиливается коллективное движение в Московской губернии. По данным опросных листов Наркомвнудела, разосланных в апреле волостным Советам губернии, 20 волсоветов из 65 сообщили или о существовании колхозов, или находящихся в стадии организации. В это время действовали Троицкая коммуна в Подольском уезде, Багаихская артель в Рузском уезде, Лаптевская коммуна в Коломенском уезде, Сходненская артель (коммуна) в Московском уезде[3].

Таким образом, практика социалистической перестройки сельского хозяйства уже в докомбедовский период выдвинула такие формы производственного кооперирования крестьянства, как коммуны, артели и товарищества.

Сельские партийные организации, коммунисты выступали застрельщиками объединения крестьян в коллективные хозяйства. 30 июня 1918 г. газета «Беднота» писала, что в Московской губернии развитие коммун ведется под руководством коммунистической организации большевиков. Зарегистрированные Наркомземом коммуны, отмечала газета, имеют прекрасно разработанные уставы и «ставят широко свою деятельность, охватывая

---

[1] ЦГАОР и СС, ф. 478, оп. 1, д. 311, л. 288.
[2] ЦГАОР и СС, ф. 478, оп. 6, д. 378, лл. 211—213.
[3] См. Материалы по истории СССР, т. 1, стр. 189.

земледелие, огородничество, пчеловодство, лесоводство, молочное хозяйство»[1].

Интересные сведения сообщила та же газета о коммуне «Взаимопомощь», образованной весной 1918 г. из 23 бедняцких хозяйств в селе Александровка Елецкого уезда Орловской губернии. Ее основателем был местный крестьянин-бедняк, член большевистской партии с марта 1917 г. С. Д. Лавров. С помощью советских органов коммуна засеяла 250 десятин земли. Она имела 25 коров, 17 рабочих лошадей, 38 свиней. Позднее коммунары приобрели трактор, две жнейки, построили молочную ферму и маслобойню. Все это позволило им образцово поставить хозяйство[2].

Как правило, коммунисты первыми вступали в образующиеся коллективные хозяйства. Так, в апреле 1918 г. крестьяне-большевики села Грейдева Тверской губернии обратились в центр с просьбой выслать им программу устройства коммуны. В своем послании они писали, что «только коммунистическое начало положит основание мирному и справедливому строительству»[3].

О ведущей роли коммунистов в колхозном строительстве можно судить по тому, что среди руководителей коммун и артелей к июлю 1918 г. их было около 40 процентов[4]. Как отмечал М. И. Калинин, Коммунистическая партия «не только приветствовала, не только приняла в лице своих членов активное участие в этом великом массовом порыве к коммунистическому строительству, но была и главным застрельщиком, увлекаясь с массами перспективами переделки крестьянина-индивидуалиста — в коллективиста»[5].

Поэтому неспроста о первых организаторах коммун и артелей с любовью говорили, что это — высокоидейные и талантливые люди, глубоко всматривающиеся в развитие русского революционного движения. В числе этих людей были представители рабочего класса, вы-

---

[1] Несколько ранее об этом сообщалось в «Информационном листке» бюро печати Наркомзема. См. ЦГАОР и СС, ф. 130, оп. 2, д. 440, л. 32; ф. 478, оп. 1, д. 311, л. 280.

[2] Газ. «Беднота, 8 декабря 1918 г., «История СССР», 1959, № 5, стр. 85.

[3] ЦГАОР и СС, ф. 478, оп. 1, д. 311, л. 283.

[4] «Красный архив», 1940, № 4, стр. 125.

[5] М. И. Калинин. За эти годы, кн. 2-я, М., 1926, стр. 279.

ступавшие в первых рядах строителей новой жизни в деревне.

Многие рабочие Петрограда, Москвы и других городов страны переселялись в сельскую местность, чтобы оказать помощь крестьянам. В январе 1918 г. в Петрограде по инициативе рабочих Обуховского и Семянниковского судостроительного заводов возникло первое Российское общество землеробов-коммунистов, а в средине года было создано второе такое общество. Они явились организаторами первых переселенческих коммун и артелей в центральных районах страны, в Казахстане, Сибири, Поволжье. Этот почин передовых рабочих одобрил В. И. Ленин. В специальной записке в Наркомзем В. И. Ленин писал: «Помогите, пожалуйста, подателям советом и указаниями... насчет того, как и где достать земли. Почин прекрасный, поддержите его всячески»[1].

18 марта 1918 г. члены первой коммуны в составе 200 семей (более 1000 человек) выехали в Семипалатинск. По распоряжению В. И. Ленина им предоставили поезд из 28 вагонов, оказали помощь техникой, инвентарем и другим необходимым оборудованием. Во главе коммуны стоял старый большевик А. Климкевич[2].

Вскоре рабочие переселенческие коллективы были созданы и в других частях страны. В Алтайский край, говорилось в обзоре о коммунах 27 июня 1918 г., готовятся к выезду коммуна из рабочих Обуховского завода и 1-я Московская трудовая коммуна[3].

Рабочие-коммунары приезжали на новые места эшелонами, привозили с собой целые мастерские. Таким путем обосновалась в Балашовском уезде Саратовской гу-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 38.

[2] Документы об этой коммуне опубликованы в «Историческом архиве», 1956, № 3.

[3] Представители этой коммуны смогли тогда добраться только до Пермской губернии и по договоренности с областным комиссариатом земледелия коммуна получила землю в Красноуфимском уезде. См. «Красный архив», 1940, № 4, стр. 135. Что касается Сибири, то только в Новониколаевском уезде Томской губернии петроградскими рабочими были основаны в 1918 г. коммуны «Первая обская», «Интернационал», «Балтфлот». См. Пестриков Ф. И. Борьба крестьянства Западной Сибири за власть Советов и проведение аграрных преобразований», М., 1958 (Об-во по распр. полит. и науч. знаний РСФСР). — На правах рукописи, стр. 27.

бернии «3-я Петроградская коммуна». Она состояла из 65 семей рабочих Петрограда, среди которых было много активных советских работников. В числе коммунаров имелись специалисты по сельскому хозяйству, техники, учителя и т. п.[1]

Появление городских рабочих вносило новую свежую струю в жизнь деревни. На примере деятельности коммунаров труженики деревни начинали понимать, что может дать общий труд в дружном коллективе, воодушевленном великой целью борьбы за социализм.

Активными строителями первых колхозов выступали и рабочие, которые по различным причинам оказались в деревне. Среди них видную роль занимали рабочие-отходники, возвратившиеся после фронта и Октябрьской революции в родные места. Почти все коммуны Мценского уезда Орловской губернии возглавляли рабочие. «Они пришли домой, — писала газета «Беднота», — буквально с голыми руками на пустое место. Но взяться за коммуну их заставила не одна только нужда. Народ этот в высшей степени сознательный»[2]. О том же свидетельствуют материалы по Костромской губернии[3].

В это время создавались также коммуны, состоящие полностью из рабочих. В феврале 1918 г. группа рабочих Сергиевско-Самарского завода в составе 76 человек организовали коммуну в Самарской губернии. С приходом белочехов коммунарам пришлось разойтись, и коммуна возродилась вновь уже в октябре месяце[4].

Одной из первых в Калужской губернии была коммуна «Красный городок», созданная рабочими в бывшем помещичьем имении при деревне Городня Натальинского сельсовета. Своей успешной работой, коммуна быстро завоевала признание крестьян-бедняков, которые вскоре стали пополнять ее ряды[5].

Представители рабочего класса приносили с собой присущие пролетариату сознательность, дисциплину, привычку к организации и всеми своими действиями кре-

---

[1] ЦГАОР и СС, ф. 478, оп. 1, д. 311, л. 74

[2] Герасимюк В. Р. Начало социалистической революции в деревне, стр. 27—28.

[3] «История СССР», 1959, № 5, стр. 88.

[4] «Красный архив», 1940, № 4, стр. 145.

[5] Шарапов Г. В. Разрешение аграрного вопроса в России после победы Октябрьской революции, стр. 222.

пили союз с деревенским пролетариатом и крестьянской беднотой. Все это, несомненно, накладывало серьезный отпечаток на ход аграрных преобразований.

Большой вклад в дело развития коллективного движения внесли демобилизованные солдаты и матросы, многие из которых вернулись в свои родные деревни коммунистами или прошли большую школу революционной закалки. И не случайно они часто выступали инициаторами создания первых коммун и артелей. По инициативе бывших фронтовиков, 15 февраля 1918 г. была организована 1-я Поволжская социалистическая коммуна в селе Ерзовке Царицынского уезда Саратовской (позже Царицынской) губернии[1].

На селе фронтовики пользовались огромным влиянием, и крестьяне внимательно прислушивались к их голосу. Они были непосредственными организаторами также коммуны в селе Щербатовке Елатомского уезда Тамбовской губернии и ряда других коллективов[2].

В первые сельскохозяйственные коллективы — коммуны и артели в основном шли бедняки и батраки. «В большинстве случаев коммунары, — говорилось в справке отделения о коммунах Народного комиссариата земледелия, — безлошадные и безынвентарные крестьяне или городские рабочие без средств»[3]. Об этом свидетельствуют посемейные и поимущественные списки членов-учредителей первых коллективов. Так, в Костромской губернии из 66 коллективов (26,9 проц. от общего числа коллективов к концу 1918 г.) — 14 были организованы безземельными крестьянами, 48 — безземельными и малоземельными и только члены четырех коллективов до революции были обеспечены землей[4].

Как известно, империалистическая война разорила трудящееся крестьянство; треть крестьянских хозяйств лишилась рабочих рук, резко сократилось поголовье рабочего скота, число безлошадных составило $^1/_3$ хозяйств[5].

---

[1] ЦГАОР и СС, ф. 478, оп. 1, д. 311, лл. 207—208, 282, «Красный архив», 1940, № 4, стр. 123.

[2] ЦГАОР и СС, ф. 478, оп. 1, д. 311, л. 283; ф. 393, оп. 4, д. 45, лл. 42, 43.

[3] ЦГАОР и СС, ф. 478, оп. 9, д. 32, л. 1; «Красный архив», 1940, № 4, стр. 126.

[4] «История СССР», 1959, № 5, стр. 86.

[5] См. Развитие советской экономики. Изд. АН СССР, 1940, стр. 11, 13.

Поэтому сама жизнь ставила перед крестьянами-бедняками в упор вопрос о переходе к общественной обработке земли, так как при отсутствии в достаточном количестве сельскохозяйственного инвентаря и рабочего скота невозможно было в одиночку обработать всю полученную землю. В Бреславской волости Тамбовской губернии «безлошадные крестьяне из 8 дворов в числе 62 человек составили коммуну. Прежде эти крестьяне работали на помещика, были его подневольными рабами, теперь же они вольные члены дружного общества и все вместе будут бороться за улучшение своего существования»[1].

В создании коллективных хозяйств деревенская беднота видела выход из тяжелого экономического положения и «надежный способ материального освобождения от угнетателей». Например, из Вологодской губернии сообщалось, что во многих местах беднейшие крестьяне не делят землю на клочки, не распыляют свой труд, а, напротив, соединяются вместе с тем, чтобы сообща побороть нужду, гнет кулаков и сказать себе: «Я жну плоды своего труда в свою пользу»[2].

В сообщении из Пензенской губернии говорилось, что в крестьянской массе наблюдается стремление на общественных началах обрабатывать землю. Так, крестьяне села Андреевки Чембарского уезда писали: «довольно хозяйничать в одиночку, от этого мы терпим много горя и при всем нашем стремлении не можем поправить своего хозяйства». Уже в первой половине 1918 г. в губернии было зарегистрировано 20 коммун, из коих десяти была оказана помощь местными советскими органами[3].

В материалах земельных органов постоянно подчеркивалось, что коллективные хозяйства организуются из наиболее сознательных крестьян, понимающих преимущества коллективного хозяйства перед единоличным. Уже тогда передовые крестьяне мечтали о машине, передовой агротехнике. Как говорилось в одном сообщении, во всех местах России сказывается страстное «желание бросить соху и перейти на машину, призвать на службу агронома и создать культурное хозяйство»[4].

---

[1] ЦГАОР и СС, ф. 478, оп. 1, д. 311, л. 283.
[2] Там же, л. 279.
[3] Там же, л. 281.
[4] Там же.

В рассматриваемый период наиболее распространенной формой коллективных хозяйств были коммуны. Причем создавались они преимущественно (до 80 процентов) на бывших помещичьих землях[1]. Такое положение объяснялось тем, что конфискованное имение представляло собой готовое и зачастую вполне оборудованное крупное хозяйство с жилыми и хозяйственными постройками, инвентарем, запасами семян и продовольствия.

При организации коммун на базе бывших частновладельческих экономий принимались во внимание несомненные выгоды крупных хозяйств. Поэтому многие земельные органы местных Советов старались по возможности не дробить большие земельные площади на маленькие клочки, не распылять живой и мертвый инвентарь. Как сообщалось из Самарской губернии, в Бугульминском уезде «коммуны ставят своей задачей сохранить культурные хозяйства бывших помещиков»[2]. Во всяком случае предполагалось, что только коллективу под силу перенять и рационально вести крупные, хорошо организованные хозяйства в бывших экономиях, применять улучшенные приемы обработки почвы для поднятия производительности земли, развить подсобные отрасли — садоводство, огородничество, скотоводство и т. д.[3]

В ряде мест члены коллективов брали на себя определенные обязательства. Например, члены трудовой коммуны в бывшем имении Щербатова (деревня Колычево Жилевской волости Серпуховского уезда) заключили с Московским губземотделом условие, по которому они поручались с осени произвести запашку под яровые 20 десятин земли, привести в порядок фруктовый сад, подготовить две десятины земли под огороды[4].

Некоторые местные земельные органы осуществили ряд предупредительных мер с целью сохранения в бывших имениях посевного материала, живого и мертвого инвентаря, имея в виду организацию в них с осени новых коллективов. Так, Мосальский уездный земотдел Калужской губернии при выдаче нуждающимся семенного

---

[1] См. ЦГАОР и СС, ф. 130, оп. 2, д. 248, лл. 59—60.
[2] ЦГАОР и СС, ф. 478, оп. 1, д. 311, л. 282.
[3] См. ЦГАОР и СС, ф. 130, оп. 2, д. 248, лл. 59—60; там же, ф. 478, оп. 9, д. 32, л. 30.
[4] ЦГАОР и СС, ф. 478, оп. 9, д. 32, л. 30.

материала оговаривал возвращение семян после снятия урожая. На таких же условиях представлялся в пользование живой и мертвый инвентарь[1].

Благодаря содействию местных органов Советской власти многие коллективные хозяйства получили в пользование бывшие помещичьи имения со всеми землями, постройками, живым и мертвым инвентарем. Такие коллективы, как правило, создавались из бывших батраков, безземельных и безлошадных крестьян, местных и пришлых рабочих, интеллигенции. Ввиду этого было немало смешанных коммун, состоящих из крестьян, рабочих и других групп населения. Примером такого коллектива может служить коммуна «Путь к светлому будущему», организованная в начале 1918 г. в Тросняковской волости Мещевского уезда Калужской губернии. В ней состояли четыре крестьянских и 10 рабочих семей[2].

Некоторое представление о составе коммун дают опросные анкеты Саратовского губземотдела по 20 коммунам и артелям. Из них видно, что, кроме местных бедняцких крестьян-земледельцев, в состав коммун входили 4 агронома, 4 учителя, 10 кузнецов, 13 слесарей, 24 плотника, 7 портных, 15 сапожников и 35 человек других профессий[3].

В ряде мест, в частности в Московской, Орловской, Пензенской, Вятской и других губерниях, существовали коммуны, состоящие исключительно из представителей интеллигенции — учителей, агрономов, врачей. В отдельных уездных центрах создавались городские коммуны[4].

Коллективные хозяйства создавались и на надельных землях. Они объединяли местных малоземельных крестьян и получили распространение там, где не было значительной материальной основы, каковой являлись бывшие помещичьи экономии. Так, Орловский уездный земельный отдел Вятской губернии докладывал, что трудовые артели-коммуны «организуются исключительно из кре-

---

[1] ЦГАОР и СС, ф. 478, оп. 6, д. 378, л. 213.

[2] ЦГАОР и СС, ф. 478, оп. 6, д. 550, лл. 12, 13, 14; Г. В. Шаранов, Разрешение аграрного вопроса в России после победы Октябрьской революции, стр. 222.

[3] «Красный архив», 1940, № 4, стр. 139.

[4] «Красный архив», стр. 125, 134, 141; ЦГАОР и СС, ф. 478, оп. 6, д. 378, л. 255; «История СССР», 1959, № 5, стр. 82.

стьянства и на надельных землях, так как в уезде более или менее крупных земель (государственного фонда) не имеется, за исключением одного частновладельческого имения, взятого уездным земотделом на учет и ведущего там советское хозяйство»[1].

Уже в то время на надельных землях преобладающей формой коллективных хозяйств становились сельскохозяйственные артели и товарищества. В апрельском номере «Информационного листка» бюро печати Наркомзема отмечалось, что в Курской губернии намечается ряд артелей по совместной обработке земли[2]. А в таких губерниях, как Костромская и Орловская, среди сельскохозяйственных коллективов вообще преобладали артели (без относительно того, на каких землях они возникали). В Костромской губернии на 1 июля 1918 г. из 99 коллективных хозяйств было 89 артелей и только 10 коммун[3].

Имелись случаи создания артелей на хуторских землях. В качестве примера можно привести Пятницкую трудовую земледельческую артель, образованную бывшими хуторянами из 8 семей в Богородицком уезде Тульской губернии. Она получила 64 десятины земли, располагала достаточным количеством живого и мертвого инвентаря[4].

Заслуживают внимания артели, создавшиеся с целью совместного приобретения и использования семян, живого и мертвого инвентаря. В них объединились ослабленные за годы войны хозяйства и лица, возвратившиеся из городов на землю вследствие безработицы. Широкое распространение они нашли, в частности, в Бронницком уезде Московской губернии. В мае 1918 г. здесь насчитывалось 40 таких артелей, а к концу весеннего сева их было уже 60. Некоторые из них совместно обрабатывали землю и по своему характеру приближались к земледельческим коммунам. Большинство артелей состояло из 15—20 хозяйств, но были и такие, которые объединяли до 100 и более крестьянских хозяйств (артели Софьинская, Мачковская, Синьковская). В общей сложности

---

[1] ЦГАОР и СС, ф. 478, оп. 6, д. 378, л. 254.
[2] См. «Красный архив», 1938, № 4—5, стр. 65.
[3] ЦГАОР и СС, ф. 478, оп. 9, д. 18, лл. 1—3.
[4] См. Аграрная политика Советской власти (1917—1918 гг.), стр. 486.

все 40 артелей объединяли до 1500 хозяйств. Им было выделено 97 плугов, 3027 пудов семян овса и 2980 пудов семян картофеля, а также долгосрочный кредит на приобретение семян, машин и лошадей в 200 тысяч рублей[1].

Опыт организации таких артелей имел весьма важное значение. Благодаря им беднейшие крестьяне могли освоить полученную землю и в то же время создавалась возможность обработать и засеять как можно большие площади полей, многие из которых были запущены в период войны.

С другой стороны, эта простейшая форма кооперации вырабатывала у крестьян зачатки коллективизма и способствовала их постепенному переходу к социалистическому земледелию. Достаточно сказать, что к концу 1918 г. в Бронницком уезде существовало уже 105 коллективных хозяйств. Из 67 хозяйств 26 имели общественную запашку, 21 хозяйство не имело, а 20 — являлись машинными товариществами[2].

Наряду с «чисто» земледельческими артелями существовали артели по обработке садов и огородов, рыболовецкие, пчеловодческие и другие. Большое значение имела организация артелей по ремонту и изготовлению сельскохозяйственного инвентаря и машин.

В майском номере газеты «Голос трудового крестьянства» сообщалось: «Артель по выработке и ремонту сельскохозяйственных машин и орудий работает в селе Турубаеве Паршинской волости (Владимирская губ. — **В. К.**) и занята в настоящее время, главным образом, ремонтом, чем оказывает громадную помощь населению»[3]. В другом конце страны, в Челябинском уезде Оренбургской губернии, действовала артель техников и мастеровых по ремонту и производству сельскохозяйственных машин. Комиссариат земледелия оказал артели материальную поддержку, выделив ей 3 тыс. рублей[4].

Следует отметить, что на местах не всегда проводилось четкое различие между коммунами и артелями. В одном из докладов Мосальского земельного отдела говорилось, что уже «с весны в пределах уезда было

---

[1] См. Материалы по истории СССР, т. 1, стр. 193—194, 198—199.
[2] Там же, стр. 199, примечание.
[3] «Голос трудового крестьянства», № 132, 25 мая 1918 г.
[4] Газ. «Беднота», № 59, 8 июня 1918 г.

создано пять трудовых артелей с явно выраженными принципами коммунистического характера[1]. Довольно часто в отмеченных материалах встречается название «артель-коммуна». Так, в одной из сводок говорилось: «В Юхновском уезде (Смоленская губерния) насчитывается до 50 артелей-коммун»[2].

Естественно, что такое положение значительно затрудняет выяснение как характера того или иного коллективного хозяйства, так и количественного соотношения коммун и артелей. К тому же Наркомзем в начале своей деятельности не вел их постоянного учета. Более или менее точные данные о них стали поступать со времени образования 30 мая 1918 г. отделения о коммунах. Однако три его сотрудника[3] не в состоянии были, конечно, своевременно обрабатывать поступающий материал. Институт инструкторов по коммунам был учрежден в конце июня, и они смогли выехать на места лишь в июле месяце[4]. Поэтому сведения относительно количества коллективных хозяйств за первую половину 1918 г., имеющиеся в архивных фондах, далеко не полны и противоречивы.

Все это наложило отпечаток на работы исследователей, занимающихся изучением истории колхозного движения. Так, Н. Скрыпнев указывает, что уже к лету 1918 г. «имелись сведения о 500 коммунах, не считая артелей и товариществ».

Однако буквально на следующей странице он пишет: «до образования комбедов, т. е. с января по июнь, было создано всего лишь 40 коллективов»[5]. По мнению И. А. Гладкова, до образования комбедов на всю страну насчитывалось несколько десятков артелей и коммун, а «в первый месяц деятельности комбедов — в июне 1918 г. — было организовано свыше 200 новых коллективных хозяйств, гораздо больше, чем за семь месяцев существования Советской власти»[6]. Того же мнения при-

---

[1] ЦГАОР и СС, ф. 478, оп. 6, д. 378, лл. 211—212.
[2] ЦГАОР и СС, ф. 478, оп. 1, д. 311, л. 82.
[3] ЦГАОР и СС, ф. 478, оп. 9, д. 32, л. 2.
[4] Там же, оп. 1, д. 311, л. 275.
[5] Скрыпнев Н. Первые шаги социалистического переустройства сельского хозяйства в 1918—1920 гг., стр. 25—26.
[6] Гладков И. А. В. И. Ленин — организатор социалистической экономики, М., 1960, стр. 138.

держивается Г. В. Шарапов[1], а также ряд других историков.

В газете «Правда» за 20 декабря 1918 г. действительно указывалось, что к 1 июля было зарегистрировано по стране 242 коммуны. Такие же данные приводятся в материале для доклада в Совнарком, подводящем итоги **первой фазы** проведения закона о социализации земли на местах. Но при этом в документе подчеркивается, что речь идет о коммунах, местонахождение которых точно известно отделу, тогда как в действительности их имеется более 500[2]. Эта цифра фигурирует и в справке отделения о коммунах Наркомзема[3]. Любопытно, что в этих и многих других материалах в качестве примеров приводятся коммуны, организация которых относится к весне 1918 г.

Однако установить по имеющимся материалам время организации коммун и точное количество их в докомбедовский период не представляется возможным. На наш взгляд, ближе к истине в этом вопросе подошел С. П. Трапезников. Ссылаясь на обзор «Известий ВЦИК», он отмечает, что по 30 губерниям страны было зарегистрировано 349 коммун и почти все они были основаны в марте — мае месяцах[4]. Эта цифра согласуется с данными (если им верить) отделения коммун Наркомзема, опубликованными в «Информационном листке» бюро печати 2 июля 1918 г. К этому времени отдел зарегистрировал более 500 коммун, с четвертой частью которых он поддерживал переписку и оказывал им содействие[5].

Стало быть, в приведенных материалах указывается на существование к 1 июля 500 коммун. Если из этого числа убавить 202 коллектива, организованных в июне, то окажется, что в докомбедовский период имелось около 300 коммун. О том, что их рост падает на весенние

---

[1] См. Шарапов Г. В. Указ. монография, стр. 202.

[2] ЦГАОР и СС, ф. 478, оп. 9, ед. хр. 32, л. 2. Кстати заметим, что первое время в Наркомземе велся учет только коммун. Не исключено, что в их число могли быть включены отчасти и артели.

[3] ЦГАОР и СС, ф. 478, оп. 9, д. 32, л. 1.

[4] См. Трапезников С. П. Аграрный вопрос и ленинские аграрные программы в трех русских революциях. М., 1963, стр. 499.

[5] ЦГАОР и СС, ф. 478, оп. 1, д. 311, л. 271.

месяцы, подтверждают данные анкеты Крестьянской секции ВЦИК. Из 75 ответов, полученных с мест, видно, что «почти все коммуны» были основаны в марте—мае 1918 г.[1] Весной 1918 г. только в Самарской губернии насчитывалось 60 коммун[2]. По сообщению газеты «Петроградская правда» от 8 июня 1918 г., «в 20 уездах Уральской области образовалось до 40 сельскохозяйственных коммун деревенской бедноты».

Что касается количества сельскохозяйственных артелей, то первые обобщенные сведения о них имеются на 29 августа 1918 г. К этому времени отделением коммун Наркомзема было зарегистрировано 88 трудовых артелей[3].

В конечном счете дело не столько в количестве коллективных хозяйств (хотя и это имеет немаловажное значение), сколько в самом факте коллективного движения передовой части крестьянства. И в данном случае нельзя не согласиться с мнением местных партийных и советских работников. Так, заведующий Калужским губземотделом 9 декабря 1918 г. докладывал в Наркомзем, что даже тогда в губернии имелось много незарегистрированных коммун, так как земельные органы не успевали вовремя соответственно их оформить: выработать устав, инструкции и т. п. Однако, заключал автор, для них не так важно, если коммуна не зарегистрирована и не оформлена; главное в том, что крестьянство начинает проникаться духом сознания и пониманием действительной пользы общественной обработки земли. «Вот как раз это-то и очень важно, когда сама жизнь заставляет жить коммуной и они строятся везде и всюду»[4].

Местные партийные и советские органы, возглавляя коллективное движение, стремились по возможности избегать торопливости в этом новом и сложном деле, накапливая и изучая первый опыт строительства коллек-

---

[1] ЦГАОР и СС, ф. 130, оп. 2. д. 248, л. 59.

[2] Медведев Е. И. Аграрные преобразования в Самарской деревне в 1917—1918 гг. Куйбышев, 1958, стр. 52.

[3] ЦГАОР и СС, ф. 478, оп. 1, д. 311, л. 160. Эти данные весьма относительны. В «Информационном листке» Наркомзема еще 5 августа сообщалось, что только по Костромской губернии зарегистрировано 82 артели. ЦГАОР и СС, ф. 130, оп. 2, д. 440, л. 66.

[4] ЦГАОР и СС, ф. 478, оп. 6, д. 378, л. 69.

тивных форм в сельском хозяйстве. В начале мая 1918 г. из Суздальского уезда Владимирской губернии сообщалось, что земельный отдел осаждается различной публикой «с целью образовать трудовые артели». Но, несмотря на настойчивые требования, уездный Совет стремился «удовлетворять ходатайства с большой осторожностью» и, прежде всего, сельскую бедноту. С учетом всего этого Совет организовал Союз сельскохозяйственных кооперативов, при посредстве которого беднота могла «получить землю, сельскохозяйственные орудия, машины и семена для общественной обработки». Причем земли для трудовых артелей, объединенных в «Союз», предназначались к выдаче в июне — июле, когда «после посева ярового выяснится наличность свободных участков»[1].

Во многих исследованиях принято связывать быстрый рост коллективных хозяйств в июне 1918 г. с организацией Комитетов бедноты. Но ведь известно, что их деятельность развернулась в июле и, особенно, в августе, ибо она не могла принять широкий размах с момента учреждения комбедов 11 июня 1918 г.

Очевидно, правильнее будет связывать рост коммун в то время с деятельностью рабочих продотрядов, сыгравших решающую роль в сплочении деревенской бедноты и в организации самих комбедов. Достаточно сказать, что уже в первой половине июня в распоряжении Главного управления по формированию продармии числилось свыше двух тыс. человек, действовавших в ряде губерний. Под воздействием рабочего класса многие коллективы становились прочной опорой Советской власти в деревне, её верными помощниками в проведении продовольственной политики. Так, коммуны в деревнях Михомелово, Бородино и других Грязовецкого уезда Вологодской губернии ставили «своей задачей, борясь с голодом, бороться с мешочничеством и поддерживать план общегосударственной заготовки хлеба»[2].

Движение трудящихся крестьян за создание коллективного хозяйства с самого начала своего возникновения проходило в острой классовой борьбе. Ярыми его противниками выступали кулаки, применявшие самые различные формы борьбы против коммун и артелей, вплоть

---

[1] ЦГАОР и СС, ф. 478, оп. 1, д. 311, лл. 322—323.
[2] Там же, л. 279.

до вооруженного нападения на них и убийства коммунаров.

Прежде всего, они предъявляли настойчивые претензии на наследие помещиков и при случае прибирали к рукам все, что только могли. Перед организацией коммуны в имении Вуконтово Игнатовской волости Тверской губернии местные кулаки постарались растащить инвентарь, уничтожить пчельник и наполовину фруктовый сад. И только решительное вмешательство уездного земельного отдела, отправившего «пять кулаков в кутузку», предотвратило окончательное разорение этого имения[1].

Наряду с этим сельские богатеи, чтобы сохранить свое хозяйство и приобщить к нему имущество конфискованных поместий, прибегали к созданию фиктивных коллективов. Такая лжекоммуна была образована в бывшем имении Мусина-Пушкина Мологского уезда Ярославской губернии. За время ее существования хозяйство пришло в сильный упадок[2]. А в «коммуну» при селе Талдом Калязинского уезда Тверской губернии входили кулаки, попы и прочая эксплуататорская братия[3]. С весны в Весьегонском уезде было организовано в бывших поместьях 9 коммун-артелей, но после их обследования оказалось, что во главе некоторых из них стояли прежние владельцы, получая доходы от таких хозяйств в свою пользу[4].

Подобные явления имели место в Петроградской губернии. Здесь насаждение лжекоммун и артелей происходило при прямом участии левых эсеров, засевших в губернской земельной управе[5]. В то же время они всячески мешали организации подлинных коллективных хозяйств из деревенской бедноты. В Орловской губернии, например, некоторые уездные земотделы, возглавляемые левыми эсерами, не только не занимались созданием коллективов, но порой дезорганизовали их работу: воз-

---

[1] ЦГАОР и СС, ф. 478, оп. 73, ед. хр. 2, л. 86.

[2] См. «Красный архив», 1940, № 4, стр. 144—145.

[3] Там же, стр. 125.

[4] ЦГАОР и СС, ф. 478, оп. 6, ед. хр. 377, л. 38; оп. 1, ед. хр. 311, л. 273.

[5] Управа была упразднена 5 августа 1918 г. и вместо нее был образован губернский земельный отдел. См. ЦГАОР и СС, ф. 478, оп. 6, д. 231, л. 4.

никающие коммуны не регистрировались и им не оказывалось никакой помощи. Ввиду этого они или «быстро распадались или существовали самостоятельно, входя непосредственно в связь с Народным Комиссариатом земледелия»[1].

В ряде мест, засевшие в земельных органах левые эсеры, передавали в раздел всю конфискованную землю. Например, в Задонском уезде Воронежской губернии из запасного фонда не было выделено для организации коллективных хозяйств ни одной десятины земли[2].

Создавая лжекоммуны и артели, кулаки стремились опорочить идею кооперативного объединения крестьян. Нередко пробравшиеся в волостные и сельские Советы кулацкие элементы препятствовали выделению коллективам земли, скота, инвентаря и т. п. Так поступил состоявший из богатеев Ошейкинский волостной Совет Волоколамского уезда Московской губернии в отношении безземельных крестьян, объединившихся в количестве 45 человек в коммуну. Коммунары с трудом получили 30 десятин земли, но им было отказано в пользовании бывшим частновладельческим инвентарем[3].

Сельские богатеи, кулаки и торговцы яростно нападали на членов коммун и артелей, сеяли рознь между ними, клеветали на Советскую власть. Заодно с ними действовало духовенство, которое запугивало крестьян всякими «небесными» карами, называя коммуны «бесовским навождением»[4]. В своей ненависти враждебные элементы совершали акты террора против организаторов коллективных хозяйств. Так, в дом председателя Новорепинской коммуны была брошена граната, разрывом которой была убита его 4-летняя дочь и ранена старуха-мать[5].

Враждебные действия кулачества вызывали еще большее сплочение крестьянской бедноты и принятие ответных мер. Это нашло отражение в Уставах отдельных коммун. В Уставе, например, Шоботовской коммуны Боровичского уезда Новгородской губернии имелся та-

---

[1] ЦГАОР и СС, ф. 478, оп. 1, д. 315, л. 177.
[2] ЦГАОР и СС, ф. 478, оп. 6, д. 378, л. 65.
[3] ЦГАОР и СС, ф. 478, оп. 1, д. 311, л. 288.
[4] См. ЦГАОР и СС, ф. 478, оп. 1, д. 311, лл. 282, 283.
[5] ЦГАОР и СС, ф. 478, оп. 73, д. 2, л. 78.

кой важный пункт: «Коммуна следит за действиями деревенских кулаков и ни в коем случае не допускает эксплуатации деревенской бедноты и (возможности) нанимать тайно или явно граждан на обработку земли»[1].

Коммунистическая партия и Советское правительство оказывали всевозможную помощь в становлении коммун и сельскохозяйственных артелей, видя в них первые ростки социалистических отношений в деревне. Говоря словами В. И. Ленина, наша партия прекрасно знала, что «эти товарищества, артели и коллективные организации являются новшеством, и если ему не оказывать поддержку со стороны рабочего класса, стоящего у власти, то оно не привьется»[2].

Коллективные хозяйства в первую очередь наделялись землей, снабжались семенами, сельскохозяйственным инвентарем, получали денежные ссуды. На их нужды по линии Наркомзема было отпущено: в апреле — 62 900, в мае — 382 180, в июне — 166 370 руб.[3]

Размеры и назначение выдаваемых ссуд были различны. Так, Бридинская трудовая коммуна (Псковская губерния) получила 30 500 руб., Ново-Троицкая коммуна (Тульская губерния) — 40 000 руб. на приобретение сельскохозяйственных машин и орудий; трудовая коммуна при селе Андреевском (Звенигородский уезд Московской губ.) — 3 тыс. руб. на покупку семян[4]. Согласно справке отделения коммун Наркомзема, только восьми коммунам через местные Советы была выдана ссуда на общую сумму 131 370 руб.[5]

Материальная и организационная помощь со стороны Коммунистической партии и Советского правительства создавала необходимые предпосылки для нормальной хозяйственной деятельности коммун и артелей. Уже первые результаты их работы служили наглядным примером выгодности обобществленного труда и хозяйства.

---

[1] ЦГАОР и СС, ф. 478, оп. 1, д. 311, л. 281.

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 376.

[3] См. «Красный архив», 1940, № 4, стр. 124; «Беднота», № 228, 31 декабря 1918 г.

[4] ЦГАОР и СС, ф. 480, оп. 1, д. 311, лл. 288, 313; оп. 9, д. 32, л. 1.

[5] ЦГАОР и СС, ф. 478, оп. 9, д. 32, л. 1. В материалах для доклада в Совнарком говорилось, что «восьми коммунам выданы ссуды разного размера от 1 до 200 тыс. рублей, в общем 231 370 рублей». Там же, л. 3.

За короткий промежуток времени им удалось расширить посевные площади, улучшить качество обработки полей, организовать подсобные отрасли производства. Живые примеры успешной работы коллективов, сообщалось с мест, становились «убедительней всякой пропаганды» и земотделы получали массу ходатайств об открытии артелей[1].

Для характеристики деятельности первых коллективных хозяйств большой интерес представляют материалы I Всероссийского съезда сельскохозяйственных коммун и артелей, состоявшегося в декабре 1919 г. Из них видно, что к этому времени многие коммуны и артели, образовавшиеся в 1918 г., становились прочными объединениями и служили примером для вновь создаваемых коллективных хозяйств. В частности, в докладе представителя Тверской губернии отмечалось, что в Весьегонском уезде колхозы «не только обеспечили себя хлебом, но имеют даже некоторые излишки», которые будут переданы неимущим коллективам[2]. О том же говорилось в докладах делегатов Московской и Тульской губерний[3].

Конечно, коммуны и артели еще не могли тогда показать всех преимуществ крупных социалистических хозяйств. Крупными они были лишь по сравнению с мелкими крестьянскими хозяйствами. Количество земли, принадлежавшее отдельным коммунам, колебалось в пределах от 40 до 80 десятин. Они объединяли от 12 до 30 семей или дворов[4].

Так, образовавшаяся в июне 1918 г. Быковская коммуна (Орловский уезд Вятской губ.) объединяла 11 крестьянских хозяйств в количестве 63 едоков и имела в своем распоряжении 65,68 десятины земли. Из них пашни—37,32, сенокоса—14,0, выгона—8,36 десятины, 6,00 десятин было выделено во временное пользование из запасного земельного фонда[5].

Среди мелких коммун встречались и крупные кол-

---

[1] ЦГАОР и СС, ф. 478, оп. 6, д. 378, л. 213.

[2] «Красный архив», 1939, № 5, стр. 33.

[3] См. там же, стр. 18, 25.

[4] См. ЦГАОР и СС, ф. 480, оп. 1, д. 311, л. 160. Примерно такие же данные приводятся в анкете крестьянской секции ВЦИК по 75 коммунам. Там же, ф. 130, оп. 2, д. 248, лл. 59—60.

[5] Там же, ф. 478, оп. 6, д. 378, л. 255.

лективы. Создание крупных коллективов имели место в Самарской, Воронежской и Орловской губерниях[1].

Однако число таких коллективных хозяйств было незначительным. Причем первое время сами крестьяне избегали создания крупных коммун. Прежде нужно, говорили они, добиться идейной спайки и прочного состава в небольшом коллективе. К тому же низкая материальная и техническая обеспеченность, острая нехватка агрономических сил и отсутствие опыта — все это затрудняло ведение хозяйства в крупных масштабах.

Одна из серьезных трудностей в общем строительстве коллективных форм хозяйства состояла в новизне дела. Первые организаторы коммун и артелей имели весьма смутное представление о принципах ведения коллективного хозяйства, об организации труда и распределения, о сочетании личных и общественных интересов и т. д.

Тем больший интерес представляют творческие поиски крестьянских масс на этом пути. Свидетельством тому служат сохранившиеся Уставы первых коммун и артелей. Они составлялись на местах самими крестьянами при содействии советских земельных органов и воплотили в себе мысли и стремления деревенской бедноты, объединившейся в колхозы. Последние рассматривались в Уставах как путь перестройки сельского хозяйства на новых началах и повышения благосостояния крестьянства.

В Уставах коллективных хозяйств отчетливо выражалась их классовая направленность. Своей главной задачей, отмечалось в Уставе Клюшниковской коммуны, она ставит «организацию, объединение беднейших слоев деревни и города». При этом подчеркивалось, что ее членами не могут быть помещики, кулаки, торговцы, спекулянты и прочие паразитические элементы[2].

В основу Уставов был положен принцип добровольности объединения в коллективы. Ко всем членам коммун и артелей предъявлялось требование не только признавать Устав, но и личным трудом принимать участие в работах коллективного хозяйства. Согласно уставу Клюшниковской коммуны, наемный труд допускался

---

[1] ЦГАОР и СС ф. 478, оп. 9, д. 32, л. 1; там же, оп 1, д. 311, лл. 151, 243, 264, 282, 279; «Красный архив», 1940, № 4, стр. 124, 138; 1938 г., № 4—5, стр. 72.

[2] ЦГАОР и СС, ф. 478, оп. 2, д 237; «Беднота», № 17, 14 апреля 1918 г.

только по тем видам работ, по которым не было своих специалистов и лишь до тех пор, пока не будут подготовлены собственные кадры.

Высшим органом коммуны являлось общее собрание ее членов и только ему принадлежало право устанавливать порядок ведения хозяйства, утверждать и решать все дела коммуны. Для повседневного руководства делами коллектива избирались правление или Совет коммуны, которые были подотчетны общему собранию и в своей деятельности руководствовались его постановлениями. При всем этом в Уставах подчеркивалось, что коллективные хозяйства работают под руководством советских органов и считают своей важнейшей обязанностью проводить в жизнь все мероприятия Советской власти.

Однако в первых Уставах далеко не достаточно были разработаны вопросы, связанные с организацией производства, труда и распределения доходов. Мало вносили чего-либо нового и выработанные губернскими и уездными земельными отделами примерные Уставы коммун и артелей. В коммунах происходило полное обобществление орудий и средств производства, быта и продуктов труда. У каждого вступающего в коммуну проводилась опись всего имущества и оценка его для передачи в общее пользование. В большинстве Уставов подчеркивалось, что «все должно быть общим, никто ничего не должен называть своим, каждый работает по своим силам и получает по своим потребностям»[1].

Исходя из этих коренных начал жизнедеятельности коммуны, за счет общественного хозяйства должны были удовлетворяться и все нужды коммунаров. «Каждый член и семья его, — говорилось в Уставе Троицкой коммуны Костровской губернии, — пользуется всем необходимым для жизни из общей кассы и запасов общины, как-то: имеют общую столовую, получают на дом чайное довольствие и молочные продукты, получают одежду, учебные пособия для детей и т. д.»[2].

Вполне очевидно, что составители Устава первых коммун, беря за основу коммунистический принцип распределения, руководствовались лишь благими желания-

---

[1] ЦГАОР и СС, ф. 478, оп. 9, д. 32, л. 2.
[2] «История СССР», 1959, № 5, стр. 89.

ми, без учета состояния данного хозяйства, его производственно-экономической базы. Да и вообще уровень развития производительных сил в деревне был далеко недостаточен для того, чтобы успешно строить коллективное земледелие на принципах коммуны. Поэтому на деле часто получалось так, что установленные в коммуне нормы потребления отражали лишь ее возможности, а не запросы самих коммунаров и их семей. В этих условиях распределение результатов труда «по потребностям» вело к мелкобуржуазной уравниловке, к ослаблению материальных стимулов для повышения производительности труда. С другой стороны, полное обобществление не только основных средств производства, но и всего имущества вплоть до предметов быта не могли способствовать установлению правильного сочетания общественных и личных интересов членов коллектива. Все это составляло наиболее слабую сторону в деятельности коммун.

Однако в ряде документов местных партийных органов коммуны рассматривались как высокоразвитые хозяйственные объединения, экономические отношения в которых строятся не на основе мелкобуржуазной уравниловки, а в зависимости от трудовых затрат отдельными коммунарами. Так, в резолюции III Самарского губернского съезда РКП(б) довольно четко определялись внутренний порядок и характер их деятельности. В ней подчеркивалось, что продукты производства являются общим достоянием коммуны. Причем «часть из них поступает в общенародное пользование на образование, развитие культуры и промышленности, технические усовершенствования и другие общественные нужды. Остальные поступают на удовлетворение личных потребностей членов коммуны и распределяются по числу рабочих рук в виде заработной платы»[1].

То же самое можно сказать о коммунах, организаторами которых были рабочие. Например, Устав коммуны «Солнечная», созданной в Сибири рабочими Охтинского порохового завода Петрограда, предусматривал распределение доходов только по труду. Расценки труда и про-

---

[1] Аграрная политика Советской власти (1917—1918 гг.), стр. 475.

дуктов должны были заранее рассматриваться и утверждаться[1].

Как уже отмечалось, коммуны этого периода являлись преимущественно бедняцко-пролетарскими объединениями. Для широких масс крестьянства не были приемлемы выдвинутые в их Уставах требования полного обобществления всего личного хозяйства и всеобщего поравнения в распределении доходов, независимо от количества и качества труда. На съезде представителей волостных земотделов, исполкомов и сельскохозяйственных коммун Ковровского уезда Владимирской губернии многие выступающие весьма определенно говорили, что при этих условиях «у членов коммуны не будет стремления к усиленной работе, начнутся споры и личные счеты и от этого продуктивность труда только упадет[2]. Они высказали пожелание, чтобы строительство колхозов велось в форме артелей и тозов.

Возникшие одновременно с коммунами сельскохозяйственные артели были более понятны крестьянам и отвечали их интересам. В них происходило обобществление лишь основных средств производства при сохранении в пользовании членов артели небольшого подсобного личного хозяйства. В ряде Уставов особо указывалось, что «... усадебная земля членов артели может находиться в единоличном пользовании отдельных домохозяев»[3].

Что касается распределения продуктов, то одни артели производили это «по трудовой единице, т. е. по количеству приложенного труда, другие же по потребностям семьи»[4]. В последнем случае речь могла идти о тех артелях, которые по своему типу приближались к коммунам и отличались от них лишь степенью обобществления основных средств производства и личного имущества членов коллектива. Имелось также немало артелей, Устав которых предусматривал распределение продуктов коллективного труда по едокам. Но, несмотря на разнообразие типов артелей (что было естественным для начальных шагов колхозного движения крестьян), в их уставах в той или иной мере учитывался принцип материаль-

---

[1] «Исторический архив», 1956, № 3, стр. 24.
[2] ЦГАОР и СС, ф. 478, оп. 20, д. 79, л. 68.
[3] «История СССР», 1959, № 5, стр. 89.
[4] ЦГАОР и СС, ф. 130, оп. 2, д. 248, л. 60.

ной заинтересованности, опирающийся на известное сочетание общественных и личных интересов трудящихся.

В этой связи немалый интерес представляют высказывания практиков колхозного строительства и мнения самих крестьян в отношении различных форм коллективных хозяйств на основании первого опыта их деятельности. По заявлению представителя Мологского уездного земотдела Ярославской губернии, «к созданию коммун большинство местного населения относится весьма недоверчиво из боязни, что при вступлении в число членов коммуны вступивший ничего не будет иметь своего». В то же время крестьяне, видя все преимущество коллективного хозяйства, «готовы сделать общим достоянием артели свой инвентарь и распределять продукты по едокам, но этим и ограничиться»[1].

Обследование коллективных хозяйств, проведенное Тульским Губземотделом по Ефремовскому уезду, также показало, что в широких слоях трудового населения «преобладает течение в пользу трудовых артелей. Только в исключительных случаях принципы коммуны находят себе отражение в народных слоях»[2]. К таким же выводам, сделанным на основе широких бесед с крестьянами, пришли работники Орловского уездного земотдела Вятской губернии. Они считали, что было бы целесообразнее «допустить организацию трудовых коммун переходного времени, где непременным условием являлась бы коллективная обработка земли»[3].

Эти и подобные им примеры (а их можно было продолжить и по другим губерниям страны) давали основание делать вывод, что коммуны не могли стать основной и единственной формой колхозного движения. «Формы новой жизни, — говорил один из участников Ковровского уездного съезда представителей волостных земотделов, исполкомов и сельскохозяйственных коммун, — не могут осуществляться сразу, а должны пройти известный этап и поэтому создавать коммуны искусственным путем нельзя»[4].

Эти замечания с полным правом могли относиться к

---

[1] «Красный архив», 1940, № 4, стр. 144.
[2] Там же, стр. 143.
[3] ЦГАОР и СС, ф. 478, оп. 6, д. 378, л. 255.
[4] ЦГАОР и СС, ф. 478, оп. 20, д. 79, л. 68.

позиции Наркомзема, занимаемой в этом вопросе. Известно, что вплоть до осени 1918 г. все внимание Наркомзема было обращено исключительно на коммуны, видевшего в них «главную основу переустройства всего сельского хозяйства на социалистических началах»[1]. В ущерб другим формам колхозов коммунам в первую очередь оказывалась помощь через инструктирование, утверждение смет, кредитование и т. д. Имелись случаи, когда другим коллективам отказывали в выдаче ссуд только потому, что «это артели, а не коммуны»[2].

Следуя общей установке Наркомзема, на местах делались попытки преобразования артелей в коммуны. Сообщения об этом поступали, например, из Костромской губернии[3]. Такие шаги предпринимались в Пермской губернии. Но члены артелей, в противоположность их организаторам, занимали выжидательное положение: «Посмотрим, — говорили они, — каковы будут другие коммуны, как у них дела пойдут, тогда и сами сделаемся коммунистами»[4].

Как видим, крестьянские массы проявляли бо́льшую склонность в сторону сельскохозяйственной артели, чем к коммуне. Поэтому нельзя было объяснить осторожное отношение крестьян к коммунам лишь только боязнью новизны. По признанию Наркома земледелия С. П. Середы, увлечение работников Наркомзема коммунами объяснялось тем, что тогда имелось немало людей, мечтавших переделать экономический строй в деревне в течение 3—4 лет[5]. При этом они не учитывали изменившегося характера и роли кооперативных объединений в новых условиях и продолжали рассматривать их, в том числе и сельскохозяйственную артель, как пережиток капиталистического прошлого[6].

В дальнейшем коммуна как форма коллективного хозяйства претерпела существенные изменения. Тем не менее у нас нет никаких оснований недооценивать револю-

---

[1] ЦГАОР и СС, ф. 478, оп. 1, д. 156, лл. 80. 98; д. 311, л. 278; «Голос трудового крестьянства», № 160, 29 июня 1918 г.
[2] ЦГАОР и СС, ф. 478, оп. 16, д. 50, л. 2.
[3] ЦГАОР и СС, ф. 478, оп. 1, д. 311, л. 251.
[4] ЦГАОР и СС, ф. 130, оп. 2, д. 440, л. 33.
[5] См. «Правда», за 3—4 декабря 1918 г.
[6] ЦГАОР и СС, ф. 130, оп. 2, д. 440, л. 162.

ционные начинания передовой части крестьянства или ставить под сомнение ее благородные устремления по переустройству жизни деревни на новых началах[1].

Налаживание новых отношений — сложное дело, где каждый шаг совершается по неизведанному пути. И там, где осуществляются такие глубокие преобразования, всегда неизбежны временные трудности и возможны отдельные ошибки. В данном случае на примере первых коммун проверялись принципы организации одной из форм сельскохозяйственных коллективов, выявлялись ее сильные и слабые стороны.

Коммунистическая партия, признавая и поощряя коммуны, на первое место ставила в них не принцип распределения «по потребностям» и не обобществление быта, а совместную обработку земли. В этом состояло главное их преимущество. При всех недостатках многие коммуны на деле показали свое превосходство перед единоличными крестьянскими хозяйствами и с этой стороны имели исключительное значение для расширения колхозного движения.

С созданием Комитетов бедноты социалистическая революция в деревне вступила в свою новую фазу. Вслед за беднотой в коллективы шла наиболее активная часть среднего крестьянства. О растущем внимании середняка к коммунам сообщала «Правда» 25 ноября 1918 г. Все это показывало, говорил В. И. Ленин, что «сознание в самых широких массах трудящегося крестьянства проснулось и что стремление к установке общественной обработки земли есть в самом крестьянстве...»[2].

Осенью 1918 г. определился поворот середняка в сторону Советской власти. Во многих выступлениях В. И. Ленина этого периода особое внимание уделяется конкретным формам приобщения среднего крестьянства к строительству социализма. В данном вопросе, как и во всем другом, он исходил из коллективного опыта масс, а также учета степени успеха той или иной формы колхозов среди крестьянства. Отдавая должное коммунам,

---

[1] К сожалению, одно время делалась попытка принизить историческое значение коммун, как новое общественно-политическое явление в жизни деревни, представить в ложном свете первых коммунаров. См. «Правда», 16 апреля 1964 г.

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 359.

Ленин вместе с тем считал необходимым всячески способствовать организации и распространению других форм коллективных хозяйств — артелей и товариществ по совместной обработке земли[1].

Эта ленинская линия партии нашла практическое воплощение в решениях I Всероссийского съезда земотделов, комбедов и коммун (декабрь 1918 г.), на котором были подведены первые итоги и намечены очередные задачи социалистического переустройства сельского хозяйства. «Главной задачей земельной политики, — говорилось в постановлении съезда, — является последовательное, неуклонное проведение широкой организации земледельческих коммун, советских коммунистических хозяйств и общественной обработки земли»[2]. Съезд призвал все местные земельные органы «Энергично проводить в жизнь организацию общественной обработки земли» и поручил Наркомзему обратиться от имени съезда ко всему трудовому крестьянству с призывом «к скорейшему переходу к общественной обработке земли и разъяснением важности этого дела для интересов всех трудящихся»[3].

Крупным шагом на этом пути явилось «Положение о социалистическом землеустройстве и мерах перехода к социалистическому земледелию»[4]. В нем со всей определенностью заявлялось, что «на все виды единоличного землепользования следует смотреть как на проходящее и отживающее»[5]. При этом «Положение» определяло основные формы социалистического земледелия, порядок и последовательность их организации, а также указывало на существенную разницу между коллективными и советскими хозяйствами. Более простые формы колхозов — артели и товарищества крестьян — были поставлены в равное положение с коммунами и получили законодательное оформление.

Всестороннее обсуждение этого вопроса на крестьян-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 179—180.

[2] Аграрная политика Советской власти (1917—1918 гг.), стр. 416.

[3] Там же.

[4] См. там же, стр. 417—431. «Положение» было разработано на основе постановлений I Всероссийского съезда земотделов, комбедов и коммун. После утверждения ВЦИК оно было опубликовано в печати 14 февраля 1919 г.

[5] Там же, стр. 417.

ском съезде[1], в руководящих партийных и советских органах сыграло решающую роль в исправлении деятельности Наркомзема в коллективном строительстве. «...Наши ближайшие задачи в земледелии, — писал вскоре после съезда член коллегии Наркомзема В. В. Кураев, — организация в широком масштабе советских хозяйств и обобществление крестьянских хозяйств в наиболее доступных для крестьянства формах — общественная обработка земли»[2]. При Наркомземе и местных земельных органах, вместо отделения коммун, был создан отдел коллективных хозяйств[3].

Распространение и внедрение различных форм сельскохозяйственных коллективов, учитывающих особенности отдельных групп трудящихся крестьян, открывали перед бедняками и середняками широкую возможность для добровольного перехода к общественной обработке земли. Они на своем опыте могли убеждаться в практической пользе коллективного труда, вырабатывать навыки общественного ведения крупного хозяйства.

Партия шаг за шагом подготовляла к этому крестьян, помогая им организовывать и укреплять коллективные хозяйства. Она была твердо убеждена, что в союзе с рабочими городов русское трудящееся крестьянство поборет все невзгоды и «осуществит дело, без которого освобождения трудящихся быть не может, — дело общественной обработки земли, дело постепенного, но неуклонного перехода от мелких единоличных хозяйств к общественной обработке земли»[4].

* * *

Итак, строительство коллективных хозяйств в деревне началось с первых дней победы Октябрьской социалистической революции. Возникшее по инициативе беднейшего крестьянства, оно проходило и развивалось под руководством Коммунистической партии и ее местных организаций. Активное участие рабочего класса в колхоз-

---

[1] Накануне съезда дискуссии о формах социалистического земледелия происходили в центральной и местной печати. Тогда же в ряде районов страны прошли губернские и уездные съезды коммун и артелей. См. ЦГАОР и СС, ф. 130, оп. 2, д. 440, лл. 266, 270.

[2] «Правда», 28 декабря 1918 г.

[3] ЦГАОР и СС, ф. 130, оп. 3, д. 458, л. 1.

[4] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 364.

ном строительстве придавало ему более организованный характер и в то же время способствовало укреплению боевого союза рабочих и крестьян. На этом этапе аграрных преобразований организация коммун и артелей не носила еще массового характера и не преследовала цели вовлечения уже в тот момент всего крестьянства в коллективные хозяйства. Поощряя создание коллективных хозяйств, наша партия стремилась к тому, чтобы на их примере доказать крестьянским массам все выгоды производственного кооперирования и тем самым помочь им в переходе к социалистическим формам земледелия.

Сельскохозяйственные коллективы тогда делали лишь первые шаги в организации производства, у них не было опыта и примера, они только вырабатывали организационные принципы и формы общественного хозяйства. Трудности новизны неизбежно сопровождались и серьезными недостатками в их деятельности. Но все это является и лучшим доказательством жизненной силы колхозного движения. Помимо всего прочего, оно выдвинуло из своей среды сотни пропагандистов и организаторов новой жизни. На примере первых коллективных хозяйств можно судить о той огромной работе, которая была проделана за короткий срок усилиями передового крестьянства в поисках лучших форм социалистической перестройки деревни.

Коллективный опыт масс позволил В. И. Ленину, Коммунистической партии определить наиболее целесообразные формы коллективных хозяйств, рассчитанных на постепенное вовлечение основной массы крестьянства в социалистическое строительство, на перевод мелкого крестьянского хозяйства на рельсы крупного социалистического земледелия. Уже с осени 1918 г. в деревне более быстро начали развиваться сельскохозяйственные артели и к концу 1919 г. были зарегистрированы 3606 артелей, 1961 коммуна и 622 товарищества совместной обработки земли[1].

В результате исторической практики в земледелии нашей страны сложились два типа общественного хозяйства — совхозы и колхозы, базирующиеся на двух формах социалистической собственности — государственной

[1] Аграрная политика Советской власти (1917—1918 гг.), стр. 512—513.

и колхозно-кооперативной. Умелое сочетание их позволило Коммунистической партии перестроить сельское хозяйство на социалистической основе. «Надо полагать, — говорил на мартовском Пленуме ЦК КПСС 1965 г. тов. Л. И. Брежнев, — что эти два типа общественного хозяйства еще длительное время будут существовать и развиваться. **На современном этапе наша обязанность состоит не в том, чтобы ускорять превращение одной формы в другую, а всемерно способствовать развитию и процветанию обоих типов общественного хозяйства»**[1].

Последовательное проведение в жизнь экономических мероприятий, выработанных мартовским Пленумом ЦК КПСС, позволит добиться резкого увеличения производства сельскохозяйственных продуктов, еще выше поднять благосостояние советского народа, успешно решить большие задачи, поставленные XXIII съездом партии перед сельским хозяйством в новой пятилетке.

[1] Пленум ЦК КПСС, 24—26 марта 1965 г. Стенографический отчет, М., 1965, стр. 27.

К. М. КРАСИЛЬНИКОВА

ОСОБЕННОСТИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ПАРТИИ В СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1919 ГОДУ

В 1919 году молодой Советской Республике пришлось одновременно отражать два наиболее опасных похода Антанты, вылазки внутренней контрреволюции и такого грозного союзника их, как голод. Военный фронт, фронт продовольственный, борьба с разрухой на транспорте и борьба с топливным кризисом — это были те первостепенной важности задачи, на решении которых Коммунистическая партия во главе с В. И. Лениным сосредоточила в этот период весь свой творческий гений, всю революционную энергию.

Натиск интервентов и белогвардейцев не случайно приходится на самое трудное в продовольственном отношении время перед новым урожаем — на самые голодные месяцы весны и начала лета. Враги понимали, что если им не удастся сломить Советы до нового урожая, — их дело проиграно. И вслед за первым походом Антанты, начавшемся весной 1919 г., летом 1919 г. был организован второй поход. О тесной взаимосвязи голода и контрреволюции и о возможности победить их только на основе твердого курса продовольственной политики Советской власти, В. И. Ленин говорил в июле 1919 г.: «...именно в этой, продовольственной, области идет самая глубокая война капитализма с социализмом уже на деле, а не на словах только... Мы будем здесь бороться с такой же беспощадностью, как боремся с Колчаком и Деникиным, потому что сила, откуда они берут себе подкрепление, это есть сила капитализма, а она, конечно, идет не из

воздуха. Она основана на свободной торговле хлебом и товарами. Мы знаем, что когда хлеб свободно продают в стране, то это обстоятельство и является главным источником капитализма, источником, который был причиною гибели всех республик до сих пор»[1].

Продовольственная диктатура, как важнейшая составная часть политики «военного коммунизма», была в годы гражданской войны основной линией партии и Советского правительства в борьбе с голодом.

Лишь сосредоточение в руках пролетарского государства основных продовольственных и промышленных ресурсов страны и справедливое, классовое распределение продовольствия и товаров могло спасти от гибели революцию и диктатуру пролетариата. Вместе с тем, при осуществлении продовольственной диктатуры, основанной на государственной централизации и монополии заготовок и распределения, необходима была гибкая тактика, творческий подход партии к вопросам продовольствия.

Так, в начале 1919 г. почти все продовольствие, которое заготовлялось Наркомпродом на началах государственной монополии и твердых цен, приходилось отдавать армии. Москва, Петроград и другие индустриальные центры страны и все потребляющие губернии переживали острый продовольственный кризис. В Москве, например, с ее населением в 1 531 000 человек трудовой паек равнялся $^1/_4$ фунта, причем, по словам члена коллегии Наркомпрода В. Н. Яковлевой, «Москва постоянно жила сегодняшним днем и не знала, что будет выдавать завтра»[2].

Голод грозил остановить предприятия, выполнявшие военные заказы, остановить лесоразработки в северных районах страны и сорвать работу железнодорожного транспорта (дрова в эти месяцы стали основным видом топлива, ибо доступа к углю и нефти у нас почти не было).

Невыносимые муки голода миллионов людей, угроза серьезных осложнений на фронте и в работе тыла вызвали необходимость чрезвычайных, экстренных мер в области продовольствия весной и летом 1919 г.

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 123—124.
[2] «История СССР», 1965, № 2, стр. 81.

Как и в 1918 г., Советскому правительству пришлось в это время пойти на некоторое частичное ослабление продовольственной диктатуры. Если в 1918 г. пришлось разрешить «полуторапудничество», то в 1919 г. частичное нарушение государственной монополии допускалось декретами Совнаркома от 10 декабря 1918 г. и от 21 января 1919 г. о свободной закупке рабочими ненормированных продуктов, декретом СНК от 30 июня 1919 г. о самостоятельной заготовке хлеба в Симбирской губернии организациями голодающих, а также циркуляром Наркомпрода от 15 июля 1919 г. о «двухпудничестве» (рабочим, возвращавшимся из отпусков, разрешалось провозить при себе до двух пудов хлеба).

В. И. Ленин называл эти меры «гнилыми уступками»[1], говорил, что партия и Советское правительство с тяжелым чувством нарушают нашу систему продовольственной политики. «Это, конечно, не что иное, как непрочное штопанье дырявого платья, вместо того, чтобы приобрести новое»[2], — писал он. Но вместе с тем, Владимир Ильич указывал, что, поступая так, мы поступаем правильно.

Частичные отступления от генерального курса продовольственной политики Советской власти допускались прежде всего в тех губерниях, где продаппарат был слаб и не справлялся с государственной заготовкой продовольствия. При этом Советское правительство стремилось отыскать такие формы этих отступлений, которые наносили бы наименьший ущерб продовольственной диктатуре, давали бы возможность массам на собственном опыте осознать, что государственная монополия и строжайшая централизация продовольственного дела — единственно приемлемый в тех условиях метод борьбы с голодом. Все более широкие массы трудящихся убеждались в необходимости решительных, а иногда и чрезвычайных мер Советского правительства по усилению государственной заготовки продовольствия. К числу таких чрезвычайных мер относится декрет Совнаркома от 8 марта 1919 г. о полном прекращении на три недели пассажирского движения на железных дорогах страны с тем, чтобы доставить голодающим хлеб, заготовленный

---

[1] Ленинский сборник XXIV, стр. 123.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 85.

продорганами в хлебных губерниях Республики, в первую очередь — в Поволжье.

Осуществление перечисленных выше декретов, особенно постановления от 30 июня 1919 г. «О самостоятельной заготовке хлеба на протяжении Симбирской губернии крупнейшими организациями рабочего и крестьянского пролетариата», было подчинено задаче укрепления местных Советов, продовольственных и партийных организаций, вело в конечном итоге к укреплению продовольственной диктатуры. Симбирской губернии в 1919 г. помощь в решении всех этих вопросов была особенно необходима, поскольку губерния лишь в октябре 1918 г. была освобождена от белых, в марте 1919 г. пережила крупное кулацкое восстание и почти до осени 1919 г. была прифронтовой.

В данной статье автор ставит задачу проследить, в основном на новых архивных документах, особенности продовольственной работы в Симбирской губернии в 1919 г. Это даст возможность показать, как в чрезвычайно сложных условиях гражданской войны партия во главе с В. И. Лениным, проводя гибкую тактику в осуществлении продовольственной диктатуры, обеспечивала на основе политики «военного коммунизма» победу на военном и продовольственном фронтах. Документы свидетельствуют, что продовольственная диктатура была в тех условиях неразрывно связана с коренными проблемами создания основ социализма в стране.

* * *

Весной 1919 г. колчаковские банды, захватив Сибирь с ее богатыми запасами хлеба, вынашивали планы захвата хлебных восточных губерний Советской Республики и такой житницы страны, как Поволжье. Наступление армии Деникина на юге создавало угрозу изоляции Советской власти от основных источников хлеба и топлива в Европейской части страны. Военная обстановка в 1919 г. диктовала необходимость возложить основную тяжесть продовольственной работы на центральные производящие губернии, прилегающие к Москве, и на Среднее Поволжье.

В связи с этим особенно важно было в самые короткие сроки наладить работу партийных, советских, продовольственных органов в губерниях Среднего По-

волжья, освобожденных осенью 1918 г. от белогвардейщины.

Так, уже в конце октября 1918 г. ответственный инструктор Наркомпрода по Симбирской губернии Вальяно-Штейн (оставленный затем Центром для постоянной работы в Симбирском губпродкоме) докладывал Наркомпроду следующее: «...В настоящее время работа Советских органов налаживается. Силы очень мало, ибо часть советских работников (эсеры, меньшевики, «сочувствующие») во время занятия белыми Симбирска разбежались, а другие перешли на сторону контрреволюционеров. Недостаток в работниках сильно сказывается на продовольственной организации.

Местные органы, упродкомы слабы техническими силами и плохо выполняют распоряжения Центра благодаря незнанию и неумению разбираться в декретах...

Необходимы опытные продовольственные работники для руководства на местах»[1].

С большим трудом в губернии приходилось снова устанавливать продовольственную диктатуру, вводить государственную монополию и твердые цены на хлеб, обуздывать разыгравшуюся стихию спекуляции, ибо «по разрешению белых здесь была вольная продажа муки и печеного хлеба»[2].

Ярким документом, свидетельствующим о слабости Симбирских продорганов и в то же время о большом значении для голодающих центров симбирского хлеба, является телеграмма в Симбирск от 6 января 1919 г. за подписью Предсовнаркома Ленина.

«Комитет 42 организаций голодающих рабочих Петрограда и Москвы жалуются на вашу нераспорядительность, — говорится в телеграмме. — Требую максимальной энергии с Вашей стороны, неформального отношения к делу и всесторонней помощи голодающим рабочим. За неуспешность вынужден буду арестовать весь состав ваших учреждений и предать суду. Отдаю срочное распоряжение об увеличении числа паровозов и вагонов. Вы должны немедленно погрузить имеющиеся налицо два поезда по 30 вагонов. Телеграфируйте исполнение...»[3].

---

[1] Центральный Государственный архив народного хозяйства СССР (ЦГАНХ), ф. 1943, оп. 3, д. 127, л. 11—11 об.

[2] ЦГАНХ, ф. 1943, оп. 3, д. 127, л. 11.

[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 238.

Неокрепшие продорганы Симбирской губернии, а также в ряде других производящих губерний в таких условиях не справлялись с задачей мобилизации излишков даже основных видов продовольствия (хлеб, крупа, фураж, мясо), не говоря уж о так называемых ненормированных продуктах.

Именно в этих условиях Советское правительство и решило пойти в начале 1919 г. на частичное отступление от основного курса продовольственной политики.

Декретами Совнаркома от 10 декабря 1918 г. и от 21 января 1919 г. к заготовке ненормированных продуктов в виде временной меры допускались наряду с государственными органами продовольствия рабочие организации профессиональные и кооперативные объединения[1]. Одновременно эти декреты подтверждали необходимость неуклонного проведения в жизнь государственной монополии на основные продукты питания. Право свободной закупки ненормированных продуктов прежде всего распространялось на такие губернии, как Симбирская, где из-за слабости продорганов эти продукты расхищались спекулянтами.

Разъясняя смысл декабрьско-январских продовольственных декретов, член коллегии Наркомпрода А. И. Свидерский в своей статье в «Известиях ВЦИК» от 13 февраля 1919 г. писал: «Видя, что государственные органы снабжения еще не наладились и работают далеко не так, как следует, Советская власть решила временно допустить свободную закупку продуктов, которые еще не нормированы. Сделала она этот шаг с той целью, чтобы облегчить положение голодающего населения.

...Пусть только голодающие действуют организованно сговорившись, не набивая цен, не вырывая друг у друга продуктов и не создавая конкуренцией между собой благоприятную почву для необузданной спекуляции, являющейся злейшим врагом нуждающихся и прямой пособницей голода»[2].

Однако первые же месяцы продовольственной работы после издания этих декретов показали, какой ущерб

---

[1] Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства (далее — СУР), 26 января 1919, № 1, ст. 13.

[2] «Известия ВЦИК», 13 февраля 1919, № 33.

борьбе с голодом наносят указанные отступления от твердого курса продовольственной политики Советской власти. Вскоре на горьком опыте «свободных закупок» рабочие сами начали убеждаться в том, что из «свободной торговли» получается ограбление голодных голодными и голодных спекулянтами и кулаками». В той же статье в «Известиях ВЦИК» А. Свидерский указывает, что «в Самару и Симбирск валом повалили» свободные закупщики ненормированных продуктов», которые требуют паровозы и вагоны, чтобы вывезти картофель и морковь для пославших их 3—5 млн. едоков. В то же самое время на Волго-Бугульминской и Самаро-Златоустовской железных дорогах не хватает подвижного состава, чтобы вывезти для десятков миллионов пухнущих от голода людей миллионы пудов хлеба, заготовленного в Симбирской и Самарской губерниях.

Красноречивы факты, приведенные в статье А. Свидерского «Итоги самоснабжения» в «Правде» за 4 марта 1919 г. «Ненормированные продукты, — пишет автор, — сплошь и рядом везутся оттуда, откуда вследствие транспортной разрухи оказывается невозможным вывезти заготовленный хлеб, и последний благодаря этому начинает подвергаться порче»[1].

Как указывается в статье, из присланных губпродкомами и упродкомами ответов видно, что около 873 вагонов ненормированных продуктов вывезено из Симбирской губернии и предполагается вывезти отсюда еще свыше 1000 вагонов, 115 вагонов вывезено из Самарской губернии, 70 — из Казанской, 57 — из Рязанской, 49 — из Пензенской, 130 — из Тамбовской.

«Как раз во всех этих губерниях, — говорится в статье, — на станциях и железных дорогах лежит хлеб, который оказывается невозможно вывезти за отсутствием паровозов и вагонов»[2].

Свидерский приводит примеры того, как в некоторых губерниях сами рабочие, съехавшиеся для «свободных закупок», поняли, что «свободная торговля» выгодна лишь кулакам и спекулянтам. «И когда они, понявши, в чем дело, принялись организовываться, — пишет он, —

---

[1] «Правда», 4 марта, 1919, № 49.
[2] Там же.

то у них вышла... организация голодных для государственной заготовки!»[1].

Партия под руководством В. И. Ленина в суровые годы гражданской войны подводила массы на их собственном опыте к пониманию необходимости продовольственной диктатуры — одной из важнейших сторон политики «военного коммунизма». Именно об этом писал А. Д. Цюрупа в своих воспоминаниях о В. И. Ленине: «В особенно трудные моменты Владимир Ильич со свойственными ему гибкостью, тонкостью и пониманием допускал иногда некоторые временные частичные отступления от общепринятой линии; но делал он это только в случаях последней крайности, когда изнывающие от голода рабочие приходили в отчаяние, и не потому, что думал, что эти отступления могут облегчить продовольственное положение страны, а для того, чтобы на примерах и фактах показать сомневающимся рабочим и сомневающимся партийным работникам, что всякая иная продовольственная политика может привести рабоче-крестьянское государство к гибельным последствиям»[2].

Подготовка Колчаком наступления на Восточном фронте и угроза захвата им запасов хлеба Приуральских и Поволжских хлебных губерний, разруха на транспорте, усугубленная деятельностью «свободных закупщиков» ненормированных продуктов, приближение весенней распутицы и вспыхнувшее в ряде уездов Симбирской и Самарской губерний крупное кулацкое восстание — все эти обстоятельства достаточно ясно показывают сложность положения на военном и продовольственном фронтах Советской Республики весной 1919 г.

Учитывая это, Советское правительство приняло чрезвычайные меры в осуществлении продовольственной диктатуры. 8 марта 1919 г. был принят декрет Совнаркома «О прекращении пассажирского движения в целях подвоза к Центрам продовольствия и угля»[3].

В этом декрете была обоснована необходимость быстрых и решительных мер по смягчению продовольственного кризиса. Так, в документе говорилось, что «Сим-

---

[1] «Известия ВЦИК», 13 февраля 1919, № 33.

[2] В. И. Ленин во главе великого строительства. М., Госполитиздат, 1960, стр. 211.

[3] СУР, 21 апреля, 1919, № 10—11, стр. 110.

бирск, Самара и Саратов дают достаточно хлеба, но расстройство транспорта, особенно железнодорожного, не дает возможности своевременно подвозить продовольствие к голодающим центрам и на север Советской России»[1].

В целях увеличения провозоспособности железных дорог декретом предписывалось прекратить пассажирское движение с 18 марта по 10 апреля 1919 г. и использовать освободившиеся от пассажирского движения паровозы для подвоза продовольствия к Центру[2].

О том, насколько были необходимы и важны эти меры, свидетельствует ряд документов. Так, на заседании коллегии Симбирского губпродкома 27 февраля 1919 г. обсуждался вопрос «об освобождении железных дорог от скопившихся хлебных грузов». Из доклада зав. хлебофуражным отделом Петрова видно, что 26 февраля особая комиссия по снабжению продовольствием Восточного фронта рассматривала вопрос о мерах, какие следовало бы принять в целях срочной разгрузки вагонов и складочных помещений при станциях железных дорог — Московско-Казанской (на участках Киндяковка — Инза — Рузаевка до Тимирязева) и Волго-Бугульминской, занятых застрявшими хлебными грузами, как местными, так Самарскими и частью Уфимскими»[3].

Далее Петров подчеркнул, что комиссия считает необходимой спешную переброску всех скопившихся грузов к пристаням реки Волги у Симбирска для отправки водой при открытии навигации, за исключением той части их, которая может быть отправлена железной дорогой по нарядам.

«Для осуществления намеченного мероприятия, — сообщил докладчик, — особая комиссия намерена войти с соответствующим представлением в центральные учреждения, но предварительно желает выяснить отношение к этому вопросу со стороны нашего губпродкома и какие функции последний мог бы принять на себя в предполагаемой организации»[4].

---

[1] СУР, № 10—11, 21 апреля 1919 г., стр. 110.
[2] Там же.
[3] Государственный архив Ульяновской области (далее — ГАУО), ф. 127, оп. 1, д. 33, л. 140.
[4] ГАУО, ф. 127, оп. 1, д. 33, л. 140.

Обсудив вопрос, коллегия постановила: «Переброску с Бугульминской дороги и вообще Заволжского района застрявших хлебных грузов и стягивание до 3—4 млн. пудов хлеба к пристаням Волги для погрузки на воду признать желательным в интересах государства и заботы по этой организации взять на себя...»[1].

В постановлении вносится предложение о создании особой распределительной комиссии, которая ведала бы делами урегулирования перевозок как при дальнейшем следовании прибывающих грузов по железным дорогам, так, в случае невозможности этого, при переброске их на склады и пристани, не нарушая своей деятельностью обычных отправок хлеба губпродкомом в голодающие губернии[2].

О масштабах намечавшихся работ свидетельствует также упоминавшаяся выше статья А. И. Свидерского в «Правде» от 4 марта 1919 г., в которой автор, в частности, указывал: «В особенности много хлеба лежит в Самарской и Симбирской губерниях. По последним данным, в обеих названных губерниях лежит на ссыпных пунктах до 20 млн. пудов хлеба».

В соответствии с указанными обстоятельствами постановлением Совнаркома от 8 марта 1919 г. предусматривалась спешная отправка застрявшего хлеба Поволжья голодающему Центру, вывоз хлеба из таких губерний, как Уфимская и Вятская, продовольственные запасы которых были под угрозой захвата Колчаком, а также переброску части этого хлеба в приволжские склады, в частности, у Симбирска.

Одновременно с принятием указанного декрета в такие узловые железнодорожные пункты Среднего Поволжья, как Симбирск, Сызрань и Самара, Центром был командирован заместитель народного комиссара продовольствия Н. П. Брюханов. В телеграмме за его подписью от 8 марта 1919 г. Симбирскому губпродкомиссару говорилось: «Я выезжаю завтра для руководства вывозом хлеба на Бугульминской. Буду прежде всего в Симбирске...».

Н. П. Брюханов более трех недель непосредственно руководил работой симбирских продорганов и железно-

---

[1] ГАУО, ф. 127, оп. 1, д. 33, л. 140.
[2] Там же.

дорожных организаций по отправке хлеба голодающим. Все это время он держал постоянную связь с Центром. За этой работой внимательно следил Нарком продовольствия А. Д. Цюрупа. Совет Обороны и Наркомпрод оказывали оперативное содействие посылкой поездов, рабочей силы, товаров и т. п. Центр при этом ставил задачу, чтоб хлеб прежде всего был вывезен из наиболее угрожаемых восточных районов.

Так, в телеграммах от 19 и 22 марта Цюрупа настаивает на целесообразности переброски хлебных грузов с Волго-Бугульминской железной дороги на правый берег Волги. «Не лучше ли ввиду военных обстоятельств и возможности дальнейшего продвижения неприятеля разгрузку волго-бугульминского хлеба производить на правом берегу Волги. Часовню считаю опасной. Телеграфируйте»[1], — говорится в телеграмме от 19 марта.

По требованию Брюханова Центр направил в Симбирский Губпродком эмиссара Центротранспорта Пискулина. 20 марта Наркомпрод сообщает Н. П. Брюханову о том, что по решению Совета Обороны в его распоряжение «отправлены 4 паровоза с бригадами Новогородской губернии» и что завтра будет отправлен отряд рабочих в 60 человек[2].

Напряженная работа продорганов и железнодорожников Симбирска под непосредственным руководством замнаркомпрода, при самой активной поддержке Центра позволила к началу апреля успешно выполнить поставленную перед ними Советским правительством задачу.

5 апреля 1919 г. Н. П. Брюханов телеграфировал Цюрупе, в Самарский губпродком и в Сызранский упродком: «Закончил дела в Симбирске, выезжаю в Самару».

В работу симбирских продорганов по дальнейшему извлечению излишков хлеба урожая 1918 г. были внесены серьезные осложнения кулацким восстанием в марте 1919 г. «Чапанная война», вспыхнув в Сенгилеевском уезде, распространилась на Сызранский уезд, угрожала охватить Карсунский и Симбирский уезды, перебросилась и в соседнюю, Самарскую губернию. Это восстание было тесно связано с началом первого похода Антанты, с наступлением Колчака на Восточном фронте. Органи-

[1] ЦГАНХ, ф. 1943, оп. 1, д. 573, л. 26.
[2] Там же, оп. 4, д. 200, л. 7.

заторами и руководителями его оказались белогвардейцы, агенты Колчака, называвшие себя «левыми эсерами» и членами «Народной армии», а также крупные местные кулаки[1].

Кулачество, мертвой хваткой зажавшее хлеб, было не только организатором голода в стране, но и главной классовой опорой контрреволюционных мятежей против Советской власти.

Кроме того, документы вскрывают грубые ошибки, допущенные накануне восстания Советами, продорганами и партийными организациями Симбирской губернии и создавшие благоприятную почву для контрреволюционной агитации.

Так, А. Соколов, обследовавший в мае 1919 г. работу продорганов Симбирской губернии, указывал, что в Инструкцию о реквизиции скота здесь был введен пункт, разрешавший реквизировать последнюю корову. «...Злоупотребление на местах ведет к частым недоразумениям с населением, переходящим иногда в большие восстания. (Так было, например, с восстанием в Сенгилеевском уезде)»[2], — говорится в докладе Соколова Наркомпроду.

В докладе о мартовском восстании на собрании карсунских коммунистов представитель оргагитотдела Симбирского Губкома А. Швер указывал, что почва для восстания была создана «незаконными действиями при сборе Чрезвычайного налога, при отчуждении излишков хлеба и реквизиции скота», а также недопустимыми приемами и способами воздействия по отношению к населению некоторых советских работников и вредных элементов, примазавшихся к партии»[3].

В отчете оргагитотдела Симбирского уездного комитета партии за март 1919 г. также отмечается, что «некоторые неудачные действия советских работников в связи с налогами и реквизициями дали возможность развить кулацкую пропаганду. «Накануне Сенгилеевского восстания, — говорится в отчете, — по уезду проносились слухи один нелепее другого, кулацкая пропаганда достигла

---

[1] Партийный архив Ульяновского обкома КПСС (далее — ПАУО), ф. 1, оп. 1, д. 246, л. 4.

[2] ЦГАНХ, ф. 1943, оп. 1, д. 448, л. 133.

[3] ПАУО, ф. 1, оп. 1, д. 225, л. 6.

наивысшего развития, и ей поддались не только середняки, но и беднота»[1].

Один из агитаторов Симбирского губкома Михаил Репченков в своем докладе о поездке в Симбирский и Карсунский уезды в середине марта 1919 г. отмечал, что «в уездах наблюдаются случаи приезда каких-то неизвестных личностей, называющихся коммунистами и позволяющих себе по отношению к крестьянам самые разнузданные поступки, что сильно дискредитирует Советскую власть»[2].

Эсеровско-кулацкой агитации партийные и советские органы Симбирской губернии не смогли в тот момент противопоставить необходимую политическую работу среди крестьянства.

В докладе М. Репченкова указывается, что на места необходимо чаще высылать хорошо подготовленных агитаторов, которые должны особенно детально разъяснять условия, побудившие к реквизиции хлеба, скота, порядок распределения и взимания Чрезвычайного налога, вопрос об отделении церкви от государства. «В деревне держатся такого взгляда, — пишет Репченков, — что если бы не было коммунистов во власти, реквизиции не производились бы»[3].

О плохом состоянии партийной пропаганды и агитации в губернии свидетельствует и высказывание А. Швера, подчеркнувшего, что восстание проходило под хитро придуманным левыми и правыми эсерами лозунгом «долой коммунистов, да здравствуют большевики»[4].

Репченков отмечает и такую важную особенность агитработы в богатых хлебом уездах губернии, как необходимость с особой осторожностью обращаться со словом «кулак».

«Поволжье, как хлебная область, — пишет он, — в течение пяти лет служило поставщиком всевозможных продуктов для армии в выгодных условиях, что дало возможность, за очень небольшим исключением, всем крестьянам устроить свое хозяйство хорошо, а посему слово

---

[1] ПАУО, ф. 1, оп. 1, д. 246, л. 1.
[2] Там же, д. 42, л. 49а.
[3] Там же, л. 49.
[4] Там же, д. 225, л. 6.

«кулак» почти всеми крестьянами принимается на свой счет»[1].

О масштабах восстания говорит тот факт, что на подавление «чапанки» Самарские партийные и советские организации послали 10 тысяч человек, Симбирские — три тысячи, а М. В. Фрунзе направил на помощь Сызрани части 4-й Армии.

Кулацкое восстание охватило наиболее богатые хлебом местности Симбирской губернии. Ссыпка хлеба приостановилась не только в районе восстания, но и в соседних уездах. Обстановка в губернии оказалась благоприятной для разгула спекуляции и мешочничества. Симбирские продорганы, еще больше обескровленные восстанием, долго не могли наладить государственную заготовку хлеба. Доклад губпродкомиссара В. Фреймана на совместном совещании коллегии Симбирского губпродкома с представителями военного ведомства 6 мая 1919 г. свидетельствует о тяжелом состоянии дел по заготовке хлеба в губернии.

«Заготовка хлеба, — говорит Фрейман, — прерванная последним кулаческим восстанием, продолжительной метелью и весенней распутицей, недавно возобновилась и насколько будет успешной, сказать трудно, тем более, что за последнее время сильно развилось мешочничество, бороться с которым затруднительно...»[2].

В то же время в связи с развернувшимся в апреле наступлением Колчака на Восточном фронте на губернии Среднего Поволжья легла особая ответственность в укреплении главного фронта Республики боевой силой и в снабжении армии и голодающих Центров продовольствием.

Партия и Советское правительство поставили перед Восточным фронтом задачу не отдать кормилицу-Волгу в руки врага и окончательно разбить надежды белогвардейщины на превращение Поволжья в базу контрреволюции.

Партия призвала рабочий класс и трудовое крестьянство Республики все силы мобилизовать на борьбу с Колчаком. В таких документах, как «Тезисы ЦК РКП(б) в связи с положением Восточного фронта». «Письмо пе-

---

[1] ПАУО, ф. 1, оп. 1, д. 42, л. 49.
[2] ГАУО, ф. 127, оп. 1, д. 85, л. 19.

троградским рабочим о помощи Восточному фронту» и ряде других, В. И. Ленин указывает на необходимые экстренные меры помощи Восточному фронту и особенно подчеркивает задачу немедленной мобилизации согласно декрету Совнаркома от 10 апреля 1919 г. При этом В. И. Ленин настаивает на необходимости в прифронтовых местностях, особенно в Поволжье, осуществить поголовную мобилизацию[1].

В письме к петроградским рабочим В. И. Ленин писал: «Мы просим питерских рабочих *поставить на ноги все, мобилизовать все силы* на помощь Восточному фронту. Там солдаты-рабочие подкормятся сами и продовольственными посылками помогут своим семьям. А главное, — там решается судьба революции»[2].

В «Известиях ВЦИК» 18 апреля 1919 г. было опубликовано специальное обращение командования Восточного фронта к трудящимся Поволжья.

«...Колчака нужно разбить не на Волге, — говорилось в обращении, — а дальше на восток от Волги! Его нельзя подпускать ни к Самаре, ни к Симбирску, ни к Казани. Волга на всем течении своем должна остаться советской рекой.

Об этом позаботятся рабочий класс Поволжья и крестьянская беднота.

Молодые рабочие! Сознательные революционные крестьяне Поволжья! Коммунисты! Вам всем сейчас место в Армии...

Все на помощь! Все силы и средства Поволжских губерний должны быть немедленно мобилизованы в интересах Восточного фронта»[3].

По призыву партии партийные и советские организации Поволжья, в том числе и Симбирской губернии, отдавали фронту все свои лучшие кадры.

В докладе Симбирского Губкома РКП(б) за апрель—май 1919 г. говорится:

«...Победы белогвардейских банд подняли на ноги беднейшие слои населения. Партийные комитеты от Губкома до волостных и сельских ячеек превратились в своеобразные революционные штабы — проводили мобилизацию членов партии и сочувствующих.

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 272.
[2] Там же, стр. 268.
[3] ПАУО, ф. 1, оп. 1, д. 46, л. 189.

В настоящее время мобилизация закончена, и мобилизованные сданы в распоряжение Армии»[1].

Принятые партией и Советским правительством меры по укреплению Восточного фронта обеспечили разгром к июлю 1919 г. первого похода Антанты. Но мобилизации ослабили Советы Среднего Поволжья и серьезно осложнили всю работу тыла, особенно борьбу за хлеб.

Ход заготовки хлеба урожая 1918 г. в Симбирской губернии весной и летом 1919 г. давал все основания для тревоги Наркомпрода. К концу июня 1919 г. из 13½ млн. пудов разверстки губпродкому удалось получить от крестьян лишь около 3 млн. пудов. Острый недостаток в хороших партийных организаторах и в опытных продовольственных работниках усугубляли следовавшие одна за другой мобилизации на фронт.

Длительное пребывание в Симбирске замнаркомпрода Н. П. Брюханова в марте, посещение губернии поездом «Октябрьская революция» во главе с М. И. Калининым и с представителем Наркомпрода А. Соколовым в мае 1919 г., проверка Симбирского губпродкома как Соколовым, так и членом коллегии Наркомпрода Фрумкиным, доклад особой комиссии ВЦИК под председательством члена ВЦИК П. Г. Смидовича, расследовавшей в апреле причины кулацкого восстания, сообщения ряда других представителей Центра в Симбирской губернии — все это позволило Советскому правительству, обстоятельно зная состояние продработы в губернии, принимать необходимые меры.

Так, в конце мая 1919 г. в телеграмме Фрумкина из Симбирска Наркому продовольствия А. Д. Цюрупе говорилось:

«Состав губпродкома чрезвычайно слаб, необходимо немедленно усилить действительно ответственными работниками...

До сих пор нет постановления Совобороны об освобождении 40% работников. Забирают последних людей.

Предполагают заготовить до нового урожая около 1 млн. пудов, в действительности будет ниже... Мешочничество приняло угрожающие размеры...»[2].

Губерния в этот период действительно оказалась на-

---

[1] ПАУО, ф. 1, оп. 1, д. 100, л. 78.
[2] ЦГАНХ, ф. 1943, оп. 1, д. 573, лл. 62—63.

водненной мешочниками, спекулянтами, самогонщиками, развращавшими крестьянство, срывавшими государственную заготовку хлеба. Крестьяне умышленно оставляли хлеб необмолоченным, чтоб уберечь его от реквизиции. Продорганы не сумели организовать обмолот хлеба своими силами. Крестьяне старались обмолотить хлеб тайно для продажи его по спекулятивным ценам, и хлеб постепенно утекал из губернии[1].

На заседании губпродкома 16 мая 1919 г. члены коллегии признали, что в Симбирской губернии вообще хлеб есть и в большом количестве, но представителям голодающих губерний (на этом заседании их было 19 человек) заявили, что они напрасно ожидают выполнения своих нарядов[2].

На заседании губпродкома 21 мая 1919 г. как члены коллегии, так и представители голодающих пришли к выводу о необходимости дополнительных мер по изъятию излишков хлеба, в частности — привлечения к участию в работе по заготовке самих голодающих.

Губпродкомиссар В. Фрейман заявил, что «помощь губпродкому очень нужна, особенно ввиду недостатка сил и местнической точки зрения упродкомов»[3].

Вопрос о привлечении голодающих к заготовкам хлеба в губернии обсуждался в мае 1919 г. на заседании губпродколлегии при участии уполномоченного Наркомпрода А. Соколова. Симбирская коллегия признала возможным использование в Симбирской губернии опыта Калужской, где к заготовке были допущены представители соседней, Воронежской губернии, так как такая заготовка была санкционирована Наркомпродом»[4].

Прямое отношение к этому вопросу имеет доклад председателя Продпути от 5 июня 1919 г. заместителю Наркома путей сообщения Маркову, в котором предлагается применить «экспедиционный метод заготовки продовольствия»[5]. Предлагаемый метод по существу означал такую чрезвычайную меру в борьбе с голодом, как допуск на определенный срок к самостоятельной заготовке хлеба в производящих губерниях организаций голо-

---

1 ГАУО, ф. 127, оп. 1, д. 81, л. 112 об.
2 Там же, л. 112.
3 Там же, л. 111 об.
4 Там же, д. 85, л. 23.
5 ЦГАНХ, ф. 1943, оп. 1, д. 448, лл. 130—153.

дающих, причем наиболее крупных и важных, типа Продпути.

«Продовольственная кампания за март, апрель и май месяцы совершенно определенно выявила тяжелые перспективы, которые предстоит пережить нам в продовольственном отношении в июне и следующих за ним доурожайных месяцах», — говорится в докладе. Автор доклада указывает, что в значительной части губерний заготовительные аппараты по целому ряду причин не справились и не справляются с возложенной на них задачей.

В связи с этим председатель Продпути и предлагает послать экспедиции «в те губернии и места, где по обстоятельствам правильно действующего заготовительного аппарата нет».

В конце июня 1919 г. Советское правительство пришло к выводу о целесообразности применения экспедиционного метода заготовки хлеба в Симбирской губернии.

Приведенные факты раскрывают обстоятельства, которые вызвали к жизни декрет Совета Народных Комиссаров от 30 июня 1919 г. «О самостоятельной заготовке хлеба на протяжении Симбирской губернии крупнейшими организациями рабочего и крестьянского пролетариата»[1]. Этот декрет и его осуществление свидетельствуют о том, что правительство сочло необходимым оказать Симбирской губернии действенную помощь не просто в изъятии излишков хлеба урожая 1918 г., но и во всей продовольственной, советской и партийной работе в губернии.

Постановление от 30 июня 1919 г., опубликованное 1 июля в «Известиях ВЦИК», гласило: «В целях облегчения продовольственного кризиса, особенно остро ощущаемого рабочими и крестьянами голодных районов потребляющих губерний, Совет Народных Комиссаров постановляет:

1. Допустить самостоятельную заготовку хлеба на протяжении Симбирской губернии крупнейшими организациями рабочего и крестьянского населения голодающих районов в период с 1 июля до 15 августа с/года».

Далее в Постановлении разъяснялось, каким именно

---

[1] ГАУО, ф. 127, оп. 1, д. 74, л. 1, а также СУР от 21 июля 1919 г., № 34, стр. 336.

организациям и на каких условиях предоставляется право самостоятельной заготовки.

Принимаемая мера была рассчитана на то, чтобы дать льготу почти трем млн. голодающих. Это частичное и временное отступление от продовольственной политики Советской власти предполагалось провести предусмотрительно и организованно. Право самозаготовки предоставлялось не отдельным лицам, а продовольственным и профессиональным организациям голодающих. Эти организации, согласно декрету, формировали и посылали (через Военпродбюро) в Симбирскую губернию заготовительные отряды, которые должны были составить силу, способную оказать необходимое Симбирским продорганам содействие в изъятии у крестьян излишков хлеба урожая 1918 г.

Документы Наркомпрода начала июля 1919 г. свидетельствуют о большой работе, которую проделал Центр, чтобы обеспечить успех экспедиционной заготовки хлеба в Симбирской губернии и по-государственному поставить работу Симбирских продорганов.

Обе задачи были очень важны, особенно в связи с начавшимся в июле 1919 г. вторым походом Антанты, который чрезвычайно обострил продовольственное положение страны и превратил Среднее Поволжье в основную житницу Советской России.

В делах Наркомпрода хранится собственноручная записка А. Д. Цюрупы, переданная 2 июля 1919 г. Симбирскому губпродкомиссару по прямому проводу. В ней народный комиссар продовольствия разъясняет суть и политическое значение декрета от 30 июня.

«Совнарком, — говорится в документе, — признал необходимым ввиду тяжелого продовольственного положения принять экстренную меру, привлекающую голодающее рабочее и крестьянское население к самостоятельным хлебным заготовкам. Район действия новой меры решено ограничить одной губернией, причем выбор пал на Симбирскую»[1].

Излагая далее основное содержание декрета, А. Д. Цюрупа выделяет следующие положения:

«Право заготовки в пределах Симбирской губернии предоставляется крупнейшим организациям, а именно

[1] ЦГАНХ, ф. 1943, оп. 1, д. 573, л. 69.

Губпродсоветам десяти губерний и столиц, Продпути, Продводу и Упродкомам 35 наиболее голодающих уездов...

Всего в Симбирскую губернию направляется до 200 отрядов...

Все положения о хлебной монополии и твердые цены подлежат неуклонному соблюдению.

Весь без исключения заготовленный организациями хлеб отправляется в их адрес...»[1] (Подчеркнуто мною. — **К. Кр.**).

Последнее из приведенных положений как раз раскрывает суть самозаготовки, суть отступления от государственной централизации и монополии в заготовке и распределении хлеба.

В той же записке А. Д. Цюрупы излагаются основные положения инструкции Симбирскому губпродкому по проведению в жизнь постановления Совнаркома. В инструкции, в частности, указывается, что Симбирскому губпродкому надлежит заранее подготовить до 30 районов заготовок, а рабочее бюро при губпродкоме должно затем распределить эти районы между отрядами. «Вся заготовка ведется при помощи технического аппарата губпродкома, который принимает хлеб на ссыпные пункты и платит за него производителям»[2], — говорится в документе. Далее в инструкции подробно определены взаимоотношения продорганов Симбирской губернии с организациями и отрядами, допущенными к самозаготовке, определены обязанности губпродкома и губраббюро. В ней также указывалось, что сданный в порядке постановления от 30 июня 1919 г. рабочим организациям хлеб зачитывается Симбирскому населению в разверстку, и на волости, сдавшие хлеб, распространяется право на получение товаров и премии согласно существующим постановлениям[3].

И декрет, и инструкция к нему, и записка А. Д. Цюрупы подчеркивают ответственность Симбирского губпродкома за всю работу заготовительных отрядов. Заготовительным отрядам в свою очередь было запрещено действовать в обход Симбирских продорганов.

---

[1] ЦГАНХ, ф. 1943, оп. 1, д. 573, л. 69.
[2] Там же.
[3] ЦГАНХ, ф. 1943, оп. 1, д. 573, л. 84.

«...Каждый отряд регистрируется в Рабочем бюро и Губпродкоме... Отряды, не зарегистрированные в Рабочем бюро, права заготовки не имеют»[1], — говорится в Постановлении от 30 июня.

В заключение своей записки от 2 июля А. Д. Цюрупа обращается к Симбирскому губпродкомиссару и ко всем продработникам, подчеркивая их ответственность и предостерегая в отношении возможных осложнений, связанных с самозаготовкой.

«Сообщая об изложенном, — пишет он, — прошу мужественно встретить тяжелую полосу, напрячь все силы, чтобы быть технически вполне подготовленными и иметь в виду большое политическое значение принятой меры. Должно быть сделано все для облегчения отрядам их работы. В то же время губпродком не должен выпускать из рук своего аппарата и быть зорко на страже того, чтобы нынешняя заготовка не подорвала реализации будущего урожая... Надеемся на вашу выдержку»[2].

Наряду с этим, Наркомпрод учел острую нужду Симбирской губернии в опытных организаторах продовольственного дела. Записка А. Д Цюрупы заканчивается очень важным сообщением: «Для руководства работой отрядов и согласования всей продовольственной работы в Симбирск в качестве уполномоченного Наркомпрода едет представитель голодающих, Костромской губпродкомиссар П. Коганович, пользующийся нашим полным доверием»[3].

Согласно Инструкции к Постановлению содействие и контроль за проведением декрета от 30 июня возлагались на Губраббюро «под общим руководством и указанием Уполномоченного Наркомпрода».

Второго июля Симбирский губпродкомиссар получил также сообщение о содержании циркулярной телеграммы Наркомпрода № 955/т от 1 июля 1919 г. Последняя была разослана тем организациям голодающих районов, на которые распространялся декрет от 30 июня. Она была адресована губпродкомиссарам Петрограда, Новгорода, Твери, Костромы, Москвы, Ярославля, Иваново-Вознесенска, Владимира, Нижнего Новгорода, Брянска,

---

[1] ГАУО, ф. 127, оп. 1, д. 74, л. 1.
[2] ЦГАНХ, ф. 1943, оп. 1, д. 573, л. 69.
[3] Там же, л. 84.

Петрозаводска, Вологды (Архангельска); в продотсовдеп Москвы, в Петрокомпрод Петрограда; упродкомиссарам Малой Вишеры, Старой Руссы, Боровичей, Костромы, Колегриба, Галича, Буя, Твери, Торжка, В. Волочка, Старицы, Корчева, Владимира, Вязников, Коврова, Ив.-Вознесенска, Кинешмы, Шуи, Усть-Сысольска, Сольвичегодска, Вел. Устюга, Яренска, Тихвинска, Устюжины и Череповца.

Сообщая о Постановлении Совнаркома от 30 июня 1919 г., Наркомпрод этой телеграммой предписывал организациям голодающих «немедленно приступить к организации отрядов»[1].

Рабочим организациям при этом было разрешено создать 125 отрядов и крестьянским — 70 отрядов[2]. Посылка заготовительных отрядов, большинство которых было рабочими, явилось дополнительной мерой в осуществлении продовольственной диктатуры — одной из важнейших в тот период сторон диктатуры рабочего класса.

Насколько необходимы были в этот период чрезвычайные меры в борьбе с голодом и как восприняли голодающие постановление Совнаркома от 30 июня, убедительно говорит факт, приведенный П. К. Когановичем в докладе Наркомпроду. Он пишет: «Наши первоначальные предположения, что вследствие краткости срока (декрет действовал до 15 августа) прибудут отряды не от всех организаций, не оправдались. Изголодавшиеся рабочие и крестьяне спешили использовать право самостоятельной заготовки, считая его единственным средством спасения от голода, и к концу июля прибыло 247 отрядов, насчитывавших 5700 человек. (По декрету ожидалось 200 отрядов в количестве 5000 человек)[3]. Коганович прибыл из Костромы в Симбирск 11 июля, 13 продотрядов уже ожидали его здесь.

Особо уполномоченный Наркомпрода с первого дня по прибытии в Симбирск развил энергичную деятельность. Многочисленные документы свидетельствуют о том, что Коганович соединял в себе качества опытного

---

[1] ЦГАНХ, ф. 1943, оп. 1, д. 573, л. 70.

[2] Как достается хлеб. Доклад уполномоченного ВЦИК по реализации урожая в 1919 г. в Симбирской губернии т. Когановича. М., изд. Наркомпрода, 1920, стр. 1.

[3] Коганович П. Как достается хлеб.., М., 1920, стр. 1.

продовольственника, хорошего организатора, партийного работника и одаренного агитатора. За эти качества его высоко ценил А. Д. Цюрупа[1].

Уже 12 июля в газете «Заря» (орган Симбирского Губкома и Губисполкома) было опубликовано обращение «От особо уполномоченного Народного Комиссара по продовольствию. Крестьянам Симбирской губернии»[2].

Доводя до сведения крестьян принятые правительством меры к ускорению заготовки хлеба в Симбирской губернии, Коганович от имени рабоче-крестьянской власти призывает крестьянство откликнуться на зов голодающих и «в протянутую руку положить не камень, а братски поделить с голодным свои излишки». Он разъясняет, что эта «скорая помощь нужна изголодавшемуся рабочему, который не может работать и дать крестьянам необходимые товары, нужна крестьянам лесного Севера, которые из-за голода не могут заготовлять топливо».

Указывая на то, что симбирское крестьянство дало по разверстке только три млн. пудов из 13,5 млн. пудов излишков, автор пишет: «...свыше 10 млн. пудов скрывается в амбарах в то время, когда миллионы людей пухнут с голоду, когда у рабочего из рук падает инструмент, у крестьянина — его орудие, у красноармейца — винтовка».

В обращении последовательно проводится мысль о том, что крестьянская поддержка рабочего хлебом необходима для окончательной победы над царскими генералами. Особо уполномоченный напоминает симбирскому крестьянству об ужасах колчаковщины и, вместе с тем, подчеркивает, что если Советская власть не удержится, то буржуазия и помещики за счет крестьянства «заштопают те дыры, которые им нанесла война и революция».

«Все это надо помнить, — говорится в документе, — и поддерживать Советскую власть не пустыми словами сожаления, а своей кровью и всем своим достоянием. От вас пока требуется только хлеб — весь хлеб, который у вас имеется за исключением того, что вам необходимо до нового урожая».

Приезд заготовительных отрядов с особо уполномоченным правительства решительно направил внимание

---

[1] VII Всероссийский съезд Советов. Стенограф. отчет. М., 1920, стр. 129.

[2] «Заря», № 45, 12 июля 1919 г.

партийных и советских органов Симбирской губернии на выполнение задач, поставленных декретом от 30 июня. Наплыв в губернию пяти с лишним тысяч человек из голодных районов сам по себе был наглядной агитацией за мобилизацию всех лучших сил на хлебный фронт.

12 июля в Губком партии (И. М. Варейкису) и в Губисполком (М. А. Гимову) была направлена телефонограмма за подписью Симбирского губпродкомиссара В. Фреймана. В ней говорилось: «Завтра, 13 июля, в 12 часов дня в помещении губпродкома назначено Совещание совместно с особо уполномоченным Наркомпрода по заготовке хлеба по Симбирской губернии тов. Когановичем по вопросу: «Заготовка и использование прибывших отрядов из потребляющих губерний». Прошу обязательно принять участие в этом совещании или делегировать представителя»[1].

Это совещание положило начало большой совместной работе особо уполномоченного Центра с симбирскими коммунистами, советскими и продовольственными работниками. Документы свидетельствуют, что Коганович как полномочный представитель Советского правительства, Симбирский губком партии во главе с И. М. Варейкисом и Симбирский губисполком во главе с М. А. Гимовым действовали согласованно в вопросах улучшения продработы в губернии, чем и объясняется значительный успех, достигнутый в результате их совместных усилий.

В первую очередь пришлось срочно выяснить вопрос, куда отправлять прибывавшие отряды и на заготовку какого количества хлеба можно рассчитывать. С учетом заготовки губпродкома, с учетом хлеба, вывезенного мешечниками, спекулянтами и выкуренного самогонщиками, выяснилось, что отряды могут заготовить для себя лишь 200—300 тысяч пудов.

Губпродком плохо знал, в каких уездах и волостях хлеб есть, а где излишки уже почти все изъяты. С большими трудностями удалось разделить все волости, губернии на четыре категории: к первой было отнесено 117 надежных по наличию хлеба волостей, ко второй — 59 волостей менее надежных, к третьей — восемь волостей сомнительных, остальные четыре волости — к безнадежным.

---

[1] ПАУО, ф. 1, оп. 1, д. 148, л. 2.

Рабочим отрядам были отведены волости первой категории. Все отряды получили от особо уполномоченного Наркомпрода подробную инструкцию о порядке работы, с каждого отряда было взято обязательство за подписями комиссара и его заместителя. Эти документы проникнуты заботой о строгой дисциплине в отрядах и о мерах установления взаимопонимания и дружественных отношений с крестьянством. По инструкции отряды обязывались прежде всего зарегистрироваться в волисполкомах и опираться на них в работе. Цель своего прибытия они должны были разъяснять на сельских сходах, проводя здесь необходимую агитацию. Каждый отряд обязан был очищать район своей деятельности от мешочников.

Инструкцией был предусмотрен такой порядок, согласно которому на ссыпных пунктах на руки крестьянину-сдатчику хлеба обязательно выдавалась квитанция, зачетная при получении товара. Ордер этой квитанции оставался у отряда (каждый отряд имел на ссыпном пункте своего представителя); на этом ордере крестьянин должен был расписаться в том, что никаких претензий на действия отряда он не имеет. В том случае, если были претензии, они вписывались в ордер. Такой своеобразный контроль самих крестьян за деятельностью отрядов, безусловно, укреплял дисциплину последних, а также способствовал установлению дружественных отношений между членами отрядов и симбирским трудовым крестьянством.

Укреплению сознательной пролетарской дисциплины в отрядах служило и обязательство, которое давали отряды особо уполномоченному Наркомпрода. Отряды обязывались производить заготовку в строгом соответствии с декретами Советской власти и Инструкцией, не допускать каких-либо незаконных реквизиций, не допускать в своей среде игры в карты, не употреблять спиртных напитков в каком бы то ни было количестве и т. д. В обязательстве было записано, что в случае нарушения каким-либо отрядом этого обязательства, «весь заготовленный отрядом хлеб будет реквизирован, отряд расформирован и отправлен в распоряжение пославшей его организации для предания суду, как изменившего трудовому голодающему народу»[1].

---

[1] Как достается хлеб... М., 1920, стр. 2.

Принятые меры обеспечили порядок и дисциплину в отрядах, несмотря на огромное количество отрядников и чрезвычайно трудные условия их работы. Вот что пишет об этом в своем докладе П. К. Коганович: «Я взял с собой из Костромы небольшой, но надежный отряд продармейцев с целью немедленного пресечения проявлений малейшего хулиганства. Опасения мои оказались напрасны»[1].

Первое время в работе отрядов преобладал метод агитации. Систематическую продовольственную агитацию с самого начала повел особо уполномоченный. В эту работу он стремился вовлечь местных коммунистов. Начиная с 12 июля в газете «Заря» систематически публикуются обращения, воззвания, статьи и заметки П. Когановича и ряд статей И. Варейкиса, А. Швера по вопросам борьбы за хлеб.

В этих статьях и выступлениях ярко, в доступной любому крестьянину форме проводится мысль о том, что интересы Советской власти и рабочего едины с интересами трудового крестьянства, что Советская власть дала «красноармейцу разверстку на победу, рабочему — разверстку на труд, крестьянину — разверстку на хлеб»[2].

Примером может служить статья Когановича «Царь голод», опубликованная в газете «Заря» 23 июля 1919 г. Горячим словом большевистской правды автор стремится пробудить сознание трудового крестьянства, выступает против тех предрассудков и привычек, которые веками складывались у крестьянина и «говорят за то, что выгоднее продать хлеб спекулянту»[3]. Он раскрывает перед крестьянином политический смысл борьбы с голодом, выражает непреклонную решимость Советской власти в защите завоеваний революции, напоминает, что голод — это оружие белых генералов, которые «костлявой рукой голода» думают задушить молодую Советскую Республику.

«Вы ждете, когда мешочник даст вам дороже, — обращается он к несдавшим излишки хлеба, — разве вы не знаете, что, давая вам дороже, он продает у нас ваш хлеб по цене от 50 до 100 рублей за фунт, и таким образом этот хлеб могут есть только буржуи?..».

---

[1] Как достается хлеб... М., 1920, стр. 4.
[2] Коганович П. Великая трудовая разверстка. Омск, 1920.
[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 123.

Показав в статье ужасы нечеловеческих мук голода, которые переживают рабочие городов и крестьяне северных губерний, автор пишет:

«А разве вы не знаете, что вся эта старая царская свора — колчаковщина, деникинщина и другие ждут того момента, когда изголодавшийся рабочий бросит винтовку и отдаст и себя и крестьянина на их растерзание. Если вы всего этого не знаете, то 5000 рабочих и крестьян, приехавших из голодных губерний, в лице отрядников расскажут вам. И если вы не поверите нам, — предупреждает он крестьян от имени рабочих, — то мы все-таки сумеем взять хлеб во что бы то ни стало. Мы не продадим нашу свободную измученную страну за кусок хлеба на новые муки. Мы сумеем до полной победы донести наше Красное Знамя... И тогда мы спросим вас, не сдавших хлеб: «Каин, где братья твои, умершие с голоду, не ты ли повинен в смерти их?». Тот камень, который сейчас положит сытый в руку голодающего, мы повесим на шею их, как знак вечного позора. Дети проклянут отца своего, наживающегося на голоде, и с позором отбросят его имя»[1].

В заключение статьи Петр Кириллович Коганович обращается к трудовому крестьянству от имени голодающих рабочих Советской России и выражает уверенность в том, что большинство крестьян пойдет вместе с рабочими на последний бой с царем-голодом, как и с другими царями.

«Дружными усилиями мы быстро придем к победе и в тесном союзе фабрики и земли, города и деревни залечим все раны, нанесенные нашим общим врагом — капиталистом и помещиком»[2], — пишет он.

Эта статья и ряд других выступлений особо уполномоченного связаны с тем, что отряды встретили в своей работе громадные трудности. Их попытки путем лишь одной агитации убедить крестьян в необходимости сдать излишки хлеба не принесли большого успеха. В наиболее богатых хлебом уездах и волостях Симбирской губернии число кулацких дворов в этот период доходило до 25 проц[3]. Эти чуждые интересам рабочего класса и социализма элементы, не поддававшиеся убеждению, упорно

---

[1] «Заря», № 54, 23 июля 1919 г.
[2] Там же.
[3] ПАУО, ф. 1, оп. 1, д. 225, л. 99.

не давали отрядам хлеб и всячески стремились вдиять на остальных крестьян.

Попытки отрядов получить помощь и содействие от волостных и сельских Советов не дали нужных результатов. Дело в том, что почти поголовные мобилизации коммунистов и сознательных середняков в Симбирской губернии отразились на составе местных Советов. Так, в отчете за май 1919 г. Симбирский губком партии выражал тревогу о том, что в результате «партийной мобилизации волостные и сельские Советы потеряли партийную физиономию»[1].

Так как губернская и уездные партийные организации отдали и продолжали отдавать фронту свои лучшие силы, агитационно-пропагандистская работа в деревне была ослаблена. Агитаторы в большинстве волостей появлялись не чаще одного раза в месяц, а в некоторых селах вообще не бывали. Кулацкое засилье в деревне проявлялось не только в стремлении кулаков пролезть в Советы, но и в идейном, моральном влиянии кулака на середняка, а подчас и на бедноту. Летом 1919 г. кулаки пробирались в Советы под видом «середняков». В результате многие сельские и волостные Советы в губернии оказались представителями и выразителями интересов наиболее зажиточного элемента деревни. О состоянии работы этих Советов в летние месяцы 1919 г. в отчете Симбирского губкома говорится: «Итоги уездных и губернской конференций показали, что многие Советы заполнены кулаками, которые прошли под маской середняков». В результате «в деревне совершенно замирает политическая работа, а также чрезвычайно трудно выполнять необходимые меры в области продовольствия и т. д.»[2].

С явным и скрытым противодействием этих Советов и столкнулись в своей работе продотряды. Об этом свидетельствуют многие документы. Например, в протоколе съезда комиссаров продотрядов Карсунского уезда указывалось на «кулацкое засилье во всех почти волостных и сельских Советах, которое не позволило отрядам получить со стороны местных волостных и сельских властей содействие»[3].

---

[1] ПАУО, ф. 1, оп. 1, д. 100, л. 79.

[2] «Коммунист», Орган Симбирского губкома, № 14, 1919, стр. 11—12.

[3] Как достается хлеб.., М., 1920, стр. 2.

Та же основная причина неудач указывается в решении съезда комиссаров Николаевской, Жедринской, Эдилевской, Ново-Бакшанской и Головцевской волостей, имевших излишки хлеба. В докумете, в частности, записано, что Совет Николаевской волости по составу аполитичен, каждый гражданин поочередно входит в него в порядке повинности, что в волости нет ни одной ячейки и никакой просветительной работы там не ведется»[1].

Преодолеть подобное кулацко-эсеровское настроение в деревне было нелегко. Некоторые отряды оказались совершенно неприспособленными к работе в этих трудных условиях. Так, один из отрядов Владимирской губернии, состоявший из стариков, полагал, что им предстоит только сопровождать хлеб, чуть ли не погруженный в вагоны, а отряд новостроящейся Рыбинской железной дороги прибыл даже со своим пароходом и баржей[2]. Но почти за две первые недели работы всем отрядам удалось заготовить в Симбирской губернии лишь около 30 тысяч пудов. В результате многие отрядники уехали домой, захватив с собой по 2—3 пуда хлеба.

Вот, например, резолюция по докладу одного из таких вернувшихся до срока отрядов — резолюция ячейки коммунистов Балашинской мануфактуры Ниже-Городской губернии от 9 августа 1919 г.

«Из заслушанного доклада товарищей, вернувшихся из Симбирской губернии по заготовке продовольствия по декрету 30 июня с. г. выяснено, что в Симбирском губпродкоме числится хлеб только по записи, а не в натуре, отчего все товарищи, командированные с мест от организаций, были поставлены... в безвыходное... положение.

Комитет просит:

1. Обратить внимание на Симбирский губпродком.

2. При посылке отрядов по заготовке продовольствия от рабочих требовать проверки хлебных запасов не на бумаге, а в натуре»[3].

Но большинство отрядов, в первую очередь Московские и Петроградские, предъявило особо уполномоченному Наркомпрода требование немедленно принять необходимые меры для получения хлеба.

Например, тридцать один Московский и Петроград-

---

[1] Как достается хлеб.., М., 1920, стр. 3.

[2] Там же.

[3] ПАУО, ф. 1, оп. 1, д. 9, л. 85.

ский отряд послал к нему делегатов с наказом, в котором, в частности, говорится: «...мы посланы пролетариатом Петрограда и Москвы и обязаны привезти во что бы то ни стало хлеб, а поэтому не можем вернуться к товарищам с пустыми руками»[1].

Как отказ некоторых продотрядов от самозаготовки, так и обращение остальных отрядов за содействием к органам Советской власти говорят о том, что голодающие на опыте убеждались в непригодности иных методов борьбы с голодом, кроме усиления государственных продорганов на местах, убеждались в необходимости укрепления продовольственной диктатуры.

В телеграмме на имя А. Д. Цюрупы от 22 июля 1919 г. П. Коганович подробно докладывает о состоянии продовольственной работы в губернии, подчеркивает необходимость укрепления симбирских продорганов, просит прекратить посылку новых, не указанных декретом отрядов, и сообщает, что отряды уже обращаются с просьбой ходатайствовать о расширении зоны на Уфимскую или Самарскую губернии или о продлении срока на Симбирскую. «Необходимо срочное разрешение этого вопроса»[2], — говорится в телеграмме.

Нарком продовольствия немедленно направил эту телеграмму О. Ю. Шмидту, заведовавшему тогда Орготделом Наркомпрода, с резолюцией: «О. Ю. Шмидту. Совершенно срочно. Оказать всякое содействие. О расширении декрета в каком бы то ни было направлении речи не должно быть. 23 июля. А. Цюрупа»[3].

Особо уполномоченный после этого дал отрядам дополнительные указания и прежде всего — не увлекаться чрезмерно митингами (до этого во многих местах сельские сходы длились по 4—5 часов), меньше рассчитывать на «доброхотные даяния» сельских обществ и, не считаясь с постановлениями сельских сходов, согласно Инструкции, производить учет хлеба и реквизицию (полагалось оставлять 1,5 пуда на едока и 3 пуда на лошадь).

Правда, этот путь был более труден и требовал поддержки реальной силы, вооружения части отрядников и содействия Продармии.

---

[1] Как достается хлеб... М., 1920, стр. 4.
[2] ЦГАНХ, ф. 1943, оп. 1, д. 573, л. 96.
[3] Там же, л. 97.

Наиболее подготовленными к такой работе оказались отряды, сформированные губпродкомами голодающих районов. Губпродкомы знали и учли трудности заготовки, снабдили свои отряды опытными продработниками, дали указания на случай приплаты сверх твердых цен и определенную часть каждого отряда вооружили.

Безоружных отрядников крестьяне просто не допускали к проверке и учету хлеба. В присутствии же небольшой группы вооруженных (10—20 чел.) учет производился беспрепятственно. При этом, как правило, было достаточно только присутствия продармейцев или вооруженных отрядников и не требовалось ни насилия, ни арестов крестьян. «Одно присутствие группы вооруженных на сельских сходах заставляло кулаков, задававших обычно тон, молчать, или вовсе не являться на сходы. Тогда в ответ на выступления рабочих слышался голос трудового крестьянства: «Оно, конечно», ...«мы понимаем», ...«не с голоду же помирать», «чать, тоже люди», «как видно, выходит надо дать»[1], — отмечалось в докладе особо уполномоченного Наркомпроду.

Практика показала, что учет выявлял значительно большие излишки хлеба, чем добровольно предлагали крестьяне.

В своей деятельности продотряды сочетали широкую общеполитическую и продовольственную агитацию в деревне с принуждением к кулацкому элементу. Примером может служить работа трех петроградских продотрядов в Горюшкинской волости Сенгилеевского уезда, описанная в воспоминаниях заместителя комиссара отряда № 8 Петрокомпрода И. Щеглова[2].

Автор отмечает, что крестьяне встретили прибывшие в 20-х числах июля 1919 г. в Горюшкинскую волость продотряды крайне недружелюбно, но это было только вначале. Приступая к заготовке хлеба, рабочие всемерно стремились преодолеть недоброжелательное отношение к ним крестьян. С этой целью было решено, например, взять на учет семьи, где нет работоспособных, семьи красноармейцев и безлошадных крестьян и выяснить, какую помощь могут оказать им продотряды. Руководство отрядов сделало все, чтобы втянуть рабочих в поле-

---

[1] Как достается хлеб... М., 1920, стр. 4.

[2] Красная летопись, № 1 (25), 1928, Госиздат, М.—Л., стр 88—95.

вые и хозяйственные работы. «Без дела сидеть считалось недопустимым», — пишет Щеглов.

С первых дней пребывания в волости продотряды вели агитационную работу среди крестьян. Автор воспоминаний пишет, что отряды были разбиты на небольшие группы, которые занялись собеседованием с крестьянами. «В первые дни на нас смотрели с недоверием, но постепенно крестьяне втягивались в наши беседы... Темы бесед были разнообразны — и о значении Октябрьского переворота для крестьян, и о том, чего добивается Юденич, наступая на Петроград, и о застое городской промышленности, и о том, сколько зарабатывают рабочие на фабриках и заводах», — говорится в воспоминаниях.

Руководила этой работой партийная ячейка, в которую входило 18 коммунистов всех 3-х отрядов и в которую вскоре «записались три новых члена из местных крестьян».

Для выявления излишков хлеба у крестьян Горюшкинской волости продотряды вели работу по изучению площади посева, устанавливали количество снятого с десятины зерна, учитывали количество едоков и наличие скота. Одновременно с этим, по свидетельству И. Щеглова, рабочие «вели непрерывное наблюдение за попытками отдельных кулаков, иногда в темную ночь, закоулочными путями сплавить в Сызрань воз — другой пшена или муки, чтобы там продать спекулянтам».

С целью решительного пресечения мешочничества представители отрядов были поставлены на мельницах для учета помола, на ссыпном пункте, контролировали проселочные дороги и т. п.

Документы о деятельности продотрядов в Симбирской губернии по декрету от 30 июня свидетельствуют о том, что их деятельность нельзя оценивать лишь количеством собранного хлеба. Это была не только борьба за хлеб, но и борьба за установление прочных дружественных отношений рабочих со средним крестьянством, борьба, направленная на подрыв экономической силы кулачества, а вместе с этим — и на ликвидацию его идейного влияния на трудовое крестьянство.

В конце июля 1919 г. полномочия П. Когановича были расширены. Он стал полномочным представителем ВЦИК, Наркомпрода и ЦК РКП(б) по всей продоволь-

ственной работе в Симбирской губернии «без ограничения времени полномочий»[1].

Губпродком был всецело подчинен его руководству, и Когановичу поручалось «незамедлительно принять вместе с губкомом и губисполкомом» все меры по обновлению и реорганизации Симбирского губпродкома, особенно необходимые «в связи с подготовкой к реализации нового урожая и предстоящего к новому урожаю перехода от заготовки отрядами в свою пользу к обычной системе заготовок»[2].

Необходимость этой меры была вызвана тем, что в продовольственную кампанию 1918—1919 гг. Симбирский губпродком не справился с возложенными на него Советским правительством задачами. Из 13½ млн. пудов разверстки он заготовил лишь около 5 млн. пудов хлеба, причем из этих пяти млн. пудов всего 1 млн. 700 тысяч пудов было вывезено по нарядам Наркомпрода. Остальной хлеб пошел на самоснабжение[3]. В условиях царившего в потребляющих губерниях голода Симбирские продорганы допускали явное местничество в деле снабжения продовольствием населения своей губернии. Бессильным оказался губпродком в борьбе с мешочниками и спекулянтами, которые вывезли хлеба почти столько же, сколько заготовил сам губпродком — около 5 млн. пудов. Около миллиона пудов излишков хлеба из урожая 1918 г. голодающие не получили по вине симбирских самогонщиков.

Однако следует учитывать, что в течение почти всего периода реализации урожая 1918 г. Симбирск был местом пребывания Особой продовольственной комиссии по снабжению Восточного фронта (Опродкомвостфронт), требования которой Симбирский губпродком был обязан выполнять в первую очередь. Но летом и осенью 1919 г. ввиду чрезвычайной остроты продовольственного вопроса Советскому правительству пришлось пойти не только на сокращение пайка населению хлебных губерний, но и призвать военные организации Восточного фронта оказать продовольственную помощь тылу.

Особые полномочия Центра давали П. К. Когановичу возможность контролировать местные расходы продо-

---

[1] ЦГАНХ, ф. 1943,оп. 1, д. 576, л. 98.
[2] Там же.
[3] Коганович П. Как достается хлеб.., М., 1920, стр. 5.

вольствия, а также держать под контролем требования Опродкомвостфронта в интересах экономии хлеба для голодающих. Это позволило Симбирским продорганам более успешно решить задачу, поставленную декретом от 30 июня.

Наряду с этим органы местной власти под руководством губкома партии и особо уполномоченного ВЦИК и ЦК РКП(б) еще в период работы отрядов по декрету принимали меры по подготовке продорганов Симбирской губернии к новой продовольственной кампании.

При этом П. Коганович осторожно, но настойчиво, опираясь в необходимых случаях на свои особые полномочия, направляет всю продовольственную работу в губернии лицом к общегосударственным интересам.

Вместе с губкомом партии и губисполкомом он настойчиво добивался проведения в жизнь постановлений Центра по вопросам продовольствия, прилагая особые усилия к тому, чтобы симбирские коммунисты возглавили эту работу.

Так, 29 июля на общегородском собрании членов РКП(б), где присутствовало 290 человек, первым с докладом о продовольственном положении выступил т. Коганович. «Настоящий момент в продовольственном отношении можно считать катастрофическим, — отметил он. — В Москве дошли до двухнедельной невыдачи хлеба. Такое положение, кроме голодовки, грозит еще крахом промышленности»[1].

Докладчик поставил перед коммунистами общеполитические и организационные задачи, от выполнения которых зависел успех борьбы за хлеб и которые следовало решать немедленно с тем, чтобы оказать действенную помощь продотрядам.

Обсудив доклад, участники собрания приняли развернутое решение, в котором намечены конкретные меры, способные обеспечить успех в борьбе за хлеб, а именно:

«1. Поставить продовольственную работу в расчете не на добровольную, а принудительную ссыпку.

2. Предложить Отделу Управления войти в контакт с губпродкомом для привлечения к делу хлебных заготовок волостных и сельских исполкомов, преследуя противодействующих беспощадными мерами.

---

[1] ПАУО, ф. 13, оп. 1, д. 2, лл. 47—48.

3. Признать необходимым немедленно проведение в жизнь Постановления Совета Обороны о привлечении всех местных советских работников к продовольственной работе, направив их в уезды.

4. Предложить губпродкому совместно с рабочей инспекцией, с Рабочим бюро проверить продуктивность деятельности упродкомиссаров, отстранить мало пригодных, назначить на их место других и закрепить всех впредь до реализации нового урожая, без права оставления должности.

5. В целях смягчения острого голода точно выяснить Востфронту свои потребности на остающийся месяц, и все излишки губпродкома отправить в Центр.

Только дружными усилиями всех советских и партийных работников в области продовольственной и военной работы мы можем победить и контрреволюцию и сопутствующий ей голод.

Да здравствует Красная Армия!

Да здравствует победа над мировым империализмом и голодом!»[1].

Вопрос, записанный в 5 пункте резолюции, обсуждался незадолго до собрания в переписке особо уполномоченного с А. Д. Цюрупой.

В телеграмме от 22 июля Коганович сообщал, что в Симбирском губпродкоме наберется до 90—100 тысяч пудов хлеба.

«Губпродком может обойтись без выдачи, — писал он, — большие требования предъявляет Военком и Востфронт. Если дадите полномочия выяснить их фактическую потребность и наличность, то смогу отправить Москве и Петрограду для утоления острого голода 40 тыс. пудов»[2].

В ответной телеграмме, адресованной в Симбирский губпродком, особо уполномоченному и Опродкомвостфронту Нарком продовольствия писал: «В целях спешного выяснения возможности немедленной отправки хлеба из Симбирска в Москву и Петроград предлагаю войти в соглашение Опродкомвосту и особо уполномоченному Когановичу... Получение 30—40 вагонов было бы весьма необходимо»[3].

---

[1] ПАУО, ф. 13, оп. 1, д. 2, л. 48.
[2] ЦГАНХ, ф. 1943, оп. 1, д. 573, л. 96.
[3] Там же, л. 112.

На этой телеграмме Цюрупы есть пометка «исполнено». Если принять во внимание приведенную выше резолюцию симбирских коммунистов (п. 5) и эту пометку, можно предположить, что тот симбирский хлеб, о котором шла речь, голодающие Центра получили.

Бесспорно здесь то, что этот, по выражению В. И. Ленина, «последний тяжелый июль» требовал учета каждого пуда хлеба, и немногие тысячи пудов, которые были взяты в это время в Симбирской губернии для голодающих, были так же важны, как миллионы пудов сибирского и южного хлеба после освобождения этих районов.

В своих отчетах о деятельности за июль — август 1919 г. Симбирский губком партии и губисполком подчеркивают, что главным вопросом, которому в этот период уделялось максимум внимания, был продовольственный вопрос и подготовка к предстоящей реализации нового урожая[1].

Так, в отчете губкома за август 1919 г. указывается, что в соответствии с постановлением ВЦИК о свободной закупке хлеба на территории Симбирской губернии губком приложил максимум усилий к тому, чтобы закупка хлеба отрядами проходила успешно.

«Губкомитет послал по уездам соответствующий циркуляр всем уездным комитетам и волостным ячейкам, в котором предлагалось местным волостным и сельским организациям оказывать закупочным рабочим отрядам всяческое содействие», — говорится в отчете[2].

В этом документе содержится очень важное указание на то, что «агитационный отдел губкома связался с рабочим бюро и чрезвычайно уполномоченным и воспользовался отчасти находящимися в отрядах коммунистами для организации партийных ячеек среди крестьян»[3].

Усиленная совместная деятельность особо уполномоченного ВЦИК, Симбирского губкома и губисполкома по организации и руководству работой продорганов и продотрядов, применение отрядами более решительных мер по изъятии излишков хлеба дали возможность отрядам в последние две недели действия декрета от 30 июня взять хлеба в пять с лишним раза больше, чем они полу-

---

[1] «Коммунист», Орган Симбирского губкома партии, 1919, № 14, а также ПАУО, ф. 1, оп. 1, д. 43, л. 219.

[2] «Коммунист», 1919, № 14, стр. 11—12.

[3] Там же.

чили в первые две недели работы. При этом следует учесть, что в августе отрядам пришлось работать в обстановке огромной волны мешочников, прокатившейся по производящим губерниям в связи с разрешением Совнаркома рабочим при возвращении из отпуска провозить с собою до двух пудов хлеба. Если в течение июня Симбирскому губпродкому удалось заготовить в губернии 150 тыс. пудов хлеба[1], то по декрету 30 июня отряды заготовили до 200 тыс. пудов[2]. Следует отметить, что весь без изъятия заготовленный отрядами хлеб был отправлен голодающим, тогда как из хлеба, заготовленного в июне, лишь 100 тыс. пудов[3] пошло на вывоз.

Таким образом, работа по декрету от 30 июня в Симбирской губернии была наглядным примером успешного преодоления местничества в борьбе с голодом. Вместе с тем, эта работа строилась так, чтобы укрепить авторитет, поднять ответственность местных продорганов, мобилизовать на продовольственный фронт лучшие силы всех местных организаций и обеспечить руководство коммунистов в предстоящей борьбе за хлеб нового урожая.

Особо уполномоченный ВЦИК и продотряды, освоившиеся с местными условиями еще до начала продовольственной кампании 1919/1920 года, были оставлены здесь Центром для заготовки хлеба урожая 1919 г. Это позволило закрепить и развить достигнутый успех.

Симбирский губком партии и губисполком совместно с особо уполномоченным провели очень большую политическую, агитационную и организаторскую работу к новой хлебной кампании, настойчиво добивались выполнения директив Центра относительно реорганизации и укрепления губернских продорганов. Как в период подготовки к заготовительной кампании 1919/1920 г., так и в ходе ее были приняты действенные меры по укреплению симбирских продорганов кадрами, по улучшению их работы.

В интересах усиления оперативности в работе губпродкома 8 августа 1919 г. на заседании губпродколлегии было решено из 19 членов коллегии выделить рабочую коллегию в составе не более 9 человек, а из состава последней — малую коллегию из 5 человек. Рабочая кол-

---

[1] ГАУО, ф. 127, оп. 1, д. 81, л. 111 об.
[2] Как достается хлеб.., М., 1920, стр. 4.
[3] ГАУО, ф. 127, оп. 1, д. 81, л. 111 об.

легия должна была заседать не менее одного раза в неделю, а малая — ежедневно 1—1½ часа для рассмотрения текущих дел[1].

На заседании малой коллегии 30 сентября решался вопрос о распределении прибывших из Центра 6 сотрудников для работ по продовольствию в Симбирской губернии[2]. Четверых из прибывших командировали ответственными продработниками в уезды (Матвеева-Солонина — чрезвычайно уполномоченным губпродкома по реализации урожая в Ардатовский уезд, Луговского—в Новодевичье, Писаренко — в Буинск и Сивочалова — в Сенгилей заместителем упродкомиссара), а двое были введены в состав губпродкома (Крамаренко — в отдел заготселя и Бобич — в хлебо-фуражный отдел).

В ходе подготовки к новой хлебной кампании для руководства всей работой по реализации урожая в Симбирске было создано Губпродсовещание (в составе председателя губисполкома, губпродкомиссара и особо уполномоченного Центра — под председательством последнего), а также принято решение об организации «диктаторских троек в уездах», т. е. уездных продовольственных совещаний в составе председателя уисполкома, упродкомиссара и представителя от Губпродсовещания.

На заседании губпродколлегии 24 октября был рассмотрен вопрос о реорганизации коллегии, состав которой был основательно изменен. В частности, «согласно решению Наркомпрода и по болезни» от обязанностей губпродкомиссара был освобожден В. Фрейман, общее руководство губпродкомом принял на себя тов. Коганович, заместителем губпродкомиссара был назначен А. П. Степанов[3].

Уже 22 августа в газете «Заря» был опубликован Приказ № 1 Губпродсовещания по реализации урожая[4], а вслед за этим была развернута агитационная кампания по разъяснению предстоящих задач симбирского крестьянства и всех органов Советской власти губернии в борьбе с голодом.

Особенно важное значение для успеха хлебной кам-

---

[1] ГАУО, ф. 127, оп. 1, д. 33, л. 209.
[2] Там же, л. 231.
[3] Там же, л. 239.
[4] «Заря», № 79, 22 августа 1919.

пании 1919/1920 года имела мобилизация на продработу лучших коммунистов из всех учреждений.

В отчете отдела управления губернии губисполкома за июль — август 1919 г. указывается, что «с наступлением жатвы губернская власть бросила на места все наличные свои и партийные силы»[1]. В каждый уезд был командирован один коммунист в качестве чрезвычайно уполномоченного губпродкома с группой помощников.

Мобилизованные коммунисты под руководством Губпродсовещания и губкома партии в ходе хлебной кампании провели на местах большую работу по улучшению деятельности партийных организаций, по созданию партийных ячеек там, где их не было, по укреплению местных Советов. При этом они опирались на продотряды, в которых было много коммунистов. В «Инструкции командируемым губкомом партии и особо уполномоченным ВЦИК и ЦК РКП(б)»[2], а также в специальном циркуляре губкома указывалось, в частности, что командированные из Симбирска коммунисты должны проверить, имеют ли уездные комитеты партии достаточно сил для работы по реализации урожая, и эти силы немедленно бросить по волостям.

Из докладов чрезвычайно уполномоченных видно, что например, в Сызранском уезде из состава местной парторганизации для продработы было мобилизовано 100 человек, в Ардатовском уезде — 26, в Буинском — 20[3].

Чрезвычайно уполномоченные по уездам были обязаны созвать широкое совещание всех партийных и советских сил, на котором осветить вопрос о реализации урожая, а в волостях провести по этому вопросу митинги, используя для этого всех командированных из Симбирска и местных ответственных работников.

Особое внимание при подготовке и в ходе работы по реализации нового урожая обращалось на укрепление авторитета местных Советов, на развитие их деловой активности, на повышение их ответственности в проведении политики Советской власти, в выполнении Приказа № 1.

В соответствии с этим в Инструкции Губпродсовещания подчеркивалось, что главная задача уполномочен-

---

[1] ПАУО, ф. 1, оп. 1, д. 43, л. 219.

[2] Там же, лл. 184—185.

[3] ПАУО, ф. 1, оп. 1, д. 100, л. 23, л. 32 и «Коммунист», № 11, 1919, стр. 16.

ных — заставить работать по реализации урожая все местные органы Советской власти — уездные, волостные, сельские. С этой целью уполномоченные прежде всего должны были созвать узкие собрания работников волостных и сельских Советов, на которых разъяснить, что эти Советы обязаны защищать общегосударственные интересы, указать на их задачи и большую ответственность за выполнение Приказа № 1. В Инструкции говорилось, что «никаких уходов и перевыборов членов Советов до окончания работ не допускается».

Уполномоченным по уездам и рабочим продотрядов Губпродсовещанием были даны широкие полномочия по контролю за деятельностью местных Советов и укреплению их кадрами, начиная с права вводить в каждый волсовет по одному представителю из продотряда, а также вводить в них при необходимости коммунистов из местных ячеек или из тех, которые были командированы из Симбирска, кончая правом ареста работников Советов в случае их бездеятельности или противодействия при изъятии хлебных излишков.

Из докладов уполномоченных с мест видно, что, пользуясь этими правами, проявляя большую инициативу, симбирские коммунисты обеспечивали успех продовольственной и всей политической работы в уездах.

Серьезное внимание губернские органы обращали в этот период на улучшение классового состава местных Советов. Так, 17 сентября Симбирский губком партии рассмотрел на своем заседании вопрос о перевыборах Советов. В докладе И. М. Варейкиса указывалось на необходимость «вышвырнуть тем или иным способом засевших в волостных Советах кулаков»[1].

В отчете Губкома за сентябрь 1919 г. говорится, что «с 20 ноября 1919 г. по 20 января 1920 г. везде будут проведены перевыборы местных Советов, чтобы очистить их от кулаков, пробравшихся в Советы под маской середняков»[2].

В соответствии с требованиями Центра и с учетом местного опыта всесторонне продуманная и неуклонно проводившаяся в жизнь линия борьбы за хлеб в Симбирской губернии летом и осенью 1919 г. обеспечила большой успех всей продовольственной кампании 1919/

[1] ПАУО, ф. 1, оп. 1, д. 43, л. 205.
[2] «Коммунист», 1919, № 14, стр. 11—12.

1920 г. Первые итоги этой работы были подведены в ноябре 1919 г. К этому времени симбирское крестьянство сдавало государству уже 7-й миллион пудов хлеба из 11 млн. пудов продразверстки.

17 ноября на общегородском собрании членов РКП(б), под председательствованием И. М. Варейкиса, с докладом о продовольствии выступил П. К. Коганович. Он отметил большую и успешную работу симбирских коммунистов, мобилизованных на хлебный фронт, и огромное общегосударственное значение их деятельности. При этом он обратил внимание на то, что всю тяжесть продовольственной работы в 1919 г. пришлось взять на себя коммунистам центральных районов страны и Поволжья[1]. Несколько позже, выступая на VII Всероссийском съезде Советов, Коганович прямо указал: «...Если бы не те 500 коммунистов, которых дал Симбирский комитет, тогда из Симбирска вовсе ничего не получили бы»[2].

Отмечая важнейший политический результат продовольственной работы в губернии, особо уполномоченный в одном из выступлений перед отъездом из Симбирска, в частности, говорил: «Престиж волостных Советов поднят. Среди деревни чувствуется подъем»[3].

В конце ноября 1919 г. Центр счел возможным отозвать особо уполномоченного из Симбирской губернии. На объединенном заседании губпродкома и зав. отделами губпродкома 18 ноября 1919 г. обсуждался инструктивный доклад Когановича «по организации надлежащей постановки работ Симбирского губпродкома»[4]. В докладе и в ходе обсуждения его были намечены меры по закреплению и развитию опыта и достигнутого в губернии успеха в продовольственной работе.

В связи с отъездом П. Когановича в Москву обязанности председателя Губпродсовещания были возложены на председателя Симбирского губкома партии И. М. Варейкиса[5].

Об успехах продовольственной работы, проведенной в Симбирской губернии в 1919/1920 г., красноречиво гово-

---

[1] ПАУО, ф. 13, оп. 1, д. 2, л. 78.
[2] «VII Всерос. съезд Советов», Стенограф. отчет. М., 1920, стр. 159.
[3] ПАУО, ф. 13, оп. 1, д. 2, л. 78.
[4] ГАУО, ф. 127, оп. 1, д. 33 л. 264.
[5] ГАУО, ф. 127, оп. 1, д. 89, л. 164.

рят данные выполнения разверстки этого года по ряду хлебных губерний, приведенные в таблице.

Название губернии	Заготовлено хлеба (млн. пудов)	% % выполнения продразверстки
1. Саратовская	15,473	40,5
2. Самарская	14,503	51,8
3. Пензенская	4,167	54,1
4. Казанская	9.489	60,5
5. Симбирская	10,428	89,94[1]
6. Вятская		110,9

Приведенные в таблице цифры подтверждают слова В. И. Ленина о том, что «едва ли в других областях советской деятельности можно так точно измерить успех, как в работе продовольственной»[2]. Если в 1918/1919 г. Симбирская губерния выполнила разверстку только на 39,1 проц.[3], то в кампании 1919/1920 г. — почти на 90 проц. Всего же по стране было заготовлено в 1919/1920 г. 207 млн. 113 тыс. пудов хлеба, что составило 68 процентов разверстки Наркомпрода.

Следует отметить, что в хлебную кампанию 1919/1920 г. весь заготовленный в Симбирской губернии хлеб был отправлен голодающим других районов страны и Красной Армии, тогда как из урожая 1918 г. губерния отдала голодающим Центрам лишь треть заготовленного хлеба (исключение составляет хлеб, полученный по декрету Совнаркома от 30 июня 1919 г., полностью отправленный голодающим).

Высокую оценку работа всех органов Советской власти Симбирской губернии и особо уполномоченного ВЦИК получила на VII Всероссийском съезде Советов в докладе Наркома продовольствия А. Д. Цюрупы.

Опыт продовольственной работы в Симбирской губернии в 1919 г. убедительно показал всей стране, что борьба с голодом в условиях экономической разрухи и гражданской войны может быть успешной лишь на основе продовольственной диктатуры.

---

[1] ЦГАНХ, ф. 1943, оп. 4, д. 339, л. 264.

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 118.

[3] Свидерский А. Продовольственная политика, М., 1920, стр. 10.

На примере продработы в Симбирской губернии весной и летом 1919 г. видно, что гибкая тактика партии в осуществлении продовольственной политики вовлекала в активную борьбу с голодом как голодающих рабочих, так и трудовое крестьянство, помогала массам убедиться в необходимости продовольственной диктатуры. Временные частичные ослабления последней в конечном итоге служили укреплению основного курса политики партии в области продовольствия, обеспечивали поддержку его массами.

Опыт Симбирской губернии также показал, что продовольственная диктатура, как важнейшая в тот период сторона диктатуры пролетариата, была неразрывно связана с коренными политическими вопросами перехода к социализму.

Этот опыт показал, что успех продовольственной работы можно было обеспечить лишь на основе осторожного и твердого курса в отношении середняка, в беспощадной борьбе с кулацким засильем в деревне, в борьбе за укрепление Советов, особенно волостных и сельских.

Указывая, в частности, на этот симбирский опыт в докладе на VII Всероссийском съезде Советов, А. Д. Цюрупа говорил: «Мы установили прямую, непосредственную зависимость успешности работы наших продорганов с тем, в какой степени успешно, прочно и твердо организована Советская власть на местах»[1].

Дружная работа особо уполномоченного Наркомпрода, Симбирского губкома партии и губисполкома позволила правильно расставить силы местных коммунистов и коммунистов продотрядов, правильно сочетать в борьбе за хлеб методы агитации, убеждения и принуждения.

Неустанная агитация, разъяснение политики Советской власти среднему крестьянству, создание партийных ячеек в деревне, твердая политика в отношении к кулаку, беспощадная борьба со спекуляцией и мешочничеством, превращавшими крестьянина в кулака и врага Советской власти, — все это вырывало трудовое крестьянство из-под власти вековых привычек, несознательности, из-под влияния кулака, вело к укреплению союза его с рабочим классом.

---

[1] VII Всероссийский съезд Советов, Стенограф. отчет. М., 1920, стр. 129.

Е. Б. СКОБЕЛКИНА

СИМБИРСКИЕ БОЛЬШЕВИКИ В БОРЬБЕ С КУЛАЦКИМ МЯТЕЖОМ ВЕСНОЙ 1919 ГОДА

Весной 1919 г., в период наступления Колчака в Поволжье, в Симбирской и Самарской губерниях вспыхнул кулацкий мятеж.

Вопрос о причинах возникновения мятежа, ходе и мерах по его ликвидации частично освещался в исторической литературе. Этой теме посвящена, например, работа Н. В. Гурьева «Чапанная война»[1]. Однако ее автор рассматривает лишь события, происходившие в Сызранском уезде.

Фактический материал о мятеже собран в книге В. Троцкого «1919 год в Средневолжском крае»[2]. Но автор ставил своей целью дать только хронику событий, не анализируя их.

В 1963 году опубликована статья Н. Ф. Лысихина «Разгром контрреволюционного мятежа на Средней Волге в 1919 году»[3], в которой борьба с кулацким выступлением освещается наиболее полно, но преимущественно в рамках Самарской губернии.

Ни один из указанных авторов не стремился исследовать вопрос об идейном руководстве мятежом.

Фактические данные о ходе мятежа и о борьбе с

---

[1] Гурьев Н. В. Чапанная война. Сызрань, 1924.

[2] Троцкий В., 1919 год в Средневолжском крае (хроника революционных событий), М., 1932.

[3] Лысихин Н. Ф. Разгром контрреволюционного мятежа на Средней Волге в 1919 г., «Краеведческие записки» Куйбышевского областного музея краеведения, вып. I, Куйбышев, 1963.

ним местных большевистских организаций имеются в ряде воспоминаний участников событий[1].

В целом можно сказать, что вопрос о борьбе большевиков Симбирской губернии с «чапанным восстанием» не получил должного освещения в историко-партийной литературе.

В таких коллективных обобщающих трудах, как «История гражданской войны в СССР»[2], «Очерки истории Куйбышевской организации КПСС»[3], лишь отмечается факт кулацкого мятежа в Среднем Поволжье. А между тем, если учесть конкретную историческую обстановку, то становится ясно, что борьба симбирских парторганизаций с контрреволюционным выступлением кулачества выходит за рамки местных событий.

Мятеж занимал определенное место в общих планах зарубежной и внутренней контрреволюции, наметившей на весну 1919 г. новое наступление против Советской республики. Среднее Поволжье имело большое хозяйственно и стратегическое значение, являлось базой снабжения армий Восточного фронта. Учитывая это, контрреволюционные элементы организовали здесь антисоветское выступление, которое должно было облегчить Колчаку продвижение к Волге.

Командующий IV армией Восточного фронта М. В. Фрунзе писал В. И. Ленину 18 марта 1919 г. о серьезности военного и политического положения в районе Восточного фронта в связи с кулацкими мятежами в момент наступления Колчака: «...тыл шатается... ближайший тыл армии неустойчив, и артерии Советской республики снова угрожает смертельная опасность... По-

---

[1] Гайдамак А. К. Установление и упрочение Советской власти в Карсунском уезде, ПАУО, ф. 57а, оп. 2, д. 40.

Прытков И. Д. Чапанное восстание, ПАКО, ф. 1/VIII, оп. 8, д. 2, л. 2—6.

Будылкин. Кулацкое восстание в Сызранском уезде. там же, л. 48—53.

Горчаев М. Д. В Сызрани в 1919—1920 гг., в сб. восп. «Симбирская губ. в 1918—1920 гг.», Ульяновск, 1958, стр. 387—398.

Маштаков А. М. Ардатовский уезд в годы гражданской войны, там же, стр. 399—405.

Редькин П. В., 1918—1920 гг. в Карсуне, там же, стр. 379—386.

[2] История гражданской войны в СССР, т. 4, М., 1959, стр. 55.

[3] Очерки истории Куйбышевской организации КПСС, Куйбышев, 1958, стр. 297.

ложение дел в настоящее время я считаю очень серьезным»[1].

Борьба с мятежом, распространившимся на 12 уездов Симбирской и Самарской губерний, была борьбой за укрепление тыла Восточного фронта республики, за укрепление Красной Армии, за упрочение союза рабочего класса с середняцкими массами крестьянства.

В настоящей статье исследуются причины «чапанного восстания» и классовый состав мятежников, освещаются вопросы идейного и организационного руководства мятежом, рассматривается деятельность партийных организаций Симбирской губернии в связи с ликвидацией кулацкого мятежа и укреплением союза со средним крестьянством.

* * *

Симбирская губерния в первые годы после Октября оставалась аграрным районом. Ее промышленность была развита слабо, преобладали мелкие предприятия, расположенные в сельской местности. В 1918 г. в губернии насчитывалось около 20 суконных фабрик, 60 лесопильных заводов, 180 мукомольных мельниц, 16 кожевенных заводов, цементный, химический и три асфальтовых заводов[2]. Общее число рабочих составляло не более 40—45 тысяч человек[3].

Сельского населения насчитывалось около 95 процентов[4]. До революции большая часть земель губернии находилась в руках помещиков и кулаков. После Октября крестьяне получили около 750 тыс. десятин бывшей помещичьей и казенной земли[5]. Крестьянское землевладение увеличилось почти в полтора раза, число бедняцких хозяйств сократилось, выросло количество середня-

---

[1] Письмо М. В. Фрунзе В. И. Ленину 18 марта 1919 г., Самарская губ. в годы гражданской войны, Документы и материалы, Куйбышев, 1958, стр. 250—251.

[2] Доклад заведующего отделом управления Симбирской губернии, ЦГАОР, ф. 393, оп. 3, д. 357, л. 258.

[3] Медведев Е. И. Установление и упрочение Советской власти на Средней Волге, «Ученые записки» Куйбышевского гос. пед. института, вып. 24, Куйбышев, 1958, стр. 49.

[4] VII губернский съезд Советов Симбирской губернии, 1919 г., Симбирск, стр. 103.

[5] Очерки истории Ульяновской организации КПСС. Приволжское книжное издательство, 1964 г., стр. 346.

ков. Однако кулаки, используя в своих интересах экспроприацию помещиков и провоцируя разгром крупных имений, расширили свои владения, захватили инвентарь, скот, хлеб[1].

Наличие значительного слоя кулачества позволило лево- и правоэсеровским организациям использовать этот район Поволжья для антисоветских авантюр. Левоэсеровский мятеж Муравьева способствовал установлению в некоторых уездах Симбирской губернии (с июля по сентябрь 1918 г.) власти Самарского Комуча. Создание комбедов там задержалось и проходило не летом 1918 г., как в центральных губерниях, а осенью. До конца года экономическая мощь кулачества здесь еще не была сломлена. Белогвардейское самарское правительство произвело денационализацию мельниц, отменило все разделы частнособственнической земли[2]. Экономические и политические позиции кулачества за время господства белых окрепли.

После освобождения губернии, в ноябре—декабре 1918 г., на основании постановления VI Всероссийского съезда Советов проводились перевыборы Советов, во время которых из их состава изгонялись кулаки и сторонники мелкобуржуазных партий. Например, кулаки были удалены из Алатырского уездного Совета[3], из Советов Шумовской волости Симбирского уезда[4].

В результате кровавого урока 52-дневного господства белых большая часть трудящегося крестьянства губернии осознала, что «вне Советской рабоче-крестьянской власти они не смогут устроить свою жизнь счастливой и светлой»[5].

Влияние большевиков в деревне возросло. В конце 1918—начале 1919 года в селах Симбирской губернии значительно увеличилось количество коммунистических ячеек. К началу 1919 г. губернская партийная организа-

---

[1] К истории проведения в жизнь Ленинского декрета о земле. «Красный архив», № 4—5 (89—90), 1938, стр. 49.

[2] Разъяснение приказа Комуча «О праве уборки озимых посевов» от 30 июля 1918 г., ГАУО, ф. 395, оп. 1, д. 75, л. 33.

[3] Информационная ведомость о событиях с 1 по 15 сентября 1918 г. в Симбирской губ., ЦГАОР, ф. 393, оп. 3, д. 358, л. 240.

[4] Резолюция Шумовского Волостного съезда Советов и комбедов 25 декабря 1918 г., ПАУО, ф. 1, оп. 1, д. 37, л. 114.

[5] Сводка о политическом состоянии Симбирского уезда с 14 по 21 ноября 1918 г., ЦГАОР, ф. 393, оп. 3, д. 357, л. 342.

ция насчитывала более 4000 членов[1]. Особенно заметен был рост ячеек в Симбирском уезде. В феврале 1919 г. председатель губкома партии И. Варейкис отмечал, что «партийная работа по Симбирскому уезду последние месяцы, по сравнению с деятельностью прежних месяцев, достигла гигантских размеров...»[2]. К весне 1919 г. в уезде насчитывалось около 50 ячеек[3].

В Карсунском уезде к началу 1919 г. насчитывалось 10 партийных ячеек[4]. В Сызранском уезде к весне 1919 г. имелось 30 партийных ячеек[5], в Курмышском — 38[6], в Буинском уезде, где за весь 1918 г. было организовано лишь 6 ячеек[7], в январе—феврале 1919 г. возникло 20 ячеек[8], в том числе в ряде чувашских сел (в д. Кищак[9]), в селе Бюрган Бурундуковской волости[10].

Однако в этой работе допускались и ошибки, вызванные стремлением вовлечь в коммунистическую партию возможно большее количество крестьян. Например, в деревне Тимбаево Буинского уезда образовалась ячейка из 84-х человек, в которую вошли и кулаки, и даже древние старухи. И неслучайно при проведении в жизнь декрета об отделении церкви от государства эта ячейка распалась[11].

Проверка работы сельских и волостных ячеек, проведенная губкомом в начале 1919 г., показала, что в некоторых из них числились скрытые контрреволюционеры—

---

[1] Очерки истории Ульяновской организации КПСС, 1964, стр. 409.

[2] Варейкис И. К открытию уездной конференции, газ. «Пролетарий», № 63, 16 февраля 1919 г.

[3] Симбирская уездная конференция РКП(б), газ. «Пролетарий», № 64, 18 февраля 1919 г.

[4] Список партячеек в Карсунском уезде, ПАУО, ф. 1, оп. 1, д. 35, л. 20.

[5] Протокол III уездной Сызранской конференции РКП(б). 18—19 августа 1919 г., ПАУО, ф. 1, оп. 1, д. 91, л. 13.

[6] Сведения о коммунистических ячейках, организованных в волостях Курмышского уезда в 1918—1919 гг., ПАУО, ф. 1, оп. 1, д. 31, л. 57—59.

[7] Протокол 1 Симбирской губернской конференции РКП(б) 6—7 декабря 1918 г., ПАУО, ф. 1, оп. 1, д. 7, л. 7.

[8] Политическая сводка Буинской организации РКП(б) с 1 января по 1 марта 1919 г., ПАУО, ф. 1, оп. 1, д. 33, л. 36.

[9] Резолюция граждан д. Кищак, ПАУО, ф. 1, оп. 1, д. 34, л. 67.

[10] Резолюция граждан с. Бюрган, там же, л. 63—64.

[11] Политическая сводка Буинской организации РКП(б) с 24 ноября по 24 декабря 1918 г., ПАУО, ф. 1, оп. 1, д. 33, л. 32.

бывшие полицейские, кулаки, которые вступили в партию с целью подрыва ее деятельности и авторитета, или из шкурнических побуждений. В ряде случаев сельские коммунисты по своему общеполитическому уровню мало чем отличались от беспартийных крестьян. Одна из «коммунистических» ячеек в селе Русская Цильна, например, подала в губисполком ходатайство о выдаче членам ячейки (25 человек) и членам их семей (152 человека) 10 пудов соли, 5 пудов керосину, сахару, табаку, спичек[1].

В Сенгилеевском уезде, где был значительный процент кулачества, партячейки были особенно слабыми, малочисленными. Например, в селе Новодевичье ячейка насчитывала 7 человек[2]. Ее работа и влияние были недостаточными. В крупном торговом селе Поповке, несмотря на проведенную агитационно-разъяснительную работу инструктором губисполкома И. С. Наумовым, организовать партийную ячейку не удалось[3].

Кулацкая агитация помешала созданию ячеек в селах Загоскине[4] и Сосновке[5] Поповской волости.

Руководитель Сенгилеевской партийной организации Мачь, выступая на чрезвычайной губернской конференции РКП(б) в феврале 1919 г., признал, что в деревнях Сенгилеевского уезда количество ячеек было недостаточным и связь между ними отсутствовала. Поэтому Сенгилеевский уком не смог провести уездную партийную конференцию[6].

Говоря о недостатках в работе уездных организаций РКП(б) в начале 1919 г., И. Варейкис отмечал на III губернской партконференции, что недостаточной была и связь губкома с местными парторганизациями[7].

---

[1] Рапорт ячейки коммунистов с. Русской Цильны, 13 января 1919 г., «Пролетарий», № 43, 24 января 1919 г.

[2] Протокол общего собрания граждан с. Новодевичья 23 января 1919 г., ГАУО, ф. 200, оп. 1, д. 3, л. 128.

[3] Протокол собрания граждан с. Поповки 12 февраля 1919 г., ГАУО, ф. 200, оп. 1, д. 3, л. 12.

[4] Протокол собрания граждан с. Загоскино от 15 февраля 1919 г., там же, л. 13.

[5] Протокол собрания граждан с. Сосновки от 17 февраля 1919 г., там же, л. 11.

[6] Чрезвычайная Симбирская губернская конференция РКП(б), газ. «Пролетарий», № 73, 28 февраля 1919 г.

[7] Отчетный доклад И. Варейкиса III губернской конференции РКП(б) 25 августа 1919 г., ЦПА ИМЭЛ, ф. 17, оп. 5, д. 206, л. 2.

Пользуясь слабостью сельских ячеек, кулаки проникали в Советы, даже после проведенных в начале 1919 г. перевыборов. Например, в селе Старые Бурундуки Буинского уезда в Совет был избран бывший волостной старшина[1]. В селе Жадовка Карсунского уезда председателем Волостного исполкома оказался бывший торговец мясом. Лишь после приезда инструктора уездного исполкома здесь избрали нового председателя[2].

Однако, несмотря на то, что кулакам удавалось еще удерживать под своим влиянием часть трудящегося крестьянства, сельские партийные организации крепли, четко определяли свои задачи, включались в борьбу с кулачеством. Например, собрание коммунистов ячейки д. Михайловки Русско-Цильнинской волости Симбирского уезда, рассматривая вопрос о правах и обязанностях ее членов, постановило, что коммунисты обязаны вести просветительную работу, разъяснять программу партии, а также осуществлять контроль за действиями контрреволюционных элементов деревни — кулаков, служителей церкви[3]. О растущей политической зрелости партячеек свидетельствовала выработка многими ячейками уставов, закреплявших обязанности коммунистов в деле выполнения программы партии.

Активизировалась агитационно-просветительная работа местных парторганизаций. По инициативе сельских ячеек создавались библиотеки-читальни, клубы, народные дома. Например, ячейка д. Михайловки Симбирского уезда в январе 1919 г. решила открыть в деревне библиотеку-читальню[4]. В селе Ундоры того же уезда в феврале 1919 г. был открыт волостной Народный Дом им. Ленина[5].

Итак, к весне 1919 г. количество партийных ячеек в Симбирской губернии увеличилось, их влияние на политическую жизнь деревни возросло. К сожалению, они не всегда имели зрелых руководителей, не были доста-

---

[1] «Беднота», № 290, 22 марта 1919 г.

[2] Доклад инструктора Карсунского совета Чеснокова, март 1919 г. ЦГАОР, ф. 393, оп. 13, д. 440, л. 76.

[3] Протокол собрания коммунистов партячейки д. Михайловки от 22 января 1919 г., ПАУО, ф. 1, оп. 1, д. 30, л. 14.

[4] То же, от 20 января 1919 г., ПАУО, ф. 1, оп. 1, д. 30, л. 8.

[5] Телефонограмма Ундоровского Волостного комитета партии в Симбирский губисполком, ПАУО, ф. 1, оп. 1, д. 30, л. 55.

точно крепкими идейно и организационно, не всегда играли руководящую роль в деревне.

Партия левых эсеров, имевшая в первые месяцы существования Советской власти значительное влияние на крестьянство, после открытого антисоветского выступления против политики Советского государства летом 1918 г., после организации контрреволюционных мятежей в Москве и других городах страны, в том числе и в Симбирске, лишилась поддержки трудящегося крестьянства, превратилась в кулацкую партию.

Наиболее честные элементы стали выходить из левоэсеровской партии и вступать в ряды РКП(б)[1]. В ноябре 1918 г. произошла самоликвидация симбирской группы эсеров-максималистов, члены которой поняли, что они потеряли прежнюю социальную опору[2].

Однако в январе 1919 г. левые эсеры пытались воскресить в Симбирске свою организацию в новой форме «революционеров-коммунистов», руководителем этой группы был Понятский[3].

Такая же группа возникла и в Буинском уезде. Но III уездный съезд Советов 14 января 1919 г. принял решение о ее роспуске. От имени съезда была послана телеграмма В. И. Ленину и Я. М. Свердлову с просьбой утвердить это решение[4].

В Симбирске «революционеры-коммунисты» продолжали существовать и летом 1919 г.[5] Но это были остатки левоэсеровской партии, не имевшие опоры в массах.

Незначительным было влияние и правых эсеров на трудящееся крестьянство, так как их партия фактически отказалась от своей программы и с первых дней революции заняла открытую контрреволюционную позицию.

Зверская расправа над рабочими и крестьянами в период господства в ряде уездов Симбирской губернии

---

[1] См., например, письмо в редакцию рабочего патронного завода М. Гущина. Газ. «Известия Симбирского Совета», № 188, 15 ноября 1918 г.

[2] Декларация бывших народников-максималистов, газ. «Известия Симбирского Совета», № 182, 5 ноября 1918 г.

[3] Пищальников Н. Революционные коммунисты, газ. «Пролетарий», № 40, 19 января 1919 г.

[4] Телеграмма из Буинска В. И. Ленину и Я. М. Свердлову, 14 января 1919 г., ЦГАОР, 1235, оп. 94, л. 486, л. 7.

[5] Флигельман. К чему вводить в заблуждение пролетарские массы, газ. «Заря», № 37 (372), 3 июля 1919 г.

белочехословаков, действовавших совместно с правыми эсерами, способствовала отрезвлению тех членов симбирской организации эсеров, которые сохранили связь с трудовым народом[1].

«Народная» власть Самарской учредилки, действовавшая в интересах помещиков и буржуазии, показала трудящимся массам Симбирской губернии и всего Поволжья, что в классовом обществе не может быть власти, отражающей интересы всех слоев населения. Политический комиссар Симбирской Железной дивизии писал в день освобождения Симбирска от белых, что рабочие и крестьяне губернии убедились в необходимости диктатуры пролетариата для защиты интересов трудящихся[2].

Поворот среднего крестьянства на сторону Советской власти и большевистской партии совершался в конце 1918 г. в масштабе всей страны. Крестьянство уже начало понимать, что если большевики не одержат победу, то иностранный империализм задушит свободу и независимость России.

Задача партии заключалась в том, чтобы уметь достигать соглашения со средним крестьянством, привлечь его к себе, подчинить общепролетарской дисциплине.

«...Лозунг момента, — писал В. И. Ленин, — не борьба с ними (середняками. — Е. С.), а привлечение их, умение наладить воздействие на них, убеждение колеблющихся, использование нейтральных...[3].

Колебания среднего крестьянства были неизбежны. Середняк располагал некоторыми излишками хлеба и был заинтересован в свободной торговле. Продразверстка, и особенно нарушение местными органами классового принципа при проведении ее, вызывали недовольство. Часть среднего крестьянства поддавалась на кулацко-эсеровскую агитацию против хлебной монополии. Симбирская губерния не являлась в этом отношении исключением. Но сопротивление кулачества продовольственной диктатуре и колебания середняка были особенно

---

[1] Чистов Н. Кровавые эсеры в Симбирске, Газ. «Экономический путь», 3 июня 1922 г.

[2] Лившиц Б., Симбирск 13-го сентября, Газ. «Известия революционных войск», № 1, 13 сентября 1918 г.

[3] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 37, стр. 195.

серьезными в районах с незначительной пролетарской прослойкой, каким являлась и Симбирская губерния.

Кулачество использовало ошибки в действиях местных органов власти, партячеек и продотрядов, а также недостаток предметов первой необходимости в своей антисоветской агитации. И. Варейкис писал, что многие сердобольные бедняки верят «крокодиловым слезам» кулаков, идут им на уступки, считают нашу политику слишком суровой по отношению к кулачеству, и таким образом кулакам удается в некоторых местах обмануть бедноту[1].

Ошибки при сборе продразверстки, чрезвычайного налога и проведения других реквизиций допускались нередко. Например, крестьянин села Ризоватово Ардатовского уезда Петр Храменков писал в редакцию «Московского коммуниста» о применении принудительных методов по отношению к середнякам при сборе недоимок со стороны членов уездной комиссии по распределению чрезвычайного налога[2]. В Поповской волости Сенгилеевского уезда уполномоченный Новиков также применял меры принуждения при сборе чрезвычайного налога, производил повальные обыски, не делая различий между кулаками и середняками[3].

Центральный Комитет требовал от местных партийных организаций вести активную борьбу с искривлением линии партии по отношению к среднему крестьянству, наказывать виновных советских и партийных работников. Так, когда в ЦК РКП(б) поступил протокол партийного собрания села Жадовки Карсунского уезда от 30 января 1919 г., в котором отмечались преступные действия уездной комиссии по взысканию чрезвычайного налога и ошибки некоторых советских работников, то Центральный Комитет в письме, адресованном в Симбирский губком, потребовал «незамедлительно сообщить, что известно губкому по этому делу, а также какие при-

---

[1] Варейкис И. Крокодиловы слезы, Газ. «Пролетарий», № 66, 20 февраля 1919 г.

[2] Письмо в редакцию «Московского коммуниста» крестьянина с. Ризоватово П. Храменкова, ЦГАОР, ф. 393, оп. 12, д. 34, л. 35.

[3] Протокол объединенного заседания Сенгилеевского комитета партии с представителями Особого отдела полковой ячейки Упродкома, Политотдела, 2 июля 1919 г., ПАУО, ф. 1, оп. 1, д. 36, л. 228—229.

няты им меры по выяснению всех обстоятельств дела для беспощадного наказания виновных...[1].

Однако местные партийные организации не всегда умело проводили в жизнь указания ЦК. Некоторые ячейки действовали как административные органы и независимо от волостных и сельских Советов сами производили конфискацию имущества и скота, вступая иногда в столкновение с Советами[2].

В ряде случаев сельские коммунисты вызывали недовольство крестьян неумелым проведением в жизнь декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви. В Сенгилеевском уезде, например, как докладывал Сызранскому комитету партии председатель Особой комиссии по ревизии Поволжья П. Г. Смидович, вместо разъяснения сути декрета, коммунисты сами снимали иконы в школах, оскорбляли своим неправильным поведением религиозные чувства верующих[3].

Недовольство крестьян разжигалось эсерами, спекулировавшими на голоде и других трудностях и раздувавшими ошибки местных работников до масштабов общегосударственных. Деятельность мелкобуржуазных партий особенно оживилась после их легализации (в декабре 1918 г. — меньшевиков, в феврале 1919 г. — правых эсеров). Социальной опорой мелкобуржуазных партий являлось кулачество, которое в свою очередь черпало поддержку своим требованиям в лозунгах и программах этих партий.

Мелкобуржуазные партии превратились в контрреволюционные организации. Левоэсеровская конференция в Петрограде 20 января 1919 г. приняла предложение ЦК партии начать террор по отношению к деятелям большевистской партии[4]. Левые эсеры открыто защищали интересы и действия кулачества. Орган левых эсеров

---

[1] Письмо ЦК РКП(б) в Симбирский губком, 15 апреля 1919 г., ПАУО, ф. 1, оп. 1, д. 74, л. 12.

[2] Доклад о деятельности Ардатовского уездного комитета партии с 2 декабря 1918 г. по 1 апреля 1919 г., ПАУО, ф. 1, оп. 1, д. 51, л. 3—4.

[3] Доклад П. Г. Смидовича о кулацком восстании и его причинах, Протокол заседания Сызранского комитета РКП(б) 15 апреля 1919 г., ПАУО, ф. 1, оп. 1, д. 39, л. 28—29.

[4] Новый заговор левых эсеров, Газ. «Известия Симбирского Совета», № 39(266), 19 февраля 1919 г.

газета «Наш путь», издававшаяся в Вильнюсе, так оценивала кулацкие мятежи: «Восстание крестьян на почве реквизиции хлеба не считать контрреволюционными действиями, а отстаиванием своих прав, а потому такие восстания расширять и массы разжигать независимо от того, имеет ли это выгоду для партии или нет...»[1].

ЦК партии левых эсеров неоднократно заявлял, что «борьба трудового крестьянства», т. е. кулацкие мятежи, есть «борьба революционная»[2].

В. И. Ленин указывал, что агитация и игра на голоде, которую левые эсеры вели якобы для пользы рабочего класса, «есть не что иное, как прямая помощь белогвардейцам», которая стоит тысячи лишних жертв[3].

Партия правых эсеров сыграла определенную роль в идеологической подготовке кулацких выступлений.

Поскольку открытая помощь правых эсеров контрреволюции и иностранной интервенции не находила поддержки трудящихся масс, конференция правоэсеровской партии в феврале 1919 г. заявила о прекращении вооруженной борьбы с Советской властью[4]. Но одновременно в «Обращении правых эсеров ко всем гражданам Российской республики» было заявлено, что «партия социалистов-революционеров не разделяла, да и сейчас в очень многом не разделяет тактики и образа действий российских коммунистов-большевиков...[5].

Отказ от вооруженной борьбы с Советской властью являлся тактическим маневром. Об этом открыто говорилось в резолюции IX Совета партии правых эсеров, проходившего 18—20 июня 1919 г. Целью тактического маневра являлось привлечение на свою сторону мелкобуржуазных элементов города и деревни, поддерживавших Советскую власть. Как указывалось в резолюции IX Совета, новая тактика была принята для «наиболее

---

[1] Доклад П. Г. Смидовича о кулацком восстании и его причинах. Протокол заседания Сызранского комитета РКП(б) 15/IV 1919 г., ПАУО, ф. 1, оп. 1, д. 39, л. 28—29.

[2] О крестьянской революции, «Бюллетень ЦК партии левых эсеров», № 5, 1 мая 1919 г.

[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 65.

[4] «Обвинительное заключение по делу ЦК партии социалистов-революционеров, М., 1922, стр. 36.

[5] Перелом в партии правых эсеров, Газ. «Известия Симбирского Совета», № 33(260), 12 февраля 1919 г.

целесообразного употребления партийных и народных сил»[1].

IX Совет правоэсеровской партии предпринял и другой маневр, рассчитанный на овладение руководством трудящимся крестьянством. Была выдвинута идея о возможности самостоятельной борьбы крестьянства, в качестве «третьей силы», и против диктатуры пролетариата и против диктатуры буржуазии. Это был явный обман крестьянства. В борьбе пролетариата против буржуазии, всякий отказ от поддержки пролетарской диктатуры означал поддержку диктатуры буржуазии. Крестьянство не могло стать самостоятельной силой по своей социально-экономической природе. Решения IX Совета партии правых эсеров на практике означали призыв к мятежам против Советской власти.

На поддержку кулацких выступлений было направлено и решение правоэсеровской конференции от 8 февраля 1919 г. о создании при каждом губернском комитете законспирированной военной комиссии для агитации в частях Красной Армии против участия в карательных экспедициях[2].

Несколько позднее, в апреле 1919 г., ЦК партии правых эсеров обратился ко всем эсеровским организациям с письмом, в котором экономические трудности в стране объявлялись результатом политики большевиков. Восстания и «вспышки недовольства» кулаков оправдывались как неизбежный результат хозяйственной политики большевистской партии[3].

Правые эсеры Симбирска проповедовали те же идеи. Видный деятель Симбирской эсеровской организации с дореволюционным стажем В. Алмазов писал: «В нашей экономически отсталой стране, истощенной вконец продолжительной войной, в настоящее время невозможна социалистическая революция... В нашей стране, где промышленность ничтожна, а пролетариата в чистом его виде почти нет совсем, не может быть диктатуры пролетариата...»[4].

---

[1] Обвинительное заключение по делу ЦК и отдельных членов партии социалистов-революционеров, М., 1922, стр. 38.

[2] Крыленко Н. В., Судебные речи, М., 1964, стр. 169.

[3] «Ко всем партийным организациям» от ЦК социалистов-революционеров, 5 апреля 1919, ЦПА ИМЭЛ, ф. 274, оп. 1, д. 2, л. 22.

[4] Алмазов В. О Советах. Газ. «Симбирское слово», № 25, 7(20) февраля 1918 г.

Симбирские коммунисты с недоверием отнеслись к появившимся вновь на политической арене после легализации их в феврале 1919 г. правоэсеровским организациям. И. Варейкис писал, что раскаяние правых эсеров, подло убивших Володарского и Урицкого и покушавшихся на Ленина, ничего не может дать революции. «Опыт русской революции нам показывает, что не только правые, но и левые эсеры (хотя очень трудно сейчас разобрать, кто из них правый, кто левый), кроме вреда, ничего непреподнесли...»[1].

Воскресшая правоэсеровская печать пела на «колчаковский лад», способствуя возникновению кулацких мятежей.

Характерно, что и правые эсеры, выступая против политики коммунистической партии, объявляли себя сторонниками Советов. В. Алмазов писал: «Протестуя против политики, мы защищаем и будем решительно защищать и дальше существование Советов...»[2].

Таким образом, и правые эсеры фактически провозглашали лозунг «Советы без коммунистов». Н. В. Крыленко, выступая на процессе правых эсеров, говорил о событиях 1918—1919 гг.: «Практическая и политическая обстановка того времени была такова, что для того, чтобы поднять хотя бы часть действительно народных масс, для этого нужно было, чтобы во главе контрдвижения стояла партия обязательно с социалистическим ярлыком...»[3].

Подобно правым эсерам, меньшевистская партия после легализации использовала свою печать для критики действия Советской власти, несмотря на заявление об изменении своей политики.

Выступления меньшевиков против хлебной монополии, за восстановление свободной торговли, как единственного средства против голода, могли найти поддержку кулачества. Меньшевики объявляли декреты Советского правительства преждевременными экспериментами, которые «ведут нас к неминуемому голоду, к ужасам, к болезням, к усиленной смертности, к бунтам...[4].

[1] Варейкис И. Капитуляция, Газ. «Пролетарий», № 62, 15 февраля 1919 г.

[2] Алмазов В. О Советах, Газ. «Симбирское слово», № 25, 7(20) февраля 1918 г.

[3] Крыленко Н. В. Судебные речи, М., 1964, стр. 99.

[4] Голод. «Новое слово», № 22, 23 февраля (1 марта) 1918 г.

Таким образом, кулацкие мятежи находили оправдание и у меньшевиков.

Итак, к весне 1919 г., наряду с поворотом основной массы среднего крестьянства в сторону Советской власти, часть его, недовольная политикой «военного коммунизма», проявляла колебания.

Оживившаяся деятельность мелкобуржуазных партий, явившаяся поддержкой контрреволюционным выступлениям кулачества, способствовала усилению колебаний середняка.

В Симбирской губернии, помимо общих для страны экономических и политических трудностей, были и свои специфические, вызванные численным преобладанием мелкобуржуазной стихии, наличием значительной прослойки кулачества, укрепившего свои позиции в период власти Комуча, малочисленностью и распыленностью рабочего класса, который не мог парализовать кулацко-эсеровское влияние в деревне, незрелостью сельских коммунистов, лишенных должной помощи городского пролетариата и допускавших ошибки в своей деятельности. Условия прифронтовой полосы — мобилизации лошадей и скота, военные реквизиции и другие повинности, связанные с нуждами Восточного фронта, также усиливали колебания середняка и создавали почву для кулацкой агитации против Советской власти.

Весной 1918 г., выступая на заседании ВЦИК с докладом «О задачах Советов в деревне», Я. М. Свердлов предупреждал, что кулацкие элементы представляют значительную силу. Гражданская война в деревне неизбежна. Она пройдет гораздо легче, если Советы возьмутся за организацию беднейших слоев деревни и противопоставление их кулацким элементам, не дожидаясь сплочения кулачества[1].

В условиях Симбирской губернии партийные и советские организации не смогли завершить эту работу, и весной 1919 г. кулачество перешло в наступление.

Еще осенью 1918 г. В. И. Ленин указывал, что достаточно будет частичных успехов иностранных интервентов, белогвардейцев, как усилится колебание мелко-

---

[1] Свердлов Я. М., Избранные произведения, т. 2, М., 1959, стр. 212—214.

буржуазных элементов, усилится паника, измена, перелеты на сторону врагов Советской власти[1].

В марте 1919 г. армии Колчака приблизились к Волге. Прорвав фронт, они захватили Уфу, Бугуруслан, Бугульму и двинулись на Самару, рассчитывая в Поволжье соединиться с армиями Деникина и развернуть наступление на Москву. С этого момента в ряде уездов кулаки переходят к активным действиям.

В начале марта вспыхнул мятеж в селе Новодевичьем Сенгилеевского уезда. Это было богатое торговое село, насчитывающее свыше 1000 дворов. Среди жителей его имелось большое число торговцев, скупавших сельскохозяйственные продукты у односельчан и у населения окрестных деревень, удаленных от Волги. Новодевичье было расположено далеко от губернского и промышленных центров, руководство со стороны партийных организаций чувствовалось здесь слабо. Еще весной 1918 г., когда началось перераспределение земли в Симбирской губернии и наделение землей бедноты, Новодевиченский волостной съезд отверг постановление и инструкцию Симбирского комиссариата земледелия о временном распределении земли[2]. Осенью 1918 г., когда после очищения всей губернии от белочехов заново началась работа по переделу земли, опять-таки одна Новодевиченская волость не приняла среднегубернской нормы (1—$1^1/_2$ десятины на душу), ссылаясь на плохое качество земли[3]. Новодевичье было одним из немногих населенных мест, жители которого не проявили радости по поводу освобождения села от белых[4].

В таком кулацком гнезде от органов Советской власти требовалась исключительная тактичность в отношении бедноты и середняков и решительность в борьбе против кулачества. Однако уездные органы ЧК во главе с председателем Казимировым, находившийся в селе продотряд под командованием Павлова, продкомиссар Белов нарушали классовый принцип осуществления декретов

---

[1] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 37, стр. 197.

[2] Журнал Сенгилеевского уездного комиссариата земледелия, 6 июня, 1918 г., ГАУО, ф., 336, оп. 3, д. 8, л. 81.

[3] Доклад Сенгилеевского уездного земельного отдела, 4 ноября 1918 г., ГАУО, ф. 336, оп. 3, д. 8 л. 128.

[4] П. Устинов. Железная дивизия (воспоминания комбригад). ПАУО, ф. 57а, оп. 2, д. 212, л. 142.

Советской власти, чем и воспользовались в своих целях контрреволюционные элементы.

3 марта по требованию кулаков сельский Совет Новодевичья созвал сход. Выступавшие на нем говорили о неправильных реквизициях. Было принято решение созвать волостной сход и просить уменьшения реквизиций. Но кулаки, не ограничиваясь этим, начали распускать провокационные слухи о приближении белых и требовали решительных действий. Группа кулаков в тот же день захватила почтово-телеграфную контору.

На следующий день, 4 марта, был убит продкомиссар Белов, 5 марта — председатель ЧК Казимиров. Председатель Волисполкома Косоуров был арестован[1]. Кулаки создали штаб, переизбрали сельский Совет.

Н. Ф. Лысихин в статье «Разгром контрреволюционного мятежа на средней Волге в 1919 г.», говоря о неправильных действиях продкомиссара Белова по учету скота, квалифицирует их как рассчитанную антисоветскую провокацию»[2]. Однако ни в отчете агитатора губисполкома Н. Г. Петрова, расследовавшего события в Новодевичьем по горячим следам, ни в материалах комиссии ВЦИК, созданной в апреле 1919 г. для изучения и устранения причин восстания, не давалось подобной оценки действиям Белова, хотя и отмечались недостатки в его работе.

Следует уточнить и дату начала «чапанного восстания». Н. Ф. Лысихин считает началом его 5 марта. Эта же дата указана и в примечаниях к сборнику документов «Симбирская губерния в годы гражданской войны»[3].

В статье А. Гаценкова, участника разгрома кулацких банд, — начало мятежа относится к 6 марта[4]. Неточно датировано (8-м марта) начало кулацкого выступления и в «Истории гражданской войны в СССР»[5].

[1] Отчет агитатора Н. Г. Петрова, ГАУО, ф. 200, оп. 1, д. 3, л. 144.

[2] Лысихин Н. Ф. Разгром контрреволюционного мятежа на Средней Волге в 1919 г., «Краеведческие записки» Куйбышевского областного музея краеведения, вып. 1, Куйбышев, 1963, стр. 118—119.

[3] Симбирская губерния в годы гражданской войны, Сб. док., т. 2, Ульяновск, 1960, стр. 403.

[4] Гаценков А. Чапанное восстание, газ. «Знамя коммунизма», № 50, 7 марта 1959 г.

[5] История гражданской войны в СССР, т. 4, М., 1959, стр. 55. Эта же дата приводится в статье П. П. Яковлева «М. В. Фрунзе в Самаре в 1919 г.», в сб.: «Борцы революции», Куйбышев, 1956, стр. 248.

Анализируя сохранившиеся документы от 5 марта 1919 г. о деятельности Симбирского губкома и губисполкома, направленной на пресечение кулацких выступлений в Сенгилеевском уезде, можно сделать вывод, что мятеж начался раньше этого срока.

Представляется более правильным считать началом мятежа события 3 марта, когда сельский сход в Новодевичьем под влиянием кулацкой агитации выступил против продовольственной политики Советской власти[1].

Кулаки Новодевичья, подняв мятеж, начали рассылать по соседним селам от имени своего штаба приказы «немедленно взять в руки оружие и присоединиться к восставшим»[2]. Штаб мятежников организовал производство оружия, мобилизовав кузнецов для изготовления пик[3]. Новодевиченские кулаки стремились представить мятеж как выступление всего крестьянства и даже сравнивали его с борьбой против нашествия Наполеона в 1812 году[4].

Почти одновременно с Новодевичьем волнения начались в Русско-Бектяшкинской, Городищенской, Собакинской, Тереньгульской, Поповской волостях Сенгилеевского уезда[5].

7 марта вооруженная кулацкая банда из села Новодевичья на 100 подводах явилась в село Усолье, местные кулаки присоединились к прибывшим. 8 марта к мятежникам примкнуло с. Усинское[6], ставшее центром событий в Сызранском уезде. Из Усинского кулацкие отряды двинулись на г. Сызрань[7]. В выборе наступательного на-

---

[1] Эта дата указывается в отчете агитатора Н. Г. Петрова, посланного в Новодевиченскую волость для выяснения причин мятежа и проводившего расследование в начале апреля 1919 г.

[2] Распоряжение Новодевиченского военного штаба от 6 марта 1919 г., Приводится в воспоминаниях И. Д. Прыткова «Чапанное восстание», ПАКО, ф. 1/VIII, оп. 8, д. 2, л. 3.

[3] Распоряжение Новодевиченского штаба от 10/III 1919, там же, л. 2.

[4] Протокол дознания продармейца 4-й роты 1-го Симбирского продполка Н. Кудрякова, ЦГАСА. ф. 8, оп. 1, д. 379, л. 30.

[5] Доклад информационно-инструкторского подотдела, отдела управления Сенгилеевским уездом, 10 марта 1919 г., ГАУО, ф. 394, оп. 1, д. 4, л. 69—70.

[6] Доклад организационно-инструкторского отдела о деятельности Сызранского упродкома за февраль—март 1919 г., ЦГАОР, ф. 393, оп. 13, 429, л. 67.

[7] Будылкин, «Кулацкое восстание в Сызранском уезде», ПАКО, ф. 1/VIII, оп. 8, д. 2, л. 48.

правления чувствовалась опытная военная рука. Сызранский мост через Волгу имел стратегическое значение, захват Сызрани открыл бы ворота для Колчака.

В первые же дни мятежа кулацкие агитаторы отправились и на другой берег Волги, 5 марта был поднят мятеж в селе Ягодном Ставропольского уезда Самарской губернии. Здесь был сформирован свой штаб, назначен «главнокомандующий» — Ал. Бузыцков, направивший отряды мятежников на г. Ставрополь[1].

7 марта кулацкие банды заняли Ставрополь. В городе не было промышленных предприятий, отсутствовал пролетариат, по своему социальному составу Ставрополь, как указывалось в докладе уездного военкома, не отличался от сел и деревень[2].

Кулаками был создан новый «горисполком, который начал издавать свою газету «Известия Ставропольского исполкома» (вышло лишь два номера). Руководителем кулачества в Ставропольском уезде стал бывший офицер царской армии, житель села Ягодного А. Долинин, занявший пост «коменданта» Ставрополя и именовавшийся «комендантом чапанного восстания».

Кроме Ставропольского уезда, попытки мятежа были в Самарском, Мелекесском, Бузулукском и Бугурусланском уездах Самарской губернии. В Кинель-Черкасской волости Бугурусланского уезда кулаки разгромили комитет РКП(б)[3].

14 марта кулацкие агитаторы из Сенгилеевского уезда появились в селе Абрамовке Симбирского уезда. Под их влиянием местные кулаки начали вооружаться. То же самое происходило в деревне Екатериновке[4]. Кулацкие выступления имели место также в Тагайской волости.

Не ограничиваясь антисоветской агитацией, кулаки

---

[1] Полное описание Поволжского крестьянского восстания в 1919 г. прозванного «чапанным». Составлено комендантом восстания А. Долининым, ПАКО, ф. 1/VIII, оп. 8, д. 2, л. 74.

[2] Доклад о деятельности Ставропольского уездного военкома Ларионова, ПАКО, ф. 1, оп. 1, д. 51, л. 16.

[3] Письмо в Самарский губком от председателя Кинель-Черкасского комитета РКП(б), 1/IV 1919 г., ПАКО, ф. 1, оп. 1, д. 63, л. 9.

[4] Политсводка Восточного фронта за 14 марта 1919 г., ЦГАСА, ф. 106, оп. 2, д. 24, л. 48.

насильственными мерами заставляли трудящееся крестьянство принять участие в мятеже. Так, в селе Горюшки 10 марта кулаки собрали представителей от всех сел волости и вынесли решение о мобилизации всех жителей от 18 до 45 лет. Беднота была против такого решения, но никто не осмелился возражать, боясь самосуда кулаков[1]. В селе Кануевке Ставропольского района вооруженная кулацкая банда силой выгоняла крестьян из домов, приказывая вооружаться и идти с ними[2]. В селе Беклемишеве прибывший в ночь на 15 марта отряд кулаков под угрозой смерти потребовал от всех граждан примкнуть к мятежу[3].

Оживились реакционные элементы и в городе. В Симбирске черносотенцы разбрасывали монархические листовки, угрожали еврейско-татарским погромом, в адрес И. Варейкиса и председателя Симбирского губисполкома М. Гимова поступали анонимные письма[4].

Реакционные силы пытались раздуть контрреволюционное движение в районах с нерусским населением. В отдельных уездах губернии, как, например, в Буинском, русское население составляло около 15 процентов. Здесь особенно велика была угроза того, что кулаки, используя темноту и националистические тенденции чувашей, татар, мордвы, привлекут их к мятежу. Для предотвращения этого отдел по делам национальностей Симбирского губисполкома издал на татарском языке ряд воззваний и брошюр. Из центра было отпущено для этой цели 50 тысяч рублей[5]. В чувашские села направлялись агитаторы, распространялись воззвания на чувашском языке, широко разъяснялась инструкция о проведении декрета о чрезвычайном налоге. В результате проведенной работы удалось предотвратить распространение мятежа в Буинском уезде. Выступления кулаков имели ме-

---

[1] Сведения Горюшкинского Волостного ревкома о причинах восстания, 27 марта 1919 г., ГАУО, ф. 394, оп. 1, д. 4, л. 102.

[2] Доклад Волостного Совета с. Кануевки в Самарский уездный отдел управления, 26 марта 1919 г., ГАКО, ф. 81, оп. 12, д. 142, л. 24.

[3] Протокол общего Беклемишевского волостного митинга 18 марта 1919 г., ЦГАОР, ф. 393, оп. 13, д. 439, л. 762—764.

[4] Гольман М. Черносотенцы заговорили, Газ. «Пролетарий», № 85, 15 марта 1919 г.

[5] Доклад губернского отдела по делам национальностей, Сб. док. «Симбирская губ. в годы гражданской войны», т. 2, стр. 115.

сто лишь в двух волостях — Архангельской и Городищенской.

В Ардатовском уезде первое выступление кулаков было подавлено 11 марта[1]. Но в 20-х числах контрреволюционное движение вновь началось в Кайбичевской, Талызинской, Шугуровской волостях[2].

В Алатырском уезде волнения имели место в двух волостях — Астрадамовской и Гулюшевской[3].

В подготовке «чапанного восстания» и в руководстве им большую роль сыграли белогвардейские офицеры. Так, например, следствием было установлено, что в с. Новодевичьем руководителем кулацкого движения был поручик царской армии[4].

В. И. Ленин в докладе на VIII съезде партии отмечал тесную связь кулацких мятежей, вспыхнувших весной 1919 г., с военными планами белогвардейцев, наметивших на март «общее наступление и организацию ряда восстаний»[5].

В Сызранском уезде движение возглавляли белые офицеры, бывшие владельцы крупных поместий в Симбирской губернии, такие, как бывший член государственной Думы, миллионер, полковник граф Орлов-Давыдов, генерал Бердичев[6]. и помещик Толстой[7], в Ставрополе — белогвардейский офицер А. Долинин. В Новодевичьем и Бектяшке руководящая роль также принадлежала офицерам[8]. Белогвардейцы Хасан Богданов и Гани Кудряков были зачинщиками мятежа в Старо-Тимошкинской

---

[1] Политсводка по Восточному фронту за 11 марта 1919 г., ЦГАСА, ф. 106, оп. 2, д. 24, л. 45.

[2] Отчетная ведомость информационно-инструкторского подотдела управления Симбирской губ. о кулацком восстании в Ардатовском уезде, ЦГАОР, ф. 393, оп. 3, д. 359, л. 308.

[3] Протокол Алатырского исполкома 28 марта 1919 г., ЦГАОР, ф. 393, оп. 13, д. 432, л. 17.

[4] Гольман М. Сенгилеевские сморчки, Газ. «Пролетарий», № 84, 14 марта 1919 г.

[5] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 38, стр. 163.

[6] Телеграмма из Сызрани в Москву, во ВЦИК, 12 марта 1919 г., ЦГАОР, ф 1235, оп. 94, д. 490, л. 68.

[7] Прытков И. Д. Симбирские большевики (1917—1918), ПАУО, ф. 57а, оп. 2, д. 166, л. 56.

[8] Доклад информационно-инструкторского подотдела отдела управления Сенгилеевским уездом, ГАУО, ф. 394, оп. 1, д. 4, л. 69—70.

волости Сенгилеевского уезда[1]. В селе Коржевка Карсунского уезда организатором контрреволюционного выступления был сын местного кулака, офицер[2].

Активное участие в кулацком движении принимало духовенство, недовольное декретами Советского правительства об отделении церкви от государства и школы от церкви. Попы на молебнах вдохновляли бандитские толпы на расправу с советскими и партийными работниками. Например, в Карсунском уезде, расстрелянный впоследствии поп Похвалинский, с амвона призывал не словом, а «делом» бороться против «изменников православной церкви»[3]. В селе Горюшке Сенгилеевского уезда поп прочел «напутственную молитву» мятежникам, направлявшимся в соседнюю волость[4].

Попы и бывшие офицеры возглавляли кулацкие выступления в Анненковской, Соплевской, Репьевской волостях Сызранского уезда и в Беклемишевской волости Карсунского уезда[5].

Идейными вдохновителями кулацкого мятежа являлись мелкобуржуазные партии — правые и левые эсеры, отчасти меньшевики.

П. Г. Смидович в докладе Президиуму ВЦИК отмечал: «В самом ходе восстания крестьяне фактически склонились к позициям левых эсеров, которых влияние заметно на каждом шагу...»[6].

Эсеровские лозунги отражались в лозунгах и листовках мятежников. Кулацкие воззвания были полны слепой злобы к большевикам[7]. Стержнем программы мя-

---

[1] Протокол съезда Старо-Тимошкинского Волостного Совета, 24 марта 1919 г., ГАУО, ф. 394, оп. 1, д. 4, л. 107—108.

[2] Гайдамак А. К. Установление и упрочение Советской власти в Карсунском уезде, ПАУО, ф. 57а, оп. 2, д. 40, л. 65—66.

[3] Воспоминания А. А. Утенкина, ПАУО, ф. 57а, оп. 2, д. 213, л. 29.

[4] Сведения Горюшкинского Волостного резкома о причинах восстания, 27 марта 1919 г., ГАУО, ф. 394, оп. 1, д. 4, л. 102.

[5] Доклад группы агитаторов орготдела губкома РКП(б), 10 апреля 1919 г., «Симбирская губ. в годы гражданской войны», т. 2, стр. 52.

[6] Доклад Президиуму ВЦИК Особой комиссии по ревизии Поволжья под председательством П. Г. Смидовича, 22 апреля 1919 г., ЦПА ИМЭЛ, ф. 17, оп. 6, д. 36, л. 25.

[7] См. напр., Политсводку Восточного фронта за 27 марта 1919 г., ЦГАСА, ф. 106, оп. 2, д. 24, л. 61.

тежников являлось стремление к свержению диктатуры пролетариата, к уничтожению коммунистических организаций, к реставрации капитализма. Но для привлечения середняцких масс кулакам необходимо было замаскировать контрреволюционный характер мятежа. Не случайно, что «чапанники» все свои распоряжения писали на советских бланках, названия должностей также сохраняли советские — военный комиссар, военный руководитель и т. д.[1]. Несмотря на недовольство политикой «военного коммунизма», трудящееся крестьянство рассматривало Советы как свою власть, избавительницу от гнета помещиков и капиталистов. Учитывая это, контрреволюционеры в борьбе против Советской власти на словах признавали ее. Левоэсеровский лозунг «Советы без коммунистов», выдвинутый еще в период мятежа в Москве в июле 1918 г., был подхвачен всеми контрреволюционными элементами, так как Советская власть без большевиков представляла бы уклон в сторону буржуазии. Мелкие хозяйчики своей политики иметь не могут и неизбежно от колебаний идут назад, к капитализму[2].

Из-за политической темноты крестьянских масс эсеровский лозунг принимал иногда карикатурную форму. Так, например, в постановлении общего собрания жителей Поповской волости Сенгилеевского уезда было выдвинуто требование: «Долой от власти Советов партию коммунистов. Да здравствует Российская Федеративная Республика, возглавляемая партией большевиков, которая является верным защитником нашей всероссийской революции...»[3].

Встречались у «чапанов» лозунги в защиту Временного правительства и даже царя Николая[4]. Выдвигались требования упразднить советские хозяйства[5]. Как доно-

---

[1] «Воззвание к товарищам красноармейцам», Александровского волостного Совета (кулацкого), ГАУО, ф. 125, оп. 1, д. 10, л. 95.

[2] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 43, стр. 140—141.

[3] Постановление общего собрания жителей Поповской вол., 12 марта 1919 г., «Известия Симбирского Совета», № 60 (287), 18.III. 1919 г.

[4] Протокол заседания Новодевиченского волостного Совета 24 марта 1919 г., ГАУО, ф. 394, оп. 1, д. 4, л. 82.

[5] Протокол собрания представителей Жигулевской вол., 13 марта 1919 г., ГАУО, ф. 125, оп. 1, д. 10, л. 185.

сил завполитвостфронта Теодорович в политсводке за 22 марта 1919 г., выступлением кулачества пытались воспользоваться в своих целях черносотенные элементы[1]. Это не было чем-то неожиданным. Еще Ф. Энгельс в одном из писем к А. Бебелю указывал, что мелкобуржуазные партии в момент революции могут оказаться на известное время последним якорем спасения для всего буржуазного и даже феодального хозяйства. В такой момент за ее спиной («чистой демократии». — Е. С.) окажется вся реакционная масса и усилит ее; все, что было реакционного, наденет тогда демократическую маску»[2].

Левые и правые эсеры являлись не только идейными вдохновителями, но и непосредственными организаторами кулацких выступлений. Так, например, в селе Новодевичьем незадолго до начала мятежа политическую агитацию вел правый эсер Кезин[3]. В селе Слободском Бугурусланского уезда Самарской губернии существовала левоэсеровская ячейка из 3-х человек, сыгравшая определенную роль в подготовке мятежа[4]. В марте 1919 г., когда в Ставрополе хозяйничали мятежники, в селе Кошки Самарского уезда правый эсер Курсков, бывший уполномоченный самарского Комуча, призывал крестьян выступить против большевиков. Кулаки поддержали Курскова[5]. По некоторым данным, руководитель кулацкого движения в Ставропольском районе, «комендант чапанного восстания» А. Долинин был членом партии левых эсеров[6]. На связь кулацкого мятежа с партией левых эсеров указывал председатель Симбирского губ-

---

[1] Политсводка Восточного фронта за 22 марта 1919 г., ЦГАСА, ф. 106, оп. 2, д. 23, л. 94.

[2] Ф. Энгельс. Письмо к А. Бебелю 11 декабря 1884 г., «Архив Маркса и Энгельса», т. 1 (VI), М., 1933, стр. 291.

[3] Протокол заседания Сызранской организации РКП(б) 15 апреля 1919 г., ПАУО, ф. 1, оп. 1, д. 39, л. 28.

[4] Доклад Президиуму ВЦИК Особой комиссии по ревизии Поволжья под председательством П. Г. Смидовича, 22 апреля 1919 г., ЦПА ИМЭЛ, ф. 17, оп. 6, д. 36, л. 25.

[5] Сообщение в Самарский уездный комитет РКП(б) от члена партии И. Мосевнина, 28 сентября 1919 г., ПАКО, ф. 1, оп. 1, д. 52, л. 117.

[6] Доклад политкома Иващенковского караульного батальона Скушина. ПАКО, ф. 81, оп. 12, д. 137, л. 25.

кома РКП(б) И. М. Варейкис в статье, опубликованной в газете в начале марта[1].

Подготовленное таким образом контрреволюционное выступление захватило значительную часть губернии. Перед партийными организациями и Советами встала задача мобилизации и организации сил на ликвидацию мятежа.

Губкомом РКП(б) и губисполкомом был сформирован губернский военно-революционный штаб. Был издан приказ о вооружении членов партии Симбирской губернии. Председатель Симбирского губкома Иосиф Варейкис послал телеграмму в Сызранский уисполком, требуя немедленно выслать в Новодевичье вооруженный отряд[2]. Всем волостным и сельским Советам Сенгилеевского уезда было дано распоряжение о принятии экстренных мер к обезоружению кулаков и выявлению зачинщиков[3]. Варейкис обратился к кулацким исполкомам — Новодевиченскому и Бектяшкинскому — с требованием сложить оружие[4].

Разъясняя необходимость суровых и решительных мер в борьбе с кулачеством, И. Варейкис писал в статье, опубликованной 6 марта в газете «Пролетарий»; «Кулак бедняку не брат, не товарищ. Кулакам, контрреволюционным пропагандистам беднота должна объявить кровавую войну. Их словами не уймешь...»[5]. В то же время председатель губкома требовал гуманно обходиться с несознательной частью беднейшего и среднего крестьянства, вовлеченных в контрреволюционное выступление с помощью кулацкой агитации или принуждения[6].

6 марта губком командировал в Сенгилеевский уезд

---

[1] Варейкис И. Жаждущие в пустыне, «Известия Симбирского Совета», № 537 (280), 8 марта 1919 г.

[2] Телеграмма И. Варейкиса в Сызранский уисполком, 5 марта 1919 г., ГАУО, ф. 124 с/200, оп. 4 с, д. 1, л. 193.

[3] Телеграмма И. Варейкиса Сенгилеевскому исполкому, 5 марта 1919 г., там же, л. 194.

[4] Телеграмма И. Варейкиса Волисполкомам с. Новодевичья и Бектяшки, 5 марта 1919 г., там же, л. 195.

[5] Варейкис И. Сколько волка не корми, Газ. «Пролетарий», № 78. 6 марта 1919 г.

[6] Варейкис И. Долой деревенских буржуев, Газ. «Известия Симбирского Совета», № 61 (288), 20 марта 1919 г.

агитаторов тт. Брунова, Лукина, Киселева[1]. Принимались меры для предотвращения распространения кулацкого мятежа на соседние уезды.

В Сызрани, по получении первых сообщений о начавшемся выступлении кулаков в Сенгилеевском уезде, сразу же было созвано чрезвычайное заседание укома и принято решение о мобилизации агитационных сил. В решении указывалось, что «все партийные люди должны быть брошены в уезд для просвещения и организации темных масс»[2]. В то же время, учитывая тревожное настроение солдат гарнизона, состоявшего из крестьян Сызранского уезда, семьи которых были недовольны продразверсткой и чрезвычайным налогом, уком обратился за помощью в Самару.

В уездах создаются ревкомы и военно-революционные штабы. 7 марта, например, был создан штаб в Сенгилеевском уезде, в него вошли два человека от уисполкома — Миронов и Саблин и три человека от присланных из Симбирска отрядов — Зильвиндер, Орешников, Брунов[3]. 10 марта в Сызранском уезде был создан ревком под председательством военкома Козлова[4]. Оба уезда были объявлены на осадном положении. 20 марта ревком был образован в Алатырском уезде, также объявленном на осадном положении[5]. Все коммунисты уезда — 304 чел. в городе и 233 чел. в селах — были поставлены под ружье[6].

В то же время губком дал указание укомам РКП(б) усилить агитационную работу среди населения с тем, чтобы предотвратить дальнейший рост мятежа[7]. В села и деревни губком командировал 107 агитаторов[8].

---

[1] Отношение Симбирского губкома в президиум губисполкома, 6 марта 1919 г., ГАУО, ф. 200, оп. 1, д. 3, л. 119.

[2] Доклад председателя Сызранского исполкома Р. Э. Зирина, ЦГАОР, ф. 393, оп. 13, д. 429, л. 79.

[3] Протокол экстренного заседания Сенгилеевского уисполкома 7 марта 1919 г., ГАУО, ф. 200, оп. 2, д. 299, л. 51.

[4] Протокол заседания ревкома г. Сызрани, 10 марта, 1919 г., ГАУО, ф. 200, оп. 2, д. 288, л. 9.

[5] Протокол Алатырского исполкома 20 марта 1919 г., ЦГАОР, ф. 393, оп. 13, д. 431, л. 53.

[6] Доклад заведующего оргагитотделом Алатырского укома РКП(б) т. Шигаева, ПАУО, ф. 1, оп. 1, д. 32, л. 56.

[7] Протокол заседания Симбирского губкома РКП(б) 8 марта 1919 г., ПАУО, ф. 1, оп. 1, д. 76, л. 5.

[8] Очерки истории Ульяновской организации КПСС, 1964, стр. 425.

Симбирский губисполком в специальном воззвании к крестьянам стремился разъяснить бессмысленность лозунга мятежников «Долой коммунистов, да здравствуют большевики»[1].

Уездные исполкомы также разоблачали лозунги «чапанов». Президиум Симбирского уисполкома в составе тт. Прыткова, Захарова, Долникова, Кокрянцева обратился к населению уезда: «Товарищи крестьяне и рабочие! Вспомните о жизни до Октябрьской революции, об издевательствах помещиков и капиталистов — Перси-Френч, Орлова-Давыдова и других. Они пили вашу кровь, а теперь зовут против коммунистов»[2]. В воззвании уисполкома отмечалась связь лозунга «Советы без коммунистов» с эсеро-меньшевистскими мятежами.

В листовке политотдела реввоенсовета Восточного фронта «Коммунисты и большевики» также разъяснялось заблуждение крестьян, противопоставлявших большевиков и коммунистов[3].

Алатырский ревком обратился к фабричным рабочим и крестьянам — беднякам уезда с воззванием, разъяснявшим, что начавшийся мятеж организован офицерами и кулаками против пролетариев города и деревни[4]. В тот же день было издано обращение ко всему населению уезда от имени Алатырского укома партии, уисполкома и представителей съезда волостных Советов, в котором разоблачалась кулацкая антисоветская агитация[5].

Для того, чтобы пресечь клеветнические измышления кулаков, губернский комиссариат продовольствия опубликовал в газете предупреждение всем уездным, волостным и сельским Советам о недопущении незаконных реквизиций кур, гусей, уток и т. п.[6].

---

[1] Воззвание к крестьянам Симбирской губернии. Газ «Известия Симбирского Совета», № 62 (289), 21 марта 1919 г.

[2] Воззвание Президиума Симбирского уисполкома к населению Симбирского уезда, Газ. «Известия Симбирского Совета», № 60 (287), 18 марта 1919 г.

[3] Листовка политотдела реввоенсовета Восточного фронта. Сб докум. «Симбирская губ. в годы гражданской войны», т. 2, Ульяновск, 1960 г., стр. 39—40.

[4] Воззвание Алатырского ВРК «Фабричным рабочим и крестьянам-беднякам», 20 марта 1919 г., ЦГАОР, ф. 393, оп. 13, д. 429, л. 45.

[5] Воззвание к населению г. Алатыря и уезда, 20 марта 1919 г., ЦГАОР, ф. 393, оп. 13, д. 429, л. 48.

[6] «Экономический путь», № 49, 15 марта 1919 г.

Одновременно были приняты необходимые военные меры для ликвидации мятежа. Так, 10 марта губисполком принял постановление привлечь для борьбы с мятежниками все рабочие силы, прежде всего 1-й советский рабочий полк. В случае необходимости решено было снимать рабочих с производства и направлять в районы кулацкого восстания[1]. Из Симбирска против мятежников были направлены батальон губчека, отряд школы красных офицеров, Симбирский рабочий продполк.

В борьбе с мятежниками активное участие принимали уездные организации союза коммунистической молодежи[2].

Исключительно важную роль в ликвидации мятежа сыграли сельские партийные организации. В ряде случаев решительные действия местных коммунистов предотвращали кулацкие выступления. Например, в Тагайской волости Симбирского уезда 21 коммунист собрались в волостном центре — селе Тагае, вооружились и под командованием председателя волисполкома Лисенкина двинулись навстречу мятежникам[3]. Готовившееся выступление кулаков в Тагае было предотвращено.

В Ключищенской волости Симбирского уезда коммунистическая ячейка также сумела вооружиться и во главе с агитатором губкома Трутовским выступила против прибывшей из соседних волостей кулацкой делегации, призывавшей население к мятежу и выдаче коммунистов. Попытка поднять мятеж была подавлена[4].

Коммунисты Промзинской ячейки Алатырского уезда сумели отбить наступление кулацких банд и продержаться до прибытия красноармейского отряда. В подав-

---

[1] Протокол заседания губисполкома 10 марта 1919 г. Сб. док., «Симбирская губ., в годы гражданской войны», т. 2, стр. 39.

[2] Протокол 1-й Симбирской губернской конференции РКСМ 21—23 сентября 1919 г., Сб. док. «Симбирская губ. в годы гражданской войны», т. 2, стр. 191.

[3] Рапорт агитатора И. Трутева заведующему агитпросветотделом Симбирского уездного Военного комиссариата 10 апреля 1919 г., ПАУО, ф. 1, оп. 1, д. 236, л. 10—11.

[4] Доклад о деятельности агитпросветотдела Симбирского уездного Военного комиссариата с 1 марта по 15 апреля 1919 г., ПАУО, ф. 1, оп. 1, д. 236, л. 4.

лении мятежа участвовали и другие партячейки Алатырского уезда — Астрадамовская, Полянская, Машуковская и ячейка железнодорожников гор. Алатыря[1], а также ячейки Буинского уезда — деревни Старо-Чекурской и села Новый Ильмовый Куст Городищенской волости[2].

В борьбе с мятежниками приняли участие около 1500 коммунистов Симбирской губернии[3].

Для ликвидации сызранского очага «чапанного восстания» в село Усинское были направлены коммунистические отряды из Сызрани, Батраков, сызранский и симбирский продотряды. Бойцы продотрядов считали своей задачей не только изъятие хлеба, «задача истинного революционера, — заявили они, — быть там, откуда грозит опасность революции и бороться до конца...»[4].

Первое наступление на Усинское 8 марта было неудачным, 32 продармейца попали в плен к кулакам и были зверски замучены[5].

14 марта после 5-часового боя Усинское было освобождено, главный очаг восстания в Сызранском уезде ликвидирован[6] 15 марта от мятежников было очищено село Усолье[7]. 16 марта осадное положение в уезде было снято[8].

В Ставропольский район было направлено несколько отрядов из Самары. 13 марта Ставрополь был освобож-

---

[1] Протокол 2-й Алатырской уездной конференции РКП(б) 26(30) июня 1919 г., ПАУО, ф. 1, оп. 1, д. 32, л. 92—93.

[2] Доклад инструкторов Буинского укома РКП(б) тт. Лобанова, Лысова, Безсонова, ПАУО, ф. 1, оп. 1, д. 34, л. 182—184.

[3] Очерки истории Ульяновской организации КПСС, 1964, стр. 425.

[4] Доклад Симбирского продполка за время с 1 декабря 1918 г., по 1 ноября 1919 г., ЦГАСА, ф. 8, оп. 1, д. 372, л. 52.

[5] Список продармейцев, погибших при подавлении кулацкого мятежа в Усинской волости в марте 1919 г., ПАКО, ф. 1/VIII, оп. 8, д. 8, д. 1.

[6] Доклад организационно-инструкторского отдела о деятельности Сызранского упродкома за февраль—март 1919 г., ЦГАОР, ф. 393, оп. 13, ф. 429, л. 67—68.

[7] Телеграмма из Сызрани в Самарский ревком, губком и губисполком 17 марта 1919 г., ПАКО, ф. 1, оп. 1, д. 58, л. 62.

[8] Варешин А. М., Дядков Б. П., Пономарев А. С. Город Сызрань, Историко-экономический очерк, Куйбышев, 1964, стр. 125.

ден[1], «комендант» Долинин бежал. К вечеру 14 марта кулацкое восстание было ликвидировано во всем уезде.

В эти же дни мятеж был подавлен и в Сенгилеевском уезде. 14 марта в Новодевичье соединились Симбирский и Самарский рабочие полки.

Н. Ф. Лысихин считает, что освобождение Новодевичья означало окончание кулацкого мятежа[2]. С этим трудно согласиться. Если освобождение Ставрополя явилось завершением борьбы с «чапанами» в Самарской губернии, то в Симбирской губернии борьба продолжалась и после подавления мятежа в Новодевичьем. Например, в Поповской волости Сенгилеевского уезда — до 18 марта[3], в Городищенской — до 28 марта[4]. В Ардатовском уезде последние вспышки мятежа были ликвидированы к 27 марта[5], до 28 марта сохранялось осадное положение в Алатырском уезде[6].

Проследив ход борьбы в основных очагах мятежа, можно сделать вывод, что повсеместно главную роль в нем играли кулаки. Поддерживали кулаков дезертиры. В Сенгилеевском уезде, например, среди мятежников насчитывалось до 400 дезертиров[7].

Но размах кулацкого выступления в значительной степени объяснялся тем, что кулакам удалось привлечь к участию в нем часть среднего крестьянства. Однако середняк не мог быть прочной базой контрреволюции. В ряде мест при приближении красноармейских частей крестьяне, обманом вовлеченные в кулацкое движение, складывали оружие и расходились по домам. Например,

---

[1] Доклад об отрядах, действовавших против мятежников-чапанов в Ставропольском районе, командующего всеми военными силами района Шевердина, Сб. док. «Самарская губ. в годы гражданской войны», Куйбышев, 1958 г., стр. 254.

[2] Лысихин Н. Ф., Разгром контрреволюционного мятежа на Средней Волге в 1919 г., «Краеведческие записки» Куйбышевского музея краеведения, вып. 1, стр. 130—131.

[3] Доклад из Поповской волости, ГАУО, ф. 394, оп. 1, д. 4, л. 84.

[4] Телеграмма из с. Горюшки 28 марта 1919 г., там же, л. 63.

[5] Отчетная ведомость информационно-инструкторского подотдела управления Симбирской губ. о кулацком восстании в Ардатовском уезде, ЦГАОР, ф. 393, оп. 3, д. 359, л. 308.

[6] Протокол заседания Алатырского уисполкома с участием членов РКП(б) 28 марта 1919 г., ЦГАОР, ф. 393, оп. 13, д. 432, л. 17.

[7] Доклад информационно-инструкторского подотдела отдела управления Сенгилеевским уездом, 10 марта 1919 г., ГАУО, ф. 304, оп. 1, д. 4, л. 69—70.

в Чертановской волости Сенгилеевского уезда волнения окончились с приближением красных отрядов, «ввиду раскола населения», так как часть повстанцев отказалась от борьбы с Красной Армией[1].

В. И. Ленин, анализируя состав участников кулацких выступлений, отмечал, что эти выступления не являлись общекрестьянскими, к ним присоединялась лишь часть середняков[2].

Во время «чапанного восстания» большая часть трудящегося крестьянства оставалась на стороне Советской власти. В Сенгилеевском уезде, там где началось кулацкое выступление, 80 процентов сел и деревень не участвовали в мятеже. Из 240 селений Сызранского уезда кулаки получили поддержку лишь в 19 и в 5 селах имело место недовольство крестьян хлебной монополией[3]. В Ардатовском уезде мятежи имели место лишь в трех волостях, в Алатырском и Буинском уездах — в двух. В Самарской губернии вспышки кулацкого мятежа происходили в 13 волостях из 240[4].

В ходе мятежа, благодаря разъяснительной работе, предпринятой центральными и местными органами власти и партийными организациями, среднее и беднейшее крестьянство, разобравшись в кулацкой направленности движения, отходит от участия в нем. Так, по сообщению Воецкого Волостного Совета Карсунского уезда трудящиеся слои крестьянства через 5 дней после начала мятежа, увидя, что восстание только на руку помещикам «тотчас же сложили свои вилы и успокоились... и дали клятву, что более не будут восставать, а лишь бороться с теми элементами, кои идут против Советской власти»[5].

О пробуждении классового сознания трудящихся, временно оказавшихся в стане мятежников, свидетель-

---

[1] Анкета восстания по Чертановской волости Сенгилеевского уезда, ГАУО, ф. 394, оп. 1, д. 4, л. 116—117.

[2] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 38, стр. 9.

[3] Горчаев М. Д. В Сызрани в 1919—1920 гг. Сб. восп. «Симбирская губ. в 1918—1920 гг.», Ульяновск, 1958, стр. 390.
Гурьев Н. В. Чапанная война, Сызрань, 1924, стр. 10

[4] Лысихин Н. Ф., Разгром контрреволюционного мятежа на Средней Волге в 1919 г., «Краеведческие записки», Куйбышевского музея краеведения, вып. 1, стр. 131.

[5] Доклад Воецкого Волостного Совета, 2 мая 1919 г., ГАУО, ф. 394, оп. 1, д. 4, л. 123.

ствует воззвание крестьянина села Алтышева Алатырского уезда: «Крестьяне! Не пора ли нам опомниться, не пора ли нам задать себе вопрос: да что же мы люди или кровожадные животные? Да что же мы в здравом уме и твердой памяти или же лишены всего этого? Почему нет предметов первой необходимости? Потому что это принесла империалистическая война. Ни одна власть не могла бы дать нам ничего, так как фабрики разрушены...»[1].

Рост классовой сознательности среднего крестьянства, раскаяние в выступлении против Советской власти на стороне кулачества и были той базой, опираясь на которую, местным органам власти вместе с партийными организациями удалось успешно ликвидировать мятеж.

Судьба пролетарской революции в мелкобуржуазной стране зависела от того, с кем пойдут массы трудящегося крестьянства.

Социалистическое государство в целях укрепления союза рабочего класса и крестьянства, по отношению к середняку «обязано проводить политику соглашения...»[2].

В борьбе симбирских партийных и советских организаций за отрыв трудящихся слоев деревни от участия в кулацком мятеже большую роль сыграли решения VIII съезд РКП(б) о прочном союзе с середняком.

Съезд напомнил, что ни в постановлениях партии, ни в декретах Советской власти «никогда не было отступлений от линии соглашения со средним крестьянством.. »[3].

После съезда Симбирский губком развернул работу по разъяснению политики партии и решений VIII съезда, И. Варейкис сообщил в ЦК, что все агитаторы губкома — 35 человек направлены в деревню[4]. А до конца лета 1919 г. по губернии было разослано около 200 аги-

---

[1] Воззвание «Крестьяне!» крестьянина с. Алатышево, 20 марта 1919 г., ЦГАОР, ф. 393, оп. 13, д. 429, л. 47.

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 45.

[3] Резолюция VIII съезда РКП(б) об отношении к среднему крестьянству, «КПСС в резолюциях...», ч. 1, М., 1954, стр. 449.

[4] Доклад Симбирского губкома за период с VIII съезда до 1 мая 1919 г., ЦПА ИМЭЛ, ф. 17, оп. 6, д. 36, л. 14.

таторов и каждый повез с собой по 3—4 пуда агитационной литературы[1].

На основании решений VIII съезда партии и декрета ВЦИК об амнистии участников кулацких восстаний, не являвшихся их организаторами и руководителями, рядовые участники «чапанки», крестьяне-середняки были освобождены из-под ареста. Например, было освобождено 120 человек из села Рачейка Сызранского уезда[2].

Земельный отдел губисполкома опубликовал «Воззвание к товарищам крестьянам», в котором опровергались распространяемые кулаками слухи о том, что Советская власть хочет отнять у крестьян землю и всех насильно записать в коммуну»[3].

Сызранская организация РКП(б) 22 марта приняла резолюцию, в которой говорилось: «Необходимо наиболее радикальную часть среднего крестьянства привлечь на нашу сторону... В целях практического осуществления этого привлечь всех, а особенно ответственных членов партии, для участия в работе в деревне»[4].

При Сызранском укоме партии были образованы четыре летучих контрольно-ревизионных комиссий, которые должны были инструктировать, а также контролировать действия волостных и сельских Советов, в частности, распределение чрезвычайного и натурального налогов, разъяснять декреты о льготах крестьянам-середнякам[5].

1-я уездная Курмышская партийная конференция, проходившая 15 мая 1919 г., отметила ошибки парторганизаций и комбедов в отношении середняков и предложила «осторожно подходить к крестьянству во всех вопросах и всех отношениях, стараясь оказывать ему всевозможную помощь в экономическом отношении[6].

[1] Протокол заседания губкома РКП(б) 17 августа 1919 г., ПАУО, ф. 1, оп. 1, д. 75, л. 1.

[2] Протокол заседания комиссии по применению амнистии, 19 июня 1919 г., ГАУО, ф. 125, оп. 1, д. 10, л. 8.

[3] Воззвание к товарищам крестьянам, Газ. «Известия Симбирского Совета», № 74 (301), 4 апреля 1919 г.

[4] Протокол заседания Сызранской организации РКП(б), 22 марта 1919 г., ПАУО, ф. 1, оп. 1, д. 39, л. 15.

[5] Доклад председателя Сызранского исполкома Р. Зырина о деятельности исполкома с 25 октября 1918 г., по 5 мая 1919 г., ГАУО, ф. 124с/200, оп. 4 с, д. 1, л. 6.

[6] Протокол 1 Курмышской уездной партийной конференции 15 мая 1919 г., ПАУО, ф. 1, оп. 1, д. 91, л. 2.

ЦК РКП(б) уделял большое внимание мартовским событиям в Симбирской губернии. По инициативе В. И. Ленина была создана Особая комиссия во главе с членом ВЦИК П. Г. Смидовичем для расследования причин «чапанного» мятежа и оказания помощи местным советским и партийным организациям[1]. Комиссия прибыла из Москвы в апреле 1919 г. В нее вошли два представителя от Симбирской губернии — член губкома А. М. Измайлов и Председатель Симбирского уисполкома И. Д. Прытков. Комиссия провела перерегистрацию ряда партийных организаций губернии, вскрыла и помогла исправить ошибки в их работе. Деятельность комиссии помогла укреплению тыла Восточного фронта.

Центральный Комитет партии и ВЦИК, учитывая обстановку на местах, особенно в прифронтовых районах, организовали поездки по стране агитпоездов и агитпароходов. В мае 1919 г. в Симбирской губернии побывал агитпоезд ВЦИК «Октябрьская революция», в составе которого находились председатель ВЦИК М. И. Калинин и другие видные деятели Советского государства. Беседы товарища Калинина с крестьянами губернии, разъяснение декретов, разбор жалоб, распространение агитационной литературы — все это сыграло большую роль в осуществлении решений VIII съезда партии о союзе со средним крестьянством.

Коллектив агитпоезда проконтролировал и проинструктировал советские и партийные организации, помог оживить агитационную работу в губернии.

Для улучшения качества агитационной работы в уездах создавались курсы агитаторов. Например, в Сенгилеевском уезде были открыты политические курсы, на которых обучалось по два человека от каждой волости[2]. Готовили партийные кадры для губернии и партийные школы. В мае работала партийная школа при губкоме[3].

---

[1] В. И. Ленин. Записка в Президиум ЦИК 17 марта 1919 г., Ленинский сборник, XXIV, стр. 173.

[2] Протокол частного совещания ответственных политических работников с Сенгилеевским комитетом РКП(б) 25 июня 1919 г., ПАУО, ф. 1, оп. 1, д. 36, л. 48.

[3] Доклад губкома в ЦК РКП(б) о своей деятельности за май 1919 г. — в Сб. док. «Симбирская губ. в годы гражданской войны», т. 2, стр. 133.

Дважды проводился набор в Сызранскую уездную партийную школу[1].

Политическая и воспитательная работа не исчерпывала деятельности симбирских парторганизаций по укреплению союза со средним крестьянством.

Одной разъяснительной работы было недостаточно для того, чтобы убедить крестьян в правильности политики партии, в пользе советских декретов. В. И. Ленин говорил на VIII съезде РКП(б), что крестьян «...нужно убеждать практически. Словами они не дадут себя убедить и прекрасно сделают, что не дадут»[2].

Симбирские большевики, исходя из решений VIII съезда и из опыта мартовских событий, сделали вывод о необходимости более гибкой линии в проведении экономической политики партии. Жизнь подсказывала новые методы работы в деревне.

Стремясь облегчить положение середняка, симбирские организации поставили перед Народным Комиссариатом финансов вопрос об уменьшении суммы чрезвычайного налога на губернию. Коллегия народного комиссариата финансов признала возможным уменьшить сумму чрезвычайного налога на Симбирскую губернию с 150 млн. рублей до 100 млн. рублей. При этом часть налога, предназначенная на местные нужды, осталась прежней[3].

Кроме того, во ВЦИК было направлено предложение особой комиссии по ревизии Советов рассмотреть вопрос об отмене реквизиций убойного скота в Симбирской и Самарской губерниях, приостановке реквизиций лошадей и пересмотре хлебной разверстки[4].

В деле укрепления союза со средним крестьянством и сплочения пролетарских элементов деревни большое значение имело создание социалистических форм хозяйства и помощь индивидуальным хозяйствам крестьян. Достаточно сказать, что наркомат земледелия отпустил 3 млн. рублей на оборудование в различных губерниях

---

[1] Протокол Сызранского комитета РКП(б), 18 сентября 1919 г., ПАУО, ф. 1, оп. 1, д. 39, л. 61.

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 202.

[3] Беседа с заведующим губернским финотделом С. Измайловым. Газ. «Экономический путь», № 48, 14 марта 1919 г.

[4] Телеграмма из Сызрани во ВЦИК, 5 мая 1919 г., ЦГАОР, ф. 1235, оп. 94, д. 490, л. 54.

274 мастерских для ремонта сельскохозяйственных машин и орудий. За счет этого фонда в Симбирской губернии, например, к осени 1919 г. было создано 35 ремонтных мастерских[1]. Для укрепления материальной базы совхозов и коллективных хозяйств и оказания помощи середнякам в конце марта 1919 года в губернию поступило из Брянска 2000 плугов[2]. В селах Новый Урень, Тетюшском, Анненкове действовали семенные хозяйства и племенные рассадники[3].

Крепли ростки социалистических форм хозяйства. Осенью 1919 г. в Симбирской губернии уже насчитывалось 18 совхозов с общей площадью земли 6118 десятин и 36 коллективных хозяйств с площадью 3122 дес.[4] В Алатырском уезде, например, было создано 9 сельскохозяйственных коммун и артелей в селах Дирках, Бездникове, Засарье, Промзине и др., объединявших 642 человека, в том числе 115 коммунистов[5].

Агитационная и организаторская работа партийных организаций Симбирской губернии дала заметные результаты. Несмотря на кулацкий мятеж, направленный против продовольственной политики Советского государства, к ноябрю 1919 г. задание по заготовке хлеба было выполнено по губернии на 90 процентов[6].

Показателем распространения и укрепления идей коммунизма среди трудящихся масс явилось успешное проведение в ноябре 1919 г. партийной недели, во время которой по губернии вступило в ряды РКП(б) 7000 человек[7].

Политическая и агитационно-просветительная работа коммунистов в деревне, разгром мартовского кулац-

---

[1] Аграрная политика Советской власти (1917—1918 гг.), Док. и материалы, М., 1954, стр. 256—258.

[2] Из протокола экстренного заседания губисполкома 28 марта 1919 г. в сб. док. «Симбирская губ. в годы гражданской войны», т. 2, стр. 33,

[3] Справка губернского комиссара земледелия, 4 января 1919 г., ГАУО, ф. 336, оп. 26, д. 50, л. 94.

[4] Протокол Симбирского губкома РКП(б), 9 сентября 1919 г., ПАУО, ф. 1, оп. 1, д. 75, л. 8.

[5] Отчет о деятельности Алатырской организации РКП(б) с 1 мая по 15 июня 1919 г., ПАУО, ф. 1, оп. 1, д. 68, л. 22.

[6] Доклад в ЦК РКП(б) ответственного организатора по работе в деревне Г. В. Хитрово, ЦПА ИМЭЛ, ф. 17, оп. 5, д. 3, л. 2,

[7] Очерки истории Ульяновской организации КПСС, 1964, стр. 445.

кого мятежа позволили нанести еще один удар по остаткам мелкобуржуазных организаций. Их идеи не находили поддержки рабочих и крестьян губернии[1]. Искренние раскаяния крестьян в том, что они поддерживали кулацкие выступления, рост доверия к Советской власти, поддержка трудящимися массами крестьянства Коммунистической партии и решений VIII съезда РКП(б) являлись доказательством идейного краха эсеров и меньшевиков.

Союз рабочего класса и крестьянства подвергался в губерниях Среднего Поволжья серьезному испытанию весной 1919 г. Крестьяне перенесли суровый режим прифронтовой полосы, тяжесть передвижения фронта.

Партийная организация Симбирской губернии при повседневном руководстве и помощи со стороны ЦК партии сумела укрепить и умножить связи с трудящимся крестьянством.

Принятая VIII съездом политика нашей партии по отношению к середняку помогла местным парторганизациям в их борьбе за создание прочного военно-политического союза рабочего класса с основными массами крестьянства.

---

[1] Так, например, в сводке о положении Буинского уезда с 23 октября по 1 ноября 1919 г., отмечалось, что организаций «левых эсеров, меньшевиков, максималистов, анархистов в настоящее время не наблюдается...». ПАУО, ф. 1, оп. 1, д. 34, л. 185—186.

М. А. БОГДАНОВ

ИЗ ИСТОРИИ БОРЬБЫ ПРОТИВ МЕЛКОБУРЖУАЗНОЙ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ НА АЛТАЕ В 1920 ГОДУ

Летом 1920 г., когда Советская страна отбивала натиск белополяков и Врангеля, в ряде районов страны силами внутренней контрреволюции был организован ряд крупных антисоветских акций, наиболее значительными среди которых были мятежи на Кубани, Тамбовщине и в Сибири, потребовавшие большого напряжения сил для их ликвидации.

Наибольшую опасность в Сибири представлял кулацко-эсеровский мятеж, начавшийся в конце июня 1920 г. и охвативший большой район западной части Алтайской губернии от Рубцовска до Славгорода и правобережья Иртыша — между Семипалатинском и Павлодаром.

Вопрос о разгроме мятежа в названном районе пока еще не получил освещения в нашей исторической и историко-партийной литературе. Автор статьи ставит своей целью выяснить социально-экономические предпосылки мятежа, показать деятельность партийных организаций и Советов по мобилизации и организации сил на борьбу с мятежниками, дать анализ боевых операций частей Красной Армии и местных коммунистических отрядов по ликвидации мятежа.

* * *

После разгрома колчаковщины трудящиеся Сибири под руководством Коммунистической партии приступили к восстановлению революционного порядка, возрождению разоренной за годы мировой империалистической и гражданской войн экономики края, к решению задач социалистического строительства.

Долголетняя война, в особенности колчаковщина, причинили неисчислимый ущерб всем отраслям народного хозяйства. Империалистические государства руками белогвардейцев и интервентов «сделали все возможное, чтобы отбросить нас назад, чтобы использовать элементы гражданской войны в России для возможно большего разорения страны»[1].

Многие промышленные предприятия были разрушены, оборудование их разворовано. Печальную картину представлял железнодорожный транспорт. Колчаковцы разрушили по Сибирской железнодорожной магистрали 66 водокачек, 1400 паровозов, 12.212 вагонов, взорвали 167 железнодорожных мостов. Из Сибири было увезено за границу 9420 пудов золота и 943 вагона различных ценностей[2]. Из-за невероятной разрухи, отсутствия сырья и топлива многие сохранившиеся промышленные предприятия останавливались или работали далеко не на полную мощность. Рудники и шахты были затоплены. Добыча угля, например, сократилась на 55 процентов[3].

Огромный ущерб был причинен сельскому хозяйству края. За полтора года колчаковщины было уничтожено 56 тыс. крестьянских хозяйств, сожжено 20 тыс. сельскохозяйственных построек, угнано 40 тыс. голов скота[4].

Наибольшие разрушения причинены тем районам, где широкий размах получило партизанское движение. Так, в Алтайской губернии, по далеко неполным данным, за период колчаковщины пострадало 14.600 хозяйств. Было уничтожено около 6 тыс. жилых домов и хозяйственных построек, реквизировано 26.449 лошадей, около 36 тыс. голов крупного рогатого и мелкого скота, много птицы, более 600 тыс. пудов семенной пшеницы и зернофуража, огромное количество сельскохозяйственного инвентаря, а всего в общей сумме на 25.407.630 рублей золотом[5].

В сельском хозяйстве произошло сокращение посев-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 401.

[2] Сибирский революционный Комитет (Сибревком). Август 1919 — декабрь 1925. Сб. док. и материалов, Новосибирск, 1959, стр. 9.

[3] «Сибирские огни», № 1, 1922, стр. 92.

[4] Там же.

[5] Борьба за власть Советов на Алтае (Исторический очерк), Барнаул, 1957, стр. 389.

ных площадей, а также валового сбора зерновых культур, главным образом, за счет резкого снижения урожайности. В 1920 г. валовой сбор зерновых культур с десятины, по сравнению с довоенным уровнем, составлял в наиболее хлебородных губерниях Сибири: Алтайской — 41,1 проц., Омской — 33,1, Семипалатинской — 26,1 проц.[1]

Такое резкое снижение урожайности явилось результатом отвлечения значительной части мужского самодеятельного населения на военные фронты, сокращения поголовья рабочего скота и полного износа сельскохозяйственного инвентаря. Население края, по преимуществу крестьянское, остро испытывало отсутствие самых необходимых промышленных товаров как личного, так и производственного потребления.

С восстановлением в Сибири Советской власти была проведена национализация крупных и средних предприятий, а затем на основании постановления ВСНХ от 27 ноября 1920 г. — также и мелких предприятий с числом рабочих свыше пяти при механическом двигателе, или свыше 10 без механического двигателя[2]. К концу 1920 г. в целом по Сибири было национализировано 1640 промышленных предприятий с общим числом рабочих 87.640 человек[3]. Принимались первые шаги по восстановлению промышленности и транспорта.

Было проведено в жизнь советское аграрное законодательство. Частновладельческие земли, излишки земель в кулацких хозяйствах, а также земли нетрудового пользования Сибирского казачьего войска были распределены между малоземельными и безземельными крестьянами. Создавались первые ростки социалистического хозяйства в деревне — коммуны. Развертывалась большая работа по оказанию помощи крестьянству инвентарем, в организации ремонта сельскохозяйственных орудий и т. д.

Все эти и другие мероприятия Советской власти проводились в условиях острой классовой борьбы, в обстановке бешеного сопротивления недобитых сил внутрен-

---

[1] «Красная Сибирь», № 1, 1921, стр. 45.

[2] Сибирский революционный комитет (Сибревком). Август 1919—декабрь 1925. Сб. док. и материалов, Новосибирск, 1959, стр. 86.

[3] «Известия Сиббюро ЦК РКП(б)», Новониколаевск, № 65—66, 1923, стр. 8.

ней контрреволюции. Они обливали потоками лжи и клеветы политику Коммунистической партии и Советской власти, разжигали недовольство крестьянства отсутствием промышленных товаров, подстрекали на антисоветские выступления.

После крушения колчаковского режима в Сибири сохранились многочисленные кадры внутренней контрреволюции, которые исподволь собирали и накапливали силы с тем, чтобы в удобный момент вновь выступить с оружием в руках против молодой, еще не окрепшей, здесь, Советской власти.

Основной социальной силой сибирской контрреволюции являлось кулачество, более многочисленное, чем в центральных районах России. В 1920 г. кулаки в Сибири составляли 13,8 процента всех крестьянских хозяйств. В силу того, что в Сибири в свое время не были созданы комитеты бедноты, экономические позиции этого класса деревенских богатеев не были подрезаны. Снабженческо-сбытовая и кредитная кооперация, получившая широкое распространение здесь в дореволюционный период и во времена колчаковщины и объединявшая зажиточные слои деревни, делала сибирское кулачество сплоченной и организованной контрреволюционной силой.

Сибирское кулачество нашло себе союзника в лице остатков различных контрреволюционных партий — от меньшевиков и эсеров до кадетов и октябристов включительно, а также значительных кадров колчаковских офицеров. Одних только колчаковских офицеров, шпионов и контрразведчиков, случайно или по заданию оставшихся в Западной Сибири, насчитывалось до 40 тыс. человек[1].

К лету 1920 г. здесь была создана разветвленная сеть белогвардейских организаций, готовивших контрреволюционный переворот в различных городах Сибири. Такие организации существовали в Тюмени, Омске, Новониколаевске, Томске и других городах.

Крупной контрреволюционной силой в Сибири после освобождения ее от колчаковщины являлась также офицерская верхушка бывшего Сибирского казачьего войска. Сибирское казачье войско расселялось длинной по-

---

[1] Сибирский революционный комитет (Сибревком). Август 1919—декабрь 1925. Сб. док. и материалов, Новосибирск, 1959, стр. 4.

лосой от Зауралья вдоль железной дороги до Омска, а отсюда вверх по Иртышу, а затем по р. Бухтарме до китайской границы. Советская власть ликвидировала сословные привилегии казачества, произвела перераспределение земель нетрудового пользования между малоземельными казаками и безземельными крестьянами и подорвала былое могущество казацкой верхушки. Она также, как и кулачество, ждала лишь удобного случая для вооруженного выступления против Советской власти.

Активную антисоветскую деятельность развертывает партия эсеров. В каждой губернии Сибири существовали губернские и уездные комитеты партии эсеров, их деятельность направлялась Сибирским областным комитетом, большинство членов которого работало в Сибирском отделении Центросоюза. Эсеры пытались захватить в свои руки весь аппарат кооперации, проникли в другие хозяйственные учреждения, в органы связи и народного образования.

Во всех звеньях хозяйственного аппарата эсеры саботировали проведение важнейших хозяйственных мероприятий, занимались вредительством, вели разнузданную агитацию против установления трудовой дисциплины, проповедовали «независимость профсоюзов», выступали против коммунистических субботников, подстрекали крестьян к срыву всех хозяйственных мероприятий, трудовой и гужевой повинности. Неистовыми инсинуациями со стороны эсеров и прочих контрреволюционных элементов сопровождалась большая работа органов Советской власти по оказанию продовольственной помощи голодающим рабочим городов и промышленных центров Европейской России. Трудящиеся Сибири живо откликнулись на призыв Коммунистической партии и внесли свой достойный вклад в дело мобилизации продовольственных ресурсов страны. С конца 1919 г. по 1 июля 1920 г. только в губерниях Западной Сибири было заготовлено и отправлено в центр 15.260.000 пудов хлеба и зернофуража, в том числе Алтайская губерния дала 4,5 млн. пудов[1].

При этом до лета 1920 г. заготовка продовольствия здесь в силу специфики политического положения (не-

[1] «Жизнь Сибири», орган Сибревкома, № 1, 1922, стр. 27.

окрепший советский аппарат, большая кулацкая прослойка в деревне, реальная опасность оттолкнуть середняка), в отличие от центральных районов, проводилась без применения мер принуждения[1]. Лишь 20 июля 1920 г. Совет Народных Комиссаров принял «Декрет об изъятии хлебных излишков в Сибири».

Вся сложность политической обстановки в Сибири состояла в том, что среднее крестьянство, более зажиточное, чем в Европейской России, не знавшее крепостного права, еще в дореволюционный период развитием капитализма широко вовлеченное в сферу товарно-денежных отношений, было более восприимчиво к кулацко-эсеровской агитации. В силу того, что среднее крестьянство здесь более, чем в Европейской России, сжилось с устоями частной собственности, оно острее реагировало на всю систему военного коммунизма, на новые, неумолимыми обстоятельствами войны и разорения продиктованные формы экономической связи между городом и деревней, покоившиеся «не на обычных взаимоотношениях между товаро-производителями и потребителями»[2].

Партия эсеров своей антинародной политикой в период борьбы за установление Советской власти и, особенно, лакейским прислужничеством перед белогвардейцами и интервентами достаточно скомпрометировала себя в глазах трудящихся масс. Для большинства крестьян слово «эсер» являлось синонимом чистейшего белогвардейца-колчаковца, деникинца, врангелевца. Выступать под собственным именем для эсеров означало оказаться с самого начала на положении генералов без армии. Поэтому на основе директивного указания ЦК партии эсеров от 13 мая 1920 г. начато создание так называемых «беспартийных» «крестьянских союзов». В Омске в марте 1920 г. была создана инициативная группа «Сибирского крестьянского союза» во главе с Игнатьевым, бывшим членом белогвардейского правительства Чайковского. В апреле развернулась работа по созданию губернских, а затем уездных и волостных комитетов в Алтайской, Омской, Енисейской и др. губер-

---

[1] Лойко В. М. После разгрома Колчака, Новосибирск, 1958, стр. 77.

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 44.

ниях Сибири[1]. В селах возникали низовые ячейки «союза» — тройки, пятерки и десятки. Окончательно «союз» сложился летом 1920 г.

«Сибирский крестьянский союз» ставил своей целью свержение Советской власти в Сибири. Достижение этой цели мыслилось двумя путями: 1) путем легального проведения в сельские, уездные и губернские съезды Советов представителей «союза» и 2) организацией вооруженного выступления крестьянства[2].

«Союз» устанавливает связи с подпольными офицерскими и прочими белогвардейскими организациями. Так, в Томске местные эсеры предоставили к услугам офицерской организации свое паспортное бюро, изготовлявшее подложные документы. Это паспортное бюро было впоследствии захвачено органами ЧК при перевозке его эсерами из Томска в Барнаул[3].

В лице «Сибирского крестьянского союза» уже к лету 1920 г. сложился «единый антикоммунистический фронт с едиными лозунгами и платформой»[4].

Наибольшую активность весной и летом 1920 г. «союз» развертывает на Алтае. В Барнауле создается губернский комитет «Сибирского крестьянского союза» в составе Самохвалова, Кокорина, Тамаркиной[5]. Игнатьев прибыл сюда из Омска в качестве представителя Сибирского кредитного союза, легально разъезжал по селам Алтайской губернии и создал здесь до 400 ячеек и комитетов из местного кулачества, снабдил их необходимыми инструкциями по подготовке контрреволюционного выступления[6].

Алтай не случайно был избран главным объектом контрреволюционных вожделений лидеров «Сибирского крестьянского союза». Этот район был наиболее богат

---

[1] «Сибирские огни», № 2, 1922, стр. 125—126.

[2] Обзор бандитского движения в Сибири. С декабря 1920 по январь 1922 г. Изд. Полномочного Представителя ВЧК по Сибири, Новониколаевск, 1922, стр. 4.

[3] Берман М. Борьба с белыми на внутреннем фронте, «Коммунист», орган Иркутского губкома РКП(б), № 3, 1923, стр. 25.

[4] Обзор бандитского движения в Сибири. С декабря 1920 по январь 1922 г., изд. ПП ВЧК по Сибири, Новониколаевск, 1922, стр. 4.

[5] Смирнов Д., М. И. Ворожцов (Анатолий). Барнаул, 1959, стр. 59.

[6] «Сибирские огни», № 2, 1922, стр. 126.

хлебом. Кулачество здесь составляло значительный удельный вес в деревне. Учитывалось и то, что здесь эсеры и белогвардейцы имели значительные кадры. По данным Алтайской губЧК, на территории губернии в первое время после восстановления Советской власти насчитывалось 25 тыс. эсеров и белогвардейцев[1].

Все они развернули широкую контрреволюционную деятельность, распространяли злобные вымыслы против Советской власти и Коммунистической партии, подстрекали крестьян к срыву всех мероприятий Советской власти, к открытым вооруженным выступлениям. В начале 1920 г. белогвардейцы, анархисты и пр. пытались (и не безуспешно) спровоцировать волнения среди бывших партизан.

Поводом для провокации послужило принятое еще в декабре 1919 г. решение РВС 5-й армии о расформировании партизанских частей и зачислении бывших партизан в Красную Армию на общих основаниях[2].

Среди бывших партизан было немало явно враждебных Советской власти элементов, примкнувших к партизанскому движению из шкурнических соображений, когда стал очевиден крах колчаковского режима (кулаки, дезертиры колчаковской армии и др.). Опираясь на эти враждебные элементы, белогвардейцы и анархисты пытались противопоставить бывших партизан Советской власти. На руку классовому врагу была неналаженность партийно-политической работы среди партизан. Использовались и хозяйственные трудности, а также промахи и нерасторопность интендантских учреждений Семипалатинской группы войск Красной Армии, к которой были причислены бывшие партизанские полки.

В феврале—марте 1920 г. от Павлодара до Барнаула и Камня-на-Оби прокатилась волна выступлений бывших партизан против «коммунистической диктатуры»[3]. В результате большой партийно-политической работы местных партийных организаций инцидент был исчерпан, однако провокационная деятельность белогвардейцев и анархистских элементов на этом не закончилась. 4 мая 1920 г. бывшим командиром Барнауль-

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 12, д. 5, л. 6.

[2] Померанцев П. Красная Армия Сибири на внутреннем фронте, «Красная Армия Сибири», № 3—4, 1923, стр. 84.

[3] Там же.

ского партизанского корпуса Роговым в районе сел Жуланиха — Мироновка был поднят мятеж против Советской власти под анархистскими лозунгами. Мятеж не встретил поддержки со стороны крестьянства и вскоре был разгромлен.

Однако лидеры «Сибирского крестьянского союза», явно переоценивая степень недовольства алтайского крестьянства Советской властью, считали, что здесь наиболее благоприятная почва для широкого контрреволюционного мятежа.

Принималась в расчет и близость китайской и монгольской границ, за которыми после разгрома армии Колчака укрылись многочисленные белогвардейские банды, наиболее значительными среди которых были отряды Анненкова, Кайгородова, Дутова-Бакича и др. Все они поддерживали связи с наймитом японского империализма Семеновым, а затем с Унгерном и выжидали благоприятного момента для вторжения на территорию Советской Сибири и возобновления вооруженной борьбы против Советской власти.

В силу названных обстоятельств Алтай, по мысли главарей «Сибирского крестьянского союза», мог стать наиболее удобной базой для развертывания военных операций в Сибири.

Подготавливая крупную контрреволюционную авантюру, враги пытались воспользоваться слабостью партийных организаций и Советского аппарата. Алтайская губернская партийная организация, насчитывавшая в своих рядах в период установления здесь Советской власти в декабре 1917 г. несколько сот членов, после освобождения края от колчаковщины стала быстро расти и в апреле 1920 г. насчитывала около 20,5 тыс. членов и кандидатов, при этом 2/3 из них были объединены в сельских ячейках РКП(б)[1]. Столь значительный рост губернской партийной организации явился выражением роста влияния и авторитета Коммунистической партии в массах. Трудящиеся на опыте убедились, что Коммунистическая партия являлась подлинным выразителем и защитником их интересов.

Следует, однако, отметить, что крестьянский (по преимуществу) состав партийных организаций при мало-

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 12, д. 4, л 132.

численности пролетарской прослойки, засоренность враждебными элементами ослабляли их боеспособность. Не успел окрепнуть за короткое время после ликвидации колчаковщины и советский аппарат. В первое время здесь существовали чрезвычайные органы революционной власти — ревкомы. Лишь в мае—июне 1920 г. в Алтайской губернии были проведены выборы сельских, волостных и уездных Советов, в июле состоялся губернский съезд Советов, избравший губернский исполнительный комитет.

В составе сельских и волостных ревкомов, а затем Советов был значителен удельный вес кулацких элементов. Они извращали политику Советской власти, перекладывали всю тяжесть гужевой и трудовой повинности и заданий по продразверстке на плечи бедняцко-середняцкой части деревни, распускали всевозможные провокационные слухи и антисоветские клеветнические измышления.

Летом 1920 г., когда на Западе развертывались ожесточенные бои Красной Армии против белополяков и Врангеля, «Сибирский крестьянский союз» форсировал подготовку контрреволюционного мятежа. Контрреволюция решила воспользоваться отвлечением всех сил на Западный фронт, свергнуть Советскую власть в Сибири, отрезать этот богатый хлебом район от Центральной России и тем самым усугубить и без того тяжелое продовольственное положение в центре, что должно было вызвать взрыв недовольства трудящихся Советской властью и активизацию контрреволюционных сил, превратить Сибирь в аванпост внутренней контрреволюции и объединенными усилиями задушить Советскую власть в стране.

Ускоренными темпами шло формирование кадров будущей «народной повстанческой армии», по селам и казачьим станицам разъезжали агенты «союза», проводя подготовительную работу к повсеместному вооруженному выступлению против Советской власти. Организаторы мятежа распространяли среди крестьян воззвания с призывом не сдавать продразверстку, расправляться с коммунистами и советскими работниками. Ставка делалась на вовлечение в авантюру широких слоев трудового казачества, середняцкой массы крестьянства и дезертиров.

Подготовка мятежа шла по всем уездам губернии, но особенно интенсивно она развертывалась в западных уездах и в правобережье Иртыша, где летом 1920 г. было широко распространено дезертирство в связи с мобилизацией на Западный фронт. В начале июня 1920 г. бывшим военкомом одного из партизанских полков Плотниковым был поднят мятеж в Алейском районе. Из дезертиров и мобилизованных крестьян Плотников создает банду численностью свыше 600 чел., устанавливает связь с Алтайским губернским комитетом «Сибирского крестьянского союза» и принимает программу и лозунги «союза».

Выступление Плотникова заставило главарей «союза» поторопиться. Момент для массового контрреволюционного выступления представлялся наиболее удобным. Однако вскоре банда Плотникова была разгромлена частями 226, 231 и 232 полков 26 стрелковой дивизии, 48 и 87 бригад ВОХР, конной милиции и местных коммунистических отрядов.

Начало мятежу, охватившему большой район западной части Алтайской губернии — от Рубцовска до Славгорода и правобережья Иртыша между Семипалатинском и Павлодаром, было положено в конце июня, когда в с. Алексеевка был обезоружен высланный из Семипалатинска отряд для борьбы с дезертирством. Тогда же аналогичное выступление произошло и в Сосновской волости. Эти выступления в двух названных волостях явились сигналом к мятежу[1].

В короткий срок (уже к 8 июля) мятеж распространился на обширную территорию от р. Иртыша до оз. Кулундинского, и от линии Алтайской железной дороги (Барнаул—Семипалатинск) почти до Славгорода. В первые же дни была прервана телеграфная связь между Семипалатинском и Павлодаром, совершались нападения на пассажирские и грузовые пароходы, курсирующие по Иртышу, началась дикая расправа с коммунистами и советскими работниками.

В районе мятежа была проведена мобилизация мужского населения в возрасте от 18 до 45 лет, было начато формирование 12 полков 4-батальонного состава (батальон состоял из 4-х рот). Мобилизацией и формиро-

[1] ЦГАСА, ф. 1317, оп. 2, д. 1016, л. 2.

ванием частей ведали районные штабы, подчиненные «главному штабу повстанческой армии», находившемуся в с. Алексеевка. Главкомом и начальником штаба с первых дней мятежа был местный кулак Березовский. В состав главного штаба входили эсеры и кулаки Кудрин, братья Серегины и братья Козыри. Вскоре в район мятежа прибыл из Монголии по поручению Анненкова казачий офицер Шишкин, к которому и перешло руководство мятежом.

Вместо предполагавшихся 12 полков в составе до 1200 чел. пеших и 300 чел. конных каждый, фактически было сформировано 8—9 полков. К 12 июля определились основные группировки мятежников. В районе Усть—Кормиха—Волчиха сосредоточивался 2-й полк, в районе Волчиха—Ново-Кормиха — 5-й полк, в районе Каип-Ключи — 2-й, 3-й и 5-й Каипские полки, передовые части которых находились в районе озера Кучукского, 11-й полк размещался в Алексеевке, 1-й и 12-й крестьянские полки — в районе Долонь—Канонерская.

С первых дней мятежа определились три главных направления, на которых развернулись операции «армии» Березовского: 1) на северо-восток через Волчиху, Вострово до Солоновки с целью прикрытия со стороны Барнаула, 2) на северо-запад через Каип-Ключи на Славгород и 3) на юг, к Семипалатинску[1].

В ходе мятежа была предпринята попытка объединения полков в дивизии. В документах упоминается 1-я дивизия, в состав которой входили 1-й, 2-й, 3-й, 4-й, 5-й и 6-й полки[2]. Дивизией командовал Захаров[3].

12 июля в Волчиху прибыл Плотников со своим отрядом. После разгрома основных сил мятежников в Алейском районе, Плотников некоторое время скрывался со своим отрядом в лесах в районе деревень Бобровка—Порожняя (40—50 км юго-западнее г. Алейска). Когда начался мятеж в Семипалатинско-Славгородском районе, он, значительно пополнив свой отряд за счет добровольцев, двинулся на соединение с армией Березовского. В Волчихе его отряд присоединился к 2-му «повстанческому полку».

---

[1] ЦГАСА, ф. 1317, оп. 2, д. 1016, л. 2.
[2] Там же, д. 1014, л. 12.
[3] «Советская Сибирь», 16 октября 1920 г.

Многочисленные воззвания, выпущенные главным штабом мятежников, полны злобными выпадами против Коммунистической партии, против продовольственной политики Советского государства.

Мятежниками была выдвинута программа эсеровского «Сибирского крестьянского союза», центральным пунктом которой было требование свержения Советской власти и установление «подлинного народовластия» — «крестьянской диктатуры». Измышлениями о «подлинном народовластии» прикрывалось стремление к восстановлению капиталистических порядков, ибо крестьянство в силу своего социально-экономического положения не способно на роль самостоятельной политической силы, так как «экономические условия жизни этой массы таковы, что объединиться сама, сплотиться сама она не может»[1]. Опыт истории показывает, что «все попытки мелкой буржуазии вообще, крестьян в частности, осознать свою силу, по своему направить экономику и политику кончались крахом. Либо под руководством пролетариата, либо под руководством капиталистов — середины нет. Все, кто о ней мечтает, пустые мечтатели, фантазеры. Их опровергает политика, экономика и история»[2].

Сознавая тот очевидный факт, что Советы являются признанными и авторитетными органами власти трудящихся, контрреволюция выдвинула лозунг: «Советы без коммунистов», надеясь привлечь на свою сторону середняцко-бедняцкие массы деревни. Возвещалось о возможном созыве Учредительного собрания Сибири, которое определит будущую форму правления.

В области экономической речь шла о возвращении бывшим владельцам национализированных Советской властью предприятий, о всемерном поощрении «народного производства», об обеспечении условий для «некапиталистического развития», важнейшей предпосылкой которого якобы является «социализация земли» и т. д.

Программные писания мятежников, их многочисленные листовки и воззвания изобиловали циничной бранью

---

[1] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 43, стр. 136.
[2] Там же, стр. 136—137.

по поводу первых коммун, трудовой и гужевой повинности, продразвестки.

Желая скрыть свои белогвардейские замыслы, организаторы и главари мятежа лозунг «долой коммуну» дополняли лозунгом «нет места капиталу». Твердой продовольственной политике Советского государства противопоставлялось требование свободной торговли.

Главари мятежа не спешили с детальной рекламой будущего общественного и государственного устройства, ограничиваясь в своих воззваниях лишь апелляцией к собственнической психологии трудового крестьянства.

Недовольство продразверсткой, отсутствием необходимых промышленных товаров хозяйственного и личного потребления толкнули значительную часть среднего крестьянства в объятия белогвардейцев. Однако, оказавшись вовлеченной в антисоветскую авантюру, эта часть крестьянства не стала прочной опорой организаторов мятежа. В документах, захваченных у мятежников, имеются запросы некоторых районных штабов к «главному штабу» разъяснить лозунги: «нет места капиталу, долой коммуну», указать программу движения, а также партию, которая руководит им[1].

В результате вовлечения в авантюру значительной части среднего крестьянства, численность «народной повстанческой армии» уже к концу первой недели июля достигала 10 тыс. человек. Часть из них была вооружена винтовками, другие — охотничьими ружьями и пиками. Некоторые полки имели пулеметы.

Мятеж в Семипалатинско-Славгородском районе грозил перекинуться в соседние районы. 6 июля вспыхнул контрреволюционный мятеж в г. Колывани Новониколаевского уезда Томской губернии. Белогвардейская организация, существовавшая в Томске, готовила переворот в городе. Он должен был произойти в ночь с 10 на 11 июля. Одновременно готовился мятеж в окрестных селах. Органами ЧК заговор был своевременно раскрыт, и переворот в городе предотвращен. Эсаулу Аркашеву (Сибирскому) удалось поднять мятеж в уезде и собрать банду в 500 человек. Но она вскоре была разгромлена[2]. 15 июля 1920 г. начался мятеж, организованный бело-

---

[1] ЦГАСА, ф. 1317, оп. 2, д. 1016, л. 2.

[2] Газ. «Алтайский коммунист», 27 августа 1920 г.

гвардейцами в Бухтарминском районе, в непосредственной близости к китайской границе.

Эти выступления внутренней контрреволюции представляли собой звенья одной цепи. Все это, а также связь мятежников Славгородско-Семипалатинского района с русскими белогвардейцами в Китае и Монголии — Анненковым, Дутовым, Бакичем, Кайгородовым и другими агентами японского империализма, ожидавшими удобного момента для вторжения на территорию Сибири, придавало мятежу особую опасность. Она была тем более велика, что в это время Советская Республика, напрягая все свои силы, отбивала на Западе натиск белополяков и Врангеля. Крупное выступление внутренней контрреволюции в Западной Сибири в этих условиях являлось ударом в спину Советской России, чрезвычайно затрудняло борьбу на внешних фронтах. В. И. Ленин в телеграмме И. В. Сталину 2 августа 1920 г. писал: «В связи с восстаниями, особенно на Кубани, а затем и в Сибири, опасность Врангеля становится громадной, и внутри Цека растет стремление тотчас заключить мир с буржуазной Польшей»[1].

Борьба с кулацко-эсеровскими бандами в условиях незавершенной еще гражданской войны и иностранной военной интервенции вынуждала дробить и распылять и без того скудные военно-экономические резервы и ресурсы, которыми тогда располагала Советская Республика. В условиях, когда производительные силы страны были в конец обескровлены и измотаны, многие промышленные предприятия стояли или (из-за отсутствия сырья и топлива) работали на далеко не полную мощность, когда оборонная промышленность еле-еле справлялась с заказами фронта, для победы над врагом необходимо было не только напряжение всех сил страны и народа, но и максимальная маневренность имеющимися резервами.

Учитывая, что с разгромом колчаковщины и общей стабилизацией внутреннего положения Сибири, у войск Сибири нет уже былой потребности в вооружении и боеприпасах, Реввоенсовет Республики считал возможным излишки его перебросить из Сибири для нужд Западного фронта. В телеграмме председателю Сибрев-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 51, стр. 247.

кома И. Н. Смирнову в Омск В. И. Ленин писал: «Главком затребовал из Сибири патроны и винтовки. Это требование необходимо немедленно без всяких задержек выполнить, отправить так, чтобы пришло с максимальной быстротой. Выясните, если можно дать этих предметов больше, дайте. Проследите за исполнением. Ленин»[1].

Борьба с мелкобуржуазной контрреволюцией сковывала силы молодой Советской Республики, затрудняла рациональное использование военно-экономических резервов.

Начавшийся мятеж ставил под угрозу срыва продразверстку в богатом хлебном районе. Кулацкие банды громили продконторы, склады, растаскивали продовольствие, заготовленное для рабочих городов и промышленных центров Европейской России и для сражающихся армий. Обстреливая пароходы по Иртышу, мятежники делали невозможной нормальную транспортировку продовольственных маршрутов к Сибирской железнодорожной магистрали.

В переписке В. И. Ленина этого периода есть документ, свидетельствующий о серьезной опасности положения, сложившегося летом 1920 г. в Западной Сибири, — это его пометки и резолюция на телеграмме председателя Сибревкома И. Н. Смирнова из Омска от 9 июля 1920 г. И. Н. Смирнов сообщал В. И. Ленину о мятежах в Алтайской и Томской губерниях и просил выслать отряды рабочих для обмолота и погрузки конфискованного у кулаков хлеба, ибо была угроза того, что кулаки необмолоченный и неохраняемый хлеб сожгут.

В резолюции на этой телеграмме В. И. Ленин пишет: «Настаиваю: помочь изо всех сил. Директива Цека: спешите всячески. Людей посылаем. Цюрупе, Шмидту (Наркомтруд) и Главкомтруд: послать тотчас, архиспешно, налечь изо всех сил. Ленин»[2].

Создавшаяся обстановка потребовала от Сибревкома, местных партийных и советских органов принятия неотложных мер по ликвидации мятежа.

1 июля 1920 г. Сибревкомом было принято решение о создании Чрезвычайной пятерки во главе с председа-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 51, стр. 246—247.
[2] Там же, стр. 236—237.

телем Алтайского губревкома В. В. Аристовым для «скорейшего уничтожения всевозможных белогвардейских банд, действующих в районе Алтайской и Семипалатинской губерний». В состав пятерки вошли командир 26 стрелковой дивизии Гайлит, командир 87 бригады ВОХР Пасынков, представитель Западносибирского окружного военного комиссариата Воевода и заместитель председателя Алтайского губревкома Пахомов[1].

На первом заседании Чрезвычайной пятерки, состоявшемся 4 июля, были рассмотрены мероприятия по недопущению распространения бандитизма. Было принято решение о создании в Славгородском, Бийском, Змеиногорском и Каменском уездах чрезвычайных троек в составе председателей уездных исполкомов Советов, уездных военкомов и заведующих политбюро. В связи с усилением бандитизма и дезертирства в Славгородском и Алексеевском районах и малочисленностью гарнизонов, занятых, главным образом, обслуживанием продовольственных органов, был поставлен вопрос об усилении имеющихся контингентов войск[2].

21—24 июля 1920 г. в Барнауле состоялась 2-я губернская партийная конференция. Конференция дала четкую классовую оценку происходящих в губернии событий, указала на серьезную опасность мелкобуржуазной контрреволюции и потребовала максимального напряжения сил для разгрома кулацко-белогвардейских банд. Вместе с тем конференция потребовала ускорить формирование коммунистических отрядов, которые рекомендовалось создавать при крупных ячейках.

Такие отряды могли бы на местах принимать меры к пресечению контрреволюционных выступлений и объединять вокруг себя силы окрестных ячеек. Необходимо было установление живой связи между ячейками в целях быстрого взаимного осведомления о всех действиях врагов Советской власти. Партийным организациям губернии рекомендовалось немедленно приступить к проведению регулярного прохождения военного обучения всеми членами партии.

Конференция указала также на необходимость неукоснительного соблюдения классового принципа при

[1] ЦГАСА, ф. 1317, оп. 2, д. 189, л. 1.
[2] Там же, л. 2.

проведении всех мероприятий в деревне, как-то: продовольственная и другие виды разверстки, трудовая и гужевая повинность, распределение промышленных товаров среди крестьян. Вся тяжесть разверстки, трудовой и гужевой повинности должна ложиться на кулачество[1].

Алтайский и Семипалатинский губоргбюро, а затем губкомы РКП(б), уездные и волостные партийные комитеты и местные ячейки РКП(б) развернули большую агитационно-массовую работу среди крестьянства на всей территории губерний и, в особенности, в районах мятежа и в прилегающих к ним селах. Массовым тиражом был напечатан и распространен по селам ряд листовок и обращений к крестьянам. На места выехали агитгруппы. Например, Алтайское губоргбюро, а затем после второй губернской партконференции губком РКП(б) направили такие группы в Волчихинский, Боровской, Чумышский, Усть-Чарышский, Рубцовский и другие районы[2].

На многочисленных собраниях и сходах крестьян агитаторы разъясняли контрреволюционный характер мятежа, разоблачали антинародную сущность лозунгов кулацко-эсеровской своры; показывали, что за частоколом злобной лжи и клеветы против Коммунистической партии и власти рабочего класса, многочисленными посулами и декларациями «Сибирского крестьянского союза» кроется стремление к восстановлению неограниченной власти денежного мешка, помещиков и капиталистов.

На митингах и собраниях, в многочисленных листовках и воззваниях местных партийных и советских органов разъяснялось, что только укрепление диктатуры пролетариата, союза рабочего класса и крестьянства может обеспечить разгром интервентов и белогвардейцев, скорейший выход из послевоенных трудностей и построение социалистического общества.

Большую роль в деле мобилизации и организации сил на борьбу с мятежниками, в разоблачении контрреволюционной сущности их лозунгов и антисоветских

---

[1] Газ. «Алтайский коммунист», 3 августа 1920 г.

[2] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 5, л. 19, а также, «Алтайский коммунист», 1 августа 1920 г.

замыслов сыграли газеты «Алтайский коммунист» — орган Алтайских губоргбюро РКП(б) и губревкома и «Степная правда» — орган Семипалатинских губоргбюро РКП(б) и губревкома. На страницах этих газет в летние месяцы 1920 г. почти ежедневно печатались статьи, заметки и обращения к крестьянству. Так, в статье секретаря Алтайского губоргбюро РКП(б) Дмитриева «К труженикам деревни» указывалось, что «контрреволюционеры разного пошиба, прикрываясь флагами «крестьянского союза», снова стараются навязать трудящимся учредиловку, за которую так ратуют крупные буржуа, фабриканты, заводчики, помещики и плетущиеся у них в хвосте социал-соглашательские партии меньшевиков и эсеров». Автор напоминает, что мелкобуржуазные партии меньшевиков и эсеров антинародной политикой в свое время подготовили установление кровавого режима Колчака. Антинародны и лозунги анархии и безвластия, с которыми выступали Рогов и его единомышленники. В статье подчеркивается, что подлинным выразителем интересов трудящихся являются Коммунистическая партия и Советская власть, сила которой в союзе рабочего класса и крестьянства. Задача состоит в том, чтобы крепить эту жизненную основу Советской власти, пресекать все происки врагов. Нужно помочь рабочим городов и промышленных центров хлебом. «Чем теснее объединится семья тружеников, — отмечалось в статье, — тем скорее мы разобьем наших врагов — капиталистов и избавимся от лишений и гнета нужды»[1].

6 июля в газете было опубликовано воззвание к алтайскому крестьянству бывшего главнокомандующего партизанской армией на Алтае Е. М. Мамонтова. В своем воззвании Ефим Мефодьевич говорил крестьянам Алтая, что цели Роговых, Новоселовых, Плотниковых и К° ничего общего не имеют с интересами крестьянства, что шайки изменников и предателей отвлекают силы Советской власти и тем самым помогают белополякам и японской военщине, ополчившимся на рабоче-крестьянскую Россию. «Товарищи, — писал бывший партизанский главком, — за кого же вы: за белых или за красных? Помните, что ни посередине, ни с краю мест нет. Весь мир раскололся на два лагеря: первый из них —

[1] Газ. «Алтайский коммунист», 29 июня 1920 г.

рабоче-крестьянский лагерь, второй — лагерь буржуазии и капитала», и далее, «...всякий, кто пытается расколоть рабочих и крестьян и подорвать силу рабоче-крестьянской власти, тот является изменником и предателем»[1]. Воззвание заканчивалось призывом оказывать всемерную поддержку Советской власти, укреплять революционный порядок, оказать продовольственную помощь городам и промышленным центрам Европейской России, накормить Красную Армию.

В статье «Долой белогвардейских шпионов» указывалось, что в тот момент, когда советский народ отражает натиск белополяков и Врангеля, первостепенное значение имеет укрепление тыла. Нужна беспощадная борьба против всякого рода антисоветских провокаций: террора, диверсий, распространения клеветнических слухов и измышлений, антисоветской агитации[2].

В статье «Чего они хотят?» был дан анализ воззваний штабс-капитана Шишкина к крестьянам Алтая. В статье отмечалось, что лозунги «долой коммунистов», «неприкосновенность промыслов и торговли», «Учредительное собрание» и др. являются колчаковско-деникинскими, черносотенными лозунгами[3].

В середине июля Алтайский губернский революционный комитет издал приказ № 131. В этом страстном документе, пронизанном волнующим пафосом революционного времени, заявлялось о твердой решимости «железной рукой стереть с лица земли изменников и предателей Рабоче-Крестьянской России»[4].

Губревком объявлял, что колчаковские офицеры и другие предводители банд, а также лица, захваченные с оружием в руках, подлежат расстрелу по законам военного времени. Кулаки, подбивающие крестьян на вооруженное выступление против Советской власти, немедленно выполняют причитающуюся с них продразверстку в двойном размере, немедленно и безоговорочно выполняют задание по продразверстке крестьяне сел, примкнувших к мятежу. На них возлагается вся работа по обмолоту, ссыпке и подвозу хлеба. В приказе указы-

---

[1] Газ. «Алтайский коммунист», 6 июля 1920 г.
[2] Там же.
[3] Там же, 19 августа 1920 г.
[4] Там же, 14 июля 1920 г.

валось, что лишь добровольная сдача оружия и полное раскаяние тех, кто поддался на кулацко-эсеровскую агитацию или был насильно мобилизован, гарантируют полное прощение Советской властью. Руководители же мятежа будут привлечены к суду революционного трибунала.

Этот приказ № 131 Алтайского губревкома был дважды опубликован на страницах газеты «Алтайский коммунист» (14 и 15 июля 1920 г.), а также отпечатан отдельной листовкой массовым тиражом и широко распространен по деревням и селам губернии, особенно в районах, охваченных мятежом, и в прилегающих к ним селах. Этот документ сыграл большую роль в разложении так называемой «повстанческой армии», в привлечении колебавшейся части среднего крестьянства на сторону Советской власти.

Большим тиражом было распространено обращение «Ко всем крестьянам Алтая», в котором указывалось на обязанность трудового населения деревни задерживать и обезоруживать дезертиров. Устанавливалась суровая ответственность граждан за укрывательство дезертиров и оказание содействия им[1].

Созданный на 2-м губернском съезде Советов Алтайский губисполком издал «Обязательное постановление», в котором указывалось на ответственность населения за содействие бандам (укрывательство бандитов, распространение воззваний, снабжение продовольствием и т. д.), а также за допущение зверских расправ бандитов над коммунистами и советскими работниками[2].

Это постановление Алтайского губисполкома явилось грозным предостережением для колебавшейся части трудового крестьянства и скрытых врагов Советской власти, способствовало изоляции кулацко-эсеровской своры и разгрому ее.

Партийные организации в условиях разгула мелкобуржуазной контрреволюции потребовали от всех коммунистов и беспартийных активистов всемерного укрепления дисциплины, максимального повышения бдитель-

---

[1] Газ. «Алтайский коммунист», 29 июня 1920 г.

[2] Газ. «Красный Алтай», орган Алтайского губкома РКП(б) и губисполкома, 10 сентября 1920 г.

ности к проискам классовых врагов и беспощадного пресечения их.

В июле, когда развертывались военные операции против мятежников, благодаря бдительности ряда работников Алтайского губвоенкомата была раскрыта группа служащих этого учреждения, пытавшаяся похитить ключ к военному шифру[1].

В уездах губернии создавались коммунистические отряды. По постановлению Алтайского губернского оргбюро РКП(б) волостным Советам было дано распоряжение о вооружении местных партийных ячеек[2].

Создавалась тройка по формированию коммунистических отрядов во главе с Архиповым[3]. В коммунистические отряды было сведено более 50 процентов членов губернской партийной организации[4]. Причем следует отметить, что наряду с формированием коммунистических отрядов для борьбы с мятежниками, проводилась мобилизация коммунистов на польский фронт. Алтайская губернская партийная организация отправила на борьбу с белополяками более тысячи своих членов[5].

На ликвидацию мятежа были брошены 226-й полк 26-й стрелковой дивизии, находившийся в Алтайской губернии, и 2-я бригада 13-й кавалерийской дивизии в составе 75-го и 76-го полков, дислоцировавшаяся в районе Семипалатинска (13-я кавдивизия входила в состав войск Туркестанского фронта).

В ликвидации мятежа приняли участие части 47-й, 48-й, 87-й бригад ВОХР. В середине июля 47-ю бригаду ВОХР предполагалось перебросить в Смоленскую губернию, был затребован уже железнодорожный подвижной состав для ее погрузки, но в связи с начавшимся мятежом приказ о ее переброске 19 июля пришлось отменить[6]. Бригада оставалась в Славгородском районе. Из частей бригады в ликвидации мятежа принимала

---

[1] «Алтайский коммунист», 4 августа 1920 г.

[2] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 12, д. 4, л. 95.

[3] Там же, д. 5, л. 10.

[4] Абраменко И. А. Боевые действия коммунистических отрядов — частей Особого назначения в Западной Сибири (1920—1923 гг.), «Сибирь и Дальний Восток в период восстановления народного хозяйства», вып. IV, Томск, 1965, стр. 80.

[5] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 12, д. 5, л. 12.

[6] ЦГАСА, ф. 42, оп. 1, д. 973, л. 60.

участие рота интернационалистов 235-го батальона ВОХР (венгры и финны) в составе 192 штыков при трех пулеметах под командой вначале Жилина, затем Сергеевского. Рота действовала в районе г. Славгорода. Здесь же оперировал отряд в составе 50 сабель под командой Дерябина. Названные части вместе с караульной ротой в городе и местными коммунистическими отрядами составляли Славгородскую группу под общим командованием Степаненко[1].

Из частей 87-й бригады ВОХР в борьбе с мятежниками участвовали отряд в составе 120 штыков и 56 сабель под командой Мешкова — командира 3-й роты 443-го батальона (район с. Ребриха); отряд Литвинова в составе 68 сабель (западнее с. Волчиха); 1-й кавдивизион под командой Френкеля в составе 398 сабель при четырех пулеметах (в районе ст. Рубцовск); отряд во главе с командиром 444-го батальона М. И. Ворожцова (партийная кличка — Анатолий) в составе 102 штыков, 93 сабель при четырех пулеметах (в районе д. Боровской, в 45 км северо-западнее ст. Алейск); отряд Моисеева — командира 445-го батальона в составе 252 штыков, 22 сабель, четырех пулеметов (в районе д. Златополье, 60 км юго-восточнее г. Славгорода)[2].

Севернее г. Семипалатинска были сосредоточены два отряда из состава 48-й бригады ВОХР: отряд Кащеева — командира 248-го батальона в составе 215 штыков при пяти пулеметах и рота в составе 215 штыков, двух пулеметов под командой Птицина.

Кроме того, в Бухтарминском районе находились три отряда из состава 247-го батальона 48-й бригады ВОХР: 1) отдельный взвод, 2) отряд под командой Бондаренко в составе 92 штыков при одном пулемете и 3) отряд Ефремова — командира 247-го батальона (104 чел. пехоты, один пулемет)[3].

Общая численность войск внутренней охраны, принимавших участие в ликвидации мятежа в Алтайской и Семипалатинской губерниях, составляла: пехоты — 1332 чел., конницы — 687 чел., 14 пулеметов[4].

---

[1] ЦГАСА, ф. 42, оп 3, д. 967, л. 90.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] ЦГАСА, ф. 42, оп. 3, д. 967, л. 90.

В Омске из курсантов Высшей военной школы Сибири был сформирован экспедиционный отряд особого назначения под командой Н. И. Корицкого — начальника управления военных учебных заведений Сибири. В состав отряда входили три роты 1-х Сибирских пехотных курсов, образцовый учебный отряд, 1-я Сибирская отдельная легкая батарея, два эскадрона кавалерийских курсов, команда связи, санитарная и хозяйственные службы[1]. 10 июля отряд на пароходах был отправлен в район мятежа. Проделав часть пути по Иртышу, отряд походным порядком двинулся к Славгороду. Отсюда Корицкий вместе с войсками славгородской группы должен был развернуть наступление в южном направлении.

В ликвидации мятежа принимало участие авиазвено под командой Батурина. Его задача состояла в том, чтобы вести разведку, разбрасывать листовки и воззвания в районе мятежа[2].

Все вооруженные силы, расположенные в Алтайской и Семипалатинской губерниях, были подчинены командиру 26-й дивизии Гайлиту, на которого возлагалось оперативное руководство войсками против мятежников[3].

Уже при первых сообщениях о начале мятежа в районе к северу от Семипалатинска помглавком по Сибири В. И. Шорин 7 июля 1920 г. поставил командиру 26-й дивизии задачу не допустить распространения мятежа в направлении Славгорода, во что бы то ни стало предотвратить возможное соединение банд Плотникова, орудовавших в Алейском районе, с мятежниками Семипалатинско-Славгородского района[4].

Боевые операции частей Красной Армии и отрядов особого назначения против мятежников широким фронтом начались с 10 июля. Со стороны Рубцовска в направлении на Волчиху действовали 226-й полк 26-й стрелковой дивизии и коммунистический отряд из местных членов РКП(б) под командой Поплавко. 75-й и 76-й полки 13-й кавалерийской дивизии под командой комбрига Новика наступали от Семипалатинска по правобережью Иртыша. На славгородскую группу (235-й ба-

---

[1] ЦГАСА, ф. 16, оп. 3, д. 55, л. 504.
[2] ЦГАСА, ф. 1317, оп. 2, д. 228, л. 63.
[3] Там же, д. 189, л. 1.
[4] Там же, л. 5.

тальон ВОХР и местные отряды особого назначения) под командой Степаненко, впредь до прибытия подкреплений возлагалась задача сдерживать возможное продвижение мятежников на север, не допустить распространение мятежа в этом направлении.

В первые же дни наступательных операций части Красной Армии, несмотря на значительное численное превосходство мятежников, нанесли им ряд последовательных ударов, поколебавших всю систему организации «армии» Березовского.

Части 2-й бригады 13-й кавалерийской дивизии 12 июля после ожесточенного шестичасового боя с 1-м и 12-м полками мятежников заняли дд. Большая и Малая Владимировки. Потеряв около 100 человек убитыми и около 300 человек сдавшимися в плен, а также много винтовок и ружей, мятежники поспешно отступили в район деревни Сосновки[1].

Очистив от мятежников район Долонь — Б. Владимировка, части 2-й бригады двинулись вниз по правому берегу Иртыша, широким фронтом прочесывая прилегающий район. 17 июля отряд Новика освободил с. Сосновку. 243-м батальоном ВОХР, действовавшем со стороны Семипалатинска, было освобождено с. Угловское. Мятежники из Сосновки и Угловского отошли на Алексеевку (13 км. зап. с. Угловское) и частью — на Морзагул. Продолжая преследование мятежников, 248-й батальон освободил Алексеевку.

Наступавшие со стороны Рубцовска части 226 полка и 1-го кавдивизиона 87-й бригады ВОХР под командой Френкеля после ряда столкновений с мятежниками 13 июля подошли к с. Волчиха. В результате двухчасового боя были наголову разбиты 2-й и 5-й полки мятежников вместе с присоединившимся к ним накануне отрядом Плотникова. Потеряв до 1300 человек убитыми и ранеными и 800 человек сдавшимися в плен, жалкие остатки названных полков бежали на запад[2]. Продолжая преследование разгромленных банд, части 226 полка 17 июля с боем заняли д. Морзагул, освободив здесь около 1000 человек новобранцев, снятых мятежниками с парохода, захваченного ими на пристани в Лебяжье.

---

[1] ЦГАСА, ф. 1317, оп. 2, д. 253, л. 14.
[2] Там же, л. 17, а также д. 254, л. 13.

Отряд Корицкого, наступая со стороны Славгорода, быстро продвигался на юг. На этом направлении мятежники отступали без боя, избегая крупных столкновений. 16 июля отряд вступил в д. Петухи. 17 июля была занята д. Ключи. Здесь мятежники пытались оказать сопротивление, но, не выдержав натиска, оставили деревню. Продолжая наступление, отряд Корицкого занял деревни Каип и Ярославцев лог. Находившийся здесь 6-й полк мятежников под командой И. Стрюка, сложил оружие[1].

Таким образом, к 18 июля части Красной Армии, действовавшие против мятежников, вышли на линию сс. Ключи — Ракиты—Сосновка— М. и Б. Владимировки — Долонь (на Иртыше).

Под ударами отряда Корицкого с севера, частей 226-го полка и 1-го кавдивизиона 87-й бригады ВОХР— со стороны Рубцовска, 2-й бригады 13-й кавдивизии и 248-го батальона ВОХР — со стороны Семипалатинска «народная армия» Шишкина — Березовского стала рассыпаться как карточный домик. Началась массовая сдача в плен целыми полками насильственно мобилизованных крестьян. Крестьяне расходились по домам и выдавали главарей. «Главный штаб» пытался было спасти положение угрозами и злобными измышлениями о якобы предстоящей расправе Советской власти с участниками мятежа. Однако это не спасло положения. «Народная армия» продолжала разлагаться и таять. Вскоре многие главари мятежа из «главного штаба» были захвачены и расстреляны.

В этих условиях остатки «народной армии» численностью в 2—3 тыс. человек под натиском частей Красной Армии начали поспешный отход на запад, стремясь уйти в прииртышские станицы. В начале третьей декады июля остатки 1-го, 2-го, 3-го, 4-го и 5-го полков и 11-го кавалерийского отряда особого назначения и отряда Плотникова под командой Шишкина и Плотникова появились в районе прииртышских станиц Кривинское, Подпуск, Лебяжье. Путем насильственной мобилизации казаков им удалось пополнить свои потрепанные части,

---

[1] ЦГАСА, ф. 1317, оп. 2, д. 253, лл. 19—21, а также газ. «Советская Сибирь», 16 октября 1920 г,

доведя общую численность их до 5 тыс. человек, в том числе около 3 тыс. казаков в конном строю[1].

Утром 22 июля у пристани Лебяжье мятежники, численностью около 180 человек пехоты и 200 человек конницы, обстреляли пассажирский пароход «Витязь», шедший из Семипалатинска. Во время перестрелки пароход потерял лоцмана и штурвального и сел на мель. Пароходу были нанесены значительные повреждения и, наконец, он загорелся. Команда, не прекращая боя, потушила пожар. В течение трех суток продолжался бой с мятежниками. Лишь после того, как пароход потерял команду во главе с капитаном, 25 июля он был захвачен мятежниками[2].

«Витязь» после спешного ремонта и ранее захваченный пароход № 151 составили флотилию мятежников, на которой был размещен их штаб.

Штабом войск Сибири был разработан план окончательной ликвидации мятежа. Приказом помглавкома В. И. Шорина от 23 июля отряду Н. И. Корицкого, двигавшемуся в район Галкино—Чигириновка была поставлена задача стремительным маршем выступить в район станиц Черная—Лебяжье—Подпуск с тем, чтобы преградить пути отхода мятежников на северо-запад, по направлению к Павлодару. Частям 2-й бригады 13-й кавалерийской дивизии предписывалось закрыть пути возможного отступления банд Шишкина и Плотникова на юго-восток. 226-й полк совместно с 1-м кавдивизионом 87-й бригады должны были, наступая с запада, прижать мятежников к Иртышу и совместно с отрядом Корицкого и частями 13-й кавдивизии разгромить и ликвидировать банды мятежников[3].

В силу медленного продвижения отряда Корицкого задача, поставленная ему, не была выполнена. Отряду не удалось своевременно выйти к Иртышу и преградить мятежникам путь к Павлодару. Между тем части 13-й кавдивизии и отряд Френкеля продолжали теснить мятежников с юга и освободили станицы Подпуск и Лебяжье.

Прижатые к Иртышу и теснимые частями Красной

---

[1] ЦГАСА, ф. 1317, оп. 2, д. 1014, л. 12.
[2] Там же, д. 253, л. 28, а также д. 254, л. 17.
[3] Там же, д. 189, л. 16.

Армии, мятежники, разделившись на три группы, устремились к Павлодару. Первые две группы в районе станицы Подпуск переправились на левый берег Иртыша и, беспрепятственно продвигаясь вниз, вышли к станице Ермак. Попытка овладеть станицей кончилась неудачей.

Третья группа, двигаясь по правому берегу Иртыша, захватила станицу Ямышевскую. Находившийся здесь павлодарский сводный отряд в составе 92-го батальона ВОХР и местных частей особого назначения под натиском превосходящих сил противника вынужден был отойти вниз по Иртышу. 27 июля передовые отряды мятежников (до тысячи человек пехоты и двух эскадронов кавалерии) окружили 92-й батальон ВОХР в д. Подстепная. Положение батальона казалось безвыходным, но это не сломило духа красноармейцев. Нащупав слабое место в кольце окружения, батальон стремительной атакой прорвал кольцо и отошел к Павлодару, заняв оборону в километре от города[1].

Бюро РКП(б) и ревком Павлодарского уезда в этих условиях не проявили необходимой выдержки и спокойствия. Вместо принятия неотложных мер по организации обороны города, была начата спешная эвакуация партийных и советских учреждений, что вызвало панику среди населения.

В создавшейся обстановке штабом помглавкома по Сибири были приняты срочные меры для предотвращения падения города. На усиление павлодарской группы из Омска по Иртышу один за другим были направлены два парохода вооруженные орудиями и пулеметами. Отряду Н. И. Корицкого была поставлена задача спешно выйти в район станиц Черная — Ямышевская, овладеть ими и, двигаясь вниз по Иртышу к Павлодару, разгромить угрожавшую городу группировку мятежников.

28 июля отряд Корицкого настиг главные силы мятежников в станице Ямышевской и в результате ожесточенного боя разгромил их. Мятежники понесли большие потери убитыми и ранеными, 2042 человека сдались в плен. Были захвачены два парохода — «Витязь» и № 151 с находившимся на них штабом во главе с его начальником Захаровым, начальником боевого участка Федоровым, адъютантом штаба Кочковским и другими. Семь глава-

[1] ЦГАСА, ф. 1317, оп. 2, д. 254, лл. 5, 13, 33.

рей мятежа, захваченных отрядом Корицкого в станице Ямышевской, были расстреляны[1].

Вслед за отрядом Корицкого к станице Ямышевской двигался отряд из состава 2-й бригады 13-й кавдивизии под командой Козловского. Часть этого отряда на двух пароходах была направлена вниз по Иртышу с целью высадиться в районе Ермак — Павлодар и развернуть наступление против мятежников, оперировавших в этом районе.

Между тем разгром главных сил Шишкина в станице Ямышевской окончательно деморализовал мятежников. Продолжалась массовая сдача в плен насильственно мобилизованных крестьян и казаков, другие, избегая пленения, с оружием в руках разбегались в ночное время по домам. А части Красной Армии продолжали теснить банды.

С севера против мятежников, занимавших район с. Подстепное, действовали части павлодарской группы. Отряд Корицкого, после разгрома банд в ст. Ямышево, 29 июля начал наступление в направлении с. Подстепное с юга. Три роты 1-х сибирских пехотных курсов, рота образцового учебного отряда с легкой артбатареей при 8 пулеметах под общей командой Рослова двумя колоннами (первой колонной командовал Вейнер, второй — Радомиров), двигавшимися друг за другом, наступали по тракту (вдоль Иртыша) через с. Гавриловку. Два эскадрона сибирских кавалерийских курсов под командой И. Корицкого имели целью, двигаясь по маршруту Ямышево — Ольгинка — Демьяновское и не доходя 10 километров до последнего пункта, охватить противника с востока и перерезать ему путь отступления на с. Галкино. На пароходах № 151 и «Витязь» по Иртышу двигался десант в составе двух рот 445-го батальона ВОХР во главе с комбатом Моисеевым. На пароходе «Витязь» находился и штаб экспедиционного отряда вместе с командиром Н. И. Корицким[2].

В этих условиях мятежники вынуждены были оставить надежду на овладение Павлодаром и, не дожидаясь подхода отряда Н. И. Корицкого и войск павлодарской группы, уже 29 июля поспешно бежали из с. Подстепное в направлении на с.с. Романовка — Галкино, намерева-

[1] ЦГАСА, ф. 1317, оп. 2, д. 254, лл. 14, 17.
[2] Там же, ф. 16, оп. 3, д. 55, л. 504.

ясь выйти в Волчихинский район. 30 июля в с. Подстепное вошли части павлодарской группы, а затем сюда прибыл и отряд Н. И. Корицкого. При этом задача, поставленная двум эскадронам сибирских кавалерийских курсов под командой И. Корицкого, — преградить пути возможного отхода мятежников из с. Подстепное на Романовку—Галкино — не была выполнена И. Корицкий, будучи осведомленным о сложившемся положении вещей на этом участке даже не преследовал отступающую банду, предоставив ей, таким образом, свободно продвигаться по намеченному ей маршруту[1].

В ночь с 29 на 30 июля банда мятежников во главе с Плотниковым и Шишкиным подошла на ближние подступы к с. Галкино. В селе в это время находилась интернациональная рота (венгры и финны) 235-го батальона ВОХР. Рота принимала участие в ликвидации мятежа и вместе с экспедиционным отрядом Н. И. Корицкого проделала путь от г. Славгорода до с. Галкино, после чего ей было приказано вернуться в г. Славгород в распоряжение уездного подкомиссара для работы по сбору продразверстки[2].

В ночь с 29 на 30 июля в с. Галкино было выставлено обычное сторожевое охранение с выдвинутыми за село секретами. На рассвете, когда секреты были сняты и уменьшены караулы, а рота продолжала спать, противник крупными пехотными цепями (до 2 тыс. человек) повел лобовую атаку на с. Галкино. Одновременно кавалерия противника (до 1 тыс. сабель) начала быстро охватывать село с флангов и первой ворвалась в него.

Рота интернационалистов, захваченная врасплох, начала отходить. На окраине села командиру роты Сергеевскому вместе с комиссаром Пивоваровым удалось собрать разбегавшихся красноармейцев и построить их в цепь. Рота залегла и мужественно отбивала атаки противника. Однако силы были не равны. К тому же командир роты Сергеевский и комиссар Пивоваров проявили неслыханное малодушие и трусость. В разгар боя они сели на первую попавшуюся подводу и бежали, оставив роту на произвол судьбы. Это вызвало панику. В результате ряды интернационалистов дрогнули и смешались. Ин-

[1] ЦГАСА, ф. 16, оп. 3, д. 55, л. 500.
[2] Там же, л. 499.

тернационалисты начали в беспорядке отступать, преследуемые кавалерией противника. В результате рота потеряла более 100 человек убитыми, ранеными и взятыми в плен. Лишь немногим удалось уйти от преследования[1].

Случившееся в с. Галкино явилось результатом несогласованности действий между частями Красной Армии, оперировавшими против мятежников, отсутствия между ними необходимой связи, неудовлетворительной постановки разведки, а в ряде случаев и полной безответственности отдельных командиров. Последнее касается не только Сергеевского и Пивоварова, но также и И. Корицкого, по существу не выполнившего поставленной ему задачи — отрезать пути отхода банде из с. Подстепное и не организовавшего преследования ее. Во время боя в с. Галкино кавотряд И. Корицкого находился в д. Романовке и знал о происходившем, но помощи роте интернационалистов не оказал. Находившиеся в д. Марьяновка (12 км от с. Галкино) 75-й и 76-й полки 13-й кавдивизии не имели связи со штабом эспедиционного отряда Н. И. Корицкого и с интернациональной ротой и, будучи не осведомленными о положении вещей, также не оказали помощи роте. О состоянии разведки в экспедиционном отряде Высшей военной школы Сибири свидетельствует приказ Н. И. Корицкого от 30 июля, отданный с борта парохода «Витязь» на пристани Ермак (под Павлодаром). В приказе, между прочим, командиру 445-го батальона ВОХР Моисееву предлагалось двигаться с батальоном в г. Славгород через с. Галкино и по пути разбивать мелкие рассеявшиеся банды противника. И это в то время, когда в с. Галкино находилась банда численностью в 2 тыс. человек пехоты и тысячи человек конницы[2].

С выходом к Павлодару экспедиционный отряд Высшей военной школы Сибири был отозван в Омск. Ликвидация банд Шишкина — Плотникова возлагалась на части 226-го полка, 13-й кавдивизии и местные коммунистические отряды.

Названным частям была поставлена задача преградить пути отступления бандам Шишкина — Плотникова. Отряд Новика в составе 75-го и 76-го кавалерийских полков к вечеру 30 июля вышел на линию Ястребово — Чи-

[1] ЦГАСА, ф. 16, оп. 3, д. 55, л. 499,
[2] Там же, л. 500.

гиринский, части 226-го полка — на линию Лебяжье — оз. Нечаевское—Галкино. 75-кавалерийский полк выбил мятежников из Галкино и отбил часть пленных красноармейцев.

В ночь на 1-е августа отряд Новика настиг банды Шишкина — Плотникова в с. Александровка. Застигнутые врасплох мятежники вынуждены были принять бой, продолжавшийся три часа. Потеряв 320 человек убитыми и около 100 человек сдавшимися в плен, банды, рассеявшись, бежали в разных направлениях. В с. Александровка были освобождены около 100 пленных, в том числе 45 человек из роты интернационалистов[1].

В первых числах августа разрозненные банды соединились в лесах в районе Волчиха — Угловское. Была предпринята новая попытка провести мобилизацию крестьян, но безуспешно. Трудовое крестьянство уклонялось от исполнения мобилизационных предписаний штаба мятежников и оказывало широкую помощь частям Красной Армии и отрядам особого назначения, преследовавшим банды. В бандах, общая численность которых достигала 1500 человек, усилилось разложение. Начались разногласия между Шишкиным и Плотниковым о плане дальнейших действий. В результате произошел раскол. 6 августа близ станции Аул (ныне Красный Аул) Алтайской железной дороги Плотников с отрядом в 200—300 человек отделился от основных сил банды и двинулся в Алейский район, Шишкин же с основными силами направился на юго-восток, в Горный Алтай.

Чтобы преградить пути отступления бандам Шишкина, из Барнаула в Рубцовск был переброшен 227-й полк 26-й стрелковой дивизии. Избегая крупных столкновений с частями Красной Армии, Шишкин быстро отходил на юго-восток. В д. Гилево банда разбила отряд змеиногорского гарнизона, преграждавший ей путь к городу. Лишь нескольким бойцам отряда удалось скрыться. В Змеиногорске по существу не оставалось сил, способных отбить возможное нападение банды. Остатки гарнизона были малочисленны. По решению уездной Чрезвычайной тройки началась спешная эвакуация из города советских учреждений и уездного комитета РКП(б). Высланный в самый последний момент на поддержку

[1] ЦГАСА, ф. 1317, оп. 2, д. 254, лл. 4, 14.

Змеиногорского гарнизона эскадрон 74-го полка 13-й кавдивизии запоздал.

В ночь на 9 августа банда Шишкина заняла Змеиногорск. Начались грабежи, зверская расправа с коммунистами и беспартийными активистами, их дома бандиты поджигали, мстя за свое поражение. В результате часть города сгорела. Спасаясь от возмездия, банда Шишкина 10 августа, с подходом к городу частей 227-го полка, после короткой перестрелки бежала, потеряв около 100 человек, сдавшихся в плен[1].

Преследуемая частями 226-го полка, местными коммунистическими отрядами, среди которых наиболее значительным был отряд под командой Архипова, банда вышла на Уймонский тракт (в Горном Алтае), откуда двинулась на Катон-Карагай.

Местным военным командованием были приняты меры для отражения возможных налетов банды на крупные населенные пункты. Из д. Усть-Кокса (по Уймонскому тракту) навстречу Шишкину выступил сводный отряд в составе команды конных разведчиков 26-й стрелковой дивизии и местного коммунистического отряда. В рудниках Риддеровском и Зыряновском, а также в районе д. Предгорная были выставлены усиленные заставы[2]. Хорошо ориентируясь на местности[3], Шишкин горными дорогами вывел отряд в Катон-Карагай и в конце августа пытался овладеть Усть-Каменогорским трактом. Однако эта попытка провалилась.

Неудачи Шишкина встревожили белогвардейские банды, находившиеся на территории Западной Монголии и Западного Китая. 20 августа в г. Кобдо (Зап. Монголия) состоялось совещание белогвардейских офицеров. Совещанием руководил бывший русский консул в Кобдо Хионин. Было решено срочно направить на помощь Шишкину отряд Смолянникова[4].

Однако это не спасло Шишкина. Преследуемый нашими частями объединенный отряд Шишкина — Смолянникова 15 сентября начал отход на юго-восток и через

---

[1] ЦГАСА, ф. 1317, оп. 2, д. 254, л. 36,

[2] Там же, л. 57.

[3] Шишкин до революции был топографом штаба Омского военного округа и производил в этом районе рекогносцировки. См.: ЦГАСА, ф. 1317, оп. 2, д. 1014, л. 1.

[4] ЦГАСА, ф. 1317, оп. 2, д. 1012, л. 4.

с. Владимирское (восточнее оз. Маркаколь) ушел за границу. Численность объединенного отряда Шишкина — Смолянникова достигала 700 человек. Здесь, в непосредственной близости от советской границы, к Шишкину присоединился отряд под командой Остроухова, прибывший из Чугучака, а также отряд Ванягина составленный из бежавших за границу мятежников из Бухтарминского района и мелких партий белогвардейцев, бродивших в приграничной полосе. Теперь под командой Шишкина находилось до трех тысяч человек. С этой, довольно многочисленной, бандой Шишкин 23 сентября вновь перешел границу и стал продвигаться вниз по реке Аккабе.

В ночь на 26 сентября банда совершила неожиданный налет на село Александровское (30 км юга-восточнее южной оконечности оз. Маркаколь), в котором находилась рота 229-го полка. Сняв сторожевое охранение, бандиты ворвались в деревню, забросали гранатами дома, где ночевали красноармейцы. Началась паника. Красноармейцы в одном белье выскакивали на улицу и пытались оказать сопротивление. В схватке был убит находившийся при роте командир батальона Никольский. Помощнику командира полка Капелькину удалось во всеобщей сумятице навести порядок и организовать сопротивление бандитам. На помощь роте вскоре прибыли другие роты полка из соседних населенных пунктов, и банда Шишкина была отброшена к границе[1].

27 августа Шишкин возобновил наступление на с. Александровское. Бои продолжались до 30 сентября. Село несколько раз переходило из рук в руки. После ожесточенного боя в ночь на 30 сентября банда Шишкина, потеряв более 200 человек убитыми, отошла за границу и больше не возобновляла попыток овладеть селом[2].

Что касается банды Плотникова, то она после отделения от банды Шишкина бежала в Алейский район. Скрываясь в лесах, она вплоть до конца октября совершала налеты на населенные пункты, громила советские учреждения, терроризовала население, убивала коммунистов и

---

[1] ЦГАСА, ф. 6, оп. 4, д. 510, л. 26, а также «Краткий очерк 26-й Златоустовской стрелковой дивизии», Красноярск, 1925, стр. 45—46 и 60—61. В названной книге бой у с. Александровское ошибочно датируется 10 сентября 1920 г.

[2] Там же, лл. 28, 29, 34.

советских работников. На борьбу с бандой были брошены 228-й полк 26-й стрелковой дивизии, 444-й батальон 87-й бригады ВОХР под командой М. И. Ворожцова (Анатолия)[1] и местные коммунистические отряды под командой Городова, Каширова, Захарова и др.[2] 20 октября в бою близ с. Песчаное Парфеновской волости Барнаульского уезда банда была изрядно потрепана. Плотников и его помощник Смолин убиты. Остатки банды разбежались[3].

Осенью 1920 г. на Алтае продолжали еще бесчинствовать отдельные шайки бандитов. Наиболее крупной из них была банда Новоселова, вышедшая из тайги северовосточнее Барнаула и проделавшая рейд на Бийскую железную дорогу и обратно[4].

Борьба с политическим бандитизмом в конце лета и осенью 1920 г. велась по преимуществу местными коммунистическими отрядами. Всего в Алтайской губернии к осени этого года было создано 25 таких отрядов. Губком РКП(б) утвердил их состав и дислокацию по уездам и волостям губернии с учетом обстановки на местах. В ноябре коммунистические отряды были реорганизованы по типу кадровых частей Красной Армии. Были сформированы один полк пехоты и 5 кавалерийских эскадронов[5].

В борьбе с мятежниками, а затем с политическим бандитизмом (осенью 1920 г.) прекрасные боевые качества, стойкость и мужество проявили коммунистические отряды Поплавко, Захарова, Городова, Архипова и другие.

В деле окончательной ликвидации политического бандитизма большое значение имело широкое распространение по деревням и селам губернии обращения Сибревкома и воззвания Алтайской чрезвычайной пятерки о добровольной явке бандитов. Рекомендовалось всем скрывающимся участникам мятежа явиться в месячный срок в уездные военкоматы или ближайшие воинские части.

---

[1] ЦГАСА, ф. 1317, оп. 2, д. 254, л. 36.

[2] «Красный Алтай», 30 сентября 1920 г. Городов М. П. — старый коммунист, активный участник большевистского подполья при Колчаке — погиб в боях с бандой Плотникова. См. «Алтайский коммунист», 24 августа 1920 г.

[3] ЦГАСА, ф. 1317, оп. 2, д. 1014, л. 2.

[4] «Красная Армия Сибири», № 3—4, 1923, стр. 87.

[5] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 12, д. 4, лл. 114—115.

Всем добровольно явившимся гарантировалась полная амнистия[1].

Эта мера помогла вырвать из-под влияния главарей бандитских шаек темные, несознательные элементы, удерживаемые в бандах угрозами и вымыслами о мнимой мести Советской власти за участие в мятеже. Бандитские шайки постепенно начали таять и к концу 1920 г. с политическим бандитизмом в губернии было покончено.

Немаловажную роль в стабилизации политического положения в деревне сыграла широкая помощь крестьянскому хозяйству. Сюда направлялся инвентарь, посылались ремонтные отряды из городских рабочих, оказывалась помощь в уборке урожая и обмолоте хлеба, налаживалось местное производство дегтя и добыча соли, организована продажа сельскохозяйственных машин и орудий бедняцким и середняцким хозяйствам на льготных условиях и в кредит и т. д.

В. И. Ленин, пристально наблюдавший за положением дел в сибирской деревне, в письме, адресованном Сибревкому 26 сентября 1920 г., советовал «обратить внимание на сельскую бедноту Сибири, снабдить их продовольствием из местной разверстки»[2].

Руководствуясь ленинскими указаниями, партийные организации Сибири сплачивали бедняцкие массы деревни, помогали середняку преодолеть его колебания, крепили союз рабочего класса с крестьянством.

По мере ликвидации мятежа шло восстановление советского и партийного аппарата в освобожденных районах. Создавались волостные и сельские ревкомы, которые брали на себя восстановление и сохранение революционного порядка. Возрождались партийные ячейки. Большую помощь сельским коммунистам оказывали агитационные группы губернских и уездных комитетов РКП(б). Так, агитгруппа Алтайского губкома партии в составе 15 человек, направленная в Волчихинский район, помогла наладить работу советских органов, восстановила и создала в селах 20 ячеек РКП(б). Агитгруппа провела 73 ми-

---

[1] «Красный Алтай», 31 октября 1920 г., а также, Сибирский революционный комитет (Сибревком), Август 1919 — декабрь 1925, стр. 55—57.

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 51, стр. 288.

тинга и 42 собрания по вопросам текущего момента, об очередных хозяйственных задачах и т. д.[1]

Таким образом, благодаря героическим усилиям частей Красной Армии и местных коммунистических отрядов при активной поддержке широких масс трудового крестьянства, кулацко-эсеровский мятеж был разгромлен. Крестьянство Алтая получило еще один наглядный политический урок и твердо встало на защиту завоеваний Великого Октября. Врагам не удалось разрушить союз рабочего класса и крестьянства. Этот союз, выдержавший серьезные испытания, еще более укрепился в связи с переходом от политики военного коммунизма к НЭПУ, с заменой продразверстки продналогом.

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 12, д. 5, л. 19.

В. В. КОСТРЮКОВА

УЛЬЯНОВСКИЙ КОМСОМОЛ В ПЕРИОД ПОДГОТОВКИ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Составной частью ленинского плана построения социализма было кооперирование крестьянского хозяйства. В. И. Ленин учил, что сельское хозяйство в нашей стране должно идти по пути постепенного внедрения в него начал коллективизма, вовлечения крестьян в кооперацию. В кооперации В. И. Ленин открыл наиболее простой и доступный путь приобщения крестьян-единоличников к социализму. Она воспитывала в них чувство коллективизма помогала преодолевать привязанность к мелкому частному хозяйству. Только таким путем крестьяне могли придти к крупным производственным объединениям — колхозам, способным использовать мощную технику и достижения агрономической науки. Только так можно было покончить с эксплуатацией в деревне и вывести крестьян на дорогу зажиточной и культурной жизни.

Партии предстояло проделать огромную работу, чтобы доказать крестьянству преимущества коллективного хозяйства. Нужна была большая подготовка, прежде чем приступить к коллективизации.

В борьбе за новую деревню, за приобщение крестьян к коллективным формам ведения хозяйства большую помощь партии оказал Ленинский комсомол. Это можно проследить на примере деятельности Ульяновской губернской комсомольской организации за период 1925—1929 гг. За годы восстановления народного хозяйства Ульяновская комсомольская организация накопила значительный опыт по руководству молодежью и вовлечению ее в государственное и хозяйственное строительст-

во. Большую политическую и культурно-просветительную работу проводил тогда комсомол в деревне.

При его активном участии и по его инициативе создавались избы-читальни, проводилась ликвидация неграмотности, антирелигиозная пропаганда. Комсомольцы сплачивали вокруг себя сельскую молодежь, вовлекая ее в кружки художественной самодеятельности. Часто комсомольские ячейки завоевывали признание крестьян через самодеятельные спектакли со злободневным содержанием. Благоустройство родного села, организация пожарных дружин, субботники по ремонту мостов и очистке колодцев, помощь беднякам, вдовам (то крышу покроют, то снопы обмолотят) — всем этим занимались комсомольские ячейки села.

Большую роль играли они в организации выборов в сельские Советы. В те годы коммунистов на селе было еще очень мало. Губком и уездные комитеты партии руководили сложной предвыборной политической кампанией в деревнях, где не было партийных ячеек, непосредственно опираясь на комсомол. Многие комсомольцы были выдвинуты на руководящую работу в сельские Советы.

Комсомольцы были активными селькорами, смело обличали недостатки, бесстрашно вступали в борьбу с кулаками-мироедами, разоблачали их махинации. Вся страна узнала осенью 1924 г. имя Петра Свирина — комсомольца-селькора, убитого в глухой Шереметьевке кулаками.

Так на практической, будничной работе мужал и закалялся комсомол на родине В. И. Ленина.

К концу 1925 г. Ульяновская губернская комсомольская организация в своих рядах насчитывала более 11 тыс. членов. За два года (с 1923 по 1925 г.) она выросла втрое и преимущественно за счет крестьянской молодежи, которая составляла 60% ее состава[1].

Такой большой рост рядов комсомола, особенно в деревне, объясняется усилением комсомольского влияния на молодежь, подъемом ее политической активности.

Один из членов губкома комсомола, обследовав состояние работы на селе, писал: «Деревенский комсомол растет безудержно... Главными причинами роста являют-

[1] УОПА, ф. 1, оп. 1, д. 1336, л. 314.

ся, с одной стороны, громадная тяга крестьянской молодежи к знанию, активному участию в общественной жизни, и, с другой стороны, то, что ячейки вообще являются самым живым элементом в культурной жизни деревни»[1].

Рост комсомольских рядов имел положительное значение, так как это позволяло нашей партии через комсомол активно расширять свое влияние на крестьянство, укреплять союз с ним.

Выросшая, окрепшая губернская комсомольская организация готова была к выполнению сложных задач, которые партия поставила после окончания восстановительного периода, приступив к практическому осуществлению ленинского плана социалистического переустройства деревни.

В постановлении оргбюро ЦК РКП(б) от 15 мая 1925 г., в резолюции XIV съезда партии указывалось, что комсомол в деревне, как ближайший помощник партии, должен быть инициатором и организатором коллективизации и кооперирования хозяйства, овладеть необходимыми агрономическими знаниями, научиться давать полезные советы по поднятию крестьянского хозяйства, по его улучшению и укреплению. Необходимо было также продолжать начатую комсомолом культурно-просветительную деятельность на селе. Руководствуясь этими указаниями партии и решениями VII всесоюзного съезда ВЛКСМ, губернская организация начала перестраивать всю свою работу в деревне. Эти указания были положены в основу решений XII губернской конференции комсомола, состоявшейся в феврале 1926 г. Через год XIII конференция комсомола, отметив, что работа по улучшению и реорганизации сельского хозяйства еще не стоит в центре внимания ячеек губернии, предложила вовлечь в нее всех комсомольцев. Конкретным содержанием работы должно было явиться участие комсомольцев в кооперативах, организация сельскохозяйственных кружков, помощь бедняцким хозяйствам[2].

Большой, интересный материал о том, как практически осуществлялись эти решения, содержат отчеты уездных комсомольских комитетов, губкома ВЛКСМ, протоколы комсомольских конференций. О конкретных делах

---

[1] УОПА, ф. 1, оп. 1, д. 1370, л. 49.
[2] УОПА, ф. 1, оп 1, д. 1744, л. 220.

деревенских ячеек регулярно помещала материалы на своих страницах губернская газета «Пролетарский путь». Многообразная комсомольская работа была значительным вкладом в подготовку условий для массового колхозного движения и представляет, несомненно, интерес как по содержанию, так и по формам и методам.

В этот период партия сосредоточила свои силы в деревне на пропаганде и внедрении в крестьянское хозяйство самых простых форм кооперации. Наиболее распространенной формой кооперирования была потребительская кооперация, освобождающая крестьян от спекулянта, торговца, частника. В 1926 г. по губернии членством в потребительской кооперации деревенское население было охвачено на 24,7%, а в 1927 г. — на 25,17%[1].

Развитие потребительской кооперации было необходимой подготовкой к следующему этапу — производственному кооперированию. И в эту работу внесли свой вклад деревенские комсомольцы, выступая агитаторами, а нередко и организаторами кооперативов. Сами комсомольцы первыми вступали в члены кооперативов. В 1924 г. в Ардатовском уезде 14 комсомольских ячеек всем составом вступили в потребительский кооператив. В Сызранском уезде в том же году членами кооперации состояло 423 комсомольца.

В начале 1926 года губком комсомола дает указание об активизации работы по кооперированию, о необходимости принять комсомолу самое живое участие в перевыборах кооперативов, выдвигая в них своих представителей[2]. Выполняя это указание, в Алатырском, Ульяновском, Сызранском и других уездах комсомольские ячейки стали более активно участвовать в работе по вовлечению крестьян в кооперативы. Например, в с. Полянка комсомольская ячейка создала кооператив, в который вступило 200 крестьян. А в с. Каменка Ульяновского уезда комсомольская ячейка явилась не только инициатором создания потребительского кооператива, но на первых порах и его руководителем. В с. Промзино 95 комсомольцев первыми вступили в кооператив. По

---

[1] Филимонова А. В. Борьба за предпосылки коллективизации сельского хозяйства в Ульяновской губернии ко времени XV съезда партии, Краеведческие записки Ульяновского краеведческого музея им. И. А. Гончарова, вып. 2, 1958, стр. 171.

[2] Газ. «Пролетарский путь», 20 января 1926 г.

инициативе комсомольской ячейки возник кооператив в с. Тимерсяны. Здесь крестьяне оказали большое доверие молодежи, избрав председателем кооператива комсомольца.

Комсомол не только занимался организацией кооперативов и вовлечением в них членов. Он принимал самое деятельное участие и в их работе, добивался правильного использования денежных фондов, разоблачал происки кулаков, стремившихся пробраться к руководству кооперативами.

Результатом энергичной работы партии и ее помощника — комсомола в этой области было то, что все больше и больше крестьян из бедноты и середняков убеждалось в выгоде и преимуществах кооперирования, как верного средства подъема их хозяйства и спасения от кулацкой кабалы.

В период подготовки условий для колхозного строя комсомол проводил среди крестьян исключительно важную работу по пропаганде и внедрению передовых приемов агрокультуры. Ведь прежде чем перейти к коллективизации, необходимо было доказать крестьянству, что хозяйствовать по-старинке, с сохой и трехполкой, без применения удобрений, нельзя. Крестьянин должен был сам убедиться, какие огромные преимущества получит он от обобществления земли, применяя на ней многополье, новые приемы обработки почвы, машины. Для комсомола здесь открылось широкое поле деятельности. Но прежде чем учить крестьян, необходимо было учиться самим.

В 1925 г. при уездных комитетах комсомола стали создаваться для комсомольского актива сельскохозяйственные курсы, посещение которых было обязательным. В больших селах агрономы читали лекции, проводили беседы на сельскохозяйственные темы. Уже первые шаги в этом направлении вызвали у крестьянской молодежи огромный интерес к сельскохозяйственным знаниям. «Лекции пользуются необычайным успехом, — писали из села Вешки, Карсунского уезда, — не говоря уже о молодежи, которая прямо «глотает» слова агронома-лектора, слушают и старики».

В 1926 г. губком комсомола отмечал, что со стороны батрацкой и бедняцкой молодежи наблюдается колоссальная тяга к знаниям, к учебе. Имевшиеся на всю губернию два сельскохозяйственных техникума и четыре

школы крестьянской молодежи были не в состоянии принять всех желающих получить в них образование. В Усольский техникум, например, осенью этого года было подано 100 заявлений на 40 мест и вдвое больше, чем имелось мест в школах крестьянской молодежи.

Учитывая это, в 1926 г. губком комсомола принял решение о широком развитии в деревне сельскохозяйственных кружков. Они должны были не только ознакомить молодежь с передовыми приемами агрокультуры, но и явиться проводниками в распространении агрономических знаний среди всего крестьянского населения. Толчком к организации кружков послужил осенний праздник «День урожая». Во многих деревнях в этот день агрономы читали лекции, проводили беседы на сельскохозяйственные темы, устраивались сельскохозяйственные выставки.

За 1925 г. в губернии по инициативе комсомола было создано 80 кружков, а в 1926 г. их уже насчитывалось 149. Занимались в них около 2000 молодых крестьян[1]. На занятия кружков приходили не только комсомольцы, но и несоюзная молодежь и даже пожилые крестьяне. Как правило, обучение в кружках проводили опытные агрономы, они же разрабатывали и программы занятий.

Следует отметить, что организация сельскохозяйственных кружков была встречена крестьянами повсюду доброжелательно. Они были довольны тем, что молодежь стала проявлять интерес к земле, заботу о ее правильном использовании.

Кружковая учеба проводилась, главным образом, в зимний период в избах-читальнях, а весной и летом молодежь старалась полученные знания подкрепить на практике. Одним из первых массовых мероприятий комсомольцев, получивших сельскохозяйственные знания в кружках, была организация правильной подготовки семян к посеву.

Весной 1927 г. комсомольцы губернии впервые приступили к протравливанию и сортированию семян. Эту работу решено было проводить не как отдельные опыты, а в массовом масштабе.

Замечательное начинание комсомольцев по внедрению агрономических научных знаний в практику сель-

[1] УОПА, ф. 43, оп. 1, д. 162, л. 47.

ского хозяйства не сразу получило поддержку крестьян, встречено было с недоверием и боязнью. Ведь большинство крестьян о сортировании и тем более о протравливании семян представление имело очень смутное. Лишь в некоторых кулацких хозяйствах были триеры, веялки, а середняки и бедняки сеяли несортовым, засоренным зерном. И хотя советское государство в то время, с целью подъема производительности крестьянского хозяйства, через прокатные пункты, через организацию зерноочистительных обозов предоставляло крестьянам возможность хорошо подготовить семена к севу, однако сила привычки, косность еще тяготели над крестьянами. Только путем убеждения, только примером, показом на практике можно было преодолеть этот консерватизм.

Перед комсомольцами стояла нелегкая задача. Задолго до начала кампании по очистке зерна губернский и уездные комитеты ВЛКСМ провели большую организационную работу с тем, чтобы поднять всю сельскую молодежь. Помимо конференций, совещаний с активом, посвященных этому мероприятию, во всех сельских ячейках были проведены комсомольские собрания. Резолюции были короткими и решительными: обязать каждого комсомольца в своем хозяйстве произвести очистку семян перед севом и активно вести разъяснительную работу среди крестьян, убеждая их в необходимости сортирования и протравливания семян. О масштабах развернувшейся агитационной работы можно судить хотя бы по такому факту. Только в одном Сызранском уезде комсомольцы провели за месяц 150 докладов и бесед среди крестьян[1]. По инициативе молодежи созывались крестьянские сходы, на которые комсомольцы приглашали обязательно агронома с докладом об очистке семян. А там, где не помогало слово, часто увлекал пример комсомольцев.

Так, в с. Жихаревке Сызранского уезда крестьяне долгое время и слышать не хотели о сортировке и протравливании семян, но после того, как это сделали комсомольцы, триер не простаивал: его перевозили крестьяне от одного двора к другому. В с. Соловчиха крестьяне также вначале с большим недоверием относились ко всему, что предлагали комсомольцы. Однако их пример

[1] УОПА, ф. 1, оп. 1, д. 1744, л. 221.

оказался очень действенным средством. Вслед за молодежью здесь 248 хозяйств отсортировали семена[1]. Всего по инициативе комсомольцев весной этого года было протравлено 36 707 пудов и отсортировано 72 838 пудов семян[2].

Другим интересным начинанием комсомольцев стало развитие опытнической работы. С весны 1927 г. почти у всех сельскохозяйственных кружков появились участки земли, на которых закладывались опыты с новыми культурами. Участки назывались показательными. В селе Головино, например, кружковцы засеяли свой участок бобовыми культурами. Благодаря применению агротехники они добились самого высокого урожая в деревне. На уездной выставке комсомольцы получили премию за свои экспонаты.

В селе Николаевке Сызранского уезда участок кружка был занят картофелем. И здесь урожай оказался выше, чем на соседних полях крестьян. Продемонстрировала преимущество посадки сортированного картофеля и сельденская ячейка. Причем, комсомольцы проверили на показательном участке 10 сортов картофеля. Они же посеяли яровые культуры, применили впервые четырехпольный севооборот.

В Дворянской и Ногаткинской волостях комсомольцы посеяли клевер и турнепс; Наборно-Сыревские и Ждамировские кружковцы посеяли кормовые травы: вику, люцерну, клевер[3]. Крестьяне на этих участках впервые знакомились с многими культурами. Передовая агротехника, новые культуры проверялись и в хозяйствах комсомольцев. Некоторые из них, получившие хорошие результаты в этом деле, широко пропагандировались.

В Сызранском уезде, в с. Репьевке комсомолец Михаил Колычев, занимаясь в сельскохозяйственном кружке, посеял у себя подсолнечник и чечевицу. Он несколько раз обращался за советом к агроному. Урожай оказался выше, чем у всех крестьян села. По совету агронома он и скот стал кормить по нормам — удои от этого увеличились.

В селе Ананьево секретарь комсомольской ячейки

---

[1] УОПА, ф. 1, оп. 1, д. 1744, л. 224.
[2] УОПА, ф. 1, оп. 1, д. 1744, л. 220.
[3] УОПА, ф. 43, оп. 1, д. 142, л. 84.

Мельников своим примером убедил крестьян, что урожайность повысится, если осенью вспахать зябь. На хуторе Старица комсомолец Семен Сотин по совету агронома с трехполки перешел на восьмипольный севооборот, протравил и отсортировал семена, удобрил землю, посеял кормовые травы, гречиху. Доходность его хозяйства стала выше, чем у других крестьян[1].

Опыт этих комсомольцев стал распространяться среди крестьян. Так, например, в Старо-Рачейской ячейке летом 1927 г. в народном доме в присутствии крестьян были заслушаны доклады передовиков-комсомольцев, ведущих самостоятельно свои хозяйства в соответствии с требованиями агротехники. Докладчикам было задано много вопросов. А потом опытные пожилые крестьяне сами советовали комсомольцам, что можно было бы еще сделать, чтобы улучшить свое хозяйство[2].

Видя своими глазами результаты, достигнутые комсомольцами, которые вели хозяйство по-новому, крестьяне начинали постепенно понимать необходимость использования достижений агрокультуры. Кое-где комсомольцам удалось убедить в этом не только отдельных крестьян, но и целые села. Например, подвойские комсомольцы Ульяновского уезда уговорили 50 хозяйств перейти на четырехполье[3]. В селе Китовке комсомольская ячейка на сельском сходе крестьян настояла не только на переходе к четырехпольному севообороту, но и на покупке двух молотилок, двух веялок и двух племенных быков[4].

По инициативе комсомольцев в селах Алгаши и Тимерсяны крестьяне, организовав машинное товарищество, купили сортировки[5]. Под давлением молодежи в с. Ляхово крестьяне купили трактор[6].

Большую роль в пропаганде агрокультуры играли школы крестьянской молодежи (ШКМ). В 1926 г. с помощью комсомола были созданы школы в четырех уездах. В них молодежь сочетала учебу с производственной работой. Каждая школа имела свои поля, машины. Несмотря на короткий срок существования, они стали про-

---

1 УОПА, ф. 1, оп. 1, д. 1744, л. 223.
2 УОПА, ф. 43, оп. 1, д. 142. л. 84.
3 УОПА, ф. 1, оп. 1, д. 1336, л. 314.
4 УОПА, ф. 1, оп. 1, д. 2287, л, 7.
5 УОПА, ф. 1, оп. 1, д. 1744, л. 25.
6 УОПА, ф. 1, оп. 1, д. 1744, л. 205.

водниками передовых, для того времени, методов земледелия в крестьянских хозяйствах. Например, в деревне Кадыковке, где молодежь обучалась в ШКМ, крестьяне первыми ввели в своих хозяйствах ранний пар и сортировку семян[1]. Учащиеся ШКМ вели большую агитационную работу. Получив теоретические и практические знания в области сельского хозяйства, учащиеся становились позже организаторами колхозного строительства.

Однако та работа, которую провел комсомол в 1925—1927 гг. по вовлечению крестьян в кооперацию и по пропаганде агротехнической культуры, была только началом, лишь первым этапом. Широкий размах эта деятельность получила после исторического XV съезда нашей партии.

К концу 1927 г. в стране назрела прямая необходимость перехода к массовой коллективизации. Мелкое раздробленное хозяйство в основном исчерпало свои возможности дальнейшего повышения производительности труда, а для обеспечения роста социалистической индустрии, укрепления обороноспособности страны необходимо было создать мощную сельскохозяйственную и сырьевую базу. Отставание сельского хозяйства становилось тормозом всего социалистического строительства.

Собравшийся в декабре 1927 г. XV съезд партии, обсудив этот вопрос, принял решение о всемерном развертывании коллективизации сельского хозяйства, о переходе земледелия к крупному социалистическому производству, основанному на новой технике. На съезде была подчеркнута роль комсомола в борьбе за проведение политики коллективизации: «Комсомольская организация в деревне должна служить крупнейшим рычагом партии в деле подъема и коллективизации сельского хозяйства, развития широкой культурной инициативы и выработки новых кадров социалистических работников[2].

Под знаком претворения в жизнь этих решений партии проходил в мае 1928 г. VIII съезд ВЛКСМ. В резолюции «О работе комсомола в деревне» съезд подчеркнул, что задача коллективизации сельского хозяйства должна стать в центре внимания всего Ленинского комсомола.

Среднее Поволжье, куда наша область с 1928 г. вхо-

---

[1] УОПА, ф. 43, оп. 1, д. 106, л. 33.

[2] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, том 2, стр. 467.

дила как Ульяновский округ, — крупнейший зерновой район. Здесь коллективизация должна была проводиться в первую очередь, и это, безусловно, накладывало особую ответственность на Ульяновскую партийную организацию. После съезда она проделала огромную работу по мобилизации всех сил для организации колхозов. И всюду ее боевым помощником на самых трудных участках коллективизации был комсомол.

Комсомольская организация к началу 1927 г. была крепкой и сплоченной. В своих рядах она насчитывала 14.257 человек. Вокруг нее был большой актив деревенской молодежи. Такая армия молодежи могла оказать партии огромную помощь.

Сразу же после окончания XV съезда партии губком комсомола рассылает письма в уездные комитеты об изучении решений съезда. В этих письмах отмечалась необходимость еще большего идейного сплочения комсомола, укреплении дисциплины и развертывания активной работы по претворению в жизнь политики партии.

Решения XV съезда партии и VIII съезда ВЛКСМ были обсуждены во всех комсомольских организациях и получили их полное одобрение.

Под руководством партийной организации вместе с коммунистами комсомол приступил к широкому разъяснению политики партии в деревне, курса на коллективизацию.

В 1928 г. подготовительная работа к организации колхозов в округе развернулась полным ходом, приняла исключительно большой размах. Большую политико-массовую и организационную работу выполнил комсомол по сплочению бедняцкой и середняцкой части деревни вокруг партии, по подъему политической активности этой части крестьянства, наиболее заинтересованной в создании колхозов и способной осуществить революционный переворот в деревне.

Вместе с коммунистами комсомольцы создавали группы бедноты. Они приглашали бедняков и батраков на собрания, совещания, проводили среди них беседы. О большом размахе и разнообразных формах работы комсомола в этой области свидетельствуют многочисленные факты.

Вот некоторые из них:

Весной 1929 г. комсомольцы округа организовали 702

группы бедноты, оказали бесплатную помощь 3914 бедняцким хозяйствам.[1] Эти цифры можно дополнить и такими примерами. Во время сева комсомольцы Ключищенской ячейки Ульяновского района выявили 28 бедняцких хозяйств, которые не имели лошадей. Из этих хозяйств была организована «супряга» — самое простейшее объединение для совместной обработки земли. Всего по Ульяновскому району комсомольцами было создано 16 таких «супряг», по Кошкинскому — 11. Комсомольцы с. Рязаново Мелекесского района запахали 89 дес. земли безлошадным беднякам. В с. Скугареевка ячейка взяла на себя полное обслуживание всех бедняцких хозяйств. Козминская ячейка помогла беднякам завезти навоз на 50 десятин земли. От сельских комсомольцев не отставали и городские. Учащиеся школы им. Карла Маркса бесплатно отремонтировали в подшефном селе 85 плугов и несколько борон в хозяйствах бедняков[2]. Хозяйственная помощь беднякам выражалась также в подвозке к сортировочным пунктам семян и бесплатной их сортировке. Например, в селах Волостниковке и Матюшкино Ульяновского района комсомольцы отсортировали 2000 пудов семян для бедняков, в с. Погореловке Карсунского района — 685 пудов[3].

А осенью комсомол организовал месячник практической помощи беднякам в уборке урожая. Так, комсомольцы с. Кошки провели 27 воскресников по уборке хлеба, оказав помощь 139 бедняцким хозяйствам. Комсомольцы чувашско-сусканской ячейки сумели уговорить своих односельчан кузнецов, чтобы те за ремонт сельскохозяйственных орудий брали небольшую плату с бедняков[4]. Батраки и беднота, повседневно ощущая на себе заботу коммунистов и комсомольцев, видя в них своих защитников, бескорыстных помощников, тянулись к ним, сплачивались вокруг партии и комсомола. Характерно, что именно в этот период усилился приток батрацкой молодежи в в члены ВЛКСМ.

Вести о массовом вступлении молодежи из бедняцких хозяйств в комсомол приходили из многих ячеек. Некоторые из них удвоили и утроили свои ряды. На 1 сентября

[1] УОПА, ф. 895, оп. 1, д. 49, л. 38.
[2] Газ. «Пролетарский путь», 9 мая, 1929 г.
[3] Там же, 2 апреля 1928 г.
[4] УОПА, ф. 895, оп. 3, д. 8, л. 16.

1928 г. в комсомольской организации округа насчитывалось 633 батрака, а в апреле 1929 г. в организации их уже было 1196 человек. Эти цифры свидетельствуют о большой организационной работе, которую комсомол проводил с беднотой накануне массовой коллективизации.

Борьба за социалистическое переустройство деревни выдвинула перед комсомолом еще одну важную задачу — принять непосредственное участие в ликвидации неграмотности, усилить работу по политическому просвещению крестьянских масс. И хотя комсомол занимался этим с первых дней своего существования, однако сделано было еще мало. В Ульяновском округе среди населения было около 60% неграмотных[1].

В сентябре 1928 г. ЦК ВЛКСМ объявил «Культурный поход», призвав всю комсомолию активно включиться в работу по ликвидации неграмотности. Ульяновская окружная комсомольская организация, приняв в нем участие, проявила немало энергии, инициативы. В качестве руководителей пунктов по ликвидации неграмотности окружком ВЛКСМ подобрал 450 комсомольцев, организовав для их подготовки специальные двухнедельные курсы.

И в городе и в деревне сразу же развернулась большая работа по ликвидации неграмотности. По заданию партии силами комсомола округа нужно было обучить 1700 неграмотных, а комсомольцы взялись за обучение 1900 человек.[2] Боевым стал лозунг «Каждый грамотный должен обучить одного неграмотного». На лучшую ячейку по ликвидации неграмотности окружком объявил конкурс. В каждый комсомольский билет вкладывался листок, обязывающий комсомольца обучить неграмотного. В этом листке должен был сделать соответствующую отметку и расписаться тот неграмотный, с которым занимался комсомолец. Только тогда считалось, что комсомолец выполнил задание.

Обучение неграмотных силами комсомольцев проводилось повсеместно: в чувашском педагогическом техникуме 11 комсомольцев обучили 100 неграмотных; комсомольская ячейка в с. Архангельское взяла на себя обязательство ликвидировать неграмотность среди батраков; в с. Богдашкино комсомольцы обучали 250 человек; в

[1] Газ. «Пролетарский путь», 5 сентября 1928 г.
[2] Там же, 13 декабря 1928 г.

с. Белый Яр для оборудования пункта ликбеза комсомольцы организовали лотерею[1].

И такие вести поступали отовсюду. Ликвидация неграмотности была важнейшей задачей культурной революции, составной частью ленинского плана построения социализма в нашей стране. И огромная работа, проделанная нашей партией и ее помощником комсомолом в этой области, дала свои положительные результаты при проведении социалистического преобразования сельского хозяйства. Научившись в ликбезе грамоте, крестьянин сам мог читать газеты, сельскохозяйственную литературу и это способствовало росту его политического сознания и активности при осуществлении задач, которые партия ставила в деревне.

Славной страницей истории комсомола в период подготовки коллективизации сельского хозяйства является та помощь, которую он оказал Коммунистической партии в борьбе против злейшего врага Советской власти — кулачества.

В конце 1927 г. кулаки, имея большие запасы хлеба, отказались продавать его по твердым ценам государству. Они вели злобную агитацию против Советской власти, надеясь, что этим сорвут дело социалистического строительства в деревне или затормозят его. Но партия и государство приняли ряд чрезвычайных мер, направленных на полный срыв вражеских планов. Хлебозаготовительная кампания проходила в обстановке острой классовой борьбы.

На переднем крае борьбы с кулаками вместе с партией, как всегда, был комсомол. В январе 1928 г. ЦК ВЛКСМ обратился ко всем организациям с призывом принять активное участие в проведении хлебозаготовок. Уездные комитеты выделили на эту работу в качестве уполномоченных самых лучших членов. В селах комсомол стремился поднять на борьбу за хлеб массу молодежи из батраков, всех крестьян. Важную роль в этом деле сыграли комсомольцы, проводившие большую работу по разъяснению политики Советской власти и разоблачению кулаков.

Одной из массовых форм такой работы были собрания, которые проводились при самом активном участии комсомольцев, а в тех селах, где не было партийных яче-

[1] УОПА, ф. 895, оп. 2, д. 8, л. 18.

ек, нередко и по инициативе комсомола. Например, только в Тереньгульской волости комсомольцы провели в период хлебосдачи 37 собраний с беднотой. Помимо собраний, сотни комсомольцев-агитаторов вели индивидуальные беседы непосредственно в домах крестьян. Их беседы давали хорошие результаты. Крестьяне-середняки, поддавшиеся ранее кулацкому влиянию, под воздействием агитаторов изменяли свое отношение к Советской власти и стали добровольно сдавать хлеб государству. Например, в селах Н.-Урень и Елшанка, благодаря индивидуальной работе комсомольцев с крестьянами, было сдано хлеба 535 пудов, в с. Мокрая Бугурна — 350 пудов.

Однако самой лучшей формой агитационной работы среди крестьян был личный пример комсомольцев. Вместе с коммунистами комсомольцы первыми вывозили хлеб на заготовительные пункты. Нередко комсомольские ячейки являлись инициаторами «Красных обозов». Так, комсомольская ячейка в с. Тайдаково организовала два комсомольских обоза с хлебом в 500 подвод. Когда с красным флагом комсомольцы проезжали на заготовительный пункт через соседнее село Ольгино, их примеру последовала местная молодежь. Еще 12 подвод с хлебом присоединилось к «Красному обозу». В этот день комсомольцы с. Тайдаково ссыпали в государственные закрома 1100 пудов хлеба[1]. В Старо-Майнском районе комсомольцы-крестьяне все, как один, выполнили свои обязательства по сдаче хлеба государству.[2] Об этом же сообщала комсомольская организация Карсунского района.

Ход хлебосдачи молодежь широко освещала в стенной печати. Применялись и другие формы гласности. Так, в с. Елаур[2] комсомольцы заносили крестьян, сдавших хлеб, на красную доску, а тех, кто задерживал сдачу хлеба, — на черную доску.

Но особенно энергичным помощником партии комсомол показал себя в выявлении спрятанного кулаками хлеба. Здесь сказались результаты массово-разъяснительной работы, которая проводилась среди батраков. Они показывали комсомольцам места, где были спрятаны сотни пудов кулацкого хлеба.

Можно привести немало фактов, рассказывающих о

---

[1] Газ. «Пролетарский путь», 5 июля 1928 г.
[2] Там же, 23 октября 1928 г.

том, как благодаря деятельности комсомола были сорваны преступные кулацкие махинации. Например, в с. Канадей комсомолец Харитонов раскрыл спрятанные кулаком 400 пудов хлеба[1]. В с. Усть-Урень с помощью комсомольцев было обнаружено 350 пудов хлеба, упрятанного кулаком; в с. Цимбаево у кулака нашли под навозом 346 пудов зерна. Один из кулаков в с. Языково спрятал 2415 пудов, но комсомольцы местной ячейки нашли этот хлеб, и кулак-хищник, надеявшийся поживиться на народной нужде, был отдан под суд.

В тот период комсомольцы рассматривали себя мобилизованными на борьбу за хлеб. Один из вожаков комсомольской ячейки писал: «Мы весну провели, как на фронте, ночей не спали, до полуночи работали с населением, а потом совещались»[2].

Благодаря всенародным усилиям сопротивление кулаков было ликвидировано. В ходе этой борьбы кулак был изолирован, и трудовое крестьянство еще теснее сплотилось под руководством рабочего класса, повернуло на колхозный путь. Активное участие комсомольцев в борьбе с кулаком еще больше подняло их авторитет в деревне, особенно среди бедноты, дало комсомольским ячейкам урок классовой бдительности, еще больше сплотило их вокруг партии.

В период 1928—1929 гг. после XV съезда партии комсомольские организации более интенсивно повели работу по внедрению агрокультуры. Особенно большой размах она приняла с февраля 1929 г., когда ЦК ВЛКСМ объявил комсомольский поход «За урожай и коллективизацию».

В своем обращении к комсомольцам Ульяновский окружной комитет партии призывал «Комсомольские организации, в поход за урожай! Все что есть в комсомоле боевого, революционного, энергичного — надо бросить на это исключительно важное дело!».

Небезынтересно отметить некоторые из применявшихся тогда форм и методов комсомольской работы на селе. Характеризуя их, секретарь окружкома комсомола Захаров говорил: «Мы поставили перед собой задачу превратить поход за урожай в действительно боевой поход.

---

[1] Газ. «Пролетарский путь», 19 июля 1928 г.
[2] Там же, 29 июня 1928 г.

С этой целью мы внесли некоторые элементы военизации: приказ, своеобразное задание. В приказах бичевали отстающих и отмечали передовиков... поднимали дух комсомольцев к активной работе».[1]

Для руководства походом были созданы штабы. Перестраивалась работа деревенских ячеек с тем, чтобы максимально развивать инициативу комсомольцев. Чтобы привлечь внимание к походу за урожай, комсомол организовал демонстрации и своеобразные карнавалы.

24 марта 1929 г. состоялось карнавальное шествие в Ульяновске под лозунгами: «Вперед за повышение урожайности наших полей!», «На стройку новой деревни!». Вот что писала тогда газета «Пролетарский путь»: «Длинной вереницей проходят по улице К. Маркса колонны комсомольцев. В этом шествии представлены были и те, против которых была направлена социалистическая перестройка деревни. Вот тучный кулак, безуспешно старающийся остановить красный обоз хлебосдатчиков, за ним саранча, суслики, приносящие вред полям. А рядом идет отряд осоавиахимовцев с аппаратами для борьбы с вредителями сельского хозяйства. Здесь и соха, которую волочит дряхлая «сивка», а возле гудят вереницы тракторов. На площади с импровизированной и необычайной трибуны-трактора выступали крестьяне. Шествие закончилось торжественным сожжением сохи — символа старой деревни».

Такой же красочный карнавал состоялся в Мелекессе в день открытия районного съезда Советов. По улицам прошло карнавальное шествие: «впереди — 10 тракторов, которые толкали клячу с сохой, символизируя, что все это вместе с нищетой уйдет в могилу. На трех украшенных автомобилях, полных детворы, кумачовые лозунги-призывы: «Вперед к крупному коллективному хозяйству!»[2]

Руководя походом за урожай, окружком ВЛКСМ дал задание комсомольским организациям развернуть борьбу по подготовке сева. На эту работу был мобилизован весь комсомольский и беспартийный актив. Застучали по селам триера и веялки, 3234 комсомольца работали агроуполномоченными на весеннем севе. Однако отдельные

---

[1] УОПА, ф. 895, д. 12, л. 217.

[2] Газ. «Пролетарский путь», 27 марта 1929 г.

ячейки проявили пассивность в этом деле, и они сразу же были занесены штабом на черную доску.

Можно было бы привести немало примеров, говорящих о больших и малых победах на этом участке комсомольской работы, но ограничимся лишь некоторыми.

Первая сводка об успехе поступила в окружком от промзинских комсомольцев; уже в марте ими было создано 9 комсомольских зерноочистительных обозов, обслуживали их 35 человек. В своих хозяйствах комсомольцы полностью отсортировали семена. Провели полностью очистку семян и новомалыклинские комсомольцы. Ячейки с. Александровки, ст. Якушки помогли отсортировать семена одной трети крестьянским хозяйств. Ячейки ШКМ в с. Никольское помогли отсортировать крестьянам 2000 пудов семян, Рязанская сельскохозяйственная школа — 1789 пудов. Комсомольцы с. Сускан добились того, что на сельском сходе крестьяне приняли решение о том, чтобы сеять только отсортированными семенами[1].

Ново-Уренская ячейка организовала подворный обход и завербовала крестьян на сортировку 2800 пудов семян. Полностью очистили семена в своих хозяйствах и у всех крестьян села комсомольцы Степно-Шанталинской организации. Здесь батрак-комсомолец Егоров, будучи старшим в зерноочистительном обозе, отсортировал 6000 пудов семян. О таких же успехах сообщали Бирючевская, Вышкинская, Авдотьинская ячейки Ульяновского района.

В начале апреля сортировка подходила к концу. Всего было отсортировано по округу только силами комсомольцев 328.991 пуд семян. Работало 16 зерноочистительных комсомольских обозов. Задание штаба было выполнено.

Это была большая победа комсомола над косностью и консерватизмом крестьян.

Комсомольцы вели также большую разъяснительную работу среди крестьян о необходимости расширения посевных площадей. Весной 1929 г. в округе было засеяно на 34.300 десятин больше, чем в предыдущий год[2].

Одной из важных задач похода за урожай явилась пропаганда агрономических знаний. В связи с этим оживилась деятельность сельскохозяйственных кружков. Этому способствовала посылка из городов агрономов, сту-

---

[1] УОПА, ф. 895, оп. 1, д. 5, л. 25.
[2] УОПА, ф. 895, оп. 1, д. 49, л. 60.

дентов, а также улучшение работы с комсомольским активом. Еще зимой во всех районах для актива были организованы курсы по ликвидации агронеграмотности, на которых обучались секретари сельских ячеек. В Карсуне на таких курсах прошли обучение 43 человека, в Тагае — 40 человек.

Не отставали и городские комсомольские организации, шефствующие над сельскими. В Ульяновске при школе им. Карла Маркса была создана группа из 20 человек и такая же при городском комитете комсомола. Они получили название группы «деревенщиков», в них городская молодежь получала необходимые агрономические знания[1]. И комсомольцы, которых позднее посылали из города в деревню для работы по коллективизации, не были невеждами в вопросах земледелия. За три месяца похода по инициативе комсомольцев в округе возникло 158 кружков[2]. Только в одном Ульяновском районе их было создано 30[3]. Сельскохозяйственные кружки появились при всех школах II-й ступени. Агрономическая пропаганда велась также и путем чтения докладов, лекций силами агрономов. Интересную форму пропаганды нашла Ульяновская совпартшкола, которая разослала родным своих слушателей письма с приложением агроминимума.

Всеми этими мероприятиями теперь охватывались тысячи крестьян. Еще до начала массовой коллективизации партия, опираясь на комсомол, проводила большую кропотливую работу среди крестьян по обучению их передовым методам земледелия, настойчиво разъясняя им, что новые приемы обработки земли, все средства повышения урожайности будут наиболее эффективными лишь при организации крупных общественных хозяйств.

Более интенсивной, массовой стала кооперативная работа. Одной из особенностей ее явилась организация простейших кооперативных объединений в виде посевных и машинных товариществ, а также ТОЗОВ. Это работа, так же, как и агрономическая пропаганда, особенно усилилась в 1929 г. во время комсомольского похода «За урожай и коллективизацию». Так, весной 1929 г. в Чердаклинском районе по инициативе комсомольцев было

---

[1] УОПА, ф. 895, оп. 1, д. 49, л. 12.
[2] Там же, л. 60.
[3] Там же, л. 18.

создано три машинных и два посевных товарищества, две молочных артели. В селах Горенки и Нижней Погореловке с помощью комсомольцев многие крестьяне объединились в машинное товарищество. Средне-Алгашинская ячейка ВЛКСМ создала два кооперативных объединения — семеноводческое и животноводческое. В них вступило 13 комсомольцев. В селах Белые Ключи, Ждамировка, Засарье комсомольцы организовали товарищества по совместной обработке земли[1]. Большую работу проделала в Мелекесском районе суходольская ячейка ВЛКСМ, состоявшая всего лишь из 7 человек. Но при активном ее участии в селе было создано семь простейших объединений[2]. Первыми вступали в эти объединения комсомольцы, увлекая в них своим примером и других крестьян. Комсомольцы старались вовлечь в эти кооперативные объединения как можно больше бедноты. Всего по их инициативе за время похода было создано 101 сельскохозяйственное кооперативное объединение. Через создаваемые машинные товарищества крестьянам было продано (по состоянию на 15 мая 1929 г.) — 7441 плуг, 617 сеялок, 10 тракторов, 50 триеров, 153 сортировки, 850 веялок[3].

Одной из форм вовлечения комсомольцев и молодежи в коллективный труд была организация комсомольских общественных огородов, артелей кролиководов, птицеводов. В с. Богдашкино, например, комсомольцы обработали коллективно 12 огородов, в с. Поповке — 9, в Мелекессе — 13 огородов и сад. В Панской Слободе комсомольцы заложили плодопитомник, а в с. Петровка Чердаклинского района создали садово-огородную артель[4]. Значительная часть результатов коллективного труда комсомольцев шла в фонд помощи бедноте, вдовам, сиротам.

«Поход за урожай» был подготовительной работой комсомола к самому ответственному экзамену — проведению коллективизации. Огромная разъяснительная и организационная работа, проводимая партией и государством среди крестьян, дала свои замечательные плоды. В 1929 г. бедняцко-середняцкие слои деревни повернули

---

[1] УОПА, ф. 895, оп. 1, д. 12, л. 48.
[2] УОПА, ф. 895, оп. 2, д. 5, л. 251.
[3] УОПА, ф. 895, оп. 1, д. 49, л. 60.
[4] УОПА, ф. 895, оп. 3, д. 3, л. 8.

в сторону колхозов, началось массовое колхозное движение.

Все эти и многие другие факты свидетельствуют о том, что ульяновский комсомол в период подготовки к коллективизации сельского хозяйства оказал большую помощь партийной организации. На первый взгляд дела, которыми в тридцатые годы занимался комсомол, могут показаться небольшими современному читателю, свидетелю и участнику огромной по своим масштабам деятельности по строительству коммунистического общества. Но в те годы именно такая будничная работа была особенно необходима для того, чтобы помочь партии в столь сложном деле, как приобщение крестьян к социализму.

Комсомольцы свято выполняли наказ В. И. Ленина — не чураться никакой работы, если она необходима для торжества идей партии. Они всегда были с партией на передовой линии борьбы за социализм. Они были страстными проводниками ее политики. Особенно важно то, что вся деятельность комсомольских ячеек, различные формы их работы были направлены на решение практических задач, поставленных партией.

Комсомольцы, как учила их партия, настойчиво овладевали знаниями, необходимыми для строительства нового общественного строя, и в то же время сами вели разъяснительную работу среди крестьян. Они горячо, личным примером пропагандировали преимущества коллективного труда, передовые агротехнические приемы в земледелии, стремились внедрить в жизнь деревни кооперативные начала. Комсомольцы героически боролись с кулачеством.

Вся деятельность комсомольских ячеек характеризуется исключительной боевитостью. В труде и борьбе, как и весь Ленинский комсомол, закалялась ульяновская комсомолия. Укреплялись и множились ее ряды, улучшалась внутрисоюзная работа.

Под руководством партии комсомол окреп идейно и организационно и был готов к борьбе за решение новых и еще более трудных задач социалистического строительства.

А. А. ГРИГОРЬЕВА

ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ РАБОТЫ ШКОЛЫ — ВАЖНЕЙШИЙ УЧАСТОК ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПАРТИЙНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Вопросы образования и воспитания молодого поколения наша партия всегда рассматривала и рассматривает, как самые насущные, а школу, как один из важнейших участков коммунистического строительства. Подчеркивая определяющую зависимость коммунистического строительства от культурного развития народа, В. И. Ленин писал, что «одной из составных частей в борьбе, которую мы сейчас ведем, — дело народного образования»[1].

В условиях коммунистического строительства роль культурного и образовательного уровня людей неизмеримо возрастает. Нашей стране нужны воспитанные, коммунистически сознательные и высокообразованные люди, способные выполнять физическую и умственную работу, активно трудиться в различных областях общественной и государственной жизни. Поэтому в Программе Коммунистической партии Советского Союза ставится задача в ближайшее десятилетие ввести всеобщее среднее образование, которое «должно обеспечивать прочное знание основ наук, усвоение принципов коммунистического мировоззрения, трудовую и политехническую подготовку в соответствии с возрастающим уровнем развития науки и техники»[2]. Определяющим в развитии народного образования должна стать тесная связь обучения и воспитания учащихся с жизнью, с

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 76.

[2] Материалы XXII съезда КПСС. Госполитиздат, 1961, стр. 414.

практикой коммунистического строительства на основе политехнического образования.

Постоянно совершенствуя работу школы, партия опирается в этом вопросе на марксистско-ленинское учение о соединении обучения с производительным трудом, как важнейшем средстве воспитания всесторонне развитых людей. Считая политехническое обучение составной частью борьбы пролетариата за построение коммунизма, К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин указывали на необходимость практически решить этот вопрос в общеобразовательной школе.

К. Маркс в «Капитале» писал, что «из фабричной системы, как можно проследить в деталях у Роберта Оуэна, вырос зародыш воспитания эпохи будущего, когда для всех детей свыше известного возраста производительный труд будет соединяться с обучением и гимнастикой не только как одно из средств для увеличения общественного производства, но и как единственное средство для производства всесторонне развитых людей»[1].

Развивая гениальные мысли К. Маркса и Ф. Энгельса в новой исторической обстановке, В. И. Ленин указал на важность связи обучения с практической жизнью. В замечаниях на тезисы Н. К. Крупской «О политехническом образовании» он дал конкретную программу его осуществления. Предупреждая против опасности ремесленничества, Ленин требовал прежде всего расширить общеобразовательные предметы. Немедленный переход к политехническому образованию он рассматривал как безусловное задание, которое должно осуществляться рядом мероприятий. Сюда включалось посещение электростанций, заводов, совхозов, с проведением там лекций, опытов и практических работ, с привлечением к этому делу инженеров и агрономов. Учитывая, что наша страна была нищей и отсталой, Владимир Ильич допускал, как временное явление, подготовку непосредственно в школе слесарей, столяров и т. п., «с тем, однако, чтобы этот «ремесленник» **имел широкое общее образование... был коммунистом: имел**

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Собр. соч., т. 23, стр. 494—495.

политехнический кругозор и основы (начатки) политехнического образования»[1].

Обучение на политехнической основе содействует глубокому и более быстрому усвоению учащимися основ наук, дает возможность быстро осваивать на практике всю систему производства, позволяет молодым людям поочередно переходить от одной отрасли производства к другой, в зависимости от потребностей общества или от их собственных склонностей[2].

Решая задачи последовательного совершенствования школы, наша партия опирается на приципы политехнического обучения, выдвинутые Марксом, Энгельсом, Лениным, творчески развивает их применительно к условиям и потребностям коммунистического строительства.

Современная действительность требует так организовать школьное обучение, чтобы изучение основ наук, особенно предметов физико-математического цикла и естественных дисциплин, было тесно связано с техникой и технологией производства, с производительным трудом учащихся, чтобы эта связь помогала им применять полученные знания при решении практических, производственных задач, а более конкретное знание жизни содействовало бы углубленному и осмысленному изучению наук в школе. Поэтому принцип связи обучения с жизнью на основе политехнического образования всегда был и будет основным в развитии нашей школы. Об этом писала выдающийся советский педагог Надежда Константиновна Крупская. Пропагандируя ленинские идеи о политехническом образовании, она последовательно стояла за трудовую политехническую школу. «Политехнизм, — писала Крупская, — не есть какой-то особый предмет преподавания, он должен пропитывать собою все дисциплины, отразиться на подборе материала и в физике, и в химии, и в естествознании, и в обществоведении. Нужна взаимная увязка этих дисциплин и увязка их с практической деятельностью и особенно увязка их с обучением труду. Только такая увязка может придать преподаванию труда политехнический

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 230. (Подчеркнуто нами. — **А. Г.**).

[2] См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, изд. 2, стр. 336.

характер»[1]. Причем Н. К. Крупская всегда возражала против ранней профессионализации учащихся. Но при этом следует помнить, что правильное осуществление этой линии зависит прежде всего от руководства партийных органов на местах, проводящих в жизнь линию Коммунистической партии в школьном деле.

Как показала практика последних лет, в политехническом образовании достигнуты известные положительные результаты. Однако нельзя не видеть и существенных недостатков в этом важном деле.

В данной статье на материалах исследования деятельности Куйбышевской и Ульяновской областных партийных организаций делается попытка обобщить первые успехи в деле политехнизации школы и вместе с тем показать недостатки в этой работе.

Практика прошлых лет показывает, что если раньше местные районные партийные органы основное внимание уделяли организационно-хозяйственным вопросам работы школ, то за последние годы они стали глубже вникать в процесс обучения и воспитания учащихся. Следует, однако, заметить, что еще и сейчас отдельные партийные организации обращают главное внимание лишь на организационную сторону дела. Они решают вопросы, связанные с укреплением материальной базы школы, занимаются созданием школ-интернатов и школ продленного дня, но вопросам политехнического обучения уделяют внимания явно недостаточно.

На этот недостаток указывалось еще в 1962 году на пленумах Куйбышевского и Ульяновского обкомов КПСС. Например, на пленуме Ульяновского обкома партии в докладе по вопросу выполнения закона об укреплении связи школы с жизнью и дальнейшего развития системы народного образования высказывалось предостережение против попыток свести политехническое образование к трудовой практике учащихся. В принятом решении пленум подчеркнул, что необходимо систематически проводить обмен опытом работы секретарей школьных партийных организаций на семинарах,

---

[1] Н. К. Крупская. Избранные педагогические произведения, М., 1957 г., стр. 390.

выносить на их обсуждение коренные проблемы политехнического и производственного обучения[1].

Развернув работу по выполнению решения пленума обкома КПСС, Ленинский и Засвияжский райкомы партии гор. Ульяновска особое внимание уделили учебе секретарей школьных парторганизаций. В течение последних двух лет здесь регулярно работал семинар, на котором обсуждались вопросы политехнического образования. Это содействовало тому, что партийные организации в большинстве школ этих районов стали лучше помогать педагогическим коллективам строить обучение на политехнической основе, умело связывать преподавание предметов с новейшими достижениями науки и техники.

На открытых партийных собраниях школ внимание педагогов чаще стало обращаться на необходимость связи между предметами политехнического цикла, на меры по усилению связи обучения с жизнью, вовлечение учащихся в общественно полезный труд. Примером в этом деле может служить партийная организация Чердаклинской средней школы (секретарь парторганизации Г. И. Лапшов). На одном из открытых партийных собраний выяснилось, что в процессе преподавания не все учителя обеспечивают связь своего предмета с другими дисциплинами[2]. В своем решении партийное собрание предложило коммунистам устранить этот недостаток, а учительница физики член партии К. Н. Арефьева решила основательно изучить механизмы, с которыми учащиеся знакомятся на производстве, с тем, чтобы использовать эти знания в преподавании своего предмета. Ее примеру последовали другие учителя, что в немалой степени способствовало повышению качества преподавания и росту успеваемости в школе, которая в 1963—1964 учебном году составила 97 процентов[3]. В этом же направлении проводит работу партийная организация Сенгилеевской средней школы № 1[4].

---

1 Партийный архив Ульяновского обкома КПСС, стр. 8 и 37, е. х. 142, лл. 16—20.

2 Протокол № 4 открытого партийного собрания от 19.XII.63 г. Чердаклинской средней школы с производственным обучением.

3 Отчеты работы за год Чердаклинской средней школы с производственным обучением, 1961—1965 гг.

4 Партийный архив Ульяновского обкома КПСС, ф. 1594, оп. 7, е. х. 12, лл. 74, 75, 76.

Приведенные примеры, а также исследование работы партийных организаций средних школ № 1 им. В. И. Ленина, № 3, № 4 и № 33 гор. Ульяновска, Октябрьской, Сенгилеевской № 1, школ № 16, № 32, № 123 гор. Куйбышева, школы-интерната № 1 гор. Чапаевска, Жигулевской школы № 1, Приволжской средней школы Безенчукского района, Старо-Рачейской средней школы Сызранского района и других показывают, что при обсуждении вопроса о политехнизации внимание партийных организаций и педагогических коллективов школ в первую очередь обращается на межпредметные связи.

Объяснение этому можно найти прежде всего в том, что по окончании школы основная часть молодежи вольется в промышленное и сельскохозяйственное производства. Для того, чтобы молодые люди могли быстро и умело овладеть сложными профессиями современного производства, они должны обладать определенной суммой знаний основ наук и производства, а также потребностью в постоянном пополнении знаний по окончании школы.

Но знания только в том случае дадут правильное понимание жизненных явлений, если преподавание всех предметов ведется на основе взаимной связи между ними.

И неслучайно в тех школах, где политехническое образование было поставлено правильно, партийные организации особое внимание педагогов обращают на межпредметные связи. Примером хорошего опыта служит педагогический коллектив школы № 16 гор. Куйбышева. Первичная парторганизация школы регулярно проводит в начале учебного года совещания педагогического коллектива с обсуждением путей лучшего осуществления межпредметных связей. Учителя уточняют, какие темы из разных предметов смыкаются или дублируются, решают, как лучше их изучать. Преподаватели общеобразовательных дисциплин и машиноведения составили методические разработки с указанием, в каком разделе и по какой теме целесообразно установить смысловую связь.

Большое внимание межпредметным связям уделяла на уроках в VII—X классах преподаватель биологии, коммунист тов. Брескунова. Осуществляла она это путем бесед и рассказов, демонстрацией опытов, показом кино-

фильмов, используя соответствующий по содержанию и совпадающий по времени изучения материал другой учебной дисциплины. Она связывала преподавание биологии со знаниями, получаемыми учащимися на уроках истории и географии. Учащимся разъяснялись элементарные понятия о диалектическом материализме, о значении познания законов развития природы и общества[1]. Благодаря связи биологии с другими предметами учительница расширяла кругозор учащихся, формируя у них марксистское мировоззрение.

В этой же школе учитель машиноведения коммунист тов. Матвеев разработал план связи своего предмета с другими дисциплинами для VIII класса, который частично приводится в таблице (см. стр. 217)[2].

Из приведенной таблицы видно, что связь машиноведения с другими предметами не только углубляла знания, но и расширяла кругозор учащихся, помогая им постичь взаимосвязь и взаимообусловленность явлений и процессов окружающего мира.

Однако нельзя не отметить, что в ряде случаев межпредметные связи остаются случайными. Это происходит тогда, когда учитель просто напомнит учащимся о том, что они уже проходили данное явление в предыдущем классе или кратко пояснит, что этот же материал будет изучаться в другом предмете. Ясно, что такой формальный подход к делу не помогает глубокому изучению тех или иных предметов.

Заботясь о повышении качества политехнического обучения, руководители многих школ Ульяновской области совместно с первичными партийными организациями в помощь учителям создали специальные комиссии, занимающиеся методической разработкой вопросов политехнического образования, установлением межпредметных связей, которые углубляют знания учащихся, учат их сознательно производить обобщения тех или иных явлений, конкретно мыслить. В школах № 38 гор. Ульяновска, № 16 и № 32 гор. Куйбышева, № 17 гор. Мелекесса

---

[1] Текущий архив Куйбышевского облОНО. Справка «О межпредметных связях в преподавании биологии в школе № 16, в VII—IX классах, 1964—1965 гг.».

[2] Текущий архив Куйбышевского облОНО. Справка «О межпредметных связях в преподавании машиноведения в школе № 16, в VIII классе, 1964—1965 гг.».

№№ п/п	Программный материал	Связь с другими предметами
1.	Развитие орудий труда.	Программа по истории. Тема: Развитие промышленного капитализма.
2.	Повышение производительности труда — важнейший фактор развития производства и общества. Механизация и автоматизация технологических процессов.	Программа по истории. Материалы XXII съезда КПСС.
3.	Виды машин: машины-двигатели, машины-орудия, транспортные машины.	Программа по физике 7 класса. Тема № 4: Закон сохранения и превращения энергии. Тема № 6: Тепловые двигатели.
4.	Простейшие приспособления, применяемые для обработки древесины и металла.	Курс черчения.
5.	Приспособления с механизмами, применяемые для обработки металлов, подъема тяжестей.	Курс черчения. Программа по физике 7 класса. Тема № 3: Основное правило механики в применении к данному механизму.
6.	Устройство и работа некоторых машин. Трение в машинах.	Программа по физике 7 класса. Тема № 1: Механическое движение. Тема № 3: Механизмы. Тема № 4: Теплота и работа.

и других политехнические комиссии занимались вопросами связи обучения с трудовой практикой учащихся. Школьные парторганизации помогли комиссиям организовать посещение предприятий классными руководителями с целью использования материалов трудовой практики учащихся на уроках.

В помощь учителям члены комиссии разрабатывали методические пособия, помогающие установить органическую взаимосвязь общего и политехнического образования с изучением основ производства. На заседания комиссий приглашались завучи производственного обучения, рекомендовалось проводить семинары на предприя-

тиях с преподавателями-предметниками. Многие школы установили тесную связь с предприятиями, с их руководителями и инженерно-техническими работниками для того, чтобы с их помощью практически решать вопросы, связанные с политехническим образованием учащихся. Примером такой связи могут служить средняя школа № 1 гор. Ульяновска и завод «Контактор». Барышская школа № 2 и фабрика им. Гладышева, совхоз им. Крупской и его средняя школа (Ульяновская область), школы № 6, № 84, № 109 и один из заводов г. Куйбышева, школы № 96, № 112 и металлургический завод им. В. И. Ленина (Куйбышевская область).

В связи с тем, что политехнические комиссии зарекомендовали себя с положительной стороны, представляется целесообразным, чтобы местные партийные органы и первичные партийные организации обратили внимание на оживление работы этих комиссий, на создание их во всех школах.

Целенаправленная работа партийных организаций в решении вопросов политехнизации школы, их постоянное руководство педагогическими коллективами помогло усилить связь обучения с жизнью. В настоящее время многие учителя областей Среднего Поволжья умело и творчески решают задачи политехнического образования на своих уроках. Среди них — М. А. Рочков, заслуженный учитель школы РСФСР, Н. В. Кошелев, В. Д. Некрасов, Г. Г. Хмельницкая, М. С. Осипова, А. П. Гречушникова, Б. Ф. Кильдишевский, А. Н. Каторгин, Ю. М. Шаститко, Н. А. Редькина, П. Н. Зынь, В. А. Бетев, Г. И. Артемьев, Р. Г. Панщаев и другие. Многие из них являются членами КПСС. Все они добиваются того, чтобы учащиеся умели применять на практике полученные в школе знания.

Поскольку наша средняя школа является общеобразовательной трудовой политехнической школой с производственным обучением, содержание школьного обучения должно строиться не только на основе межпредметных связей, но и на органической связи предметов политехнического цикла с техникой и технологией производства, а также непосредственным участием школьников в трудовой деятельности.

Политехническое образование в школах тесно связано с трудовой практикой школьников на предприятиях,

в колхозах и совхозах. В этой связи представляется совершенно правильной мысль М. Скаткина о том, что политехническая подготовка школьников будет неполноценной, если изучение производства не будет соединено с участием в производительном труде[1].

Учитывая необходимость совершенствования производственного обучения учащихся, Совет Министров СССР в 1961 году принял постановление «Об улучшении производственного обучения учащихся средних общеобразовательных школ».

К этому времени в нашей стране насчитывалось 15 тысяч школ с производственным обучением — более половины всех средних общеобразовательных школ. Производственное обучение проходили 821 тысяча учащихся, или более 53 процентов от числа всех учащихся старших классов средних школ[2].

Центральный Комитет КПСС и Советское правительство предусматривали организацию производственного обучения не как самоцель в овладении школьниками профессий, а как необходимую составную часть политехнического образования. В производственной практике учащиеся должны применить и использовать знания предметов естественного цикла, изучить технологию производства, машины и т. д. В связи с этим необходимо наличие материальной базы, отвечающей уровню развития современного производства. Если ее не будет, производственная практика школьников превратится в утилитарное пребывание их на заводе, в колхозе и т. д. У ребят не будет вызван интерес, творческий поиск, стремление изучать и исследовать производство, без чего не может быть решена задача политехнического образования.

Изучение этого вопроса показывает, что партийные организации Среднего Поволжья провели большую работу по укреплению материальной базы, по организации производственного обучения школьников. В Куйбышеве, например, на заводах металлургическом и имени Масленникова были созданы специальные учебные цехи и участки для производственного обучения. На предприя-

---

[1] См.: М. Скаткин. Обращаясь к нашим дням, «Учительская газета», 25 февраля 1965 г.

[2] Газ. «Правда», 8 июня 1961 г.

тиях Куйбышевской области в 1961/62 учебном году работали 8 учебных цехов, 16 самостоятельных пролетов и участков. В них обучалось 6300 учащихся старших классов средних школ[1].

По примеру куйбышевцев в Ульяновской области в настоящее время созданы семь учебных цехов (на автозаводе, фабриках им. КИМ, им. Гладышева, им. Клары Цеткин, на Сенгилеевском райпромкомбинате и др.), 39 учебных участков, 1400 учебных мест. Производственное обучение в 1963 году проходили 7500 учащихся[2].

Многие партийные организации школ в деле организации производственного обучения опирались на шефскую помощь предприятий, где учащиеся проходили производственную практику. Особенно положительной была шефская помощь, оказанная дирекцией и парткомом фабрики им. Гладышева, школам гор. Барыша (Ульяновская область). Здесь для прохождения производственной практики учеников 5—8 классов были созданы слесарно-механическая и столярная мастерские, кабинеты машиноведения, электротехники, швейный цех. Общая площадь всех мастерских составляет 630 квадратных метров. За плодотворную работу по созданию материальной базы для производственного обучения школьников директор текстильной фабрики им. Гладышева, коммунист Э. А. Цейдлер награжден значком «Отличник народного просвещения»[3].

Хорошие условия для производственного обучения были созданы на металлургическом заводе им. В. И. Ленина в Куйбышеве. Шефство над школой руководители завода не ограничили созданием материально-технической базы для обучения ребят. Выполняя решение V пленума Куйбышевского обкома КПСС, они позаботились так организовать производственную практику, что она явилась по сути дела основой политехнического образования учащихся старших классов подшефной школы. Для этого на заводе создали специальный учебный цех,

---

[1] Партийный архив Куйбышевского обкома КПСС, ф. 656, оп. 126, е. х. 108, л. 201.

[2] Текущий архив Ульяновского обкома КПСС. Стенограмма 1-й обл. конференции общественности по коммунистическому воспитанию детей. Январь 1964 г., стр. 24—25.

[3] Текущий архив Ульяновского облОНО, Приказ № 28 от 24 января 1963 г.

в котором проходили производственную практику 344 учащихся 96-й и 112-й школ. Окрашенный в светлый тон, не утомляющий зрение, цех оборудован современными станками. За каждой группой станков закреплен мастер производственного обучения. Учащиеся работают за станком в спецодежде. В цехе много света. Оформление цеха отражает идейный смысл закона о связи школы с жизнью. Художественное панно, лозунги, плакаты по технике безопасности, график учета работы и успеваемости, социалистические обязательства — все это создает у ребят настроение приподнятости и значимости своего труда.

В свое время дань профессиональному обучению здесь была принесена так же, как и в других местах. Однако даже при обучении ребят таким специальностям, как токарь, слесарь-инструментальщик, электромонтажник, слесарь по ремонту промышленного оборудования, оператор счетно-аналитических машин[1], первостепенное значение придавалось политехническому образованию.

Обучение указанным выше и другим специальностям неизбежно базировалось на использовании знаний учащихся, полученных ими на уроках математики, физики, химии, черчения. С другой стороны, получение производственных навыков было связано с изучением устройств и эксплуатацией оборудования и четким представлением технологического цикла, что в свою очередь связано с изучением целого ряда разделов технических наук.

Работу производственного обучения и воспитания в цехе координировал и направлял методический совет. В его состав входили мастера, преподаватели школы и руководители производства; собирался совет раз в месяц. В 1963/64 учебном году на его заседаниях были рассмотрены вопросы: о методике проведения теоретических занятий с учащимися, о применении учебно-наглядных пособий на теоретических занятиях, о проведении вводного инструктажа и др. Совет принимал меры, направленные на повышение качества производственно-

---

[1] Текущее делопроизводство учебного цеха металлургического завода им. В. И. Ленина, г. Куйбышев. Справки — Итоги производственного обучения учащихся 1963/64 учебный год.

го обучения. Это способствовало тому, что к концу производственной практики многие ребята хорошо разбирались в технологии производства, получали прочные знания по топливной специальности. И не случайно многие учащиеся оставались работать на заводе. Примером этому может служить выпуск 1963 года. Из 65 учеников двух школ 26 остались работать на заводе по приобретенной специальности, 15 — поступили учиться в вузы и техникумы, 6 человек и работали, и учились[1].

Развитию и правильной политехнической подготовке учащихся в Ульяновской области содействовали семинары и конференции, проводимые с целью улучшения постановки политехнического образования. Этому в значительной мере содействовало решение V Пленума Ульяновского обкома КПСС, поставившего перед партийными организациями и органами народного образования задачу о необходимости «правильного сочетания производительного труда и обучения на политехнической основе»[2].

Ульяновский областной комитет партии оказывал практическую помощь в подготовке и проведении конференций и семинаров по вопросам, связанным с организацией разумного производственного обучения школьников. Собирались они, начиная с 1961 года, ежегодно и проводились областным отделом народного образования совместно с институтом усовершенствования учителей. На конференциях изучался опыт совершенствования форм производственного обучения школ № 1 им. В. И. Ленина, № 40 и № 41 гор. Ульяновска, Барышских школ № 1 и № 2 и других, повышения квалификации преподавателей основ производства и ознакомления учителей средних школ с технологией современного производства.

На конференциях и семинарах раскрывался лучший опыт содружества школы и предприятия, осуждалась такая практика, когда к трудовому обучению учащихся подходили с точки зрения подготовки кадров для предприятия, а не с точки зрения возможности осуществле-

---

[1] Текущее делопроизводство учебного цеха металлургического завода им. В. И. Ленина, г. Куйбышев. Справка — Итоги производственного обучения учащихся 1963/64 учебный год.

[2] Партийный архив Ульяновского обкома КПСС, ф. 8, оп. 37, е. х. 553, л. 74.

ния связи обучения с производительным трудом. Участники конференции указывали на односторонний подход к определению профиля профессий и их узкой специализации, что ни в какой мере не содействовало расширению политехнического кругозора учащихся. Наглядным доказательством этому могло служить обучение специальности обмеловщицы на фабрике им. КИМ. Накладывая выкройки деталей одежды на материю, ученицы 9—10 классов средней школы № 3 гор. Ульяновска обводили их мелом и на том кончалось их трудовое обучение. В результате через полтора года такой с позволения сказать производственной практики выяснилось, что школьники ничему не научились. О политехническом же образовании не приходится и говорить. При такой постановке дела о нем и речи не могло быть.

На конференциях были также вскрыты недостатки и в индивидуальном обучении. Закрепленный за рабочим-инструктором ученик, как правило, был предоставлен самому себе, поскольку инструктор должен был выполнять производственный план и к станку допускал ученика только во время перерыва. Сложная работа ученику не доверялась, инструктаж проводился от случая к случаю, в результате учащиеся привыкали работать по шаблону, не осмысливая выполняемого трудового процесса.

В подтверждение сказанному приведем такой пример. Ученики 9 «б» класса средней школы № 1 им. В. И. Ленина (гор. Ульяновск), обучаясь профессии токаря на заводе «Контактор», полгода простояли за спиной инструктора, после чего были переведены на сборку для обучения специальности слесаря-сборщика, которую можно было освоить в течение недели и которая не требовала наличия среднего образования. Ясно, что ни о какой политехнизации в этом случае говорить не приходится.

В связи с тем, что в Ульяновской области имеется большое количество текстильных и швейных предприятий, на которых проходят производственную практику учащиеся многих школ, в январе 1963 года был проведен областной семинар, где обсуждался вопрос организации политехнического образования на базе этих предприятий. Цель семинара — обобщить опыт, вскрыть недостатки, наметить пути их устранения, определить пути улуч-

шения политехнического обучения во всех тех школах, учащиеся которых проходят практику на швейных и текстильных фабриках[1].

В Измайловской школе, ученики которой проходили практику на фабрике им. Свердлова, преподаватели основ производства широко использовали знания учащихся, полученные ими в процессе изучения физики, химии, машиноведения, математики, черчения. В 10 классе изучались вопросы, связанные с вводом новой техники и технологии в текстильной промышленности, с широким применением химического волокна в смеси с шерстью. В ходе урока инструкторы трудового обучения показали ребятам, как практически использовались такие явления, как электризация, электропроводность, ионизация. Учащиеся были ознакомлены также и с промышленным применением искусственных химических волокон[2].

В Барышской средней школе № 2, ученики которой проходили производственную практику на фабрике им. Гладышева, подготовка к трудовому обучению началась с начальных классов. Экскурсии и рассказы о местном производстве, сочинения на темы экскурсий, решение арифметических задач, построенных на местном материале, — все это имело своей целью заинтересовать учащихся предстоящей трудовой деятельностью. Начиная с 5—8 классов, учащиеся в школьных мастерских получали теоретическую подготовку и выполняли практические работы, связанные с технологией производства. В старших же классах, проходя практику на фабрике, ученики получали необходимую трудовую подготовку и овладевали той или иной профессией. На всем протяжении обучения ребят в школе учителя осуществляли двусторонний учебный процесс: в ходе урока, знакомя учащихся с теорией, они стараются раскрыть научные основы производственных процессов, в которых принимают непосредственное участие школьники, проходя производст-

---

[1] Текущий архив Ульяновского областного института усовершенствования учителей (в дальнейшем ИУУ). Материалы первой конференции по производственному обучению учащихся, 9—10 мая 1961 г.

[2] Там же. Материалы областного семинара по организации производственного обучения учащихся на базе текстильных и швейных предприятий, 23—24 января 1963 г.

венную практику на предприятии. Одновременно практический опыт, накопленный учащимися в процессе трудового обучения, учителя умело используют на уроках для закрепления изучаемого материала.

Чтобы производственное обучение не носило случайный характер, партийные организации Измайловской школы и фабрики им. Свердлова в 1961/62 учебном году провели совещание инженерно-технических работников фабрики совместно с учителями средней школы, на котором был разработан и трехлетний перспективный план производственного обучения школьников[1].

В школах гор. Барыша и Измайловских школах трудовое обучение не получило направления узкой специализации. Важную роль в этом деле сыграли школьные партийные организации. Осуществляя линию нашей партии на политехнизацию, они постоянно направляли педагогические коллективы школ и предприятия на тесную связь обучения с трудом.

Таким образом, приведенные нами примеры показывают, что там, где партийные организации школ и предприятий объединяли свои действия, там производственное обучение школьников не служило целям только профессионального обучения, а являлось составной частью политехнического образования и содействовало углубленному и конкретному изучению предметов на уроках. Благодаря этому после окончания средней школы учащиеся имеют возможность быстро включиться в трудовую деятельность, а это поднимает общий уровень квалификации рабочих, занятых как в промышленности, так и в сельском хозяйстве.

В трудовой подготовке школьников весьма важная роль принадлежит формам ее организации. В интересной статье «Еще раз о политехническом образовании» С. Шаповаленко предлагает в процессе обучения в средней школе познакомить учащихся со всей системой производства и ее важнейшими отраслями, а также привить выпускникам школ трудовые политехнические на-

---

[1] **Текущий архив ИУУ Ульяновской области.** Материалы областного семинара по организации производственного обучения учащихся на базе текстильных и швейных предприятий, 23—24 января 1963 г.

выки и современную культуру труда[1]. Иными словами С. Шаповаленко предлагает ввести непрерывную производственную практику учащихся. Однако нельзя забывать, что трудовая подготовка школьников должна предусматривать не только политехническое обучение и получение навыков обращения с орудиями труда, но и воспитание у ребят высоких нравственных принципов коммунистической морали. В связи с этим хочется сказать, что правильно поступают партийные организации, когда содействуют возникновению новых прогрессивных форм производственного обучения.

Примером в этом отношении может служить сложившаяся на промышленных предприятиях Ульяновской области практика трудового обучения школьников в ученической производственной бригаде. Работа в такой бригаде организована на высоком техническом уровне, с широким использованием знаний, полученных учащимися при изучении общеобразовательных и специальных предметов. Суть данной формы состоит в том, что бригаде передается оборудование, станки, материалы; труд школьников учитывается и планируется предприятием. Для трудового обучения школьников выделяются соответствующие кадры. Учащиеся непосредственно участвуют в общем процессе промышленного производства. Интересы школы в вопросах политехнического образования тесно соприкасаются с интересами производства. Работа в бригаде исключает возможность узкой профессионализации, поскольку предприятие заинтересовано в том, чтобы обучение велось по линии современных профессий широкого профиля.

Большую помощь в этом вопросе оказали созданные производственно-педагогические советы, в состав которых входили директора школ и предприятий, завуч по производственному обучению, главный инженер предприятия, мастера цехов, представители партийных, комсомольских, профсоюзных организаций. Совет решает вопросы связи производственного труда учащихся с основами наук, изучаемых в школе, согласовывает производственные планы с требованиями учебных программ, решает вопросы создания материально-технической базы

---

[1] С. Шаповаленко. Еще раз о политехническом образовании, «Учительская газета», 2 марта 1965 г.

и воспитания кадров для производственного обучения, устанавливаемый режим труда и отдыха в бригадах и т. д.[1]

Производственные бригады на промышленных предприятиях были созданы в Ульяновской, Кировской и других областях. Они не являлись слепым копированием опыта бригады в сельской местности, так как сам процесс обучения на промышленном предприятии вносил специфику и делал бригаду качественно отличной от сельской.

Практика последних пяти лет показывает, что, поскольку производственными навыками профессий широкого профиля можно овладеть в течение двух лет обучения в школе, ученическая производственная бригада явилась удачной формой, в которой можно осуществлять политехническое образование на основе знаний и трудовой подготовки школьников.

В помощь школам и предприятиям Ульяновский областной институт усовершенствования учителей и совнархоз, изучив и обобщив опыт создания ученических производственных бригад, посвятили ему работу II областной конференции по организации производственного обучения.

За последние годы производственные бригады сложились на Ульяновском заводе малолитражных двигателей, где обучение проходили учащиеся средней школы № 40, на заводе «Контактор» (здесь бригады были созданы из учащихся школы № 1 им. В. И. Ленина), на автозаводе, фабриках им. КИМ, им. Гладышева и других предприятиях. В 1964/65 учебном году в Ульяновской области около 200 ученических бригад участвовали в труде на промышленных предприятиях. В своем составе они насчитывали 3800 учащихся[2].

Приобщение к труду на всем протяжении обучения в средней школе оказывает положительное воздействие на психологию учащихся. У них вырабатываются самостоятельность, уверенность в себе, ответственность за порученное дело, любовь к труду, прилежание к учебе.

---

[1] Л. Е. Ерофеев, В. Вершинин — Ученические бригады на промышленном предприятии. «Народное образование», № 12, 1964, стр. 63—65.

[2] Текущий архив Ульяновского обкома КПСС. Стенограмма XI областной конференции КПСС, декабрь 1964 г.

В решении проблемы политехнического образования нельзя отбрасывать опыт, накопленный в сельских школах. В свете решений мартовского Пленума ЦК КПСС (1965 г.) «О неотложных мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства» этот опыт имеет весьма важное значение. Практика показывает, что наиболее удачной формой трудового обучения в сельской местности явилась ученическая производственная бригада.

Исследование данного вопроса позволяет сказать, что политехническое обучение становилось более жизненным и конкретным в том случае, если знания, полученные учащимися на уроках, использовались в трудовой практике ученических производственных бригад.

Ульяновский областной комитет партии постоянно направлял внимание партийных комитетов и школьных парторганизаций на необходимость улучшения руководства ученическими бригадами. Бюро обкома КПСС дважды (в 1963—1964 году) обсуждало вопрос о состоянии и мерах по улучшению работы ученических бригад и рекомендовало партийным организациям изучить лучший опыт работы и распространить его на все бригады[1].

Опыт ученических производственных бригад, обобщенный за ряд лет их работы, показывает, что там, где партийные организации и педагогические коллективы рассматривали бригаду как форму осуществления политехнического образования, там она способствовала успешному решению задачи — ознакомить учащихся (в теории и на практике) с главными отраслями сельскохозяйственного производства. В таких школах учителя перед началом летней практики подготавливали задания по своим предметам с таким расчетом, чтобы ребята умели полученные на уроках знания применить на практике. В течение учебного года учителя проверяли выполнение летних заданий, умело использовали на уроках наблюдения ребят, развивая тем самым наблюдательность и пытливость учащихся, умение применять теоретические знания на практике, а практические знания, приобретенные в процессе производственного обучения, — в науке.

---

[1] Текущий архив Ульяновского обкома КПСС. Протоколы бюро обкома партии от 7/II, стр. 42—45 и от 9/IV 1963 г. 21/IV 1964 года, стр. 37.

Накоплен известный опыт в этом отношении Октябрьской средней школой Чердаклинского района Ульяновской области. Партийная организация этой школы входила на правах первичной в партийную организацию учебного хозяйства сельскохозяйственного института. Присутствие директора, секретаря парторганизации и работников учебного хозяйства на всех партийных собраниях школы стало обязательным, они всегда были в курсе всех ее дел, участвовали в решении вопросов обучения и воспитания детей. В 1961 году по решению партийного собрания здесь была создана производственная ученическая бригада в составе 150 учащихся 7—9 классов.

Ежегодно перед летней практикой учителя составляли задания для учащихся. Например, по математике — определить обработанную площадь по числу рядков и ширине междурядий; по физике — привести примеры сложного движения в машинах; по сельскохозяйственному машиностроению — сделать разметку поля для квадратно-гнездового сева кукурузы и т. д.[1]

Все это способствовало тому, что знания учащихся становились более глубокими и осмысленными, а это в свою очередь благотворно сказывалось на трудовой закалке ребят, помогало им совершенствовать свои производственные навыки. Ученическая бригада этой школы первая в области включилась в социалистическое соревнование за лучшие показатели в учебе, труде, опытнической работе и призвала к этому учащихся всех школ области. По результатам работы в 1963 году бригаде было присуждено переходящее Красное Знамя обкома КПСС и облисполкома за лучшие показатели в производственной и опытнической работе среди ученических бригад школ области[2].

Нередко урожаи на участках, закрепленных за бригадой, учащиеся выращивали выше, чем в целом по колхозу. Например, в Ульяновской области школьники Чердаклинской средней школы с закрепленного за ними участка собрали урожай пшеницы по 20 центнеров с гектара, тогда как в целом по колхозу «Путь Ленина»

---

[1] Газ. «Ульяновская правда», 11 октября 1963 года.

[2] Текущий архив Ульяновского обкома КПСС. Протокол бюро обкома партии 21/IV 1964 г., 35/19, стр. 37.

Чердаклинского района средний урожай составил 10 центнеров с гектара[1]. Ученическая сельскохозяйственная бригада Новоспасской средней школы благодаря правильно поставленному опыту получили урожай помидоров 460 центнеров с гектара, в то время, как в колхозе «Заря коммунизма» Новоспасского района урожай помидоров получен 356 центнеров с гектара[2].

Успехи в труде окрыляют ребят, вызывают у них чувство радости и удовлетворения от своего труда и полученных результатов. Вместе с тем трудовые успехи помогают учителям воспитывать у ребят высокосознательное отношение к труду, развивать такие качества, как чувство ответственности за порученное дело, настойчивость в достижении поставленной цели, инициатива, творческое решение вопросов производства.

Всего в 1963/64 учебном году в Ульяновской области из 424 восьмилетних и средних сельских школ в 101 было организовано производственное обучение с охватом 9070 учащихся по различным профилям, в том числе 6334 человека по профессиям сельского хозяйства[3].

Успех работы бригад во многом зависел от материальной базы. В связи с этим областные партийные организации обязали парткомы колхозов и совхозов оказать школам поддержку в этом важном деле.

С помощью широкой общественности колхозов и совхозов для многих школ была создана материальная база, необходимая для производственного обучения ребят. Например, в Куйбышевской области председатель колхоза «Маяк» коммунист И. И. Сальников полностью обеспечил техникой полевые работы, которые выполнялись ученической бригадой Богородской восьмилетней школы. Колхоз «Красный партизан» выделил для ученической сельскохозяйственной бригады Шенталинской средней школы 60 гектаров земли, трактор, культиватор, сеялки и другой сельскохозяйственный инвентарь. В совхозе им. Масленникова партийная, профсоюзная и комсомольская организации принимали живейшее участие в учебно-воспитательной работе школы. Здесь учащихся

---

[1] Годовой отчет Чердаклинской средней школы 1963/64 уч. год.

[2] Текущий архив Ульяновского облОНО. Отчет областной станции юных натуралистов, 1963/64 уч. год.

[3] Текущий архив Ульяновского облОНО. Справка о состоянии народного образования, 1963/64 уч. год.

9—10 классов разбили на три звена, входящих в состав тракторной бригады, за каждым из них закрепили технику, а девочкам предоставили возможность вести работу на птицеферме[1].

По-государственному подходят и правильно решают вопросы народного образования партком и дирекция учебного хозяйства Ульяновского сельскохозяйственного института. Они не только создают необходимые условия студентам для прохождения производственной практики, но и заботятся о трудовом обучении ребят из подшефной Октябрьской средней школы Чердаклинского района. В частности, учхоз отвел ученической производственной бригаде 707 гектаров земли, выделил для ее обработки четыре трактора, комбайн и другие машины[2].

Ведя разговор об ученических производственных бригадах, мы имеем в виду не практические результаты труда учащихся (хотя это очень важный фактор в деле воспитания ребят), а прежде всего, насколько глубокими и прочными стали их знания в результате соединения обучения с трудом, какие черты характера сумели они воспитать в себе, работая в производственной бригаде, чему научились.

Работая в бригаде и наблюдая жизнь, учащиеся на уроках глубже усваивают изучаемый программный материал, он становится более доступным их пониманию. Одновременно теоретические знания, полученные в стенах школы, способствуют более быстрому освоению техники и основ сельскохозяйственного производства, приобретению трудовых навыков.

Важная роль в трудовой и политехнической подготовке учащихся принадлежит опытничеству. Оно развивает у ребят пытливость, любовь к исследовательской работе, умение творчески подходить к любой работе, искать и применять все новое и передовое из современных наук и передовой практики. Вот почему бюро Куйбышевского и Ульяновского областных комитетов партии, обсудив постановление Совета Министров РСФСР «Об организации опытной работы в средней школе» (1957 г.) рекомендовали городским и районным комитетам КПСС,

---

[1] Газ. «Волжская коммуна», 4 сентября 1963 г.

[2] Текущий архив Ульяновского обкома КПСС. Стенограмма собрания сельского областного партийного актива, 1963 г.

первичным партийным организациям и органам народного образования направить внимание педагогических коллективов, особенно учителей биологии, на развитие опытничества. В решениях бюро подчеркивалась необходимость тесной связи опытнической работы учащихся с содержанием учебной работы школы, особенно с изучением биологии, основ сельского хозяйства, специальных предметов профессиональной подготовки, которая не сводилась бы к простому иллюстрированию усвоенных учащимися теоретических положений.

Все это отвечало задачам политехнического образования в отличие от предшествующих лет, когда опытническая работа носила чисто познавательный характер и была оторвана от хозяйственной деятельности колхозов и совхозов, а специалисты и ученые не уделяли ему должного внимания.

Перестраивая опытническую работу, партийные организации, органы народного образования, педагогические коллективы, особенно учителя биологии, добились того, что во многих школах опытничество стало тесно увязываться с содержанием учебной работы, с трудовым обучением и воспитанием учащихся. Большая работа в этом направлении была проведена в ряде школ Сызранского, Шигонского, Безенчукского, Больше-Глушицкого, Кинель-Черкасского и других районах Куйбышевской области. Бюро райкомов рекомендовали выделить земли для пришкольных опытных участков не менее 20 квадратных метров, а на полях колхозов и совхозов 1—5 гектаров[1]. Школы этих районов стали согласовывать темы опытов с правлениями колхозов или дирекцией совхозов.

В Ульяновской области основную работу в этом важном деле взяла на себя областная станция юных натуралистов (директор коммунист В. Н. Спирина). Главное ее внимание было сосредоточено на улучшении опытной работы на пришкольных учебно-опытных участках, а также на полях колхозов и совхозов. Учащихся знакомили с новыми приемами агротехники, проводили опыты с внедрением новых зерновых, бобовых и технических культур. Полученные в опытах результаты учителя биологии старались использовать на уроках. Это расширяло

[1] Газ. «Волжская коммуна», 13 мая 1960 г.

и углубляло знания учащихся, они на своем опыте, на конкретных примерах убеждались в эффективности передовых методов обработки полей, высокопроизводительном использовании техники и т. д. Однако эта работа в области получила развитие только с 1960 года.

Очень важно, чтобы партийные комитеты распространяли лучшие примеры опытнической работы, добиваясь ее организации во всех школах. Эта работа имеет не только народнохозяйственное значение. Она создает условия для осуществления связи обучения с практикой сельского хозяйства, способствует повышению общего и политехнического уровня образования, помогает пропаганде достижений науки и передового опыта в сельском хозяйстве.

Вопросы улучшения опытничества в разных районах решались по-разному.

Мы считаем, что наиболее характерным примером организации опытнической работы, которая преследовала цель — повысить уровень политехнического образования, может служить ученическая производственная бригада Богородской восьмилетней школы Куйбышевской области. О ее ценном почине и проводимой учащимися опытной работы на колхозных полях бюро областного комитета партии в марте 1963 года приняло специальное постановление[1].

Готовясь к весенним полевым работам по заранее разработанному учебно-производственному плану и технологическим картам, составленным учащимися под руководством и с помощью специалистов колхоза и преподавателей школы, ученическая бригада хорошо изучила агротехнику и передовые методы выращивания высоких урожаев.

По решению правления колхоза «Мир» за бригадой был закреплен лучший тракторист Н. С. Воронцов. Он обучил школьников передовым методам труда, помог им на практике применить теоретические знания, полученные ими на уроках. Так, сочетая теорию с практикой, даже при неблагоприятных климатических условиях, ученическая бригада получила самый высокий урожай пшеницы в области. В 1963 году ребята решили обеспе-

---

[1] Текущий архив Куйбышевского обкома КПСС. Протокол бюро обкома № 28/III 1963, стр. 25.

чить колхоз собственными высококачественными семенами пшеницы для посева в 1964 году на площади 1500 гектаров. Проводя опыты по заданию опытной станции при Куйбышевском сельскохозяйственном институте, ученическая бригада получала хорошие результаты.

Работа в бригаде помогла расширить и углубить теоретические знания учащихся, полученные на уроках биологии, химии, физики и других предметов, закрепить полезные производственные навыки сельскохозяйственного труда, привить учащимся любовь к сельскому хозяйству. В результате в школе повысилась успеваемость. Если в 1961/62 учебном году она составила по VI—VIII классам 95,2 процента, то в 1962/63 учебном году повысилась до 99,5 процента. На второй год остался только один ученик[1].

По итогам работы ученических производственных бригад в 1963 году бюро Куйбышевского обкома ВЛКСМ, облОНО и областной совет по производственному обучению и опытнической работе учащихся присудили ученической бригаде Богородской школы первое место и переходящее Красное Знамя[2].

Районные комитеты партии, выполняя постановление бюро Куйбышевского обкома КПСС, помогли школьным парторганизациям внедрить опыт работы ученической бригады Богородской школы. Этому в значительной степени способствовало то, что в начале 1964 года в этой школе был проведен семинар завучей по производственному обучению и бригадиров школьных ученических производственных бригад области. Позднее был проведен семинар секретарей школьных партийных организаций. Его участники знакомились не только с работой бригады, с ее организацией труда и производственными успехами, но и с тем, как в процессе производственной практики повышалась политехническая подготовка учащихся.

Работа ученической производственной бригады Богородской восьмилетней школы, а также учащиеся В. Кочетков, В. Гришин, В. Дубровская, А. Царев и другие за

---

[1] Партийный архив Куйбышевского обкома КПСС, ф. 8747, оп. 1, е. х. 48, л. 14—16.

[2] Текущий архив Куйбышевского обкома ВЛКСМ. Протокол бюро № 8 от 4 июля 1963 г.

достигнутые успехи в проведении опытнической работы по выращиванию высоких урожаев сельскохозяйственных культур были отмечены благодарностью в приказе Министерства производства и заготовок сельскохозяйственных продуктов РСФСР.

В приказе Министра рекомендовалось обобщить опыт бригады и принять меры к его широкому распространению во все сельские школы, колхозы и совхозы Российской Федерации[1].

Развитию опытнической работы в школах Куйбышевской и Ульяновской областей содействовала помощь ученых сельскохозяйственных институтов. Выполняя решение бюро обкома об оказании помощи развитию опытничества в школах, Куйбышевский областной отдел народного образования и областной институт усовершенствования учителей издали пособие «Сельскохозяйственные опыты для учащихся школ области», в котором совместно с учеными сельскохозяйственного института разработаны темы и даны методические рекомендации по проведению опытов в школе. В создании книги приняли участие доктора сельскохозяйственных наук, профессора В. И. Сазонов, Д. И. Буров, доценты С. Р. Молчадский, А. Г. Марковский, Г. А. Зак, И. Н. Разумов и целая группа научных сотрудников[2]. Разработанное ими методическое пособие оказало существенную помощь учителям биологии в выборе тематики опытов и методике их проведения.

В сельскохозяйственном и педагогическом институтах Ульяновска помощь школе в опытнической работе оказывают профессора К. В. Тулайкова, Р. Е. Левина, С. С. Берлянд, доценты И. И. Мельников, Н. С. Богданова, Ф. Т. Щербяков и другие. Они приняли живейшее участие в разработке тематики опытов для пришкольных участков. Однако было бы неплохо, если бы ульяновские ученые переняли опыт куйбышевцев и по их примеру разработали специальное пособие по темам и методике опытнической работы.

Нельзя не отметить, что тематика опытов в областях

---

1 Сборник приказов и инструкций Министерства просвещения РСФСР № 11, апрель 1964 г., стр. 18—19.

2 Сельскохозяйственные опыты для учащихся школ области, темы и методика. Куйбышев. 1963 г.

разнообразна и продиктована она нуждами и запросами сельского хозяйства. Поэтому желательно, чтобы такая работа шире практиковалась по заданию научных сельскохозяйственных учреждений, что придаст ей глубоко научную и практическую направленность.

Как показывает практика, в условиях сельской школы опытническая работа является одним из путей, способствующих успешному решению задачи соединения обучения с жизнью, с практикой коммунистического строительства

Но при этом следует обратить внимание на недостатки, которые имели место в этой области. Прежде всего, не во всех школах партийные организации обращали внимание учителей и особенно биологов на опытническую работу. Как отмечало в своем решении бюро Куйбышевского обкома КПСС, опытничество еще не заняло в школах области центрального места в их работе[1]. Темы опытов часто составлялись без учета нужд и потребностей местного сельскохозяйственного производства или не имели глубокой научной направленности. Учителя-биологи недостаточно были связаны с учеными и не получали необходимой помощи и совета в проведении работы на пришкольных опытных участках. Парторганизации школ иногда мирились с фактами самоуправства руководителей колхозов и совхозов. Имели место случаи, когда урожай, выращенный на опытных полях ученической бригадой школы, убирался без ее участия.

Наглядной иллюстрацией этому может служить отношение руководства колхоза «Путь Ленина» к опытной работе школьников Чердаклинской средней школы Ульяновской области. Здесь трактористы из года в год вместе с колхозными хлебами убирали урожай опытного поля ученической бригады. Выращенный урожай спределялся по сведениям трактористов «на глазок».

Большой урон нанесло опытнической работе неправильное отношение к ней директоров некоторых школ. Они нередко отдавали всю опытническую работу на откуп учителям биологии, слабо заботились о материально-технической базе пришкольного опытного участка, а иногда совершенно стояли в стороне от этой важной

[1] Партийный архив Куйбышевского обкома КПСС, ф. 656, оп. 125, е. х. 61, л. 13.

учебно-воспитательной работы. Но там, где партийные организации повседневно занимались этими вопросами, там, как правило, труд учащихся в школьных мастерских, на учебно-опытных участках, на полях колхозов и совхозов помогал учителям в обучении и воспитании школьников, вооружал их прочными знаниями о современном производстве. Участие в труде обогащало жизненный опыт учеников, помогало учителям использовать его на уроках по всем предметам.

Слов нет, школьные партийные организации вместе с учителями проделали большую работу по осуществлению принципов политехнического образования. Однако за последние годы в этом весьма важном деле допущено немало серьезных недостатков и ошибок. Во многом ущерб политехническому образованию наносили скороспелые решения, попытки непродуманного подхода органов народного образования и партийных организаций школ к этой сложной педагогической проблеме. Имели место увлечение показной стороной дела, формальное решение ряда вопросов работы школ, недостаточное понимание того, что производственное обучение должно не снижать, а поднимать уровень учебно-воспитательной работы в школе.

Само политехническое образование иногда понималось упрощенно. В этом вопросе заострялось внимание на необходимости получения не только общеобразовательных политических знаний, но и профессиональной подготовки учащихся. И неслучайно производственное обучение школьников нередко рассматривалось только как обучение профессии. Это приводило к тому, что на уроке учителя как-то пытались увязать обучение специальности с политехнизацией, но их усилия в этом направлении часто носили явно искусственный, надуманный характер. Знания учащихся, полученные в процессе изучения физики, химии, машиноведения, черчения, математики, мало использовались в производственной практике, а это приводило к тому, что учащиеся, окончив среднюю школу, не имели четкого представления о возможности применения своих знаний в жизни. Дело в том, что, обучая ребят тем или иным трудовым приемам, школа не давала им глубоких политехнических знаний. А это не соответствовало ленинскому пониманию политехнического принципа, который не требует обучения

ьсему, но требует обучения основам современной индустрии вообще[1].

Политехническое образование до сих пор имеет тот недостаток, что основы наук, которые преподаются в школе, все еще представляют сумму давно накопленных фактов, понятий и законов. Преподавание ряда ведущих дисциплин — математики, физики, химии, биологии — ведется без учета достижений современной науки. Сведения о новых достижениях различных отраслей науки даются эпизодически. Знания по таким главным направлениям технического прогресса, как радиоэлектроника, полупроводники, особенности распространения ультразвуковых волн, должны более глубоко изучаться в школе. К сожалению, их изучение пока носит по сути дела информационный характер. Конечно, школа не сможет ознакомить в процессе обучения со всем новым, что есть в науке, ибо она просто не сможет угнаться за ростом научно-технического прогресса, но дать ученикам основные практические представления по наиболее важным научным разделам, как нам представляется, — прямая обязанность школы.

Часто производственное обучение школьников оказывалось формальным дополнением к общему образованию, и основной задачей его была узкая профессионализация, многопрофильность профессий, часто совершенно не отвечавших задачам политехнического образования. Например, в Ульяновской области в 1963/64 учебном году в общей сложности в школах велась подготовка свыше чем по 50 специальностям[2].

Нередко многопрофильность в производственном обучении обусловливалась решениями городских и районных комитетов КПСС. Так, бюро Сызранского горкома партии Куйбышевской области, занимаясь выяснением состояния производственного обучения в средних школах, признало недопустимым профессиональную подготовку только по трем специальностям — токарей, слесарей, фрезеровщиков и рекомендовало увеличить количество специальностей. После этого технические советы

---

[1] См.: В. И. Ленин. Заметки по докладу А. К. Луначарского на III сессии ВЦИК 7 созыва. «Народное образование», 1958 г. № 4, стр. 22.

[2] Текущий архив Ульяновского облОНО. Данные по форме СШ-5—проф. за 1963/64 учебный год.

школ совместно с горОНО разработали программы производственного обучения, в соответствии с которыми в городе прибавили специальности инструкторов, электриков, швей, работников сети общественного питания, торговли и т. д.[1]. Ясно, что в этом случае речь шла о прямой профессиональной подготовке школьников, но никак не о политехническом образовании.

Органы народного образования и руководители ряда школ Среднего Поволжья не рассматривали политехнический принцип обучения как главное звено, которое служило решению основной задачи, стоящей перед народным образованием в период развернутого строительства коммунизма, — осуществлению связи школы с жизнью.

Все эти недостатки и непродуманные решения отрицательно сказались на обучении ребят и привели к одностороннему пониманию важнейшего ленинского принципа обучения на основе политехнизации. Неслучайно поэтому в первые годы осуществления Закона о школе у значительной части ребят резко упал интерес к знаниям, к трудовой подготовке.

Оканчивая школу, учащиеся, имея ту или иную профессию, в очень незначительном количестве шли на работу в производство. Убедиться в этом можно на следующем примере. В 1964 году из восьми тысяч учащихся старших классов сельских школ Куйбышевской области 2100 осваивали профессию животноводов, 830 — полеводов, 1800 — механизаторов широкого профиля и трактористов и другие профессии. Однако по окончании средней школы работать в колхозы и совхозы по тем специальностям, которым обучались выпускники, пошла лишь небольшая их часть[2]. Такое положение, на наш взгляд, можно объяснить неправильной ориентацией трудовой практики только на обучение профессии без всякой связи с обучением, с политехнической подготовкой.

Серьезным недостатком в организации политехнического образования в школах области было то, что многие учителя слабо знали методику преподавания об-

[1] Газ. «Волжская коммуна», 8 октября 1960 г.

[2] Текущий архив Куйбышевского облОНО. Справка о состоянии производственного обучения учащихся сельских районов Куйбышевской области за 1964 г.

щеобразовательных предметов, крайне недостаточно изучали производство, в результате чего на их уроках отсутствовала необходимая связь теоретических знаний с практикой трудового обучения. Их преподавание носило схоластический характер, поскольку в нем отсутствовала связь современных достижений науки и техники с практикой коммунистического строительства. Полезное дело — составление учителями политехнической характеристики предприятий, чтение циклов лекций и проведение семинаров-практикумов по изучению производства с течением времени в ряде школ было предано забвению. Многие учителя отказались от составления методических разработок, в которых отражалась связь основ наук с производством. Всю эту работу необходимо возобновить и развивать по линии связи основных предметов с теоретической и практической подготовкой учеников.

Работа органов народного образования, партийных организаций и руководителей школ должна быть направлена на привлечение внимания учителей и инструкторов производственного обучения к систематическому изучению производства и основ педагогических знаний. Необходимо добиться тесной связи учителей с предприятием, колхозом, совхозом. Весьма полезна также постоянная связь инструкторов производственного обучения со школами, их активное участие в школьной жизни.

Во многом правильному осуществлению политехнического принципа обучения мешала недостаточность материальной базы производственного обучения школьников в городах и сельской местности. Достаточно сказать, что в РСФСР только 35 процентов сельских восьмилетних школ имели закрепленные в колхозах и совхозах земельные участки; на предприятиях отсутствовало нужное количество мест для производственного обучения[1]. В Ульяновской области, например, на промышленных предприятиях проходили производственную практику 7500 учащихся. Занятия их были организованы в две смены, учебные цехи и участки нередко имели всего по 10—12 рабочих мест и были оснащены преимущественно устаревшим оборудованием. Долгое время для производ-

---

[1] Текущий архив Ульяновского обкома КПСС. Стенограмма собрания сельского областного партийного актива, 5 июля 1963 г., стр. 25.

ственной практики учащихся на предприятиях гор. Мелекесса имелось лишь 30 рабочих мест и только в 1964 году здесь на базе фабрики им. К. Цеткин был построен цех для производственного обучения. Имели место факты, когда некоторые руководители колхозов и совхозов почти не оказывали помощи в производственном обучении школьников, не выделяли необходимую технику и земельные участки школам.

Правильно поступили те партийные организации, которые обязали руководителей предприятий, колхозов и совхозов отвечать вместе с директорами школ за производственную подготовку учащихся.

Партийным организациям и педагогическим коллективам школ следует настойчиво добиваться, чтобы лучший опыт политехнического образования был использован в практической деятельности каждым учителем. На наш взгляд, особое внимание должно быть уделено изучению и распространению передового опыта работы ученической бригады Богородской школы, в котором этот принцип нашел свое воплощение. Хорошо было бы обобщить опыт этой школы в брошюре, сделав его достоянием широкой педагогической общественности.

Работа школ за последние годы показывает, что решить проблему укрепления связи школы с жизнью на основе политехнизации возможно на базе десятилетнего срока обучения. В этом случае производственное обучение должно способствовать тому, чтобы по окончании школы в процессе обучения выпускники приобрели необходимые трудовые навыки и могли бы быстро освоить на производстве любую профессию широкого профиля.

Перевод на десятилетний срок обучения обусловлен экономическими соображениями. На год раньше большая масса молодежи будет включаться в производительный труд народного хозяйства. На год раньше она будет поступать в высшие и специальные средние учебные заведения. При десятилетнем сроке обучения трудовая подготовка должна осуществляться более рациональным образом. Наконец, десятилетний срок обучения отвечает интересам советской семьи и удовлетворяет интересы родителей и учащихся.

Исходя из этого, ЦК КПСС и Советское правительство приняли постановление о десятилетнем сроке обучения в общеобразовательной школе.

В настоящее время решения октябрьского и ноябрьского (1964 г.) Пленумов ЦК КПСС, решительно осудивших субъективизм, прожектерство и скороспелость решений хозяйственной и культурной жизни страны, нацелили партийные организации на осуществление в народном образовании ленинских принципов связи школы с жизнью, с практикой коммунистического строительства, на политехническое образование и трудовое воспитание школьников, на единство обучения и воспитание в школе.

М. Х. ВАЛКИН

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ О РЕВОЛЮЦИОНЕРЕ-НАРОДНИКЕ А. С. БУТУРЛИНЕ

В 1961 г. были опубликованы неизвестные ранее материалы к биографии революционера-народника Александра Сергеевича Бутурлина[1]. За истекшее время удалось выявить ряд новых материалов, позволяющих значительно дополнить биографию Бутурлина. Эти материалы, на наш взгляд, представляют определенный интерес для истории революционного народничества. Освещению их и посвящается настоящая статья. В ее подготовке к печати оказана помощь внуком революционера — А. С. Бутурлиным. Автор приносит ему сердечную благодарность.

I

Как известно, с 50-х годов XIX века в результате увеличения разночинной прослойки шел процесс демократизации студенчества и, в связи с этим, заметно усиливалась его революционность. Лучшие представители студенчества стали включаться в революционную работу.

Одним из активнейших отрядов русской молодежи, поднимавшихся на борьбу против самодержавно-помещичьего строя, были студенты московских высших учебных заведений, в особенности Московского университета[2]. Во второй половине 50-х годов в университете начи-

---

[1] Валкин М. Х. Александр Сергеевич Бутурлин (материалы к биографии), Ульяновск, 1961.

[2] См. Ткаченко П. С., Московское студенчество в общественно-политической жизни России второй половины XIX века, изд. МГУ, 1958, стр. 10—11.

нают возникать студенческие библиотеки, кассы взаимопомощи, рукописные журналы. К этому же времени относятся первые студенческие волнения, революционные сходки. Волнения студентов университета были частью революционно-демократического движения в стране против крепостничества и самодержавия. Так, осенью 1857 г. произошло сильное возмущение, вызванное избиением и арестом полицейскими нескольких студентов университета[1].

В 1858 г. на историко-филологическом, юридическом и медицинском факультетах имели место организованные выступления студентов против ряда реакционных профессоров. Во время лекции невежественного и грубого профессора славянских наречий Майкова все слушатели демонстративно, друг за другом, покинули аудиторию. Студенты держались стойко и вынудили Майкова подать в отставку. Вскоре они добились устранения и реакционного профессора Орнатского[2].

В том же году студенты медицинского факультета дважды освистали и изгнали из аудитории профессора Варнека, оскорблявшего в своих лекциях достоинство и попиравшего национальную гордость русского человека. 17 студентов были исключены за участие в «варнековской истории». Однако выступление не осталось безрезультатным: профессор получил отставку. «Разве мы из-за одного Варнека затеяли такую историю? — писала студенческая газета «Искра». — В этом случае игра не стоила бы свеч»[3].

Таким образом, студенты выступали за изменение условий всей университетской жизни. А этого нельзя было добиться без уничтожения самодержавно-помещичьего строя.

В ходе отмены крепостного права коренные противоречия русской жизни, как известно, не были разрешены. Эти противоречия продолжали питать революционно-демократическое движение передовых слоев русского общества и, в том числе, студенчества. В течение порефор-

---

[1] См. Московский университет за 200 лет. Краткий исторический очерк. Сост. А. И. Сахаров и Д. К. Шелестов. Под ред. проф. И. С. Галкина. Изд. МГУ, 1955.

[2] См. В. Болховитинов. Александр Григорьевич Столетов. 1839—1896. М., 1953, стр. 38—39.

[3] Там же, стр. 39.

менного десятилетия в Московском университете возникали одно за другим волнения. Проявлением революционного протеста студенчества против реакционных порядков в университете, против самодержавно-полицейского режима в стране явилась так называемая «полунинская история» — забастовка студентов IV курса медицинского факультета. Одним из организаторов и самых активных участников полунинской забастовки являлся студент А. С. Бутурлин.

Александр Сергеевич Бутурлин — участник революционного движения на протяжении двух десятилетий — с конца 60-х и до конца 80-х годов XIX века. Родился он в 1845 г. в Москве, в родовитой дворянской семье. Вопреки семейным традициям Бутурлин отказался от получения военного образования. Сдав экстерном экзамены за гимназический курс, в 1863 г. он поступил в Московский университет на естественное отделение физико-математического факультета. В 1867 г. он оканчивает курс по «отделу естественных наук» и за отличные успехи утверждается советом университета в степени кандидата.

В это время у Бутурлина проявляется большой интерес к медицинским наукам и он решает продолжить учебу на медицинском факультете университета, куда поступает в 1867 г. Здесь А. С. Бутурлин сближается с революционно-настроенными студентами В. Н. Смирновым, А. Л. Эльсницем, В. А. Гольштейном и другими.

Революционным крещением для Бутурлина явилась полунинская забастовка.

Декан медицинского факультета, профессор А. Н. Полунин, преподававший на медицинском факультете Московского университета патологическую анатомию, взял на себя также ведение курса клинической медицины, вместо профессора Захарьина, уехавшего на один год за границу. Во время лекций и на практических занятиях Полунин показал себя перед студентами некомпетентным преподавателем, совершенно не разбирающимся в вопросах клинической медицины.

Убедившись в бесполезности посещения таких занятий, наиболее радикально настроенные студенты IV курса стали высказывать вслух свое недовольство, а затем агитировать других коллективно отказаться от посещения лекций Полунина. Агитация имела успех. Началась

нашумевшая «полунинская история» — дружная забастовка студентов-медиков.

Полунинская история получила широкий отклик в периодической печати того времени. Так, в «Правительственном Вестнике» (№ 262 за 1869 г.) под рубрикой «Правительственное сообщение» был помещен официальный отчет «О беспорядках бывших в Московском университете на IV курсе медицинского факультета». Отчет был составлен советом университета «и прислан для опубликования господином министром народного просвещения». В отчете, в частности, говорилось следующее. «На заседании 29 октября Совет был вынужден исполнить тяжелую обязанность, сделав приговор об удалении студентов, которые, начиная с 17 октября, непрерывно в продолжении последующих 12 дней упорно отказывались... посещать профессорские лекции[1] и от послушания начальству... Большею частью смысл... уклончивых объяснений состоял в часто повторяемом заявлении, что они уважают профессора Полунина и ценят его достоинства, но этим предметом будут заниматься под руководством другого профессора. Когда же им объявили, что они не будут допущены к переводному испытанию на следующий курс, то они отозвались, что уже решились лучше потерять год, чем слушать лекции профессора Полунина. В таких крайне безосновательных заявлениях сильно высказывалось присутствие побуждений посторонних для интересов науки...

25 октября... Совет университета определил...

1) Объявить студентам IV курса медицинского факультета выговор с внесением в штрафную книгу.

2) В случае невозвращения сих студентов к исполнению своих обязанностей... закрыть IV курс медицинского факультета в среду на предстоящей неделе... 27 числа было объявлено студентам определение Совета в факультетской клинике... Некоторые из числа этих последних (речь идет о наиболее увлеченных студентах.—**М. В.**) встретили определение Совета грубыми и не соответствующими благовоспитанным юношам выходками. (Студент Гольштейн захохотал с криком: «браво, браво!». Смирнов Валериан сказал: «этот замечательный до-

---

[1] § 21 правил для студентов гласил: «Студенты обязаны исправно посещать лекции».

кумент перейдет к потомству», а Бутурлин объявил, что «он ни за какие коврижки не пойдет на лекцию».

28 числа помощник проректора получил известие от студентов, что некоторые из упорствующих затевают новую демонстрацию. Извещенный о том ректор университета лично прибыл в клинику, чтобы пригласить их удалиться. Собравшихся к демонстрации студентов ректор застал расположившимися на лестнице в неуважительных позах. Эти студенты были: Гольштейн, Лыткин, фон-дер-Эльсниц, Смирнов Валериан и Бутурлин... Совет не мог не обратить внимание на то, что это те самые молодые люди, которые, бывши на III курсе, прошлою весною производили агитации, едва пресеченные усиленной деятельностью университетского начальства, — производили их под предлогом будто бы неправильной раздачи казенных и благотворительных стипендий и что между ними и в настоящее время особенно выделяются те, которые и тогда были замечены как главные агитаторы...».

Дословно правительственное сообщение было перепечатано в четвертом номере журнала «Архив судебной медицины и общественной гигиены» за 1869 г. Статья без подписи «о полунинской истории» была напечатана также в 312 номере «Санкт-Петербургских ведомостей» за тот же 1869 г. (12 ноября). В статье, со ссылками на информацию от студентов, излагались события, происшедшие на медицинском факультете Московского университета. «Студенты уверяют, — пишет анонимный автор статьи, что г. Полунин читает вовсе не клинические лекции, а ограничивается сообщением чего-то вроде кратких очерков из патологической анатомии. Он вовсе не разбирает данный частный случай, не показывает студентам, как в данном случае индивидуальные условия изменяют типическую форму болезни, уже известную студентам из лекций, не приучает их к исследованию больного. По словам студентов, он счел за лучшее изменить самое свойство занятий; студент остался куратором своего больного только поминально: вести историю болезни было поручено ординаторам. Самостоятельные занятия студентов с больными в свободное от лекции время всячески стеснялись... Метод лечения профессора Полунина тоже немало удивлял студентов. В самых разнообразных болезненных случаях предлагались больным

почти все одни и те же скудные числом микстуры, в которых главную роль играли невиннейшие средства... Как бы то ни было студенты были сильно недовольны и уже давно ходили на лекции профессора Полунина в самом ограниченном числе — человек 10—15 (на курсе 57 человек). Положение стало до того напряженным и тяжелым, что достаточно было самого ничтожного случая, чтобы произвести взрыв. Случай скоро представился. 17 октября, в пятницу, студенты в назначенный для лекции Полунина час, отправились в палаты, но, к удивлению, в дверях их встретил ординатор и не пустил, потому что г. Полунин был занят исследованием вновь поступившей в клинику больной и не велел пускать студентов. Студенты ушли и более не возвращались на лекции, несмотря на все старания ординаторов и самого профессора».

В делах 3-й экспедиции III отделения[1] сохранился 305-й номер московской газеты «Современные известия» (от 6 ноября 1869 г.). В ней помещена заметка о полунинской истории. В заметке упоминается заявление студентов о том, что лекции Полунина не только не полезны, но прямо вредны. Заметка вначале осуждает молодежь, студентов, а потом бьет по университету и по Полунину. Говорится, что странно, если профессор хочет читать лекции людям, которых только железная дисциплина, угрозы заставляют являться на его лекции. Резко критикуется существующий порядок, при котором обучающим все равно слушают их обучаемые или затыкают уши ватой, лишь бы внешние формы были соблюдены. На полях этого экземпляра газеты у статьи красным карандашом сделана надпись: «просто подстрекательство к неповиновению и беспорядкам».

В номере 251 «Московских ведомостей» появилась заметка в защиту Полунина. Автор заметки — реакционер, подверг нападкам тех «кто в печати льет воду на мельницу безответственных студентов...». В заметке критиковалась статья о полунинской забастовке, помещенная в № 312 «Санкт-Петербургских ведомостей» и особенно газета «Консервативная весть», перепечатавшая эту статью.

---

[1] ЦГАОР, ф. 109, опись 154, д. 99.

312-й номер «Санкт-Петербургских ведомостей», как было выше сказано, вышел 12 ноября. А в № 255 «Московских ведомостей» за 23 ноября появилась статья Полунина, в которой он пытался опровергнуть выдвинутые против него обвинения. Он заявил, что не хотел принимать кафедру Захарьина, но потом уступил просьбам факультета, так как больше принять ее было некому. Свою статью Полунин закончил лицемерной фразой: «богу известно, что побудило студентов произвести беспорядок. Бог да будет в этом деле и судьею».

Наиболее яркой и содержательной явилась большая статья о Полунине и полунинской забастовке доктора медицины Н. А. Белоголового. Эта статья под названием «Клинический профессор Полунин» появилась в упомянутом выше четвертом номере журнала «Архив судебной медицины» за 1869 г. в разделе «смесь» (стр. 25—30).

Автор статьи, опираясь на факты опубликованные в № 312 «Санкт-Петербургских ведомостей», резко критикует Полунина и, фактически, защищает действия студентов. Он обвиняет Полунина — преподавателя патологической анатомии, много лет имевшего дело лишь с мертвыми, за то, что тот согласился читать лекции по клинической медицине. Эти две специальности, по мнению автора, в одном лице вряд ли совместимы. В конце статьи идет речь по поводу объяснения, помещенного Полуниным в № 255 за 1869 г. «Московских ведомостей». Это объяснение Н. А. Белоголовый назвал лицемерным. Позднее в своих воспоминаниях о С. П. Боткине он дал в целом отрицательную характеристику Полунину, как профессору. Н. А. Белоголовый писал, что «...в его сухой и холодной натуре не теплилось того священного огня, который был особенно ценен в преподавателе и, сообщаясь любознательным слушателям, согревает их и привлекает к науке...»[1]. И. М. Сеченов также нелестно вспоминал о Полунине. «...Как ученик Рокитанского, — писал он, — Алексей Иванович был приверженцем гуморальной патологии, и лекции его заключались в сущности в перечислении установленных венской школой

---

[1] Московский университет в воспоминаниях современников. Составитель П. А. Ковнатор. Под ред. П. А. Зайончковского и проф. А. Н. Соколова. Изд-во Московского университета 1956, стр 209.

общих методов лечения, в рассуждения он вообще не любил пускаться»[1].

Наряду с широким освещением в печати, события полунинской забастовки нашли свое отражение и в архивных материалах, прежде всего, в официальной переписке властей, а также в агентурных донесениях. Так, в делах канцелярии московского генерал-губернатора[2] сохранилось дело под названием «О студентах Московского университета, IV курса медицинского факультета, отказавшихся слушать лекции профессора Полунина, за что 5 из них: Гольштейн, Смирнов, Бутурлин, фондер-Эльсниц и Лыткин уволены из университета с высылкою из Москвы».

В деле содержатся секретные донесения агента о событиях полунинской забастовки. Агент сообщает, что 28 октября из прибывших в факультетскую клинику 23-х студентов IV курса явилось на лекцию Полунина 16 человек, а семеро отказались слушать лекцию и за это удалены из клиники ректором института. «29 октября, — писал в следующем донесении агент, — не было назначено лекций в клинике для студентов IV курса медицинского факультета. Из 57 студентов этого курса изъявили желание посещать лекции декана Полунина 24, 10 студентов подали рапорты о своей болезни, а остальные 23 студента будто бы будут исключены из университета и что для этого в 2 часа по полудни назначено заседание Совета университета»[3].

В делах Совета университета содержится донесение Совета попечителю округа[4]. Оно написано в оправдание и разъяснение начальству позиции, занятой руководством университета в связи с полунинским делом, ибо министр просвещения получил от министра внутренних дел сообщение московского генерал-губернатора о том, что университетское начальство пыталось дело смягчить[5]. Указывается, что Совет решил исключить пятерых главных зачинщиков.

---

[1] Московский университет в воспоминаниях современников. Составитель П. А. Ковнатор. Под ред. П. А. Зайончковского и проф. А. Н. Соколова. Изд-во Московского университета 1956, стр. 184.

[2] Центральный Госуд. архив г. Москвы, ф. 16, оп. 59, д. 144.

[3] Там же.

[4] Там же, ф. 459, оп, 2, д. 3267, стр. 42.

[5] Там же, стр. 14.

В упомянутом выше деле № 99 3-й экспедиции III-го отделения отмечается, что среди студентов особенно агитируют «семь человек, которые еще во время бывших весною текущего года беспорядков обнаружили некоторые предосудительные действия и от них-то, как полагают, и идет начало возникающего ныне беспорядка...».

Таким образом, полунинская забастовка студентов вызвала широкий общественный отклик. В условиях самодержавно-полицейского режима в стране, протест против реакционных порядков в университете являлся, по существу, и протестом против общественного строя в целом. Что касается А. С. Бутурлина, то из вышеприведенных документальных материалов видно, что он принимал самое активное участие в забастовке, являлся одним из главных ее зачинщиков.

Пять организаторов забастовки Совет университета решил примерно наказать за то, что они «представляют угрозу» для остальных студентов. В постановлении Совета говорится «удалить Гольштейна, Смирнова, Бутурлина и фон-дер-Эльсница на 2 года с тем, чтобы в течение двух лет не принимать их ни в какие учебные заведения, а Лыткина исключить на 3 года»[1]. Кроме того, по ходатайству ректора, министр внутренних дел определил всем пятерым места ссылки. 27 ноября Бутурлин и Эльсниц были арестованы и высланы в Ярославскую губернию. 13 декабря 1869 г. Московский оберполицмейстер представил генерал-губернатору рапорт о том, что Бутурлин и Эльсниц сданы в управление начальника Ярославской губернии[2].

О настроениях Бутурлина в ссылке свидетельствует его письмо к В. Н. Смирнову от 19 декабря 1869 года. В письме, в частности, говорится следующее. «Приходится быть осторожными пока, в надежде, что настанет такое время, когда можно будет подвести итоги и всем личным страданиям...

Я знаю, в общих чертах, что делается в Москве, отчасти через некоторых приехавших недавно из Москвы ярославцев, отчасти через письмо Н. М., полученное по оказии. Само собой разумеется, что все эти известия действуют совершенно не так, как полагают, вероятно,

---

[1] Центр. Гос. архив г. Москвы, ф. 16, оп. 59, д. 144.
[2] Там же.

сбиры. Они не только не пугают, но, напротив того, возбуждают. Огнем зажигается душа, читая известия о всех этих людях, мужественно страдающих за свои убеждения, за те идеи, которые одни только стоят того, чтобы для них жить: без них жизнь бесцветна... Как отрадно знать, что все бестолковое рвение солдатчины не в состоянии остановить уцелевших, которых, надеюсь, немало»[1]. Цитируемое письмо фигурировало на нечаевском процессе в качестве одного из «вещественных доказательств».

II

В ходе расследования нечаевского дела, выявилась причастность Бутурлина к деятельности московского кружка нечаевцев.

Как известно, Нечаев в сентябре 1869 г. отправился из Петербурга в Москву[2]. Здесь ему удалось создать несколько революционных кружков, состоявших, главным образом, из студентов.

Как только стало известно о полунинской истории, Нечаевым было дано указание в кружки всемерно использовать ее в интересах создаваемого тайного общества. А. К. Кузнецов показывал на суде, что «в кружок было прислано приказание комитета... действовать на всех знакомых из университета для того, чтобы эта история не кончилась одним движением медиков 4 курса, а чтобы она приняла более широкие размеры»[3].

Приведенное показание Кузнецова подтверждается фигурировавшим в материалах процесса протоколом заседания кружка от 4 ноября 1869 г., на котором решено было сообщить по всей организации о том, чтобы «поддерживать это волнение (речь идет о полунинской забастовке. — **М. В.**), созывать сходки, намечать личностей, более выдающихся, и давать направление более широкое, чем студенческая история. Намекать о существовании в обществе силы, к которой следует примкнуть всякому»[4].

---

[1] Правительственный вестник, 1871 г., № 180, стр. 2.

[2] Богучарский В., Активное народничество 70-х годов, М., 1912, стр. 39.

[3] Правительственный вестник, 1871 г., № 156.

[4] Там же, № 162.

Члены нечаевского кружка, направленные для бесед с участниками забастовки, как свидетельствует В. Засулич, обычно от полунинской истории и всяческих студенческих бедствий переходили в разговорах «к положению народа, к близости революции, к обширной организации, раскинутой по всей России, и делалось предложение вступить в ее ряды. Благодаря возбужденному состоянию, согласие быстро давалось, читались общие правила организации, и, не успевши очнуться, студенты становились членами этого общества»[1].

Из показаний нечаевца Прыжова следует, что исключенные из университета за участие в полунинской забастовке студенты-медики были им вовлечены в нечаевскую группу. Среди вступивших «в заговор» был и Бутурлин. Министр юстиции в своем докладе по этому поводу писал следующее. «Отставной коллежский секретарь Иван Прыжов, 42 лет, по собственному сознанию помогал Нечаеву в составлении заговора печатанием бланков «Народной расправы», подговором исключенных из Московского университета в октябре месяце 1869 г. за историю с профессором Полуниным студентов Бутурлина и Пирамидова вступить в заговор...»[2].

Говоря о причинах, побудивших студентов университета вступить в революционную группу нечаевцев, привлеченный к делу бывший студент Н. Пирамидов отмечал: «Какие мотивы заставили меня сделаться членом организации? Ответ на этот вопрос выяснится сам собою, если разобрать то положение и те условия, в которых я находился после исключения моего из университета, не говоря уже о том, что это исключение ложилось тяжелым образом в материальном отношении, лишая меня стипендии и отдаляя еще на год окончание моего курса, оно, главным образом, способствовало развитию недоверия и даже озлобления к людям, держащим в своих руках власть.

Как думал и говорил я всюду и всем, где только можно было говорить, в конце XIX столетия так бесцеремонно обращаются с наукой, назначают анатома-патолога на кафедру оперативной клиники, и когда 18 чело-

[1] В. Засулич. Воспоминания. Подготовил к печати Б. Козьмин. М. 1931, стр. 49.

[2] Доклад министра юстиции. — В кн.: Б. П. Козьмин «Нечаев и нечаевцы» Сб. материалов, М.—Л., 1931, стр. 14.

век студентов IV курса, во имя науки, не желая выйти вместо честных лекарей шарлатанами, отказались дать свое согласие на посещение лекций Полунина, тогда, я говорю, их выкидывают из стен университета, т. е. преграждают всякий доступ к окончанию своего образования. И как выкидывают!.. Без следствия, без суда, которому они подлежат даже по университетским правилам... Все только что сказанное мною ясно сознавалось нами, прибавьте к этому полное сознание своей правоты, которую мы можем доказать медицинскими фактами (стоит только сличить истории болезней с протоколами вскрытий) и свидетельствами людей вполне компетентных, т. е. врачей и некоторых профессоров, знающих Полунина; потом невозможность апеллировать на решение университетского Совета, подписанное попечителем, и все это вместе взятое представит вам картину нашего положения»[1].

Как видим, события полунинской забастовки оказали большое влияние на формирование революционного мировоззрения студентов, побудили наиболее решительных из них к вступлению в революционную организацию.

Обвиняемый по нечаевскому делу Федор Рипман показывал на допросе, что после полунинской истории в гостинице Мамонтова была назначена сходка. «Туда отправились не все, а человек 7, именно Ишханов, Мутафов, Пирамидов, Бутурлин, Смирнов, Эльсниц и Петровский. Говорил здесь я о тайном обществе, о его цели произвести революцию и прочее»[2].

О деятельности Бутурлина в составе нечаевского кружка в докладе министра юстиции говорится следующее: «Дворянин Александр Бутурлин, 26 лет, хотя и не сознался в том, чтобы ему было даже известно о каком-либо тайном обществе, уличается, однако, в принадлежности к Московскому заговору тем, что бывал на собраниях членов заговора; указал в то время Успенскому на некоторых лиц, которых, по его мнению, можно было вовлечь в тайное общество, и затем, находясь уже в Ярославле, куда был выслан административным распоряжением, не переставал в письмах к товарищам своим Пи-

---

[1] Козьмин Б. П., указ, соч. стр. 91.
[2] ЦГИА СССР, ф. 124, д. 10, л. 195.

рамидову и Смирнову выражать такого рода мысли, которые не могут оставлять сомнения насчет сочувствия его делу организации; так в письме к Смирнову, он между прочим, выражает удивление, что не получает известий от руководителя, погибшего в московской буре; причем говорит об арестах, о том, что он, может быть, погибнет на виселице и т. п., у него при обыске также найдены письма крайне подозрительного содержания; в одном из них без подписи говорится: высокопоставленные глупцы думают, что их нелепые меры имеют предупредительное значение, если бы они знали, что каждое новое притеснение все теснее и теснее смыкает кружок честных людей... придет и наше время, когда мы дадим единодушный ответ и пр. Все это вместе с тем обстоятельством, что имя Батурлина встречается в протоколах, веденных Успенским, доказывает, что он был предан стремлениям заговора»[1].

Как видно из доклада министра юстиции, на следствии Бутурлин не сознался, что он является членом одного из кружков, созданных Нечаевым. Позднее сам Бутурлин, в беседе с С. Л. Толстым говорил, что «... числился в одной из тех пятерок, которые должны были по проекту Нечаева произвести революцию»[2].

В начале 1870 г. сенатор Чемодуров, производивший по высочайшему повелению следствие по делу нечаевцев, вытребовал в Москву Смирнова, Эльсница и Гольштейна и привлек их к дознанию. В это же время был привлечен к дознанию А. С. Бутурлин. В архиве сохранился протокол допроса обвиняемого А. С. Бутурлина от 18 февраля 1870 г. Из протокола видно, что Бутурлин давал показания весьма осторожно, уклончиво, стараясь ничего существенного не сообщать.

Приведем некоторые выдержки из его показаний. «После исключения моего из университета, — говорил Бутурлин на допросе, — Алексей Орфано советовал мне обратиться к Прыжову, говоря, что он может достать места преимущественно на железных дорогах, нуждающимся из числа моих исключенных товарищей. У Прыжова

---

[1] Доклад министра юстиции — В кн.: Б. П. Козьмин «Нечаев и нечаевцы». Сб. материалов, М.—Л., 1931, стр. 21—22.

[2] Толстой С. Л. Очерки былого, 2-е изд., ГИХЛ, 1956, стр. 344.

я был, сколько мне помнится, в первых числах ноября. Я не знаю, был ли кто из моих товарищей до меня у Прыжова или нет. Я не могу наверное сказать, кто из моих товарищей был вместе со мной у Прыжова, кажется был фон-дер-Эльсниц, быть может был и Смирнов, но впрочем ничего положительного об этом я сказать не могу, мог быть со мной и кто-нибудь другой из моих товарищей. В это посещение я в первый раз познакомился с Прыжовым, но слыхал о нем и прежде от Орфано...

...Приказчика книжного магазина Черкасова-Успенского я знаю, но мало. Познакомился я с ним по следующему случаю: я написал статью о столкновении студентов с профессором Полуниным и слышал, что Успенский может содействовать напечатанию статьи в какой-нибудь газете, поэтому я и обратился к нему с просьбой помочь мне в этом деле; через его посредство статья эта и была действительно напечатана... Каким образом могло случиться, что Нечаев знал мой адрес и передал его одному из членов политической организации, — я не знаю и объяснить этого не могу»[1].

8 июня 1870 г. Чемодуров обратился к ректору с официальным письмом, в котором просил доставить ему «документы о звании бывшего студента Московского университета Бутурлина А. С.»[2]. В соответствии с запросом, Чемодурову было направлено личное дело Бутурлина.

1 июля 1871 г. по обвинению «в составлении в Москве в 1869 г. заговора с целью ниспровержения существующего порядка правления в России» Бутурлин вместе с другими нечаевцами предается суду особого присутствия Петербургской судебной палаты. В обвинительном акте, в частности, указывалось: «К изобличению Александра Бутурлина служат показания Успенского, Кузнецова, Рипмана, Пирамидова, Эльсница и Прыжова. Успенский показал, что Бутурлин, приглашенный им к вступлению в общество, выразил свое согласие и указал на некоторых лиц, которых, по его словам, удобно было бы привлечь к участию в обществе. Кроме всего, показания выше приведенных лиц, удостоверяют, что Бутурлин был на собрании в гостинице «Мамонтова», где Рипман и

[1] ЦГИА СССР, ф. № 124, д. 10, лл. 108—113.
[2] Центр. Гос. архив г. Москвы, ф. 418, оп. 32, д. 394.

князь Черкезов сообщали сведения об организации тайного общества и показывали разные возмутительные прокламации. Все это вместе взятое, а также некоторые выражения писем, отобранных при обысках у Бутурлина и Смирнова, приводит к убеждению в принадлежности Бутурлина к тайному обществу «Народной расправы» с знанием о конечной его цели»[1].

6 августа «за недостаточностью улик» он был оправдан[2]. Вынесению оправдательного приговора способствовала осторожная тактика поведения Бутурлина на предварительном следствии и на суде: он признавал только то, что было известно следствию из показаний других обвиняемых, сам ничего важного не сообщил. Бутурлин относился к тем подсудимым, о которых обвинитель с раздражением говорил: «поведение их на суде доказало нам, что подсудимые эти весьма далеки от какого-либо раскаяния и всеми способами, которые находились в их распоряжении, с самого начала и до конца старались затруднить разрешение настоящего дела, не только не сознаваясь в тех преступлениях, в которых их обвиняют, но всеми объяснениями, представленными ими, старались по возможности извратить смысл всего процесса»[3].

Материалы процесса свидетельствуют, что Бутурлин являлся членом нечаевской организации, «преданным стремлениям заговора». Он был одним из тех людей, которые поверили Нечаеву и вступили в его организацию с целью борьбы с царским самодержавием, для активного участия в революции.

Царское правительство даже к оправданным подсудимым по нечаевскому процессу отнеслось, как к своим опаснейшим врагам. Об этом, в частности, свидетельствует циркуляр министра народного просвещения, разосланный учебным округом. В этом циркуляре дается ука-

---

[1] Журнал Русская историческая библиотека № 1 Государственные преступления в России в XIX в. Сб. извлеченных из официальных изданий правительственных сообщений. Составлен под ред. Б. Базилевского (В. Богучарского), т. I, 1825—1876 г. С.-П., 1906 г., стр. 208.

[2] Биобиблиографический словарь «Деятели революционного движения в России», Составлен А. А. Шиловым и М. Г. Карнауховой, т. II, стр. 158.

[3] Правительственный вестник, 1871 г., № 181, стр. 5.

зание, «чтобы в учебных заведениях... не были допускаемы ни в качестве учащихся, ни к испытаниям для приобретения учительских и воспитательских званий, ни на службу к учительским и всяким другим должностям следующие лица, находившиеся под судом по бывшему в рассмотрении С-Петербургской судебной палаты делу о заговоре, составленном с целью ниспровержения существующего порядка управления в России... К сему нужным считаю присовокупить, что названные лица равным образом не должны быть допускаемы к преподаванию в частных домах и в частных учебных заведениях, а также к начальному обучению, в особенности же к преподаванию в начальных народных училищах, за исполнением чего должно быть строго наблюдаемо»[1].

Среди поименованных в циркуляре лиц значится и Александр Бутурлин. Аналогичный документ был разослан и министерством юстиции. В нем сказано о недопущении тех же лиц на службу по судебному ведомству.

III

После Нечаевского процесса Бутурлин в идейном отношении оказался на перепутье. Дальнейшие пути и методы революционной деятельности были ему не ясны. И он приходит к выводу о необходимости глубже разобраться в вопросах революционной теории. Для осуществления этой цели самое лучшее было уехать за границу, где можно было свободно изучать запрещенную в России политическую литературу, общаться с политическими эмигрантами. Примером в этом отношении для Бутурлина были его товарищи: Смирнов, Эльсниц и Гольштейн. Освобожденные из заключения по поручительству родных все трое должны были находиться в Москве. Однако, согласно донесению оберполицмейстера Арапова от 25 июня 1871 г., они скрылись из своих квартир. А уже 27 июня 1871 г. Смирнов прислал отцу телеграмму, что он, Гольштейн и Эльсниц находятся в Швейцарии, в Цюрихе[2].

На следующий, 1872 год, в Швейцарию вместе с женой выезжает и Бутурлин. Местом жительства его ста-

[1] ЦГАОР, ф. 124, оп. 1, д. 4.
[2] Цент. Гос. архив г. Москвы, ф. 16, оп. 59, д. 144.

новится небольшой городок на берегу Женевского озера Монтре. Отсюда он поддерживает постоянные связи с Цюрихом. Через своих друзей он получает из Цюриха необходимые ему книги. Как известно, по инициативе Смирнова в Цюрихе была создана русская библиотека, где, как вспоминала Вера Фигнер, была «представлена вся заграничная русская литература, и были налицо все главные лучшие сочинения по западно-европейскому социализму[1]. Пользуясь этой библиотекой, Бутурлин имел возможность ознакомиться в подлиннике с рядом произведений Маркса и Энгельса, с рабочей прессой Германии, Австрии и Швейцарии, сочинениями Герцена, а также с запрещенной русской литературой.

А. Тверитинов, приехавший в мае 1873 года в Монтре, позднее вспоминал: «Через два-три дня по приезде встречаю я на улицах Монтре нигилистообразного молодого человека, с очень длинными волосами... Всматриваюсь, и узнаю в нем судившегося незадолго перед тем по нечаевскому делу А. С. Бутурлина...

Александр Сергеевич был для меня большой находкой: жил он за границей уже более года и был знаком со всей запрещенной русской литературой, а я ею очень интересовался. По его указанию я отправился в Женеву на Corraterie (улица) к Георгу (книжный магазин)... Прожил месяц. Озером налюбовался, «все неблагонадежное», что только мог достать у Георга, прочитал...»[2]. Затем Тверитинов с рекомендательным письмом от Бутурлина отправился к Смирнову, в Цюрих[3].

Во второй половине 1872 г. в Цюрихе в среде русской революционной эмиграции обсуждался вопрос об издании политического журнала[4]. Однако относительно программы журнала выявились принципиальные разногласия между бакунистами и лавристами. Находившиеся в Цюрихе Лавров и Бакунин не смогли придти к соглашению об издании единого журнала.

---

[1] Фигнер В. Полн. соб. соч., т. V, стр. 53.

[2] Тверитинов А. Об объявлении приговора Н. Г. Чернышевскому. О распространении его сочинений на французском языке в Западной Европе и о многом другом. Воспоминания. С.-П., 1906., стр. 9—10.

[3] Там же, стр. 10.

[4] См. статью Троицкого Н. А «Основание журнала «Вперед» — В сб.: «Из истории общественной мысли и общественного движения в России», изд-во Саратовского университета, 1964, стр. 98—108.

Об участии Бутурлина в революционной работе группы «Вперед», о его связях с членами редакции сохранились скупые свидетельства. В связи с этим большое значение для выяснения указанного вопроса имеют хранящиеся в Центральном архиве Октябрьской революции в Москве письма В. Н. Смирнова к А. С. Бутурлину[1]. Письма датируются 1872—1873 гг.

13 августа 1872 г. В. Н. Смирнов писал Бутурлину: «Дорогой Александр Сергеевич! По всей вероятности с Вами уже говорили о журнале, который предполагается издать в Цюрихе и приглашали Вас принять участие в нем; по всей вероятности говорили с Вами об устройстве путей, через которые можно провозить журнал в Россию. Я со своей стороны хочу сказать Вам несколько слов по этому поводу. Дело в том, что в настоящее время идут хлопоты с двух сторон. Один журнал лавровский, другой бакунинский. Журнал Лаврова имеет в виду притянуть к участию в нем все наличные силы нашей лучшей литературы[2].

Далее в письме высказывается мысль о вредности двух журналов, о необходимости соединиться «вместе на дружный бой с врагами»[3]. В заключение Смирнов замечает, что лавровцы и бакунинцы «плохо рассчитывают последствия и могут сделать немало ошибок», и просит Бутурлина сообщить свое мнение по этим вопросам: «напишите Ваше мнение», — пишет он.

Руководители той и другой группировки относились с уважением к Бутурлину, ценили его ум и большие знания. Как Лавров, так и Бакунин считали необходимым лично познакомиться с ним. Каждый из руководителей хотел привлечь его на свою сторону, использовать в революционной работе. В. Н. Смирнов в своем письме Бутурлину от 13 сентября 1872 г. говорит по этому поводу следующее: «В воскресенье, 15 сентября в St. Imier соберется оппозиционный (анархический) интернациональный конгресс. На этом конгрессе будет Бакунин, играющий не последнюю роль в последней передряге. Бакунин

---

[1] На эту переписку впервые обратил внимание Б. С. Итенберг (см. его монографию «Движение революционного народничества», Институт истории А. Н. СССР, под ред. проф. А. С. Нифонтова, «Наука», М., 1965, стр. 198 и др.).

[2] ЦГАОР (М), ф. 1737, оп. 1, д. 26, л. 4.

[3] Там же, л. 13.

неоднократно выражал желание познакомиться с Вами. День или два тому назад он снова выразил мне свое желание и просил меня написать к Вам о том, чтобы Вы, если можно, побывали на конгрессе... Познакомиться с Вами Бакунин желает, сколько я знаю, (1) потому, что имеет хорошие отзывы об Вас, а (2) главным образом, думаю, поговорить с Вами насчет журнала, который он думает начать издавать в ближайшем будущем»[1].

Из письма Смирнова от 23 сентября можно заключить, что Бутурлин ездил на конгресс и встретился там с Бакуниным. «Довольны ли Вы поездкой в St. Imier и довольны ли Вы свиданием и его результатами»,— писал тогда он[2].

Швейцарский период революционной деятельности Бутурлина нашел некоторое отражение в исследовании зарубежного историка И. М. Майера. В связи с поездкой Бутурлина на конгресс, Майер, в частности, замечает, что Бутурлин «не был истинным бакунистом». Он поехал на конгресс по просьбе Валериана Смирнова, который «был уже в контакте с Лавровым, но не сделал еще своего выбора между этими двумя»[3] (между Лавровым и Бакуниным. — **М. В.**).

Как бывшего нечаевца Бакунин, по-видимому, считал Бутурлина своим сторонником. После встречи на конгрессе он захотел снова с ним увидеться, чтобы окончательно решить вопрос о вступлении Бутурлина в его группу. В письме от 10 октября Смирнов сообщает Бутурлину о намерении Бакунина приехать в Монтрё. 11 октября он, выполняя просьбу Бакунина, писал Бутурлину: «Б. просил меня передать Вам, что он прибудет к Вам в понедельник, 14 октября»[4].

Из дальнейшего хода событий видно, что вояж Бакунина в Монтрё не был успешным: ему не удалось завербовать в свою группу Бутурлина, так как, по-видимому, тот уже понял несостоятельность анархистской тактики Бакунина. Известно, что бакунинская теория и тактика

---

[1] ЦГАОР (М), ф. 1737, оп. 1, д. 26, л. 11.
[2] Там же, л. 13.
[3] J. M. Meijer. The russian colony in Zuerich (1870—1873). A. Contribution to the study of Russian Populism. Assen. 1955, p. 99.
[4] ЦГАОР, ф. 1737, оп. I, д. 26, л. 20.

не встретили поддержки у многих деятелей народничества[1].

Тем временем Лавров решил также принять меры по вовлечению Бутурлина в свою группу. 26 ноября 1872 г. Смирнов писал: «Дорогой Александр Сергеевич! Л. желает лично познакомиться и поговорить с Вами. Было бы очень важно, если бы Вы приехали на день-другой в Цюрих»[2]. 4 декабря Смирнов, сообщая о предполагаемой высылке Бутурлину лекций Лаврова, старается убедить его в превосходстве Лаврова над Бакуниным[3]. 9 декабря он направляет Бутурлину письмо с грифом «весьма секретно». В этом письме Смирнов от имени Лаврова поручает Бутурлину составить список своих знакомых в России, которые, по его мнению, могли бы оказать помощь в издании журнала «Вперед».

«Если есть у Вас какие-нибудь знакомые в России, на которых можно рассчитывать в каком-нибудь отношении в журнальном деле, то поторопитесь как можно скорее дать знать о сем П. Л., — говорилось в письме. — Обозначьте их фамилии, место жительства»[4].

Как видно, из дальнейшей переписки, Бутурлин выполнил это поручение, направил П. Л. Лаврову просимый список и «характеристики». Материалы переписки свидетельствуют также и о том, что Бутурлин принял участие в «хлопотах о типографии»[5] для журнала «Вперед».

Однако группа Лаврова не была уверена, что Бутурлин окончательно примкнул к ней. Смирнову, в частности, казалось, что Бутурлин занимает несколько выжидательную позицию. В связи с этим 25 декабря 1872 г. он обратился к Бутурлину со специальным письмом, в котором просил его определить свою позицию, сделать окончательный выбор между лавристами и бакунистами. «Я теперь искренне и прямо, — писал он, — обращаюсь с тем же вопросом к Вам: куда примыкаете Вы, Ал. С.? Кого из нас будете поддерживать в будущем?.. отказать-

---

[1] Глаголев Н. А. I Интернационал и русская демократическая критика, Вестник МГУ, Серия VII, филология, журналистика 1965 г., № 2, стр. 8.

[2] ЦГАОР, ф. 1737, оп. 1, д. 26, л. 24.

[3] ЦГАОР (М), ф. 1737, оп. 1, д. 26, л. 25—26.

[4] Там же, л. 27.

[5] Там же, л. 31—32.

ся от Вашего сотрудничества, от Вашей помощи, от коллективного действия с Вами во имя всем нам дорогого дела было бы больно, очень-очень больно и тяжело...»[1].

К сожалению, нам неизвестен текст ответного письма Бутурлина. Однако сущность его ответа становится вполне ясной, если мы ознакомимся с содержанием последовавшего за этим ответом письма Смирнова к Бутурлину. «Дорогой друг мой, — писал Смирнов, — не словами, а крепкими-крепкими объятиями хочется выразить Вам то чувство, которое вызвало во мне Ваше последнее письмо. Не богата такими хорошими, освежающими душу минутами моя эмигрантская жизнь. Да, дорогой друг, это хорошее и свежее чувство; видно не даром сошлись мы с Вами: помните, два года тому назад, после Мартовских дней и Полунинской стачки, мы побратались во имя той же великой цели? Прошло два года, мы опять вместе, цель осталась для нас также велика, наше желание служить делу революции также искренне, также сильно, и мы рука об руку, поддерживая друг друга, перевязывая друг другу душевные раны и язвы, снова идем «вперед» к той же цели, для которой только и стоит жить, «вперед» мимо всех пошлостей и мелочей жизни, сквозь строй оскорблений, насмешек, ругательств, «вперед», пока не свалитесь где-нибудь на баррикадах, за которыми народ будет защищать свою свободу. Будем же неутомимо работать в нашем «Вперед»...[2].

Из этого письма Смирнова видно, что Бутурлин рассеял его сомнения, заявив о своем решении работать в группе Лаврова. Сообщение об этом, как видим, вызвало восторженную реакцию у Смирнова[3].

Письма 1873 г. свидетельствуют о постоянной связи Смирнова и Бутурлина. Они систематически обмениваются информацией о делах журнала «Вперед»: о подготовке корреспонденций, об организации провоза через

---

[1] ЦГАОР, (М), ф. 1737, оп. 1, д. 26, лл. 31—32.

[2] Там же, письмо от 30 декабря 1872 г., лл. 33—34.

[3] И. Майер пишет, что, помимо технической стороны, подготовки журнала «Лавров усилил работу над его содержанием. Он повсюду старался находить сотрудников. С этой целью начали действовать Смирнов и Подолинский. Бутурлин и Кулябко-Корецкий также заверили в их сотрудничестве» (I. M. Meijer, указ. соч., стр. 124).

границу и по ряду других вопросов[1]. Из письма Смирнова от 4 апреля следует, что Бутурлин принимал непосредственное участие в подготовке третьей, «более социалистической» программы лавристов. В нем, в частности, говорится: «Дня два-три я послал Вам программу. Она будет напечатана в этом виде. Уведомьте, получили ли Вы ее? **Хорошо переделана?»**[2] — Подчеркнутая нами фраза из письма говорит о том, что Бутурлину высылалась программа до «переделки», в процессе которой были учтены его замечания и предложения по улучшению текста.

В связи с этим возникает вопрос: не является ли указанная программа, составленная П. Л. Лавровым, в известном смысле, результатом коллективного труда (В. Н. Смирнова, А. С. Бутурлина и др.)?

Следует отметить, что Смирнов посылал Бутурлину на просмотр многие материалы подготавливавшиеся для журнала «Вперед!». Бутурлин подвергал их обстоятельному разбору, делал конкретные замечания, давал советы. В. Н. Смирнов высоко ценил помощь Бутурлина. 30 октября 1873 года он писал ему: «Тысячу раз Вам благодарен за все Ваши замечания, за мнения, сообщенные Вами мне»[3].

Для воссоздания биографии А. С. Бутурлина определенное значение имеют неопубликованные воспоминания о нем лавриста Дмитрия Ивановича Рихтера. Как известно Д. И. Рихтер в начале 70-х годов принимал участие в работе существовавшей в Цюрихе марксистской секции I Интернационала[4]. Позднее он стал активно сотрудничать с лавристами.

Воспоминания Д. И. Рихтера под названием «А. С. Бутурлин» хранятся в отделе рукописей Всесоюзной библиотеки имени В. И. Ленина[5]. Они представляют из себя черновую рукопись на 37 листах. Как сообщает автор, воспоминания были написаны через год после смерти Бутурлина, т. е. в 1917 г. Воспоминания эти не

---

[1] ЦГАОР (М), ф. 1737, оп. 1, д. 26, лл. 37—66.

[2] Там же, л. 44.

[3] Там же, лл. 56—57.

[4] А. Я. Киперман. Русская эмигрантская колония в Цюрихе и ее связи с Россией в начале 70-х гг. XIX в. Шуйский государственный педагогический институт. Ученые записки, выпуск X, 1963 г.

[5] ОР, ф. 218, картон № 1071, л. 30.

являются результатом научного осмысливания жизненного пути революционера-народника. Однако содержащийся в них материал позволяет уточнить или подтвердить отдельные факты революционной деятельности Бутурлина. Говоря о его вступлении в кружок «Вперед!» Рихтер пишет, что он являлся деятельным членом «...все время существования как издаваемого кружком журнала «Вперед!», так и самого кружка до его закрытия в 1879 г.»[1].

Когда в 1873 г. встал вопрос о возвращении Бутурлина в Россию, ему было поручено осуществлять там функции агента «Вперед!». Для налаживания связей Бутурлину давались адреса революционеров, связанных с журналом. По этому поводу 28 апреля В. Н. Смирнов писал ему: «Тот господин, к которому Вы должны были бы обратиться в России, приехал на все лето в Цюрих. По сему, если Вы поедете в Россию, вы получите другой адрес, другого лица...»[2].

В начале 1874 г. Бутурлин был уже в Москве[3]. По приезде в Россию, как свидетельствует Д. И. Рихтер, Бутурлин «...занимался, главным образом, делами журнала «Вперед!»... Работал же А. С. Бутурлин для «Вперед!», состоя как бы агентом издательства в Москве»[4]. Рихтер пишет, что «в Москве в то время собралось много молодежи, отправлявшейся в народ... Все это посещало А. С...».

Это свидетельство Д. И. Рихтера дополняется сообщением П. Б. Аксельрода. Вернувшись в Россию из-за границы, побывав в Николаеве, где встретился с Фроленко, он поехал в Москву (1875 г.). «Здесь у меня, — пишет Аксельрод, — была явка к Бутурлину... В его квартире сходились уцелевшие «чайковцы» и члены кружка 50-ти... Сам Бутурлин с часу на час ждал обыска. Оставаться у него не было возможности. Да и вообще, в Москве у нас не было больше ни одной верной квартиры. Бутурлин дал денег на дорогу и отправил меня в Петербург... От Бутурлина я имел адрес квартиры, где я встретился с Софьей Перовской, Натансоном и Герма-

---

[1] ОР, ф. 218, картон № 1071, д. 30, стр. 6.
[2] ЦГАОР (М), ф. 1737, оп. 1, д. 26, л. 46.
[3] Валкин М. Х. указ. соч., стр. 12.
[4] ОР, ф. 218, картон № 1071, д. 30, стр. 7.

ном Лопатиным, только что бежавшим из Сибири»[1]. Указанное сообщение свидетельствует о широких революционных связях Бутурлина.

В 1875 г. состоялся московский съезд народников. По мнению Г. М. Лившица, этот съезд — важная веха в истории революционного движения народников. На съезде видную роль играли лавристы[2]. Имея в виду, что Бутурлин в это время возглавлял их отделение в Москве, мы полагаем, что он не мог не принять участие в работе съезда, в подготовке документов съезда.

В феврале 1876 г. А. С. Бутурлин арестовывается и привлекается к судебной ответственности по процессу 50-ти[3].

Вспоминая об этом времени Д. И. Рихтер писал следующее. «По возвращении в Россию (в 1876 году — **М. В.**), в Петербурге я застал еще довольно много молодежи, занятой делом пропаганды или готовящейся к ней, в Москве же был полный разгром: самый деятельный из кружков — «Фричи» был арестован (впоследствии московский процесс 50-ти), вскоре после моего приезда арестовали и члена нашего кружка А. С. Бутурлина, через которого шли сношения с заграницей; обязанности А. С. Бутурлина пришлось мне взять на себя, что и задержало меня в Москве месяца на два»[4].

Из показаний на этом процессе бывшего унтер-офицера московского жандармского дивизиона Ивана Буланова видно, что одним из участников подготовки побега из Сущевской части революционеров Цицианова и Андреева был Бутурлин. Буланов, которого намечалось использовать для осуществления побега, бывал на квартире у Бутурлина. Буланов, в частности, показал на процессе: «... на другой день Рождества, часу в 11-м вечера я пришел к Ивановскому; при входе увидал, что от него выходит Александр Сергеевич Бутурлин, и в комнатах у него застал четырех женщин: сестру Ивановского, Веру Мирную и двух мне неизвестных. Во время

---

[1] П. Б. Аксельрод. Пережитое и передуманное. Кн. I. Берлин, 1923, стр. 152—153.

[2] Лившиц Г. М. К истории Московского съезда народников.— История СССР, 1965, № 4, стр. 132—145.

[3] Деятели револ. движ. в России, Биобиблиографический словарь, составлен А. А. Шиловым и М. Г. Карнауховой, Т. 2, стр. 158.

[4] Д. И. Рихтер, вышеуказанная рукопись, стр. 9 (л. 96).

питья чая все они расспрашивали меня об арестованных, особенно о Джабадари и Иване Андрееве, с целью чтобы «я передавал им записки». Сначала я говорил, что их нет в Сущевской части, но видя, что они мне не верят и знают, что Джабадари и Андреев находятся в Сущевской части, я согласился на передачу переписки. Тогда Ивановский и Вера Мирная стали писать записки цифрами на небольшом лоскутке бумаги, который, взяв, я и передал по назначению Джабадари и Ивану Андрееву.

На мой вопрос о содержании записок, они ответили: «тебе в этом нет надобности». Не давая мне еще написанных записок, Ивановский предложил мне ехать вместе с ним к Александру Сергеевичу Бутурлину, куда мы и отправились. У Бутурлина я видел его жену и троих молодых мужчин, мне неизвестных, при которых на вопрос мой: что это за люди? — Бутурлин ответил: «ничего, это люди наши». Во время беседы Бутурлин убеждал меня быть на их стороне, помогать в передаче записок».

После ареста Ивановского, как это видно из показаний, Буланов виделся с Бутурлиным на его квартире, где получил от него деньги. Через три дня он встретился с Бутурлиным на Тверском бульваре. На этом свидании Бутурлин вручил Буланову записки для передачи арестованным[1].

По-видимому, в результате вмешательства родных, имевших связи в высших сферах, Бутурлин по приговору суда не был подвергнут строгому наказанию. Он был освобожден из-под ареста на поруки и административным порядком подчинен гласному надзору полиции.

По выходе из тюрьмы Бутурлин не прекращает революционную деятельность. Имеются данные, свидетельствующие о том, что он продолжает сотрудничать в журнале «Вперед!». Так, Д. И. Рихтер, пишет в своих воспоминаниях, что во время Турецкой войны, в 1877—1878 гг. Бутурлин был за границей и некоторое время работал в редакции «Вперед!» в Лондоне[2]. Лаврист Н. Г. Кулябко-Корецкий также свидетельствует, что Бутурлин «некоторое время был эмигрантом в Лондоне».

---

[1] Процесс 50-ти с предисловием В. Каллаша, Изд. В. М. Саблина, М., 1906 г., стр. 105—130.

[2] Рихтер Д. И., вышеуказанная рукопись, стр. 9.

Сын революционера, С. А. Бутурлин, в дополнении к автобиографии, хранящейся в Ульяновске, пишет, что его отец «...работал в Лондоне и Швейцарии с П. Л. Лавровым»! Кроме того, в центральном архиве Октябрьской революции в Москве хранится письмо к В. Н. Смирнову в Лондон, написанное пятилетним Сережей Бутурлиным и его матерью Елизаветой Михайловной. Сережа просит Смирнова передать «привет папе», а Елизавета Михайловна передает привет «милому другу», т. е., безусловно, мужу — А. С. Бутурлину. Письмо это датировано мартом 1878 г.[2].

Возвратившись из-за границы, Бутурлин снова возглавил московский кружок лавристов.

Н. Г. Кулябко-Корецкий в своих воспоминаниях отмечает, что Бутурлин «был очень деятельным членом нашего кружка. **Через его руки и его московскую квартиру проходили все дела кружка по Москве** (подчеркнуто нами. — **М. В.**) и за Москвой. Его квартира на Пречистенке, точно постоялый двор, вечно кишела приезжими, где устраивались свидания и передавались письма и посылки[3]. Н. Г. Кулябко-Корецкий считал Бутурлина «человеком, заслуживающим особой биографии»[4].

Побывавший в мае 1878 г. в Москве И. В. Узембло, сообщая о программных установках, имевшихся там революционных кружков, писал, в частности следующее: «Личности более определившиеся стоят за пропаганду полного социалистического идеала, но признают, что массы не пропагандируемы, а только могут быть опорой в силу сочувствия ими программе или просто идя за требованиями революционеров, признавая при этом сильную неподвижность в народе. Они очень усердно подчеркивают требование агитации по поводу чисто местных интересов в тех случаях, когда можно рассчитывать на успех протеста, и говорят, что их язык не повернется вообще удерживать массы от волнений по поводу местных вопросов Они, однако, отрицают агитацию с целью мелких бунтов... Они называют себя народниками...».

---

[1] Ульяновский Краеведческий музей. Машинопись, стр. 1.

[2] ЦГАОР (М), фонд 1737, оп. 1, д. 35.

[3] Кулябко-Корецкий Н. Г. Из давних лет. Воспоминания лавриста. Ред. Б. П. Козьмина и М. М. Константинова. Из-во Политкаторжан, М., 1931, стр. 117.

[4] Там же.

Исследователи предполагают, что в этом месте письма Уземблo ведет речь о московском кружке А. С. Бутурлина[1].

За революционную деятельность Бутурлин неоднократно подвергался репрессиям со стороны царских властей. Это нашло отражение и в воспоминаниях Д. И. Рихтера. «Осенью 1879 г., пишущему настоящие воспоминания, — отмечает Рихтер, — пришлось быть у А. С. в Москве и, как выразился последний, попасть на юбилей: А. С. праздновал десятилетие своего первого ареста, при этом он подсчитал, что за это время ему пришлось высидеть «по частям» более трех лет»[2]. В 1881 г. по постановлению особого совещания Бутурлин приговаривается к ссылке сроком на пять лет в западную Сибирь, а также подчиняется гласному надзору с 9 сентября 1882 г.[3].

Сначала он был сослан в Туринск, затем переведен в Тюмень, а потом в Тобольск. В 1883 г. А. С. Бутурлину разрешается отбывать оставшийся срок ссылки в г. Симбирске, куда он прибывает 17 июня 1883 г.[4].

Из ссылки Бутурлин возвратился в сентябре 1886 г. и поселился в Москве. Постепенно он отходит от активной революционной деятельности, разделяя в этом отношении исторические судьбы народников-лавристов. Однако до конца жизни он оставался в оппозиционном лагере по отношению к царизму, к буржуазно-помещичьему строю. Ярким свидетельством этого является его переписка с сыном, впоследствии выдающимся биологом, С. А. Бутурлиным[5].

IV.

Изученные нами за последнее время неопубликованные архивные материалы, хранящиеся в музее Толстого в Москве, а также в других наших хранилищах, позво-

---

1 Революционное народничество 70-х годов XIX века, 1876—1882 гг. под редакцией С. С. Волка. Составители С. С. Волк, В. Н. Гинев. М.-Л. «Наука», 1965, стр. 86—87, 373.

2 Рихтер Д. И., вышеуказанная рукопись, стр. 10.

3 Гос. архив Ульян. обл., (ГАУО), ф. 76, оп. 8, л. 466, л. 150. См. также Н. Г. Кулябко-Корецкий. Из давних лет. Воспоминания лавриста, М., стр. 213—216, 14.

4 ГАУО, ф. 76, оп. 8, д. 466, л. 150.

5 См. Валкин М. Х. указ. выше соч., стр. 19—108.

ляют в некоторой степени осветить и вопрос о взаимоотношениях Л. Н. Толстого и С. А. Бутурлина. Но прежде чем перейти к освещению этого вопроса, необходимо, хотя бы в общих чертах, вспомнить как вообще относился великий писатель к революционерам.

О декабристах Толстой всегда отзывался с огромным уважением. «Это были люди все на подбор, — говорил он, — как будто магнитом провели по верхнему слою кучи сора с железными опилками, и магнит их вытянул»[1]. В письме к сосланному в Сибирь духобору И. Е. Конкину Толстой писал: «Довелось мне видеть возвращенных из Сибири декабристов, и знал я их товарищей и сверстников, которые изменили им и остались в России и пользовались всяческими почестями и богатством. Декабристы, прожившие на каторге и в изгнании духовной жизнью, вернулись после тридцати лет бодрые, умные, радостные, а оставшиеся в России и проведшие жизнь в службе, обедах, картах, были жалкие развалины ни на что никому не нужные...»[2].

В декабристах великий писатель видел выдающийся пример высоких нравственных качеств: гражданского мужества, стойкости, непоколебимой верности общественному долгу. Как справедливо отмечает Н. К. Гудзий, у Толстого вызывали симпатии не столько политическая программа декабристов, сколько их идейные побуждения, решительное выступление против царизма ради обновления русской жизни[3].

В 1860 г. состоялась встреча Л. Н. Толстого с декабристом С. Г. Волконским, вернувшимся из сибирской ссылки. С большим удовольствием вспоминал он об этой встрече[4]. Толстой близко познакомился с многими декабристами. Он посетил в Москве С. И. Муравьева-Апостола и П. Н Свистунова. С. И. Муравьева-Апостола Толстой считал одним «из лучших людей своего — да и всякого — времени»[5]. Глубокое уважение к декабри-

---

[1] Шкловский В., Лев Толстой, М., 1963, стр. 760.

[2] Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., т. 73, стр. 43.

[3] Гудзий Н. К., Лев Толстой, Критико-библиографический очерк, М., 1960, стр. 64.

[4] Дневник Сухотина.—Лит. наследство, т. 69, кн. 2, стр. 156—157.

[5] Гусев Н. Н. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1870 по 1881 г. А. Н. СССР, М., 1963, 468—469.

стам, восхищение их подвигом Толстой пронес через всю свою жизнь.

Особое место в жизни и творческой деятельности Толстого занимает Герцен. Толстой, как страстный обличитель, несомненно идет от Герцена. В публицистических статьях Толстого заметно сходство с творческой манерой Герцена[1]. Верно заметил В. Шкловский, что у Герцена учился Толстой, как бороться с самодержавием[2]. Более того, по мнению Плеханова, Толстой заимствовал у Герцена, у социалистов «некоторые черты социалистического идеала». «В известных пределах, — писал он, — учение Толстого вполне совпадает с учением социалистов»[3].

Сочувствуя деятельности революционеров, Толстой, в ряде случаев, оказывал помощь тем из них, которые подвергались репрессиям со стороны царского правительства. Действия Толстого, направленные на облегчение участи целого ряда политических заключенных, не вытекали, на наш взгляд, только из чувства сострадания. Их источником являлись другие, более глубокие причины.

Выступая в принципе против всякого насилия, Толстой признает, что насилие революционеров носит особый характер. «Насилие правительства и воров, — писал он в дневнике, — одинаковое, но насилие революционеров особое»[4].

Особенно глубокий интерес и симпатии Толстой проявлял к народникам. В чем причина этого? Дело в том, что ряд черт мировоззрения народников близок самому Толстому, который, как и народники, считал, что будущее России целиком связано с крестьянством. Все свои надежды он связывает с судьбами этого класса. Л. Н. Толстой, как и народники, не понял исторического значения капиталистического строя, не понял исторической миссии передового класса общества — пролетариата. «Подобно народникам, — писал В. И. Ленин о Толстом, — он не хочет видеть, он закрывает глаза, отвер-

---

[1] См. В. Шкловский, указ. соч., стр. 631.

[2] Там же, стр. 630.

[3] Литературное наследие Плеханова, Сб. VI, М., 1938, стр. 5—8. Полн. собр. соч., т. 24.

[4] Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 56, стр. 307.

тывается от мысли о том, что «укладывается» в России никакой иной, как буржуазный строй»[1].

Однако, во многом разделяя взгляды народников на будущее переустройство общества, он расходился с ними в методах осуществления этого переустройства. По мнению Толстого, справедливого общественного строя можно достигнуть без насилия — путем нравственного самоусовершенствования, непротивления злу насилием. Именно поэтому Толстой осуждал «безумие» революционеров. В этом и состоит одно из самых глубоких, коренных противоречий в мировоззрении «самого сложного» (Горький) писателя XIX — начала XX столетия.

Понимая роль насилия и его пагубные результаты в истории классового общества, Толстой не сумел уяснить, что насилие необходимо для того, чтобы ликвидировать господство последнего класса эксплуататоров — буржуазии, и тем навсегда покончить с насилием.

Из сказанного ясно, что связи Толстого с революционерами и, в частности, знакомство с А. С. Бутурлиным, не были случайными. Они были вызваны идейными исканиями великого мыслителя.

Лев Толстой познакомился с А. С. Бутурлиным в 1879 г. Многие данные говорят о том, что в лице своего нового знакомого Толстой увидел человека незаурядного: большого знатока общественных наук, читавшего в подлиннике произведения К. Маркса, одного из образованнейших людей своего времени. Бутурлин в совершенстве владел французским, английским и немецким языками, являлся редким знатоком древних языков. Особо следует сказать, что он страстно любил русскую литературу, был горячим поклонником революционной поэзии, увлекался поэтами-искровцами.

Приведем некоторые отзывы о нем людей из окружения Толстого. В 1908 г. Сухотин записал в дневнике: «На днях здесь был Александр Сергеевич Бутурлин. Это знаток по революционным вопросам. На своей спине он перенес многое за свое пристрастие к делу революции. Три года просидел в одиночном заключении. К тому же человек вдумчивый и на редкость образованный. Так вот, этот Бутурлин говорил, что он человек очень счаст-

---

[1] В. И. Ленин. «Лев Толстой и его эпоха», Полн. собр. соч., т. 20, стр. 101.

ливый; что он всегда получает то, о чем мечтает; что он всю жизнь мечтал дожить до революции, и вот теперь уже два года, как он считает, что живет среди начавшейся революции»[1].

Н. В. Давыдов отмечал, что «А. С. Бутурлин — это человек редких нравственных качеств, человек самобытный, с твердой волей, направленной на добро, жизнь которого пошла не тем путем, по которому ему надлежало следовать по условиям происхождения из родовитой богатой московской семьи. Еще совсем молодым человеком он, увлекшись идеей служения народу и освобождения России от гнета, стал в ряды бойцов за эту идею... Лев Николаевич Толстой относился к Бутурлину с большим уважением и дружбою»[2].

А. Пругавин в своих «московских воспоминаниях», пишет, что Бутурлин «был человеком 70-х годов и хотя по своему происхождению принадлежал к высшему слою московского родовитого дворянства, но по взглядам, убеждениям, симпатиям являлся убежденным «лавристом», т. е. последователем П. Л. Лаврова-Миртова. Очень образованный и начитанный, он являлся чрезвычайно интересным собеседником. В течение 80-х годов Бутурлин часто встречался с Толстым и нередко вступал с ним в откровенные беседы»[3].

Сергей Львович Толстой говорит о Бутурлине, как о знатоке политической экономии.

Лев Толстой проникся уважением к этому революционеру и принял участие в его судьбе. В связи с арестом Бутурлина и предстоящей ссылкой в Сибирь, в декабре 1881 г. Толстой специально приехал к нему, чтобы выразить сочувствие, оказать моральную поддержку. Так было положено начало тридцатилетней дружбе Толстого с революционером-народником Бутурлиным. В период нахождения Бутурлина в ссылке между ними продолжалась связь, велась переписка, представляющая, на наш взгляд, большой интерес.

Как было выше сказано, в 1883 г. Бутурлину было разрешено выехать из Сибири и отбывать оставшийся

---

1 Литературное наследство, т. 69, кн. II, стр. 175.

2 См. Л. Н. Толстой. Памятники творчества и жизни, 2, М., 1920, стр. 54—55.

3 А. Пругавин. Л. Н. Толстой в 80-х годах. (Из московских воспоминаний). Новая жизнь, № 5, май 1912 г., стр. 121—125).

срок ссылки в Симбирске, являвшемся в то время одним из мест ссылки.

В процессе работы над биографией Бутурлина нами обнаружено 8 неопубликованных его писем к Л. Н. Толстому[1]. Письма эти содержат суждения о мировоззрении писателя, об отношении революционера-народника к его учению и художественному творчеству. Особенно значительный интерес представляют два письма 1884 г., направленные Толстому из симбирской ссылки.

Как известно, в это время Толстой в своих трактатах решительно выступил против догм официальной церкви, «евангельских истин». Церковному тексту евангелия он противопоставил свой свод и перевод, служивший обоснованием теории непротивления злу насилием.

Письмо Бутурлина Толстому от 12 февраля 1884 г. замечательно прежде всего тем, что он как революционер, понимая глубоко вредный характер религиозных «истин» Толстого, решил использовать свои дружественные отношения с ним и попытался разъяснить несостоятельность религиозного учения писателя. Целых 28 страниц письма посвятил он этой цели, пытаясь убедить великого мыслителя в ошибочности его взглядов, изложенных в «Исповеди».

«С большим удовольствием, — пишет Бутурлин, — берусь за перо, чтобы побеседовать с Вами хоть на письме. Мое кратковременное знакомство с Вами оставило во мне неизгладимые воспоминания и настоящим праздником были для меня те редкие случаи, когда в отдаленной сибирской глуши, я мог говорить с кем-нибудь о Вас... Во время моих бесед с Вами я обращал почти исключительное внимание на историческую часть Ваших воззрений... Но не об исторической части Ваших воззрений хочу я теперь говорить с Вами, многоуважаемый Л. Н., а общефилософской или религиозной».

«Вы старались найти смысл жизни, который сделал бы нестрашными несчастия, страдания, смерть, — пишет Бутурлин. — Но ведь такой смысл — как Вы и сами косвенно признаете — очень мало зависит от того или другого учения, от той или другой веры... Вы признаете, что у самых неверующих людей может быть смысл

---

1 Письма хранятся в отделе рукописей музея Л. Н. Толстого в Москве (см. фонд А. С. Бутурлина).

жизни... Причем же тут та или другая вера, если смысл жизни может быть и без нее!»

Критикуя толстовское толкование противоречия между конечным существованием личности и бесконечным существованием мира, Бутурлин писал: «Если бы Вы имели в виду не вопрос жизни, а хотели создать стройную философскую систему, то я понял бы это бесконечное начало. Оно как бы закругляет и завершает систему. Но жизненного значения его я не понимаю. Обратите внимание на странное место, которое занимает Отец Небесный в Ваших воззрениях. Будучи раз установлен, он затем уже не играет никакой роли, и о нем можно, пожалуй, никогда не вспоминать... Я спросил Вас однажды, почему должен человек следовать нравственным побуждениям, ему присущим. Вы ответили мне: «потому, что такова воля Отца!» Я мог бы спросить Вас, откуда Вы знаете волю Отца. И Вам пришлось бы ответить, что воля отца открывается Вам в нравственных велениях Вашей души. Итак: я должен следовать своим нравственным побуждениям потому что такова воля Отца, а что воля Отца именно такова, это я вывожу из своих нравственных побуждений. Не напоминает ли это известного ответа на вопрос «Почему опий усыпляет? — Потому что он имеет усыпляющие свойства... Я повторяю: зачем прибегать к сомнительному установлению бесконечного начала, когда оно не имеет никакого жизненного значения? Разве только затем, чтобы иметь возможность назвать его богом...».

Как видим, Бутурлин, споря с Л. Н. Толстым, убедительно отстаивал одно из важных положений материализма, высказанное еще Эпикуром: о том, что нравственность не нуждается ни в какой религии.

В письме поднимается целый ряд философских проблем, весьма тактично, но убедительно показывается противоречивость мировоззрения Толстого. В заключение Бутурлин пишет: «Пользуясь настоящим случаем, чтобы поблагодарить Вас за то участие, которое Вы приняли в моей судьбе, когда я уезжал из Москвы» (в Сибирь, в ссылку, **М. В.**). В ответном письме (от 19 февраля 1884 года) Толстой продолжал отстаивать свои идеи. Он упрекал Бутурлина в том, что ему «претит само слово бог». 27 июля того же года Бутурлин направил Толстому новое письмо в котором снова отмечает несостоя-

тельность его философских взглядов, говорит о «существенных разногласиях» с ним.

Эти письма лишний раз подтверждают, вопреки утверждениям некоторых зарубежных историков тот факт, что движение революционного народничества по самой своей природе было атеистическим[1].

Содержание писем А. С. Бутурлина к Толстому свидетельствует также о принципиальности и большой эрудиции революционера, решительно выступившего с позиций материализма против ошибочных взглядов великого писателя, несмотря на самые теплые, дружеские с ним личные отношения.

Весьма примечательно, что одним из первых в России выступил против религиозной проповеди Толстого политический ссыльный из Симбирска, революционер-народник А. С. Бутурлин.

Вместе с тем, необходимо сказать, что критика взглядов Толстого со стороны Бутурлина носила ограниченный характер, она касалась лишь некоторых сторон мировоззрения гениального мыслителя.

Следует вспомнить, что даже Г. В. Плеханов не смог всесторонне проанализировать и правильно охарактеризовать сложное и противоречивое мировоззрение Толстого. Это оказалось под силу только ленинскому гению. В работах В. И. Ленина с предельной ясностью раскрыто значение Толстого, в художественном творчестве и учении которого отразилось мировое значение первой русской революции с ее силой и слабостью.

В заключение следует сказать, что, несмотря на критику взглядов Толстого со стороны Бутурлина, их дружба продолжалась до самой смерти писателя. 20 июня 1910 г. Лев Толстой записал в своем дневнике: «милый Бутурлин». Связала их на всю жизнь ненависть к эксплуататорскому, «людоедскому» строю, страстное желание видеть свой народ освобожденным от угнетения и нищеты.

Изучаемые нами архивные документы содержат большой материал о взаимоотношениях Толстого и Бутурлина. В настоящей статье мы затронули лишь один аспект этих отношений — вопрос о критике философских взглядов Толстого революционером-народником. Нам

---

[1] Б. С. Итенберг, указ. соч., стр. 369.

думается, что критика эта в той или иной мере влияла на идейно-творческую жизнь писателя.

С другой стороны, дружественные отношения Толстого с Бутурлиным, продолжавшиеся три десятилетия, несмотря на их идейные расхождения, лишний раз говорят о глубокой противоречивости мировоззрения и самой личности великого художника.

Изложенные в настоящей статье материалы свидетельствуют, что А. С. Бутурлин, как революционер, внес определенный вклад в историческую борьбу русского народа с самодержавием. Он был типичным народником-семидесятником, одним из «лучших людей своего времени» (В. И. Ленин).

А. И. РЫБАКОВ

ОБРАЗОВАНИЕ ЛЕВОГО ФРОНТА ОСВОБОЖДЕНИЯ В УРУГВАЕ

Подъем национально-освободительного движения в Латинской Америке, начавшийся со второй половины 50-х годов, захватил и Уругвай. Мощные выступления в защиту кубинской революции, огромный размах и высокая степень организованности рабочего движения, своеобразные формы единства рабочего класса, поворот многих левых политических группировок в сторону единства действий с коммунистической партией и образование Левого фронта освобождения, призванного служить центром объединения всех демократических сил, — все это говорит о том, что уругвайский народ вносит достойный вклад в дело латиноамериканской революции[1].

В данной статье делается попытка дать общую картину национально-освободительного движения в Уругвае, показать начало процесса объединения демократических сил и значение Левого фронта освобождения для дальнейшего развития национально-освободительного движения в стране.

I

Бурный рост национально-освободительного и рабочего движения в Уругвае был вызван обострением всех

---

[1] Вопросы национально-освободительного движения рассматриваются в ряде работ руководителей компартии Уругвая: Р. Арисменди «Проблемы латиноамериканской революции» (М., 1964), А. Суареса «Борьба компартии Уругвая за усиление влияния в массах» («Вопросы истории КПСС», 1963, № 5), Х. Переса и Ф. Диаса «В авангарде классовых битв» («Агитатор», 1964, № 10) и др.

противоречий уругвайского общества вследствие «самого глубокого в его истории»[1] экономического кризиса. Этот кризис порожден самой социально-экономической структурой страны, которая характеризуется сохранением латифундизма и зависимостью от иностранного империализма. Наступление кризиса было ускорено падением цен на сельскохозяйственные продукты на мировом рынке и повышением цен на промышленное оборудование. Это обстоятельство требовало быстрого подъема сельского хозяйства Уругвая, составлявшего основу его экономики. Однако сохранение латифундизма явилось непреодолимой преградой на пути прогресса в сельском хозяйстве.

В Уругвае 3612 крупных земельных собственников сосредоточили в своих руках более половины богатств страны: 55% всей земельной площади, 51,4% крупного рогатого скота и 55% овец[2]. Именно наличие крупной земельной собственности и является основной причиной аграрного кризиса в Уругвае, так как «в большинстве крупных латифундий преобладают архаические методы производства, почти отсутствуют капиталовложения на оборудование, машинную технику, удобрения, пастбища и т. д. Это обусловливает крайне низкую производительность как в земледелии, так и в животноводстве и ведет к потере естественного плодородия почвы в силу отсутствия борьбы с эрозией»[3]. Кроме того, латифундизм служит основой для сохранения феодальных пережитков, суживает внутренний рынок.

Положение усугубляется зависимостью Уругвая от американского империализма. Общая сумма американских инвестиций в Уругвае оценивалась в 1960 г. в 200 млн. долларов[4]. Американскому капиталу принадлежат текстильные, металлообрабатывающие, химические предприятия, банки, занимающие командные высоты в экономике (например, филиалы «Дженерал моторс» и «Форд мотор» контролируют предприятия по сборке ав-

---

[1] «El Debate», 4.XII 1962.

[2] Vicente Rovetta. La crisis agraria en el Uruguay. Montevideo, 1961, p. 69.

[3] Программные документы коммунистических и рабочих партий стран Америки, М., 1962, стр. 267.

[4] «Panorama Economico Latinoamericano». La Habana. 1961. Tomo I, p. 148.

томобилей, фабрика «ФУНСА» монополизировала производство шин, зерновой трест «Бунге и Борн» контролирует 54 уругвайских предприятия; цементный завод «Артигас» является самым большим цементным заводом в стране)[1]. Паразитическое влияние американского капитала приводит к тяжелым для Уругвая последствиям: американские компании вывозят за границу огромные прибыли, берут высокую плату за предоставляемые в аренду национальным предприятиям машины и оборудование, превратили многие предприятия в мастерские по сборке привозимых деталей. Американские империалисты создают препятствия для экспорта в США уругвайской шерсти и мяса, систематически снижают цены на сельскохозяйственное сырье и повышают цены на машинное оборудование, что лишает уругвайскую экономику значительных средств и является причиной дефицита в торговом балансе страны.

Признаки кризиса уругвайской экономики ясно обозначились в середине 50-х годов. Начался застой в сельском хозяйстве.

Если производство продукции животноводства и росло в период 1955—1961 гг. в среднем на 1,57% в год (в расчете на душу населения лишь на 0,2%), то производство продукции земледелия уменьшалось в среднем на 3,79% в год[2]. Продукция уругвайского животноводства, составляющая около 70% экспорта[3], не находит сбыта на мировом капиталистическом рынке, в результате чего происходит падение экспорта (с 218,9 млн. долларов в 1954 г. до 129,4 млн. долларов в 1961 году[4]. Это в свою очередь отражается на платежном балансе и является одной из причин инфляции. Вскоре кризис охватил те отрасли промышленности, которые работают на сельскохозяйственном сырье и продукция которых идет на экспорт — мясохлодобойную и текстильную, затем распространяется на металлообрабатывающую и строительную. «Наша промышленность... задыхается вследствие узости внутреннего рынка, невозможности технического переоснащения... вследствие трудностей, которые

---

1 «Panorama Economico Latinoamericano». 1961. Tomo I, p. 148.
2 «Estudix», 1963, № 26, p. 26.
3 Там же, p. 31.
4 Mercado Comun America Latina. Actualidades Economicas Financieras Montevideo, 1961, N 11, p. 40.

она встречает при размещении своей продукции на мировом рынке», — пишет уругвайский социолог Вальтер Гонсалес Пенелас[1]. В расчете на душу населения производство промышленной продукции сократилось с 4446 песо в 1956 г. до 4063 песо в 1961 г.[2]

Экономический кризис сразу же сказался на положении трудящихся. В 1959 г. в Уругвае уже было 50 тыс. безработных, из 300 тыс., занятых в промышленности и на транспорте, а в 1962 г. больше 100 тысяч, т. е. 10 процентов самодеятельного населения. Цены на предметы первой необходимости выросли за 1958—1961 гг. в три раза, а заработная плата — в два раза[3]. Свертывание строительства ухудшило жилищные условия трудящихся. 100 тысяч человек живут в антисанитарных жилищах, 120 тысяч — в 419 «крысиных поселках»[4], жалких хижинах, сколоченных из обрезков досок, кусков фанеры и жести.

Трагичным оказалось положение сельскохозяйственных рабочих. Мизерная заработная плата, 12—14-часовой рабочий день, нечеловеческие условия жизни — таков удел уругвайских пеонов даже в передовых хозяйствах. «Методы ведения хозяйства прогрессивны. Но рядом с такими эстансиями (поместьями. — Р. А.) — те же ранчо, те же бедняки, та же беспросветная нищета»[5].

В то время как трудящиеся испытывают нужду и лишения, латифундисты, иностранные империалисты и верхушка уругвайской буржуазии в результате антинародной политики правительства и усиления эксплуатации рабочего класса увеличивают свои прибыли.

Кризис еще более углубил пропасть между широкими народными массами, с одной стороны, и кучкой латифундистов и крупных капиталистов, душой и телом продавшихся американскому империализму, с другой. Кризис переживает не только экономика Уругвая, но и политика его господствующих классов. Подчинение правительства диктату Вашингтона в области внешней политики, а также по многим вопросам экономической поли-

---

[1] Walter Gonzales Penelas. El Uruguay JSU sombra. Montevideo, 1963, p. 10.
[2] «Estudios», 1963, N 26, p. 27.
[3] «The New York Times», 17 I 1962.
[4] «El Sol», 10 XI 1961.
[5] Walter Gonzales Penelas. El Uruguay JSU sombra, p. 22.

тики, вступает в резкое столкновение с национальными интересами Уругвая. Старые буржуазно-помещичьи партии «Бланко» и «Колорадо», так называемые традиционные партии, «уже не способны даже посредством полумер улучшить тяжелое положение страны. Кроме того, внутри этих партий идет острая борьба между различными группами латифундистов и крупного капитала за посты в государственном аппарате»[1].

Ни «Бланко», ни «Колорадо» давно уже не являются едиными партиями. Они делятся на фракции и группировки, часто далекие одна от другой, на выборах выступают с отдельными списками. Но так называемый «закон о лемах» («закон о девизах», ст. 79 Конституции республики) позволяет различным фракциям «Бланко» и «Колорадо», которые по существу являются самостоятельными партиями, объединять полученные на выборах голоса таким образом, чтобы иметь большинство в Национальном правительственном совете (коллективный орган, выполняющий функции президента и главы правительства) и в парламенте. Партия «Бланко», или Национальная партия, выражает интересы латифундистов и части буржуазии, связанной с иностранным капиталом. Ее социальную базу составляют средние и мелкие землевладельцы. Основные фракции этой партии: эррериста (Эррера был до 1959 г. лидером «Бланко») и Демократический союз «Бланко» («Унион Бланка Демократика» — УБД). Основу «Колорадо» составляет Батлистская партия (носящая имя видного государственного деятеля Уругвая конца XIX начала XX вв. Хосе Батлье). Она делится на две фракции: одна представляет крупную соглашательскую буржуазию (до 1964 г., ее возглавлял Луис Батлье Беррес), другая — крайне реакционные, проимпериалистические круги буржуазии и помещиков (ее лидер Сесар Батлье, владелец газеты «Эль Диа»).

До марта 1959 г. у власти в Уругвае стояла Батлистская партия, ведущее положение в которой занимала фракция Луиса Батлье Берреса. Батлистское правительство стремилось переложить последствия кризиса на плечи трудящихся, увеличивало косвенные налоги, повышало плату за коммунальные услуги, неоднократно пы-

[1] «El Popular», 15 VII 1964.

талось «заморозить» заработную плату рабочим и жалованье служащим государственных предприятий и учреждений, ничего не делало для улучшения положения крестьян, значительная часть которых находилась на грани разорения[1]. В то же время оно предоставляло экспортные льготы латифундистам, давало возможность иностранным монополиям вывозить за границу большие прибыли, предоставляло щедрые субсидии англо-американским мясохладобойням.

Политика батлистского правительства, его неспособность вывести страну из кризиса, вызвали глубокое недовольство народа. Этим воспользовались лидеры национальной партии, которые обрушились с резкой критикой на батлистов и их правительство, объявили его главным виновником экономического кризиса, обещали народным массам спасти страну. Руководители Демократического союза «Бланко» (УБД) утверждали: «Или к власти придет УБД, или все останется по-прежнему». В деревне агитацию против батлистов вел Бенито Нардоне, который возглавлял Федеральную Лигу действий в защиту деревни, объединявшую мелких и средних скотоводов. Вступив в блок с эрреристами, Нардоне тем самым поставил эти слои сельского населения на службу латифундистам.

На выборах в ноябре 1958 г. победила Национальная партия. Оценивая итоги этих выборов, первый секретарь ЦК компартии Уругвая Р. Арисменди говорил на XVIII съезде, что «группировки, составляющие Национальную партию, смогли использовать недовольство народа... и с помощью мошеннического «закона о лемах» добиться победы»[2].

В соответствии с конституцией Национальная партия получила 6 из 9 мест в Национальном правительственном совете. Руководящая роль в нем после смерти Эрреры в 1959 г. перешла к Нардоне, предшествующая деятельность и оголтелый антикоммунизм которого были по достоинству оценены рабочим классом. «Рабочие Монтевидео меня ненавидят», — признавал сам Нардоне[3].

---

[1] Arismendi. Informe del cté nacional al XVI Congreso del Partido Comunista. Montevideo, 1955, p. 15.

[2] «Estudios», 1962, N 25, p. 58.

[3] «Cuadernos Americanos» Mexico, 1962, N 1, p. 266.

Приход к власти Национальной партии означал определенный сдвиг вправо, так как ни эрреристы, ни УБД, ни Нардоне и не думали выполнять свои предвыборные обещания. Правительство сразу же заявило, что и слышать не хочет об аграрной реформе, «Никакой аграрной реформы», — было лозунгом Нардоне. Охраняя интересы латифундистов, правительство «ничего не предприняло в защиту мелкого землевладельца и сельскохозяйственного рабочего»[1].

Ввиду тяжелого состояния финансов правительство Уругвая обратилось за помощью к США и международному валютному фонду и по их рекомендации (точнее под их нажимом) провело в декабре 1959 г. через парламент закон о валютной реформе. По этому закону производилась девальвация уругвайского песо на 50%, соотношение между песо и долларом устанавливалось 6:1. Одновременно правительство отказывалось от контроля над внешней торговлей страны.

Видный уругвайский социолог Карлос Рама отмечал, что, проводя валютную реформу, правительство преследовало следующие цели:

«1) снизить жизненный уровень городского населения рабочих и служащих;

2) ограничить деятельность национальных промышленных и торговых предприятий;

3) обогатить как можно больше аграриев-экспортеров;

4) облегчить проникновение в страну иностранных империалистов;

5) отодвинуть на неопределенное время решение неотложных национальных проблем»[2].

Затем правительство получило от международного валютного фонда заем в 30 млн. долларов (на условиях сокращения торговли с социалистическими странами, которая раньше всегда давала положительное сальдо), отменило ограничения на импорт, разрешило свободный перевод капиталов за границу.

Встретив сопротивление со стороны трудящихся при проведении своей политики, правительство правых ввело в обычай применение репрессий против бастующих, пы-

---

[1] «Cuadernos», Paris. 1963, N 69, p. 74.

[2] «Cuadernos Americanos», 1962, N 1, p. 256.

талось ввести «чрезвычайные меры по обеспечению безопасности», ограничить демократические и профсоюзные свободы. В области внешней политики оно поддержало действия США против Кубы, приняло план Кеннеди, и, хотя и не разорвало дипломатические отношения с Кубой, зато превратило уругвайское посольство в Гаване в один из центров деятельности кубинских конрреволюционеров[1].

Последствия антинациональной политики правительства правых не замедлили сказаться. За 1959—1962 гг. дефицит во внешней торговле составил 342,8 млн. долларов[2]. Инфляция продолжала расти, промышленное производство сокращалось. «Правительство, избранное в ноябре 1958 г., ничего не сделало, кроме того, что обострило кризис. В результате его политики латифундизм в Уругвае укрепился, внешняя торговля подчинена диктату доллара, промышленность парализована, безработица растет, деньги обесцениваются, дороговизна бьет по трудящимся», — говорил Вивиан Триас, лидер социалистической партии Уругвая[3].

На реакционную политику правительства правых рабочий класс и народ Уругвая ответил новыми забастовками, которые все чаще принимали политический характер, массовыми демонстрациями, еще большим сплочением своих рядов. 1959 г. в Уругвае прошел под знаком борьбы против валютной реформы. В 1960 г. пролетариат Уругвая сорвал попытку правительства провести в жизнь декрет о «чрезвычайных мерах по обеспечению безопасности». В течение августа — сентября 1960 г. трудящиеся Монтевидео провели три всеобщих забастовки солидарности с борющимися профсоюзами, в 1961 г. еще трижды всеобщие забастовки охватывали страну. Правительство было вынуждено отказаться от принятия закона о регламентации деятельности профсоюзов и ограничения демократических свобод. В борьбу против антинародной политики правительства включаются все новые и новые слои трудящихся: крестьяне, студенты, пенсионеры, служащие. «Средние слои, до недавнего времени пассивные, сейчас активно участвуют в этой борьбе, вы-

---

[1] «El Popular», 10 XII 1962.
[2] «Estudios», 1963, N 26, p. 28.
[3] «Panorama Economico Latinoamericano», 1962, N 41, p. 2.

ступая совместно с городским пролетариатом. Требование работы, повышения ассигнований государственным учреждениям и предприятиям и заработной платы — конкретные цели их борьбы»[1]. Пришел в движение сельскохозяйственный пролетариат, «обладающий наибольшей взрывной силой из всех классов Уругвайского общества»[2].

Все чаще стали изучать требования изгнания иностранных монополий из страны, проведения независимой внешней политики, установления торговых связей со всеми странами, проведения коренной аграрной реформы, которая покончила бы с латифундизмом. «Уругвай не может преодолеть кризис вообще и аграрный кризис в частности, не ликвидировав латифундизм, не ведя борьбы против империализма, который присваивает наши богатства и поддерживает латифундизм, не ведя борьбу против пороков докапиталистических отношений»[3].

Глубокое воздействие на национально-освободительное движение в Уругвае оказала Кубинская революция, которая по словам Р. Арисменди «коренным образом изменила обстановку на континенте»[4], явилась примером для других латиноамериканских народов, в том числе и для уругвайского народа. Движение солидарности с революционной Кубой приняло в Уругвае огромный размах, стало составной частью освободительной борьбы уругвайского народа. В нем участвуют не только рабочие, студенты, крестьяне, интеллигенция, но даже представители национальной буржуазии, не только коммунисты, социалисты, но и христианские демократы и члены «традиционных» партий. Движение солидарности с Кубой способствует поляризации политических сил, так как защищать Кубинскую революцию — значит бороться против американского империализма, защищать национальный суверенитет, выступать против Кубы — значит помогать американскому империализму, значит предавать национальные интересы.

---

[1] Walter Gonzales Penelas. El Uruguay JSU sombra, p. 10.
[2] Carlos Rama. Las clases sociales en el Uruguay.
[3] Vicente Rovetta. La crisis agraria en el Uruguay Montevideo, 1960, p. 247.
[4] «Estudios», 1962, N 25, p 55.

В 1960 г. была создана группа поддержки Кубинской революции, преобразованная позднее в координационный комитет защиты Кубинской революции. Координационный комитет совместно с федерацией студентов университета, Центром трудящихся Уругвая, Коммунистической и социалистической партиями явился организатором массовых демонстраций, маршей протеста против действий американского империализма, митингов во время событий на Плаия-Хирон, в дни работы конференции министров иностранных дел организации американских государств Пунта дель Эста. В августе 1960 г. уругвайский пролетариат провел 24-часовую всеобщую забастовку в знак солидарности с героическим кубинским народом. «Движение солидарности с Кубой в Уругвае, — писал Блас Рока, один из руководителей Кубинской революции, — выделяется своим размахом, глубиной, организованностью»[1].

Важнейшим итогом рабочего движения в 1955—1961 гг. явилось создание мощного профсоюзного объединения — Центра трудящихся Уругвая, который насчитывал в своих рядах 250 тыс. человек. В апреле 1961 г. на заключительной сессии Центра трудящихся была окончательно выработана программа его борьбы, приняты Устав и «Декларация принципов». «Центр трудящихся Уругвая приложит все силы для защиты и расширения демократических и профсоюзных свобод, будет бороться за экономическое развитие страны, за торговлю без ограничений, за расторжение всех договоров, ущемляющих национальный суверенитет, будет бороться против иностранных монополий, мешающих экономическому развитию нашей страны... Центр трудящихся Уругвая будет бороться за построение справедливого общества, общества без эксплуатируемых и эксплуататоров»[2]. С образованием Центра трудящихся рабочее движение в Уругвае вступает в новый, более высокий этап, начинается период единства действий масс в более широком масштабе.

Все большую роль в рабочем и национально-освободительном движении начинает играть Коммунистическая партия Уругвая, которая в июле 1955 г. исправила допущенные прежним руководством ошибки сектантского и

---

[1] «Cuba Socialista», 1962, N 12, p. 20.
[2] «El Popular», 28 IV 1961.

правооппортунистического характера. На XVI съезде в сентябре 1955 г. компартия выработала новую политическую линию, а на XVII съезде в 1958 г. приняла «Программную декларацию», документ, сочетающий задачи борьбы за национальное и социальное освобождение с задачами борьбы за ближайшие требования трудящихся. «Положение страны диктует необходимость коренного преобразования экономической и политической структуры республики. Такое преобразование несет аграрная антиимпериалистическая революция, назревающая в недрах уругвайского общества. Она-то и является первым этапом уругвайского пути к социализму и коммунизму...»[1]. Осуществление революционных преобразований возможно лишь при объединении всех антиимпериалистических сил в демократическом фронте национального освобождения, возглавить который призван рабочий класс. Создание такого фронта — одна из основных задач Коммунистической партии Уругвая.

Подъем рабочего и национально-освободительного движения вызвал серьезные изменения также и внутри других политических партий Уругвая, в том числе и в «традиционных» партиях. Социалистическая партия занимает антиимпериалистические позиции, «заявляет о своей полной поддержке мероприятий революционного кубинского правительства»[2]. К руководству социалистической партией приходят левые. Ряд левых социалистов высказывается за единство действий с коммунистами. Внутри «традиционных» партий активизируются радикальные группировки. В партии «Колорадо» группы «Батлистский авангард» и «Батлистское движение 26 октября» заявляют о верности демократическим и антиимпериалистическим идеям Хулио Сесара Грауэрта, левого батлиста, погибшего 26 октября 1933 г. В октябре 1960 г. внутри Национальной партии возникает группировка «Уругвайское революционное движение» («Мовимьенто Революсионарио Ориенталь» — МРО). Ее создателем был Ариэль Кольясо, депутат парламента от УБД, автор одного из проектов закона об аграрной реформе, горячий сторонник кубинской революции, заявивший после воз-

---

[1] Программные документы коммунистических рабочих партий стран Америки, стр. 270.

[2] «Marcha», 26 I 1962.

вращения с острова Свободы: «Или революция станет социалистической, или крупные капиталисты вернутся и покончат с ней»[1].

В апреле 1961 г. после исключения Кольясо из УБД «Уругвайское революционное движение» становится самостоятельной политической организацией.

В октябре 1958 г. среди прогрессивной интеллигенции зарождается организация «Новые основы», которая в своих программных документах, опубликованных в 1959 г., высказывается за коренные преобразования в стране и прежде всего за ликвидацию латифундизма[2]. Из партии «Гражданский союз» (с 1962 г. христианско-демократическая партия) выделяется левая группа «Фронт прогрессивных преобразований».

Появление новых политических организаций левого направления привело к изменениям в тактике компартии Уругвая. «По этой причине, — говорил один из ее руководителей Хосе Массера, — наша партия в 1960 г. (до этого она говорила только о единстве между коммунистами и социалистами) выдвинула идею широкого единства, которое охватывало бы не только коммунистов и социалистов, но и группы, отколовшиеся или откалывающиеся от других партий, хотя наша партия подчеркивала, что единство коммунистов и социалистов является ядром всеобщего единства»[3].

8 октября 1960 г. на многотысячном митинге, посвященном 40-летию компартии Уругвая, было оглашено обращение уругвайских коммунистов «Ко всем антиимпериалистическим, демократическим и прогрессивным силам». В нем говорилось: «Поворот событий требует принятия срочных и решительных мер. Именно поэтому наша партия считает, что настало время всему народу взять в свои руки дело образования левого политического фронта, призванного обновить нашу страну. Мы предлагаем созвать представителей всех без исключения левых сил, чтобы провести широкий обмен мнениями по этому вопросу»[4]. Предложение — общими усилиями начать национальную кампанию по созданию левого фрон-

---

[1] «El Sol», 20 I 1961.

[2] «Marcha», 17 VII 1959.

[3] Проблемы создания единого антиимпериалистического фронта. Прага, 1963, стр. 45.

[4] «El Popular», 9 X 1960.

та — было направлено не только социалистической партии и другим политическим группировкам, выступавшим против империализма и латифундизма, но и профсоюзам, студенческим организациям, а также демократически настроенным членам «традиционных» партий.

Это обращение, проникнутое горячим стремлением добиться осуществления лозунга «Единство — сегодня!», получило широкий отклик в стране и с конца 1960 г. в прогрессивной печати и внутри левых группировок начинается обсуждение проблем создания единого антиимпериалистического фронта.

II

К 1962 г. в Уругвае сложилась обстановка, требующая единства действий всех демократических сил. Состояние уругвайской экономики продолжало ухудшаться. Отмечая сокращение промышленного производства в Уругвае, газета «Нью-Йорк Таймс» писала в начале 1962 г.: «Мало надежды, что оно увеличится в этом году»[1]. «Фабрики закрываются одна за другой...», — признавала «Эль Диа».

«Правители «Бланко»... лишь ухудшили положение республики: они повели наступление на жизненные интересы народных масс, обманули лучшие национальные чувства, привели страну на грань банкротства, поставили под угрозу общественные свободы и права трудящихся и покрыли Уругвай позором, голосуя вместе с США против Кубы»... — писал секретарь ЦК компартии Суарес[2]. Против этой политики выступило большинство населения страны. Росли боевые настроения народных масс.

В начале 1962 г., потребовав заключения нового коллективного договора, забастовали рабочие плантаций сахарного тростника, расположенных на севере. Затем объявили забастовку рабочие мясохлодобоен, протестуя против увольнений и нарушений прав рабочих, завоеванных ими раньше. Вскоре в борьбу включились металлисты, водители автобусов, текстильщики.

---

[1] «The New York Times», 17 I 1962.

[2] Alberto Suarez. Los fundamentos de la orgonizacion del Partido Comunista. Montevideo, 1962, p. 102.

Волну возмущения вызвала поддержка правительством санкций американского империализма против Кубы и решение конференции министров иностранных дел организации американских государств в январе 1962 г. об исключении Кубы из этой организации. В ответ на усилия американского империализма и его пособников «изолировать героический кубинский народ и задушить революцию, которая указывает путь освобождения Латинской Америке»[1], компартия Уругвая, социалистическая партия, МРО и другие левые группы, профсоюзы, студенческие и общественные организации опубликовали резолюции протеста, провели массовые демонстрации. В начале февраля 24-часовая всеобщая забастовка солидарности с кубинским народом парализовала страну.

Напуганная размахом народной борьбы реакция бросила в наступление на демократические силы фашистские банды, уже давно действовавшие в подполье. Участились нападения фашистов на демонстрантов, на помещения Коммунистической и социалистической партий, на университет. В начале июля 1962 г. фашисты сделали ряд вылазок против парагвайских эмигрантов, проживавших в Уругвае. Были брошены бомбы в советское посольство. За спиной фашистских банд стояли реакционные политические деятели, с ними был связан и Нардоне.

В то время как рвались бомбы, брошенные фашистскими молодчиками, падали раненые ими демонстранты, правые газеты уверяли, что фашисты в Уругвае — это «плод фантазии коммунистов». «Мы отказываемся верить в их существование», — утверждала «Эль Паис».

Уругвайский народ дал достойный ответ фашистам. 12 июля в Монтевидео состоялась грандиозная демонстрация. Под лозунгом «Фашизм не пройдет!» десятки тысяч людей, демонстрируя свое единство и силу, прошли по улицам столицы. 70 тысяч студентов высших и средних учебных заведений приняли участие в антифашистской забастовке в конце июля. 2 августа состоялась новая демонстрация в Монтевидео. Реакция была вынуждена отступить.

В это время уже шла предвыборная кампания. Лиде-

---

[1] «Marcha», 26 I 1962.

ры Национальной партии, видя недовольство масс их политикой, начали маневрировать. Они старались доказать, что четыре года — слишком малый срок для преодоления кризиса, что «Национальная партия не обманула доверия народа»[1]. Наличие различных фракций внутри партии и «закон о лемах» оставляли широкое поле для этих маневров. Эррериста порвали с Нардоне, сделав его козлом отпущения. В совместной программе эррериста и УБД содержалось обещание развивать экономику Уругвая, бороться за технический прогресс, улучшить систему социального страхования, защищать национальный суверенитет, отстаивать право народов на самоопределение[2].

Этим обещаниям партия «Колорадо» противопоставила лозунги: «Интересы нации требуют прихода к власти «Колорадо» и «Батлистское правительство спасет страну!». Внутри «Колорадо» появилась новая группировка «За народное правительство!», занявшая место между левым крылом, вскоре вышедшем из Батлистской партии, и фракцией Луиса Батлье Берреса. Лидером этой группировки стал Селмар Мичелини, «восходящая звезда «Колорадо», выдвинувший лозунг: «антиимпериализм, международный валютный фонд и латиноамериканская революция»[3].

Особую активность проявила правая фракция Батлистской партии, рупором которой является газета «Эль Диа», выражающая взгляды «самых реакционных сил «Колорадо»[4]. Для того, чтобы привлечь на свою сторону массы избирателей, «Эль Диа» не скупилась на резкие выпады в адрес правящей партии. Приводя факты о закрытии предприятий и росте безработицы, газета называла, например, министра экономики и труда Ассини «министром нищеты и безработицы», доказывала, что время пребывания у власти «Бланко» — «грустная страница в истории Уругвая»[5]. Восхваляя «Союз ради прогресса», правые батлисты уверяли, что их правительство лучше, чем правительство «Бланко» сможет проводить в жизнь программу этого «союза». «Наша страна

---

[1] «El Debate», 20 XI 1962.
[2] Там же, 20 XI 1962.
[3] «La Prensa», 22 XI 1962.
[4] Alberto Suárez. Los fundamentos... p. 103.
[5] «El Dia», 27 VII 1962.

нуждается в экономической и социальной революции. Народ ожидает, что мы ее осуществим...»[1].

Как Национальная партия, так и правые фракции «Колорадо» выступали на выборах под флагом антикоммунизма. Укрепление компартии, усиление ее влияния в массах, возможность объединения коммунистов и других левых групп и образования коалиции типа чилийского ФРАП[2] беспокоили американских империалистов, латифундистов и проимпериалистические круги буржуазии Уругвая. Но злобная антикоммунистическая и антикубинская кампания, проводимая правой печатью, не могла возродить антикоммунизм в Уругвае, и правые устами «Эль Паис» и «Эль Дебате» не раз признавали рост влияния коммунистов, особенно среди профсоюзов и студенчества.

Вот почему глубоко ошибочной в этот период была тактика социалистической партии, руководство которой переоценило влияние антикоммунизма на средние городские слои и сельское население и отказалось от создания единого фронта всех демократических сил, включая и коммунистов. Справедливо считая, что Национальная партия в результате своей антинародной политики скомпрометирует себя и оттолкнет избирателей на выборах 1962 г., левые социалисты поставили вопрос о создании народной коалиции, которая бы, оттеснив от власти Национальную партию, помешала тому, чтобы ее место заняла «Колорадо». XXXIII съезд партии социалистов (март 1962 г.) поставил ближайшей целью партии организацию «национального и народного движения» и поручил исполнительному комитету установить контакты со всеми левыми политическими группировками, кроме коммунистов. Отказ пойти на единство действий с компартией левые социалисты объясняли не столько расхождениями в программах, сколько тактическими причинами. Генеральный секретарь социалистической партии Вивиан Триас говорил: «Движение не может быть антикоммунистическим, как не является антикоммунистической и социалистическая партия. Но на этом этапе, нам кажется, необходимо развивать движение вширь, и участие коммунистов в нем принесло бы больше затруд-

---

[1] «El Dia», 20 VII 1962.
[2] Фронт народного действия.

нений, чем пользы. ...против коммунистов имеется сильная оппозиция, особенно со стороны масс сельского населения»[1].

Другой руководитель социалистов Роберто Копельмайер писал в статье «Путь к завоеванию власти»: «Коммунисты выдвинули привлекательный, но нереальный лозунг: единство левых без исключения. Мы говорим, что он нереален потому, что единство левых без исключения явится практически единство социалистов и коммунистов, и только. Коммунисты считают, что единство социалистов и коммунистов явится центром притяжения всех антиимпериалистических сил. Мы же придерживаемся той точки зрения, что это единство послужило бы центром отталкивания других левых групп и затормозило бы процесс их объединения»[2].

Нельзя не отметить, что стремление руководства социалистической партии исключить коммунистов из единства левых преследовало также цель потеснить компартию с завоеванных ею позиций и занять ее место. «Мы считаем, что фронт должен иметь марксистскую партию, как наша», — говорил Триас[3]. В действительности же линия руководства социалистической партии, как говорилось на XVIII съезде компартии Уругвая, отражала «тенденцию воспрепятствовать тому, чтобы пролетариат и его идеология, марксизм-ленинизм играли решающую роль в революционном процессе»[4]. Руководители компартии не раз указывали, что «будет трудно добиться решения вопроса о власти без рабочего класса, без его политического авангарда, без той силы, которую мы представляем в организованном рабочем классе»[5].

Лидеры социалистической партии, заявлявшие, что, разрабатывая свою тактическую линию, они исходили из конкретной обстановки, допустили серьезный просчет: не учли возможности маневров фракций Национальной партии, и переоценили свои силы и поставили своей непосредственной задачей завоевание власти. В этом проявился авантюризм левых социалистов.

Руководство социалистической партии начало перего-

---

[1] «Marcha», 30 III 1962.
[2] «El Sol», 9 II 1962.
[3] «Marcha», 30 III 1962.
[4] «Estudios», 1962, N 25, p. 155.
[5] Alberto Suárez. Los fungamentos... p. 105.

воры с левыми организациями по вопросу о создании на предложенных ими условиях «Народного союза»; им удалось добиться поддержки групп «Новые основы» и «Фронт прогрессивных преобразований». Вскоре у них появился еще один союзник: из Национальной партии выделилась группа эррериста во главе с депутатом Энрике Эрро, которая высказалась за предложенный социалистами «Народный союз». Эрро был влиятельным депутатом, одно время занимал пост министра экономики, и социалисты рассчитывали с его помощью привлечь голоса сельских избирателей.

В начале июля 1963 г. XIX чрезвычайный съезд социалистов принял резолюцию о вступлении социалистической партии в «Народный союз», который «нанесет поражение олигархии и империализму и проведет революционные социально-экономические и политические преобразования в стране»[1]. Вскоре было завершено создание «Народного союза». В него вошли социалистическая партия, группа Эрро, группа «Новые основы» и «Фронт прогрессивных преобразований». Программа «Народного союза» требовала аграрной реформы, которая покончила бы с латифундизмом, национализации основных отраслей промышленности, экономической интеграции Латинской Америки, улучшение системы социального страхования и народного образования, отмены «закона о лемах». В области внешней политики «Народный союз» высказался в защиту принципа невмешательства во внутренние дела других стран, за установление дружеских отношений со всеми странами, за укрепление связей Уругвая с Латинской Америкой[2].

Программа «Народного союза» оказалась, однако, в противоречии с возможностями, которыми он располагал, и с антикоммунизмом некоторых его руководителей. Вступление Эрро в «Народный союз» внесло в него сильную антикоммунистическую струю. Эрро не раз выступал с грубыми нападками на компартию, называл ее «придатком Москвы», «Эрро, — говорил Р. Арисменди, — поднимает знамя антикоммунизма, от которого социалистическая партия уже отказалась как от негодного средства, с помощью которого осуществлялся раскол наро-

[1] «El Sol», 6 VII 1962.
[2] Там же, 22, 28 IX 1962.

да»[1]. Образование «Народного союза» Эрро рассматривал как серьезный удар по компартии, как провал ее попыток добиться единства левых сил. «Коммунисты в отчаянии», — хвастливо заявил Эрро[2]. Он ошибался.

29 июля 1962 г. открылся XVIII съезд Коммунистической партии Уругвая. Отчетный доклад, сделанный первым секретарем ЦК Р. Арисменди, содоклады других руководящих деятелей партии, выступления делегатов, общая резолюция съезда, послание к уругвайскому народу — были проникнуты духом борьбы за единство демократических сил. Проанализировав обстановку в стране, съезд отметил успехи, достигнутые народными массами в их борьбе против антинародной политики правящих классов. «Реакционные силы потерпели полный провал в достижении своей главной цели: расколоть рабочий класс, отделить его от других классов и социальных слоев, изолировать Коммунистическую партию»[3].

Несмотря на активизацию реакции, компартия укрепила свои ряды, расширила влияние на массы, численность ее возросла в четыре раза по сравнению с 1955 г., увеличилось количество организаций партии, повысился идеологический уровень ее кадров. Съезд указал, что Коммунистическая партия и народ Уругвая переживают период накопления сил, что еще предстоит преодолеть много трудностей, в частности ликвидировать «разрыв между единством действий масс на улице в защиту своих ближайших требований и в борьбе за разрешение стоящих перед нацией проблем и тем, что еще нет единства в политической борьбе вокруг единой программы, которая бы позволила народу играть решающую роль в политической жизни»[4].

Подчеркнув, что «Народный союз» представляет собой, по сути дела, союз социалистической партии с эрреристским депутатом Эрро, что позиция ее руководства вынуждает левые силы дать бой реакции в невыгодных условиях (т. е. при отсутствии единства всех левых сил), съезд высказался за продолжение борьбы за единство всех демократических сил, в том числе и с социалистической партией. «Единство левых, — говорил Р. Арис-

[1] «Estudios», 1962, N 25, p. 222.
[2] «El Sol», 14 VII 1962.
[3] «Estudios», 1962, N 25, p. 148.
[4] Там же, стр. 88.

менди в заключительном выступлении, — требование жизни это не просто задача предвыборной кампании, это важная революционная задача»[1].

Важнейший вывод XVIII съезда Коммунистической партии Уругвая заключался в следующем: «Образование единой политической силы с ясной антиимпериалистической и демократической программой, составляющей основное условие демократического и революционного процесса в Уругвае, может быть достигнуто в политическом плане в ближайшее время»[2]. Этот вывод явился результатом анализа политической обстановки в стране, так как уже существовали левые группы, выступающие за единство всех левых без исключения. Из Батлистской партии выделяются в самостоятельные организации «Батлистский авангард» и «Батлистское движение 26 октября», которые приняли решение участвовать в создании левого политического фронта с участием коммунистов и направили приветствие XVIII съезду компартии. За единство левых высказались и другие организации, объединявшие представителей передовой интеллигенции и студенчества: «Левое движение Мальдонадо», «Комитет борьбы за единство Пайсанду», «Комитет единства левый Сальто», «Комитет левых университета»[3].

К единству с коммунистами склонялась и большая часть членов «Уругвайского революционного движения». В апреле 1962 г. ЦК МРО опубликовал заявление, в котором отмечались трудности процесса объединения сил народа и содержался призыв ко всем рабочим, крестьянам, служащим, студентам, профсоюзам и левым политическим группировкам принять участие в организации массового антиимпериалистического движения в стране. К этому времени МРО сделало большой шаг вперед в определении своих идейных позиций. «Мы принимаем Вторую Гаванскую Декларацию от 4 февраля 1962 г., как идеологическую основу МРО, понимая, что она указывает ясный путь для нашей латиноамериканской революции, путь национального освобождения народов нашего континента»[4]. Однако окончательного решения о блоке

---

[1] «Estudios», 1962, N 25, p. 222.
[2] Там же, стр. 148.
[3] Пайсанду, Сальто, Мальдонадо — важнейшие города Уругвая.
[4] «Marcha», 6 IV 1962.

с компартией руководство МРО еще не приняло, хотя на консультативном совещании представителей комитетов МРО из 37 человек 20 высказались за единство с коммунистами, и только один за «Народный союз»[1].

К середине июля 1962 г. компартией Уругвая была проделана большая работа по объединению левых политических групп. Были разработаны основные положения программы будущего фронта, проведен обмен мнениями по вопросу о программных и организационных основах его, начато создание комитетов единства на местах. Важным шагом на пути образования левого фронта было решение компартии выступить на выборах 1962 г. не под своим обычным девизом, а под лемой «аксиденталь»[2], что дало бы возможность объединить голоса, поданные на выборах за коммунистов, с голосами тех левых групп, вышедших из «традиционных» партий, которые выступят в блоке с компартией.

Деятельность компартии свидетельствует о том, что обвинения ее в сектанстве со стороны лидеров социалистической партии были необоснованы. Это понимало и большинство левых. «Мы убедились, что коммунисты не являются сектантами», — говорил позднее председатель Левого фронта освобождения, видный общественный деятель Луис Педро Бонавита. Все это сделало возможным рождение Левого фронта освобождения.

15 июля 1962 г. в Монтевидео состоялось совещание представителей демократических организаций и групп, выступающих за единство левых без исключения: Коммунистической партии Уругвая, «Батлистского движения 26 октября», группы «Батлистский Авангард», «Университетского комитета левых», «Левого движения Мальдонадо», «Комитета за единство левых Пайсаиду», «Движения за единство левых Сальто», «Комитета работников культуры». В качестве наблюдателя на совещании присутствовала делегация МРО. На этом совещании было принято решение: «1) образовать левый политический фронт на основе программы национального освобождения, установления социального равенства и поддержки кубинской революции; 2) поддержать на предстоящих

[1] «Marcha», 6 VI 1962.

[2] Компартия зарегистрировалась в соответствии с конституцией не под своим постоянным девизом («Коммунистическая партия Уругвая»), а под «временным девизом».

выборах лему «аксиденталь»; 3) считать созданный фронт открытым для всех, кто, признав его программу, пожелает вступить в него»[1]. Совещание еще раз подчеркнуло необходимость достижения единства народа для национального освобождения. Представители левых сил заявили, что в центре их деятельности будет борьба за политическое единство всех слоев народа.

«Мы уверены, что такова воля рабочих, крестьян, студентов, работников умственного труда, пенсионеров, учителей, которые уже выступают совместно на улице в защиту своих ближайших требований, в защиту кубинской революции, против реакционных мероприятий правительства.

Добившись единства левых, уругвайский народ пойдет по пути, который приведет к национальному освобождению...»[2].

Образование левого политического фронта (вскоре он стал называться «Левый фронт освобождения» — «Френте де Искьерда де Либерасьон» — ФИДЕЛ) было поддержано ряд профсоюзов, молодежными организациями. Началось создание комитетов ФИДЕЛ на местах, только в Монтевидео к 1 сентября их было 167. В начале августа к левому фронту присоединилось «Уругвайское революционное движение», внутри которого были преодолены разногласия с противниками единства с компартией. В конце августа в левый фронт вступил Луис Педро Бонавита, ранее входивший в УБД. 1 сентября во дворце «Пеньяроль» состоялся большой митинг, организованный комитетами ФИДЕЛ, на котором были обсуждены основные положения программы Левого фронта освобождения. Выступая на этом митинге, Р. Арисменди говорил, что всех, кто вступает в ФИДЕЛ, объединяет понимание «необходимости обновить страну, необходимости освободить ее, дать народу программу действий, которую не могут уже предложить «традиционные» партии»[3].

Был образован руководящий орган ФИДЕЛ: Исполнительный комитет; его председателем стал Луис Педро Бонавита. 1 октября работала ассамблея ФИДЕЛ, на

---

[1] «El Popular», 16.VII 1962.
[2] Там же.
[3] Там же, 7 IX 1962.

которой было представлено уже 350 его местных комитетов. 2 октября в приложении к газете «Эль Популяр» (орган ЦК компартии Уругвая) была опубликована программа ФИДЕЛ — «Манифест и Платформа борьбы Левого фронта освобождения».

В программе ФИДЕЛ давалась яркая характеристика тяжелого положения Уругвая как следствие господства латифундизма и засилия американского империализма, как следствия политики правящих классов, направленной на подчинение страны международному валютному фонду. «Наша страна поставлена на службу позорным целям империалистической политики в Америке и во всем мире, в результате этого грубо попирается наше национальное достоинство»[1].

Тяжелое положение страны и кризис традиционных партий, а также подъем борьбы народных масс сделали необходимым создание Левого фронта освобождения. ФИДЕЛ «выражает политические требования нашего народа, который в последние годы все решительнее выступает против внутренней реакции и империализма, наносит им чувствительные удары и в кубинской революции видит пример претворения в жизнь целей своей повседневной борьбы»[2].

Программа Левого фронта освобождения включала следующие пункты борьбы за революционное изменение социально-экономической структуры:

1) аграрная реформа, которая ликвидирует латифундизм и приведет к передаче земли в собственность крестьянам;

2) национализация предприятий, принадлежащих империалистам или находящихся под их контролем;

3) планирование развития народного хозяйства;

4) прогрессивное трудовое законодательство, установление 8-часовой рабочей недели и 8-часового рабочего дня для сельскохозяйственных рабочих;

5) совершенствование системы социального обеспечения; пенсии для всех, проработавших 25 лет;

6) подъем культурного уровня народа.

В области внутренней политики программы ФИДЕЛ предусматривает отмену «закона о лемах», введение

---

[1] «El Popular», 2. X 1962.
[2] Там же.

пропорционального представительства в коллективных правительственных органах, установление различных часов для голосования за кандидатов в органы исполнительной власти и за кандидатов в органы законодательной власти, свободу печати, свободу стачек, запрещение дискриминации по расовым, религиозным или политическим причинам. Что же касается международных отношений, то программа ФИДЕЛ включает такие пункты, как: независимая внешняя политика, защита национального суверенитета и мира во всем мире, борьба против империализма, развитие дружеских торговых и культурных связей со всеми странами, разрыв со всеми пактами, которые подчиняют Уругвай военным блокам, разрыв с международным валютным фондом и «Союзом ради прогресса», защита принципа самоопределения наций, солидарность с народами, борющимися против империализма и колониализма, безоговорочная поддержка кубинской революции.

В программе ФИДЕЛ подчеркивалось, что осуществление этих целей будет означать решение задач национально-освободительной революции, развитие которой в Уругвае возможно мирным путем. Руководитель «Батлистского движения 26 октября» Ломбарди говорил: «...уругвайский народ может мирным путем осуществить революцию, которая на Кубе победила после длительной борьбы и многих жертв[1].

Образование Левого фронта освобождения имеет большое значение для дальнейшего развития национально-освободительного движения в Уругвае. Впервые в его истории вокруг программы борьбы за национальное освобождение и социальный прогресс произошло объединение коммунистов, авангарда рабочего класса и других политических групп, оказывающих определенное влияние на средние городские слои. Как отмечал Р. Аризменди, ФИДЕЛ представляет собой «форму союза рабочего класса со средними слоями»[2]. Возникновение ФИДЕЛ свидетельствует о том, что в Уругвае можно добиться единства действий компартии и остальных левых партий и группировок, что задача создания широкого демократического фронта национального освобож-

---

[1] «El Popular», 17.VII 1962.
[2] «Estudios», 1964, N 28, p. 15.

дения, выдвинутая коммунистами, вполне осуществима. По сути дела, рождение Левого фронта освобождения явилось началом процесса объединения всех демократических сил. «ФИДЕЛ возник как ядро будущего демократического фронта национального освобождения, как основа более широкого союза классов и слоев, борющихся против империализма и местной олигархии. Он пробивает брешь в двухпартийной системе и является первым шагом на пути к достижению такого же широкого единства левых в политической борьбе, какого мы добились уже в профсоюзном движении»[1].

Появление на политическом горизонте Левого фронта освобождения вызвало беспокойство реакции. Уже сам факт блокирования компартии с политическими группировками, вышедшими из традиционных партий не мог не внушать тревогу правым. Примечательна в этом отношении та оценка, которую газета «Эль Паис», орган УБД, дала союзу с коммунистами групп батлистов: «Хотя этот признак разложения партии, которая соперничает с нами, мог бы обрадовать нас, однако мы, принимая во внимание интересы страны, с сожалением констатируем этот факт и ожидаем, что здоровые силы, которые существуют внутри «Колорадо», отреагируют достойным образом»[2]. Реакция «здоровых сил «Колорадо» выразилась в ряде грубых антикоммунистических статей газеты «Эль Диа», которая не оставила без внимания также отказ социалистов выступить совместно с компартией. «Как у них пойдут дела, — восклицала «Эль Диа», — если даже социалисты не поддержали их»[3].

Лидеры социалистической партии, несмотря на обещание не вступать в полемику с коммунистами и Левым фронтом освобождения[4], не удержались от того, чтобы не высказать в адрес компартии избитые обвинения в сектантстве, бюрократизме и сталинизме[5]. Создание Левого фронта освобождения они расценили как результат ошибок в тактике и политике компартии[6].

---

[1] «Estudios». 1964, № 28, p. 15.
[2] «El Pais», 22 VII 1962.
[3] «El Dia», 27 VII 1962.
[4] «El Sol», 19 X 1962.
[5] Там же, 16 XI 1962.
[6] Там же.

Но дальнейшие события показали, что ошибочным было не образование ФИДЕЛ, а «Народного союза».

Левый фронт активно включился в предвыборную борьбу, выдвинул своих кандидатов, парламент и в департаментские хунты, его местные комитеты (к ноябрю 1962 г. их уже было 500) проделали большую работу по пропаганде основных положений программы ФИДЕЛ. 12 ноября председатель ФИДЕЛ Бонавита, выступая по радио, еще раз изложил его программу. Предвыборная кампания Левого фронта освобождения закончилась 20 ноября большой демонстрацией в столице. Несмотря на то, что ФИДЕЛ действовал лишь немногим более четырех месяцев, он сумел добиться значительного успеха, получив 41 тыс. голосов[1] (на 14 тысяч больше, чем компартия в 1958 г).

От Левого фронта освобождения были избраны: Энрике Родригес — в сенат, Родней Арисменди, Хосе Луис Массера и Ариэль Кольясо — в палату представителей. Четыре депутата ФИДЕЛ были избраны в департаментскую хунту Монтевидео.

«Народный союз» получил 27 тысяч голосов[2], в то время как в 1958 г. за социалистов голосовало 35 тысяч избирателей. Вскоре в результате внутренних разногласий «Народный союз» стал распадаться. Социалисты признали ошибочность своей тактики на своем XXXIV съезде (июнь 1963 г.), приняли резолюцию о выходе из «Народного союза», а также резолюцию, одобряющую единство действий со всеми без исключения левыми партиями и группами[3].

Однако раскол левых политических групп и партий способствовал успеху на выборах той фракции «Колорадо», которую возглавлял Мичелини и которая в предвыборной кампании использовала антиимпериалистические лозунги. Фракция «За народное правительство!» получила больше голосов, чем ФИДЕЛ и «Народный союз», вместе взятые.

Хотя национальная партия и сохранила за собой власть (она получила перевес над «Колорадо» немногим более чем в 20 тыс. голосов), ее правое крыло во главе

---

[1] «El Popular», 14 II 1963.
[2] «Marcha», 12 II 1963.
[3] «El Popular», 2 VII 1963.

с Нардоне потерпело поражение; Нардоне «оказался отвергнутым избирателями даже и во внутренних районах страны, которые прежде были его оплотом»[1].

Важнейшим результатом выборов 1962 г. было превращение Левого фронта, освобождения в «третью политическую силу страны[2] (после национальной партии и «Колорадо»).

Подводя итоги выборов, руководство ФИДЕЛ отметило, что хотя силы крайней реакции и антикоммунизм потерпели поражение все же «традиционные партии», используя раскол левых и «закон о лемах», сумели получить подавляющее большинство голосов. Поэтому с особой остротой в повестку дня встает задача консолидации демократических сил и усиления их влияния на массы. Поэтому мы поднимаем... знамя единства всех демократов без исключения. Как никогда, мы убеждены в том, что должны добиться и добьемся единства с социалистической партией и другими левыми группами для совместной борьбы против нашего общего врага, для борьбы за дело народа»[3].

Последующие годы были годами дальнейшего развития и укрепления Левого фронта освобождения. В мае 1963 г. в него вступила выделившаяся из Национальной партии «группа 8 января». Создавались новые комитеты ФИДЕЛ на предприятиях, среди молодежи и женщин, было положено начало вовлечению в ФИДЕЛ крестьянства. Так, в феврале 1965 г. на собрании крестьян департамента Лас Пьедрас был создан комитет ФИДЕЛ. Выступая перед крестьянами, Л. П. Бонавита подчеркнул, что «нужды мелких землевладельцев должны привлечь наше внимание».

28—29 июня 1963 г. в Монтевидео проходил первый съезд Левого фронта освобождения, который подвел итоги работы, проделанной комитетами ФИДЕЛ за первый год, обсудил экономическое и политическое положение в стране и обратился к социалистической партии и другим демократическим организациям с призывом к единству: «Единство ФИДЕЛ с социалистической партией, со всеми левыми группами, с теми членами «Колорадо»

---

[1] «Cuadernos», 1963, N 69, p. 76.
[2] «El Popular», 28 XI 1962.
[3] Там же, 23 XII 1962.

или «Бланко», которые искренне желают действительных перемен, откроет большие перспективы и будет способствовать усилению борьбы народа за глубокие социально-экономические и политические преобразования»[1].

Добиваясь единства действий с социалистической партией, расширяя и укрепляя свои ряды, Левый фронт освобождения высоко держит знамя борьбы за национальное и социальное освобождение уругвайского народа. ФИДЕЛ проделал большую работу по мобилизации масс на борьбу за сохранение дипломатических отношений с Кубой в 1964 г., а когда все же правительство уступило давлению Вашингтона, развернул широкую кампанию за восстановление связей с героическим островом. Важную роль сыграл ФИДЕЛ в срыве попытки государственного переворота в июне 1964 г., в защите демократических свобод, в борьбе за отмену правительственных декретов о «чрезвычайных мерах по обеспечению безопасности» в 1965 г.

В парламенте депутаты Левого фронта освобождения добились принятия ряда законов о повышении пенсий, заработной платы и жалования рабочим и служащим государственных предприятий и учреждений, решительно осудили действия властей против демонстрантов, разоблачили правых заговорщиков, вынашивающих планы установления военной диктатуры, — внесли законопроекты о моратории по внешнему долгу о национализации некоторых латифундий севера, за что уже в течение трех лет борется организованный социалистами профсоюз рабочих плантаций сахарного тростника. Л. П. Бонавита, отмечая успехи, достигнутые Левым фронтом освобождения за два года его существования, говорил: «В 1962 г. многие не верили, что ФИДЕЛ долго просуществует. Но прошло два года, и уже ясно, что образование фронта явилось крупным событием в жизни страны, важной вехой на пути ее развития. В процессе социального и политического развития Уругвая ФИДЕЛ играет уже крупную роль и ему общественное мнение страны, т. е. народ уделяет все большее внимание»[2].

Программа национального и социального освобождения уругвайского народа, выдвинутая компартией и Ле-

---

[1] «El Popular», 1 VII 1963.
[2] Там же, 17 VII 1964.

вым фронтом освобождения, стала знаменем борьбы широких масс. Она полностью совпадает с программой преодоления кризиса социально-экономической структуры, принятой в августе 1965 г. «Народным конгрессом», на котором было представлено свыше 700 профсоюзов и других массовых организаций, объединяющих 800 тысяч трудящихся. Деятельность Левого фронта освобождения, таким образом, имеет огромное значение для политического воспитания масс. «ФИДЕЛ как политическое объединение народных сил.., — отмечает Р. Арисменди, — играет важную роль в историческом процессе освобождения нашей страны»[1].

[1] «Estudios», 1964, N 27, p. 9.

Л. А. ЗИМУЛИНА

БОРЬБА БРИТАНСКИХ ДОМИНИОНОВ ЗА РАСШИРЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРАВ НА ИМПЕРСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ 1926 ГОДА

Одним из проявлений общего кризиса капитализма на современном этапе является распад колониальной системы империализма. Ярким примером этого служит распад одной из старейших колониальных империй мира — Британской империи.

Предпосылки распада колониализма накапливались еще на первом этапе общего кризиса капитализма, в период между двумя мировыми войнами. В тот период главным носителем центробежных сил в Британской империи были доминионы.

В 20-х годах нашего века вопрос о взаимоотношениях с доминионами стал самым острым и злободневным вопросом британской имперской политики. И не случайно. Дело в том, что противоречия с доминионами вели к обострению противоречий Англии с «цветными» колониями, главному источнику тех сил, которые предрешили распад одной из крупнейших колониальных империй мира. Поэтому-то буржуазия метрополии всеми силами старалась сохранить статус-кво в империи, а доминионам в силу этого пришлось долго и упорно бороться с метрополией за расширение политических прав.

Важной вехой в этой борьбе стала имперская конференция 1926 г., на которой доминионы добились пересмотра конституционных основ империи. Победа эта не была случайной, ей предшествовал длительный период трений и конфликтов с метрополией.

Резкое обострение противоречий между Англией и доминионами было вызвано экономическими факторами, прежде всего изменением экономических взаимоотноше-

ний доминионов с метрополией в годы первой мировой войны и послевоенные годы.

Во-первых, возросший спрос военной продукции, отсутствие конкуренции со стороны европейских стран, занятых войной, сказались благоприятно на развитии промышленности доминионов.

Во-вторых, первая мировая война привела к ослаблению экономических позиций Англии. Резко упало ее значение в качестве финансового и торгового центра империи.

В-третьих, после войны усилилась конкуренция иностранных государств на рынках доминионов, и прежде всего со стороны США. В доминионы направился поток разбухшего в годы войны американского капитала, в то время как процент английских капиталовложений значительно снизился.

Доминионы усилились экономически и стремились сбросить с себя остатки колониальной зависимости от Англии. Права доминиона бывшие переселенческие колонии Англии (Канада, Австралия, Новая Зеландия и Ньюфаундленд) получили еще в XIX веке. Южно-Африканский союз был создан в 1909 г., а статус доминиона был за ним утвержден официально лишь в 1921 г. В том же году права доминиона завоевала Ирландия.

Однако внутреннее самоуправление доминионов было ограниченным. Метрополия назначала генерал-губернаторов во все свои доминионы. Генерал-губернаторы имели право роспуска парламента и часто пользовались им (в отличие от короля по отношению к английскому парламенту). Генерал-губернатор мог отказать премьер-министру доминиона в роспуске парламента, что означало на практике составление кабинета парламентской оппозиции с одобрения метрополии.

Более того, законы, принятые парламентом доминиона и противоречившие законам, принятым английским парламентом, могли быть всегда признаны недействительными.

Высшей апелляционной инстанцией по делам, возникавшим в доминионах, является судебный комитет Тайного совета Соединенного Королевства.

Что касается внешней политики, то здесь доминионы совсем не имели голоса. Внешняя политика всей империи, в том числе и доминионов, велась только королев-

ским правительством, которое назначало послов в иностранные государства, вело переговоры с иностранными правительствами, подписывало договоры, объявляло войну и заключало мир.

Первая мировая война привела к значительным сдвигам во взаимоотношениях Англии с доминионами. Несмотря на военные затраты, британские доминионы вышли из войны экономически более сильными и политически более независимыми, чем до войны.

Во время войны доминионы снабжали метрополию деньгами и людьми, сырьем и военным снаряжением. Скоро стало ясно, что занятая войной метрополия не в силах просто требовать от доминионов помощи, она может получить ее лишь на основе политических уступок им.

В условиях небывалого подъема национально-освободительной борьбы в старейшей английской «белой» колонии Ирландии и «цветных» колониях английская олигархия смотрела на доминионы как на важнейшие опорные базы империализма за океаном.

1916 г., критический год войны, обнаружил ослабление тыла империалистической Англии. Забастовки рабочих, рост антивоенных настроений в Англии, новый подъем национально-освободительной борьбы в Ирландии (восстание в Дублине) — все это требовало консолидации реакционных сил. Один из наиболее дальновидных и гибких буржуазных политиков Ллойд Джордж понял необходимость уступок буржуазии доминионов в этих условиях. Он льстил ее национальному самолюбию в интересах укрепления империалистической коалиции. «Бывают случаи, — писал В. И. Ленин, — когда надежнее и выгоднее получить искренних, добросовестных «защитников отечества» в империалистической войне путем создания политически независимых государств, о финансовой зависимости которых «мы» уже позаботимся!»[1].

20 декабря 1916 г. на заседании британского военного кабинета Ллойд Джордж внес предложение привлечь доминионы к участию в его совещаниях[2].

Так был создан имперский военный кабинет, в ко-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 23, стр. 261.
[2] Ллойд Джордж. Военные мемуары, М., 1935, т. IV, стр. 27.

торый наряду с представителями Великобритании вошли премьер-министры доминионов.

Подъем национально-освободительной борьбы в Индии в годы войны заставил метрополию пригласить к участию в имперском военном кабинете представителя Индии. С 1917 г. Индия прочно заняла свое место на всех имперских конференциях.

Имперский военный кабинет был совершенно новым органом, неизвестным конституции Великобритании, органом, явившимся в значительной степени результатом роста центробежных сил внутри Британской империи.

Имперский военный кабинет заседал с 20 марта по 2 мая 1917 г.[1] Большое внимание он уделил вопросу об условиях будущего мира. Буржуазия доминионов решительно требовала своей доли в переделе германских колоний[2].

Параллельно с заседаниями имперского военного кабинета происходили заседания имперской военной конференции. Наиболее важными документами, выработанными имперской военной конференцией 1917 г., были резолюция о председательстве Индии на всех будущих имперских конференциях и резолюция о созыве после окончания войны специальной имперской конференции по вопросам перестройки конституционных отношений составных частей империи[3].

Резолюция о созыве имперской конституционной конференции была в основном выработана канадским премьер-министром Борденом и генералом Смэтсом (Южно-Африканский Союз)[4] и не случайно. Именно Канада и Южно-Африканский Союз, наиболее развитые в экономическом отношении, были главными выразителями центробежных тенденций доминионов. Принятие этой резолюции явилось официальным признанием того факта, что Великобритания вынуждена согласиться с новым местом, которое заняли доминионы в политике империи в годы войны.

Имперский военный кабинет встретился вновь в июне 1918 г. Два вопроса вызвали особенно бурные дебаты в

---

[1] Ллойд Джордж. Военные мемуары, М., 1935, т. IV, стр. 35.
[2] Там же, стр. 36.
[3] Dawson, R. «The Development of Dominion Status 1900—1936». L, 1937, p. 175.
[4] Ibid, p. 25.

нем в этот период — о дележе германских колоний и о представительстве доминионов на мирной конференции. Доминионы требовали самостоятельного представительства на мирной конференции и признания их договаривающимися сторонами, но встретили оппозицию Франции и США[1].

Французы и американцы в конце концов пошли на компромисс: они согласились на самостоятельное представительство доминионов на правах малых союзных держав.

Следующим шагом на пути признания самостоятельности доминионов на международной арене было принятие их в Лигу Наций, вопреки противодействию иностранных держав и позиции Великобритании[2]. Более того доминионы добились права быть избранными членами Совета Лиги.

Империалистические державы вынуждены были допустить доминионы и к дележу германских колоний. По постановлению Верховного Совета в Париже от 7 мая 1919 г. Австралия получила мандат на германские владения в Тихом океане к югу от экватора, кроме Самоа и Науру (вместе с Англией); Новая Зеландия — на о. Самоа; ЮАС — на Германскую Юго-Западную Африку[3].

Так были созданы эти «империи в миниатюре». Окрепший за годы войны монополистический капитал доминионов расширял сферы своей экспансии. После войны буржуазия доминионов стремилась укрепить свое положение на внутреннем рынке, оградив его от конкуренции иностранных товаров высоким протекционным тарифом. Она нуждалась и во внешних рынках, которые стремилась расширить за счет создания собственных колониальных сфер влияния и расширения торговли с иностранными государствами. Однако и расширение внешних рынков, и введение протекционистских тарифов было возможно лишь при поддержке государственной власти. Но вопросы внешней и торговой политики доминионов по-прежнему решались в Лондоне.

---

[1] Ллойд Джордж, Правда о мирных договорах, т. I, М., 1957, стр. 180.

[2] Canada. House of Commons Debates, 1919, September 2, p. 21.

[3] Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях, М., 1929, т. IV, в. I, стр. 73—74.

Остатки колониализма мешали экспансии местного капитала доминионов. Нужно было разрушить конституционные порядки Британской империи. И буржуазия доминионов вступила на этот путь еще в годы войны. Объективно она выступила в роли прогрессивной силы, стремившейся разрушить государственную надстройку одной из старейших колониальных империй мира.

Английские правящие круги пытались преодолеть центробежные тенденции внутри империи созданием постоянного имперского кабинета (аналогично имперскому военному кабинету 1917—1918 гг.), который выполнял бы функции централизованной исполнительной власти. Такую попытку британское правительство сделало в 1921 г., однако она была встречена в штыки доминионами.

1921 г. английское правительство созвало конференцию премьер-министров доминионов, не рискнув назвать ее имперским кабинетом.

Гвоздем конференции стал вопрос о продлении англо-японского союза. Ллойд Джордж произнес обширную речь в защиту англо-японского союза, но Смэтс (ЮАС) и Мейген (Канада) категорически заявляли, что представляемые ими правительства отказываются принять на себя налагаемые договором обязательства. Доминионы поставили вопрос шире, они протестовали против общей ненормальности такого положения, при котором акты лондонского кабинета являются обязательными для доминионов. Премьер-министр Канады сделал специальное заявление по этому вопросу[1].

Если до сих пор разногласия между Англией и доминионами касались главным образом вопросов внутреннего порядка, то в данном случае доминионы стремились диктовать свою волю в вопросах внешней политики.

Заинтересованные в упразднении англо-японского союза США решили пригласить доминионы на подготовлявшуюся Вашингтонскую конференцию. Вопреки противодействию Англии доминионы добились представительства на Вашингтонской конференции. Из семи делегатов Британской империи на конференции четыре были

---

[1] Dawson, R. Op. cit., L., p.p. 209—210.

назначены королем по рекомендации правительств доминионов[1].

Вашингтонская конференция показала, что доминионы самочинно разрушают установившиеся конституционные отношения. Центробежные тенденции еще не проявлялись так явно, как здесь. Доминионы на конференции имели секретные совещания с США, добивались удовлетворения своих специальных интересов[2].

Англия в Вашингтоне вынуждена была отказаться от англо-японского союза в значительной степени под влиянием позиции, занятой доминионами.

6 декабря 1921 г. права доминиона получила Ирландия. И сразу же она встала в авангарде борьбы за расширение государственного суверенитета.

Наиболее острыми конфликтами между Англией и доминионами отмечен период 1922—1926 гг. Осенью 1922 г. Канада, ЮАС и Ирландия ответили отказом на запрос британского правительства о военной помощи в войне против кемалистской Турции[3]. (Чанакский инцидент). Более того, доминионы отказались подписать Лозаннский договор с Турцией[4] — случай беспрецедентный в истории империи.

В декабре 1922 г. Канада подписала договор с США о рыбной ловле, отказав Великобритании в каком-либо официальном контроле над ним[5]. Вслед за Канадой и другие доминионы успешно закрепили за собой право вести переговоры и подписывать договоры без участия правительства Великобритании.

На имперской конференции 1923 г. метрополия вынуждена была согласиться с процедурой самостоятельного подписания и ратификации договоров, установленной уже на практике доминионами[6].

Однако, подписав резолюцию 1923 г., английское правительство в своей внешнеполитической практике игно-

---

[1] Вашингтонская конференция по ограничению вооружений и тихоокеанским вопросам, М., 1924, стр. 46.

[2] Dawson, R. Ibid, L, p. 224.

[3] Canada. House of Commons Debates, 1923, Febr. 1, p.p. 30—31.

[4] Dawson, R, Op. cit. p. 272.

[5] Dawson, R. Ibid., p.p. 255—256.

[6] Canada. House of Commons Debates, 1926, June 21, p.p. 4758—4759.

рировало ее. Острая борьба по этому вопросу между доминионами и метрополией развернулась вновь в 1924 г. в связи с созывом межсоюзнической конференции по плану Дауэса. Доминионы не смогли добиться отдельного представительства на этой конференции. В работе конференции принимали участие не самостоятельные делегации доминионов (как на Парижской конференции 1919 г.), а лишь один делегат, который избирался поочередно из списка представителей доминионов и Индии в британскую имперскую делегацию. Но под нажимом доминионов британский представитель сделал на конференции официальное заявление о том, что этот принцип не должен считаться прецендентом на будущее[1].

В 1924 г. Ирландия направила в секретариат Лиги наций англо-ирландский договор 1921 г., устанавливавший статус ее в качестве доминиона, для регистрации, как и любого международного договора[2]. Тем самым Ирландия подняла вопрос, который имел большое значение во внутриимперских отношениях, вопрос о том, должны ли отношения между различными частями империи считаться международными или нет. Вопреки протестам Англии договор был зарегистрирован как международный.

На Локарнскую конференцию 1925 г. доминионы не послали своих представителей, считая, что рассматриваемые там вопросы «в основном касаются правительства Великобритании»[3] и неподписали Локарнский пакт. Более того, статья 9 Локарнского пакта гласила, что договор не распространяется на британские доминионы[4]. Локарно было своего рода революцией в Британской империи. Английское правительство впервые заключило важный международный договор, который исключал доминионы из своей сферы действия.

Симптоматичная перемена произошла и в способах официальных сношений метрополии с доминионами. С 1925 г. эти сношения стали осуществляться не через министерство колоний, а через специально созданное ми-

---

[1] Great Britain. House of Commons Debates, 1924, July 29, p. 1996.
[2] Dawson, R. Op. cit., p. 315.
[3] Canada. House of Commons Debates, 1927, March 30, p. 1707.
[4] The Round Table, 1925, December, p. 15.

нистерство доминионов[1]. Но доминионы не удовлетворились этим. Они требовали, чтобы метрополии сносились с ними, как со всеми иностранными государствами, через посредство министерства иностранных дел и специальных дипломатических представителей.

В конце 1925 г. — начале 1926 г. конституционный конфликт разразился в Канаде. Генерал-губернатор Канады Бинг отказался санкционировать решение главы либерального правительства Кинга о роспуске парламента и предложил сформировать кабинет лидеру консерваторов Мейгену. Факт прямого вмешательства генерал-губернатора во внутренние дела Канады оказался спасительным для обанкротившихся либералов. Парламент выразил недоверие кабинету Мейгена, и на новых парламентских выборах либералы получили большинство. Это событие поставило проблему правового положения представителей британской короны в доминионах и оказало большое влияние на ход имперской конференции 1926 г.

Имперская конференция 1926 г. явилась важным этапом в развитии центробежных тенденций в Британской империи, вопреки усилиям правящих кругов Великобритании сделать ее простым повторением прежних имперских конференций.

В июле 1926 г. британский премьер-министр заявил о том, «что, как и в прошлом, ее работа будет включать общий обзор внешней политики и обороны и других вопросов, поднявшихся в связи с ними, что она должна рассмотреть развитие системы коммуникаций и консультаций между правительствами империи по вопросам, имеющим общий интерес»[2]. Это заявление вызвало отпор доминионов. Министр иностранных дел Ирландского Свободного государства заявил, что имперская конференция должна прежде всего обсудить вопрос о статусе доминионов[3].

В Канаде кризис Кинга-Бинга поставил вопрос о пересмотре прав генерал-губернатора. Канадские круги, поддерживающие либеральное правительство, требовали

---

[1] The Records of the Colonial and Dominions Offices, L, 1964, p. 13.
[2] Dawson, R. Op. cit., p. 103.
[3] Ibid., p. 104.

более определенного утверждения конституционных прав доминиона.

Но, пожалуй, наиболее настойчивые требования раздавались в Южной Африке. Премьер-министр ЮАС генерал Герцог настаивал на принятии нового статуса доминионов.

28 мая 1926 г. на заседании южно-африканской палаты общин «генерал Герцог сказал, что неопределенность действительного статуса доминионов в отношении иностранных государств ведет к повторяющимся трениям, и необходимо выяснить положение. Он выразил мнение, что по этому вопросу должна быть сделана декларация иностранным державам, декларация, которая необходимо должна исходить из Лондона... Пока, добавил генерал Герцог, наш статус не признан иностранными державами, мы просто не можем существовать как нация»[1].

Британская имперская конференция открылась 19 октября 1926 г. В ее работе приняли участие делегации Великобритании и доминионов во главе с премьер-министрами. Индийскую делегацию возглавлял статс-секретарь по делам Индии[2].

Конференцию открыл британский премьер-министр Болдуин. Он остановился на основных задачах конференции: урегулировать отношения между британским правительством и империей, особенно в сфере иностранной политики; рассмотреть вопросы обороны, экономических и финансовых отношений, вопросы таможенной политики империи. «В мире, все еще страдающем от ударов войны... Британская империя стоит как одна из наиболее стабильных»[3], — заявил Болдуин в заключение своей речи.

Но уже ответные речи премьеров доминионов воочию показали, как трещит по всем швам «стабильная» империя.

Премьер-министр Южно-Африканского Союза генерал Герцог заявил: «Если бы я мог выразить в нескольких словах принцип, которым мы должны руководствоваться в вопросах, имеющих общеимперский интерес, я

---

[1] Ibid., p. 104.

[2] Эмери Л., Моя политическая жизнь. М., 1960, стр. 160.

[3] Imperial Conference 1926. Appendices to the summary of proceedings. L, 1927, p. 12.

сказал бы: в принципе — неограниченная свобода действий каждого члена содружества... я думаю, что краеугольным камнем империи является добрая воля тех, кто ее составляет. Без этой воли империя распадется... Есть ли все условия сейчас для утверждения этой воли, а следовательно, и империи?... Говоря только за Южную Африку, я думаю их нет... Эта воля может быть утверждена на будущее только тогда, когда Южная Африка будет иметь полную уверенность в том, что она полноправная и свободная нация... Этой уверенности она не имеет сейчас, а будет иметь лишь тогда, когда ее независимый национальный статус перестанет быть предметом спора и станет международно признанным»[1].

Опасаясь, «как бы обсуждение на конференции указанных вопросов ...не углубило существующих разногласий как внутри английского кабинета, так и между доминионами»[2], правящие круги Великобритании решили передать эти вопросы на рассмотрение специально выделенной комиссии, состоящей из узкого круга лиц.

Работа конференции и свелась в основном к работе специальных комитетов, которые секретно разрабатывали полученные им вопросы и затем представляли свои доклады на одобрение пленарного заседания конференции. Таким образом были созданы: комитет по внутриимперским отношениям (председатель Бальфур), по делам мандатных территорий, имперских сообщений, воздушных сообщений, о координации научных изысканий в пределах империи, по делам гражданства[3].

В центре внимания конференции была работа комитета по внутриимперским отношениям. Боясь вынести сор из избы, в английских правящих кругах (по признанию участника этой конференции, министра по делам колоний и доминионов Леопольда Эмери) было решено, «что наиболее важные и щекотливые вопросы, касающиеся внутриимперских и международных отношений и статуса доминионов, лучше передать сперва на рассмотрение комиссии, куда войдут только премьер-министры, или главы делегаций, совместно с О. Чемберленом и

---

[1] Imperial Conference 1926. Appendices to the summary of proceedings. L, 1927, p.p. 24—25.

[2] Эмери Л., Моя политическая жизнь, М., 1960, стр. 163.

[3] Dawson. R. Op. cit., p. 329.

мною — двумя министрами, чьи ведомства более непосредственно заинтересованы в этих вопросах... Я предложил назначить председателем комиссии Бальфура... Его... авторитет способствовал бы сохранению единства в самой комиссии и заставил бы согласиться с ее выводами английский кабинет, где, как я предвидел, нам придется натолкнуться на значительные трудности»[1].

Но и в этом «интимном» кругу, в кабинете Бальфура на Даунинг Стрит, не удалось избежать острой борьбы по вопросам внутриимперских отношений.

Стремление Бальфура обойти конституционные вопросы туманными формулировками встретило отпор премьер-министров ЮАС и Канады. Герцог потребовал сразу дать точное определение взаимоотношениям Англии и доминионов и предложил свою формулировку, которая начиналась с характеристики доминионов как независимых государств, равных по статусу и имеющих право на международное признание. Герцога поддержал премьер-министр Канады Макензи Кинг[2].

Тон на конференции задавали Канада и Южная Африка. Они находили поддержку со стороны Ирландии.

Ирландский премьер-министр Косгрейв поднял вопрос об изменении королевского титула и поправке к закону о престолонаследии. Вопрос этот был решен окончательно лишь к 1931 г. В преамбуле к Вестминстерскому статусу было зафиксировано, что для всякого изменения закона о престолонаследии или о королевских титулах и для согласования его с установленным конституционным положением требуется согласие парламентов всех доминионов, равно как и Соединенного Королевства[3].

Важнейшим результатом борьбы на конференции 1926 года было провозглашение нового статуса доминионов: «Они суть автономные общества внутри Британской империи, равные по статусу, ни в каком отношении не подчиненные одно другому в каком бы то ни было смысле в их внутренних и иностранных делах, хотя и объединенные общим подданством короне и свободно

---

[1] Эмери Л., Моя полтическая жизнь, М., 1960, стр. 162—163.
[2] Там же, стр. 164.
[3] Конституция буржуазных стран. М., 1936, т. IV, стр. 40.

объединившиеся в качества членов Британского Содружества Наций[1].

Используя конституционный конфликт 1925—1926 гг., Канада при поддержке других доминионов добилась ограничения полномочий генерал-губернаторов. Генерал-губернаторы считались теперь личными представителями короны, а не британского правительства, отныне их отношения с правительством доминиона строились на тех же принципах, что и отношения короля с английским парламентом[2]. Деловая переписка между министром по делам доминионов и генерал-губернаторами прекращалась, она ограничивалась лишь письмами к королевскому секретарю. Официальные сношения между британским правительством и правительствами доминионов велись теперь не через посредство генерал-губернатора, а непосредственно от правительства к правительству.

Таким образом, отношения Англии с доминионами теряли характер внутригосударственных отношений и принимали форму отношений межгосударственных.

Стремясь довести решение этого вопроса до конца, Макензи Кинг предложил назначить в доминионы верховных комиссаров Соединенного Королевства, что фактически означало учреждение в доминионах английского дипломатического представительства наравне с представительством других иностранных держав.

Это предложение Кинга было встречено в штыки британским кабинетом. Комитет Бальфура так и не пришел к решению этого вопроса, ограничившись лишь рекомендацией развивать личные контакты между правительством Британии и доминионов[3].

Ирландская делегация подняла на конференции вопрос об ограничении или запрещении апелляций доминионов в судебный комитет Тайного Совета Великобритании[4].

Доминионы не желали более мириться с тем фактом, что последней и окончательной инстанцией в решении судебных вопросов является не суд доминиона, а Тайный Совет Великобритании. Ирландские делегаты выразили

---

[1] Конституции буржуазных стран. М., 1936, т. IV, стр. 22—23.

[2] Там же, стр. 24.

[3] Эмери Л., Моя политическая жизнь, М., 1960, стр. 167.

[4] Keith, A. B. Letters on imperial relations, Indian reform, constitutional and international law, 1916—1935. Oxf., 1935, p. 78

свое возмущение тем, что судебные апелляции утверждались судебным комитетом вопреки желанию доминионов[1]. И они добились решения конференции о том, что отныне судебный комитет Тайного Совета не может принимать на рассмотрение апелляции по делам, возбужденным и рассмотренным в доминионах «иначе, как в согласии с желанием части империи, затронутой в первую очередь»[2].

Победа доминионов была неполной, право рассмотрения апелляций по-прежнему оставалось за Тайным Советом.

И еще в течение многих лет после конференции 1926 г. этот вопрос был источником трений между Англией и доминионами. Он был вновь поднят и опять отложен на имперской конференции 1930 г. Наконец, в 1933 г. Ирландия поставила Англию перед фактом: она приняла поправку к конституции, отменяющую все апелляции доминиона в судебный комитет Тайного Совета. Поправка гласила: «и никаких апелляций не будет на решения высшего суда или каких-либо других судов в Ирландском свободном государстве к его величеству в Совете и никто не будет в праве обращаться с петициями к его величеству о разрешении принести такую апелляцию»[3].

Примеру Ирландии последовала Канада. Окончательно этот вопрос был решен лишь в 1935 г.[4].

Значительной победой доминионов было принятие решения о том, что Великобритания теряет формальное право издавать законы, относящиеся к доминионам, за исключением тех случаев, когда правительство доминиона дало согласие на издание данного закона[5].

Проблемами международных отношений доминионов занималась специально выделенная подкомиссия конференции под председательством британского министра иностранных дел О. Чемберлена. Была подтверждена процедура ведения переговоров, подписания и ратификации договоров, установленная имперской конференцией 1923 г. Доминионы добились конституционного утвержде-

---

[1] Dawson, R. Op. cit., p. 109.
[2] Конституции буржуазных стран. М., 1936, т. IV, стр. 26.
[3] Там же, стр. 118.
[4] Dawson, R. Op. cit., p. 110.
[5] Конституции буржуазных стран. М., 1936, т. IV, стр. 25.

ния за собой права на представительство на международных конференциях тремя возможными способами: во-первых, путем назначения общих полномочных представителей, назначаемых по совету всех участвующих частей империи; во-вторых, одной имперской делегацией, включающей отдельных представителей тех частей Британской империи, которые принимают участие в конференции (эта форма использовалась в Вашингтоне в 1921 г.), в-третьих, отдельными делегациями, представляющими каждую часть империи, участвующую в конференции (эта форма использовалась в Версале и Генуе)[1]. Таким образом, была подтверждена практика, уже установленная доминионами со времени Парижской конференции 1919 г.

Доминионы закрепили за собой право не быть связанными международными обязательствами Англии. «Доминионы не могут принуждаться к принятию эффективных обязательств иначе, как с окончательного согласия своих правительств»[2], — гласила резолюция конференции.

И напрасно Болдуин делал на конференции усиленные попытки добиться присоединения доминионов к Локарнскому договору. Представители доминионов, в частности, возражали против § 3 статьи 4 Локарнского договора, предусматривающей немедленное военное вмешательство «гарантов» в случае «явного нападения» и начала враждебных действий.

Доминионы внесли предложение, чтобы никакие санкции не применялись без согласия Совета Лиги наций. Предложение это не было принято. После долгих увещеваний Австралия и Новая Зеландия согласились присоединиться к Локарнскому договору. «...Они более готовы стоять за британскую политику в Европе, так как они хотят, чтобы британский флот отстаивал их политику белой Австралии в Тихом океане»[3], — писал накануне конференции журнала «The Round Table». Но Канада, Южная Африка и Ирландия старались избегать каких-либо определенных обязательств в Европе, в которых они не были заинтересованы. Эти три доминиона категорически

---

[1] Dawson, R. Op. cit., p. 107.
[2] Конституции буржуазных стран. М., 1936, т. IV, стр. 30.
[3] The Round Table, L, 1926, September, p. 674.

отказались присоединиться к Локарнскому пакту. Британскому правительству пришлось удовольствоваться включением в резолюцию конференции платонического «поздравления» со стороны других правительств империи с результатами Локарнской политики[1]. Доминионы не желали быть вовлеченными в войну из-за интересов Великобритании. При обсуждении резолюции конференции 1926 г. в Южно-Африканском парламенте генерал Герцог заявил, что когда король по совету британского правительства объявит войну, Южно-Африканский союз не будет связан этой декларацией, а займет такую же позицию, как и любое нейтральное иностранное государство[2].

Еще в 1924 г. британское правительство вынуждено было удовлетворить требования Ирландии о назначении собственного дипломатического представителя в Вашингтоне. Вслед за Ирландией дипломатического представителя в Вашингтон направила Канада. На конференции 1926 г. доминионы закрепили за собой право назначить дипломатических представителей в иностранные государства[3].

19 ноября 1926 г. доклад комитета Бальфура был одобрен на пленарном заседании имперской конференции. «Правда, — вспоминает Эмери, — некоторые консерваторы старой школы покачивали головой, опасаясь, как бы все это не послужило лишь прелюдией к постепенному развалу империи»[4]. И опасения их были не напрасны. Решения имперской конференции 1926 г. привели к пересмотру конституционных основ империи и имели роковые последствия для английского империализма. После второй мировой войны новый статус доминионов стал для британских «цветных» колоний той юридической формой, которую они использовали для завоевания политической независимости от метрополии.

Но тогда, в 1926 году, английские правящие круги надеялись ограничиться лишь декларацией и отложили окончательную разработку статуса на неопределенный

---

[1] Dawson, R. Op. cit, p. 345.

[2] Keith, A. B. Letters on imperial relotions, Indian reform, constitutional and international law, 1916—1935. Oxf., 1935, p. 76.

[3] Конституции буржуазных стран, М., 1936, т. IV, стр. 31.

[4] Эмери Л., Моя политическая жизнь, М., 1960, стр. 176.

срок, поручив сделать это специальному комитету юристов-экспертов.

Имперская конференция 1926 года свидетельствовала о кризисе, который переживала некогда могущественная Британская империя.

Но в то же время она показала, что буржуазия доминионов боится пойти на окончательный разрыв с метрополией, нуждаясь в ее рынке, финансах, военной силе, в совместной с Англией эксплуатации колоний. И если в вопросах обороны и установления предпочтительных пошлин на имперские товары не было достигнуто какого-либо определенного решения из-за противоречий буржуазии доминионов и метрополии, то в вопросе о судьбе мандатных территорий все оказались единодушными. Буржуазия доминионов вступила единым фронтом с буржуазией Англии против всяких попыток комиссии мандатов Лиги наций установить контроль над деятельностью держав-мандатариев. Она не желала признать за комиссией мандатов даже права заслушивать петиции от населения[1].

В годы экономического кризиса 1929—1933 гг. правящие круги Англии стремились укрепить реакционную коалицию с буржуазией доминионов. Кризис заставил Англию поспешить с выработкой их нового статуса. Доклад специальных экспертов, подготовивших новый статус доминионов, был утвержден имперской конференцией 1930 г. 11 декабря 1931 г. Вестминстерский статус был утвержден английским парламентом и подписан королем.

С 1930 годов противоречия между Англией и доминионами перестают быть важнейшей формой проявления центробежных сил внутри Британской империи. Они окончательно принимают характер противоречий между империалистическими государствами. На первый план все более явственно выступают противоречия между английским империализмом и порабощенными народами «цветных» колоний, главному источнику тех сил, которые привели к распаду империи на современном этапе.

---

[1] Imperial Conference 1926. Appendices to the summary of proceedings. L, 1927, p.p. 222—237.

СОДЕРЖАНИЕ

Т. Н. Торбяк. Соотношение убеждения и принуждения в деятельности Советского государства в переходный период от капитализма к социализму 3
В. А. Князев. Коммунистическая партия — руководитель строительства первых коллективных хозяйств в деревне (ноябрь 1917 — июнь 1918 гг.) 30
К. М. Красильникова. Особенности осуществления продовольственной политики партии в Симбирской губернии в 1919 г. : . . . . . : : 72
Е. Б. Скобелкина. Симбирские большевики в борьбе с кулацким мятежом весной 1919 г. 115
М. А. Богданов. Из истории борьбы против мелкобуржуазной контрреволюции на Алтае в 1920 году. . . . 152
В. В. Кострюкова. Ульяновский комсомол в период подготовки коллективизации сельского хозяйства. . . 189
А. А. Григорьева. Последовательное совершенствование работы школ — важнейший участок деятельности партийных организаций 210
М. Х. Валкин. Новые материалы о революционере-народнике А. С. Бутурлине . . . . . , 243
А. И. Рыбаков. Образование Левого фронта освобождения в Уругвае 278
Л. А. Зимулина. Борьба британских доминионов за расширение политических прав на имперской конференции 1926 года 307

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
Серия общественных наук
Том XXII

Редактор В. И. Лебедев
Корректор З. В. Никитина

Сдано в набор 16/VII 1966 г.
Подписано к печати 27/VIII 1966 г.
Формат бум. 84×108¹/₃₂. Объем: печ. л. 10,25;
Усл. печ. л. 17,22; уч.-изд. л. 18.
ЗМ02320. Заказ № 2229. Тираж 1000 экз.
Цена 1 р. 8 к. Переплет 10 к.

Приволжское книжное издательство,
г. Саратов, ул. Вольская, 81.
Типография облуправления по печати,
г. Ульяновск, ул. Ленина, 114.

1 руб. 8 коп.